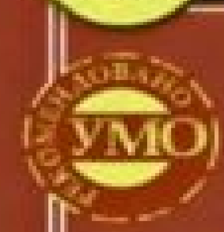

Брюс М. Мецгер

Барт Д. Эрман

Текстология Нового Завета

Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала

ВТОРОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

M M X II

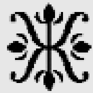
Annotation

Книга выдающегося современного библеиста Брюса Мецгера почти полвека является основополагающим исследованием рукописной традиции и передачи текста Нового Завета. Настоящее издание, переработанное и дополненное, подготовленное в соавторстве с известным американским богословом Бартом Д. Эрманом, освещает новейшие достижения в области новозаветной текстологии. В нем кратко описаны давно известные и заново открытые рукописи, даны теоретическое обоснование и практические примеры текстологического анализа разночтений в этих рукописях. Авторы ссылаются на более чем 300 книг и статей, касающихся греческих рукописей, ранних переводов и научных исследований источников текста Нового Завета, рассматривают различные текстологические проблемы и дают объективную оценку некоторым текстологическим научным школам.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛЕИСТИКА

Текстология Нового Завета

Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала

Второе издание,
переработанное и дополненное

БРЮС М. МЕЦГЕР

БАРТ Д. ЭРМАН

МОСКВА

От редактора второго русского издания

Первый русский вариант этой книги увидел свет в 1996 году. Он был переведен с третьего издания оригинальной монографии, напечатанного в 1992 году. «Текстология Нового Завета» открывала собой издательскую программу ББИ по библеистике и была одним из первых опытов в русском переводе современной западной монографии такого рода. Поскольку переводная традиция в данной области тогда еще только формировалась, русский текст, конечно, был особенно уязвим, и он во многих местах неизбежно требовал дополнения или уточнения. Редактор первого издания, иг. Иннокентий (Павлов) начал работу по подготовке исправленного переиздания; она была остановлена появлением четвертого издания оригинала (2005), которое Брюс Мецгер подготовил в соавторстве с Бартом Эрманом. Новый английский текст был значительно пересмотрен, сокращен в тех частях, которые, по мнению авторов, утратили актуальность, но существенно расширен в иных разделах, пересмотру подверглась также библиография. В результате работу над русским текстом пришлось начинать de novo, отказавшись от попыток правки старого текста и создавая фактически новый перевод. В процессе работы я поставил своей целью максимально согласовать текст данной книги с текстом других работ Брюса Мецгера, уже изданных по-русски Библейско-богословским институтом св. ап. Андрея в части транскрипции имен и названий. При русской транскрипции иностранных имен я руководствовался стандартным справочником Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина, стараясь при этом ориентироваться и на уже сложившуюся за два десятилетия в новейшей российской литературе традицию. Было принято решение отказаться от идеи расширить и дополнить библиографию за счет оригинальных русских работ и указаний на существующие переводы, так как эта работа еще более отдалила бы срок выхода книги в свет, но мы надеемся, что задача эта будет выполнена при подготовке последующих переизданий. Лишь в важнейших случаях библиография была дополнена работами на русском языке, однако в тенденции справочный аппарат перевода есть прямое воспроизведение оригинала.

Я хочу поблагодарить издательство ББИ за долготерпение и помощь на каждом этапе работы.

Работу над переводом этой книги посвящаю памяти моего первого наставника Дмитрия Алексеевича Мачинского (1937–2012). Nemo vir magnus sine aliquo afflatu divino fuit.

Д. А. Браткин, к.и.н., СПбГУ,

Петербург, 10 июня 2012 г.

От редактора первого русского издания

С радостью представляю русскоязычным читателям, интересующимся вопросами, связанными с изучением Нового Завета, широко известную книгу выдающегося современного ученого Брюса Мэннинга Мецгера «Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала», которая выдержала в течение 1964–1991 гг. три издания на английском языке.

Научная карьера профессора Мецгера (род. 9 февраля 1914)[1]связана с Принстонской богословской семинарией — одной из ведущих богословских школ США. В течение многих лет он возглавлял кафедру новозаветного языка и литературы, продолжая и теперь оставаться ее заслуженным профессором. Круг научных интересов Б. Мецгера, кроме новозаветной текстологии, также включает в себя исследование неканонических и апокрифических книг Ветхого Завета и новозаветных апокрифов. Кроме того, значительный вклад внесен им и в область библейского перевода. Так, он активно участвовал в подготовке Пересмотренного Стандартного перевода (*Revised Standard Version*) Библии на английский язык, вышедшего под эгидой Национального совета церквей Христа в США в 1946–1957 гг. и явившегося важной вехой в истории перевода Священного Писания. Выполненный коллективом ведущих американских библеистов, этот перевод сочетает в себе точность в передаче оригинала и несомненные литературные достоинства, что принесло ему заслуженное признание церковной общественности англоязычного мира. С 1977 г. профессор Мецгер возглавлял комитет по подготовке Нового Пересмотренного Стандартного перевода (*New Revised Standard Version*), который был опубликован в 1990 г., отразив те изменения, которые за прошедшие годы произошли как в литературном английском языке, так и в библейской текстологии и экзегетике. Кроме того, Брюс Мецгер является многолетним соредактором и автором многих материалов «Оксфордской аннотированной Библии» (1962–1991) — издания, содержащего не только перевод Священного Писания (*RSV/NRSV*), но и самые необходимые пояснения и справочные материалы. В 1993 г. под его редакцией вышел «Оксфордский путеводитель по Библии», наиболее современный популярный библейский словарь, отличающийся при этом высоким научным уровнем.

С 1955 г. профессор Мецгер является неизменным членом Редакционного комитета по изданию Греческого Нового Завета (*The Greek New Testament*), работающего на базе Института новозаветных текстологических исследований в Мюнстере (Германия) и под эгидой Объединенных библейских обществ. Этот комитет, куда входят ведущие исследователи греческого новозаветного текста, подготовил и выпустил в 1966–1993 гг. четыре издания греческого текста Нового Завета, реконструированного на основе тщательного исследования рукописей. При этом профессором Мецгером по поручению Редакционного комитета был подготовлен опубликованный в 1971 г. «Текстологический комментарий» к Греческому Новому Завету, позволяющий понять, каким образом при рассмотрении различных вариантов большого числа новозаветных чтений Комитет принимал решения о включении в текст тех или иных из них.

В 1940–1980 гг. Брюсом Мецгером опубликованы работы, ставшие настольными книгами для студентов-богословов и широкого круга исследователей Священного Писания

во всем мире. Предлагаемая вашему вниманию книга является среди них наиболее известной.

Представляя русское издание книги профессора Мецгера, следует сказать и о том, что исследования в области новозаветной текстологии, получившие мощное развитие в прошлом веке, особенно во второй его половине, находили живой отклик в российской научной среде. Так, горячим сторонником использования достижений текстологии при переводе Нового Завета на русский язык был выдающийся русский экзегет, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский (1863–1937), уже столетие назад ставивший вопрос о необходимости осуществлять перевод и комментирование священного текста на основе данных «лучших рукописей[2]». Однако охранительные тенденции на историческом излете так называемого Синодального периода в истории Российской церкви не позволили укорениться в церковной жизни достижениям науки о новозаветном тексте, которые так и остались достоянием узкого круга ученых. Если же говорить о последующем времени, когда после Второй мировой войны Московский патриархат смог возродить свои богословские школы и начать некоторые исследования по библеистике, то прежние тенденции дали тогда знать о себе в болезненной реакции на новый русский перевод Нового Завета, который был выполнен ректором Православного богословского института в Париже епископом Кассианом (Безобразовым) (1892–1965) на основе критического издания греческого оригинала[3]. С тех пор прошло четыре десятилетия, однако и теперь в российской церковной среде можно встретить воззрения на новозаветный текст (точнее на привычный и потому как бы освященный традицией Textus Receptus), которые сродни более чем столетней давности реакции достопамятного Джона Бёргона на появление знаменитой реконструкции Весткотта-Хорта, о чем так живо повествует нам профессор Мецгер.

Остается надеяться, что эта книга позволит и русскоязычным студентам — богословам и филологам, а также всем тем, кто серьезно интересуется вопросами, связанными с изучением новозаветных книг, войти в круг современных представлений о тексте источника нашей веры и надежды.

Издатели учли академический уровень читателей настоящей книги, на который ориентировался автор. Поэтому многие цитаты и выражения на греческом и латыни проф. Мецгер приводит без перевода. Мы также сочли целесообразным не переводить их.

Игумен Иннокентий (Павлов),

Москва, июнь 1996 г.

Предисловие к четвертому изданию

За те сорок лет, что пролетели со времени выхода в свет первого издания настоящей книги в 1964 г., было обнаружено множество новых рукописей, содержащих греческий текст Нового Завета и его древние переводы. В Европе и Северной Америке было также опубликовано большое количество текстологических исследований. Сверх того, возник новый интерес и собственно к сюжетам, которыми занимаются текстологи, и к применяемым ими методам — таким, например, как использование компьютерных технологий в сборе и оценке значения рукописей и того влияния, которое оказывали на работу писца социальные и идеологические условия.

За счет сокращения материала, который, как нам представляется, понемногу утрачивает интерес для современного читателя, появилась возможность пополнить библиографию важнейшими новыми публикациями и расширить разделы, посвященные изготовлению и копированию книг в древности, а также передаче текста Нового Завета.

Среди тех, кто помогал нам в работе, следует отдельно поблагодарить Карла Козерта, оказавшего помощь в подготовке рукописи к публикации.

Брюс М. Мецгер,
Принстон, Нью-Джерси
Барт Д. Эрман,
Чэпел Хилл, Северная Каролина

Предисловие к третьему изданию

За те 25 лет, что пролетели со времени выхода в свет первого издания настоящей книги в 1964 г., было не только обнаружено множество новых рукописей как греческого текста Нового Завета, так и его древних переводов, но также опубликовано большое количество текстологических исследований в Европе и США. Данное третье издание вместо Приложения ко второму изданию 1968 г. («Исследование греческих папирусов Нового Завета») сопровождается гораздо более обширным Приложением, в котором отражены самые значительные за последнюю четверть века достижения в тех областях, которые последовательно описываются в настоящей книге. Из второго издания сохранены «Дополнительные примечания».

Б. М. М.

Принстон, Нью-Джерси, США,

март 1991 г.

Предисловие к первому русскому изданию

Я очень рад, что моя книга *The Text of the New Testament* переведена на русский язык. Это произошло благодаря усилиям Алексея Бодрова, ректора Библейско-богословского института, и Дмитрия Дмитриева, редактора издательства «Герменевт», — двух моих друзей, с которыми я познакомился во время прошлогодней поездки в Россию.

В дополнение к кратким сведениям, приведенным в разделе о старославянском переводе, я хотел бы привлечь внимание к двум недавно опубликованным исследованиям Майкла Баккера (Michael Bakker): *The New Testament Lections in the Euchologium Sinaiticum* in Polata Knigopisnaja — An Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Text, and Literatures (Amsterdam, December 1994, Vo. 25–26), pp. 155–122, и *The Set Up of Critical Edition of the Old Slavic New Testament* in Anzeiger für slavische Philologie, XXIII (1995).

В связи с выходом четвертого издания *Greek New Testament* Объединенных библейских обществ (1993) следует обратить внимание на две глубокие рецензии относительно ссылок на старославянский перевод в этом издании. Их опубликовали John A. Jillions в St. Vladimir Quarterly, XXXIX (1995), pp. 199–210 и Michael Bakker в Novum Testamentum, XXXVII (1995), pp. 92–94.

Хотя среди славистов имеются различные мнения о методологии публикации старославянского перевода Нового Завета, однако все придают важное значение исследовательской работе по определению основ для подготовки такого издания.

Хотел бы выразить надежду на то, что русский перевод моей книги поощрит, хотя бы в незначительной степени, интерес молодых ученых в России к искусству и науке текстологии.

Б. М. М.

Принстон, Нью-Джерси, США,

декабрь 1995 г.

Предисловие к первому изданию

Необходимость текстологического исследования Нового Завета обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, до нас не дошло ни одного автографа, и, во-вторых, известные нам списки отличаются друг от друга. Текстолог ставит перед собой задачу установить на основании разнородных списков, какой текст следует считать наиболее близким к оригиналу. В одних случаях рукописные свидетельства распределяются в равных пропорциях, так что выбрать какое-либо из двух разночтений чрезвычайно сложно. В иных случаях текстолог вправе принять один и отвергнуть другой вариант на основании более или менее убедительных доводов.

Цель настоящей книги состоит в том, чтобы познакомить читателя с текстологией Нового Завета, которая представляет собой строгую науку, но вместе с тем является и искусством. Научная текстология имеет дело, во-первых, с тем, как создавались и переписывались античные книги, во-вторых, с описанием наиболее важных рукописей Нового Завета (или, как их иногда называют, свидетелей текста), и в-третьих, с историей критики текста Нового Завета — в той мере, в какой последняя отражена в ряде сменявших друг друга печатных изданий греческого Нового Завета. Искусство текстологии выражается в умении найти взвешенные аргументы в пользу того или иного варианта при анализе нескольких разночтений. Практические результаты использования критики текста были различными для разных поколений текстологов, что объясняется увеличением количества и качества доступных источников вследствие открытия новых рукописей и изменением с течением времени теорий и методов оценки рукописных данных. В третьей части настоящей книги автор попытался последовательно описать различные текстологические школы и одновременно обратить внимание начинающих на методы, которые, по его мнению, представляются наиболее эффективными.

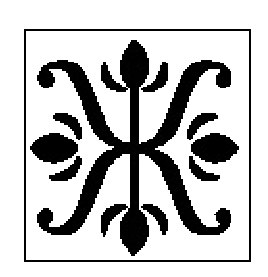
Автор выражает свою глубокую признательность нижеследующим учреждениям и лицам за разрешение воспроизвести в этой книге образцы рукописных листов и рисунков: библиотеке Бодмера, Бодлеянской библиотеке, Британскому музею, Издательству Кембриджского университета (*Cambridge University Press*), д-ру Уильяму Генри Пейну Хэтчу (W. H. P. Hatch), компании *Macmillan & Co., Ltd.*, а также библиотеке Богословской семинарии Принстона (*Speer Library of Princeton Theological Seminary*). Наконец, я благодарю Издательство Оксфордского университета (*Oxford University Press*) за публикацию моей книги. Я признателен сотрудникам Издательства за их неослабное внимание при чтении корректуры.

Б. М. Мецгер,

Принстон, Нью-Джерси,

Август 1963 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ТЕКСТУАЛЬНОЙ КРИТИКИ НОВОГО ЗАВЕТА

ГЛАВА 1
СОЗДАНИЕ ДРЕВНЕЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

До того как в XV столетии было изобретено книгопечатание, основанное на использовании наборного шрифта, текст Нового Завета — как, впрочем, и любой другой древний текст — мог передаваться только путем утомительного переписывания буквы за буквой и слова за словом. Поэтому рассмотрение процессов, связанных с изготовлением и переписыванием рукописей, должно представлять особую важность как для историка, изучающего древнюю культуру вообще, так, в частности, и для исследователя Нового Завета. Последующие разделы касаются тех аспектов греческой палеографии[4], которые имеют отношение к текстологии Нового Завета.

I. Материалы для рукописных книг

Глиняные таблички, камень, кость, дерево, кожа, различные металлы, черепки (остракa), папирус и пергамен — на всем этом в древности могли писать. Из перечисленных материалов интерес для исследователя Нового Завета представляют, главным образом, последние два, поскольку почти все новозаветные рукописи написаны на папирусе или пергамене.

1. Папирус[5]

Папирус (*Cyperus papyrus*) — водяное растение, лучше всего растущее на мелких заболоченных участках со стоячей водой (ср. Иов 8:11: «Поднимается ли тростник [греч. πάπυρος] без влаги?»). Его широкая корневая система растет горизонтально под поверхностью влажной почвы и над ней поднимаются несколько жестких, треугольных в сечении стеблей, основания которых прикрыты короткими бурыми листьями. Растения достигают значительной высоты (от 3 до 5 м), на концах побегов находятся соцветия-метелки из тонких стеблей, увенчанных небольшими коричневыми цветами. Стебель покрыт жесткой зеленой корой, скрывающей бело-кремовую сердцевину, по которой вода и питательные вещества поднимаются от корней к соцветиям.

Папирус имел большое значение в повседневной жизни, и формы его использования в быту были многообразными. До нас дошли сплетенные из папируса сандалии, корзины и веревки, на изготовление которых шла более жесткая часть растения. Из сочинения греческого историка Геродота, писавшего в V веке до н. э., нам известно, что некоторые части папируса годились в пищу: их, например, запекали в раскаленной докрасна печке (*История*, II, 92). Большинство египтян, наверное, так и пользовалось бы папирусом для удовлетворения повседневных бытовых нужд, если бы (около 3000 г. до н. э.) не была обнаружена возможность применять его для письма. Это открытие стало одним из самых важных в истории Египта. Хотя тростник в изобилии рос повсюду на болотах, изготовление писчего материала требовало особых знаний. Поскольку и сама грамотность была

распространена только в среде элиты, папирус изготавливали лишь в нескольких мастерских, расположенных в определенных местах.

Технологию производства писчего материала из папируса описывает Плиний Старший в своей фундаментальной «Естественной истории» (XIII, 74–77), однако его рассказ не вполне ясен, а само изложение, по-видимому, неточно[6]. Оно может быть, по-видимому, дополнено исследованием сохранившихся образцов древнего папируса, а также настенными древнеегипетскими изображениями. Подобные изображения (иногда даже цветные) были во множестве обнаружены при раскопках в некрополе Фив, второго по числу жителей и важности египетского центра после Мемфиса. Фивы — город, стоящий на Ниле, вдоль западного берега реки тянется полоса заупокойных храмов и могил, самая ранняя из которых датируется примерно 1540 г. до н. э. Стенная роспись гробницы, принадлежащей чиновнику по имени Пуэмре[7], посвящена, среди прочего, различным областям хозяйственной деятельности, которыми он заведовал или в которых был заинтересован. Имеется там и рельеф, изображающий сбор папируса. Трое мужчин стоят в лодке: тот, что помоложе, стоя на корме направляет лодку в заросли, отталкиваясь ото дна шестом, другой, стоя на носу, вырывает тростник с корнем, а третий, самый старший, связывает его в вязанки. Увенчивающая папирус метелка отрезается, но листья у основания стебля оставляются.

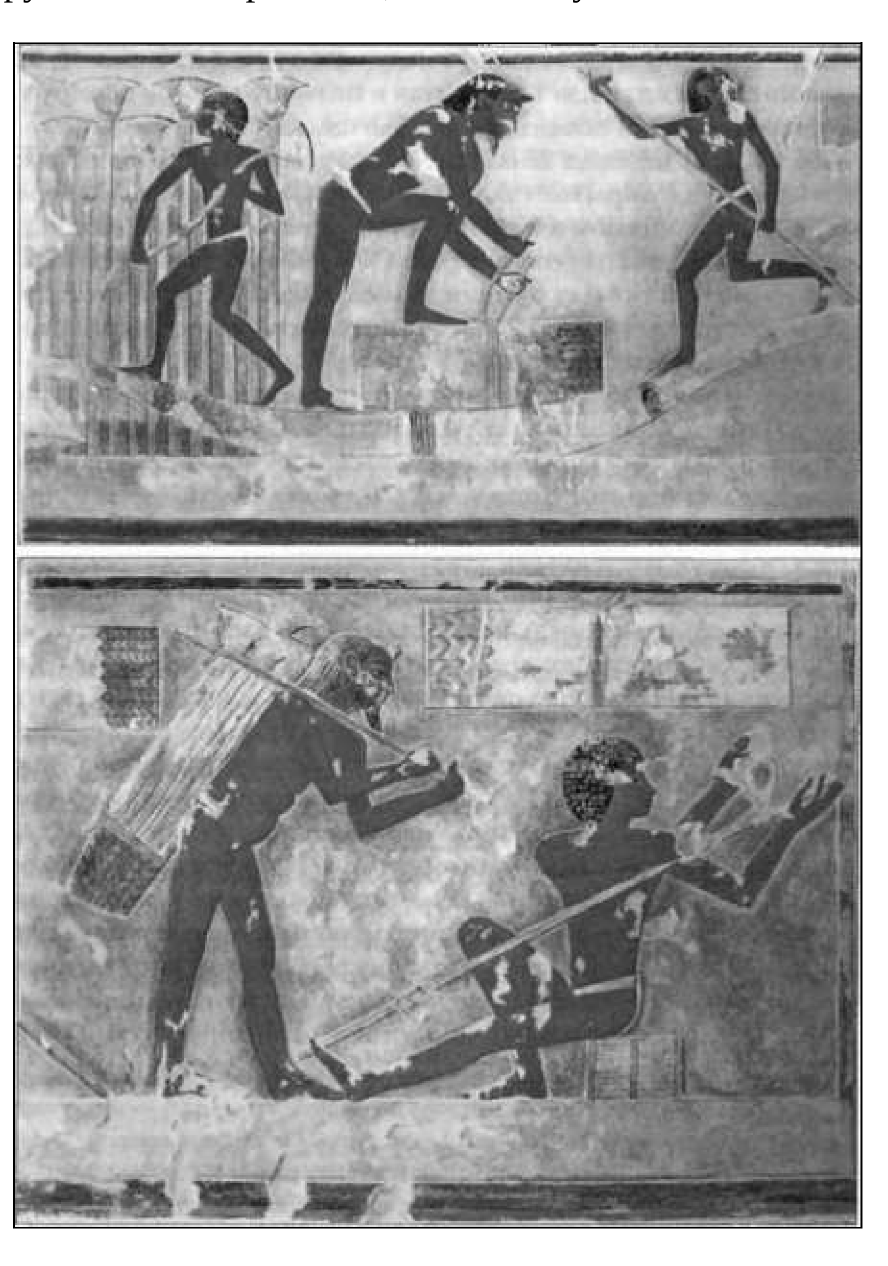

Рис. 1. Сбор папируса в Древнем Египте. Две части цветного изображения воспроизведены по: Norman de Garis Davies, *The Tomb of Puyemrê at Thebes*, i (New York, 1922), pl. xviii, xix. Диагональная линия в левом нижнем углу второй репродукции — это продолжение шеста, с помощью которого стоящий на корме юноша управляет лодкой.

На правой части того же рельефа (нижняя репродукция) мужчина несет вязанку тростника на спине, очевидно, к работнику, который готовит папирус для дальнейшей переработки, возможно, непосредственно в писчий материал. Сидя на низком табурете, ремесленник счищает правой рукой кору, зажав верхний конец стебля (с которого отсечена верхушка с цветком) между пальцами левой ноги, а нижний — левой рукой.

Дальнейшую судьбу папирусного сырья мы узнаём уже из других источников. После очистки стебли разрезались на куски длиной 45–50 см. Каждый кусок расщепляли вдоль, а сердцевину разрезали на тонкие полоски, пока стебель был еще свежим.

Эти полоски выкладывались на ровной деревянной доске или на столе таким образом, чтобы края немного заходили друг на друга, и волокна шли в одном направлении. Сверху накладывался другой слой, в котором волокна шли перпендикулярно нижнему. Затем получившуюся заготовку листа прокатывали и выстукивали молотком. Клейкий сок самого папируса соединял оба слоя воедино, после чего полученный лист высушивался под прессом. Поверхность готового листа полировалась неким закругленным предметом (возможно, сделанным из камня) до тех пор, пока не становилась идеально ровной. Затем края обрезали, чтобы сделать их ровными и придать листу прямоугольную форму. Верхний слой такого листа состоял из горизонтальных полосок, или волокон, а нижний — из вертикальных.

Хотя размер тростниковых стеблей позволял производить писчий материал достаточно большого формата, стандартные папирусные листы, как правило, имели в длину 35–40 см, а в ширину — около 25 см. Для удобства письма отдельные листы склеивались клейстером вдоль длинной стороны, заходя друг на друга примерно на 0,5–2,5 см. Эту операцию проводили непосредственно в мастерской, где делали папирус, и стандартный свиток, как правило, содержал 20 склеенных листов (об этом сообщает Плиний: XIII, 77).

Купив в лавке чистый свиток, писец мог отрезать нужное количество папируса, чтобы написать письмо или литературный текст; если же возникала необходимость, можно было и подклеить к исходному свитку требуемое количество дополнительных листов.

2. Пергамен[8]

Производство пергамена в качестве материала для письма имеет интересную историю. Плиний Старший сообщает, что первым, кто начал изготавливать и использовать пергамен, был Эвмен, царь Пергама, города в малоазийской области Мизия (*Естественная история*, XIII, 21 и слл.). Этот царь — вероятно, Плиний имел в виду Эвмена II, правившего с 197 по 159 г. до н. э. — хотел основать в своем городе библиотеку, которая могла бы соперничать со знаменитой Александрийской библиотекой. Такое стремление пришлось не по нраву египетскому царю Птолемею (возможно, имеется в виду Птолемей Эпифан, 205–182 гг. до

н. э.), и он незамедлительно наложил эмбарго на экспорт папируса из Египта. Вот этот-то запрет и заставил Эвмена начать производство пергамена, который получил греческое название περγαμηνή по имени места своего происхождения. Как бы мы ни оценивали правдоподобие этой истории (в действительности кожа употреблялась для письма задолго до Эвмена), суть рассказа, вероятно, недалека от истины. В Пергаме делали пергамен высокого качества, и город прославился производством и поставками этого материала для письма, так что в конечном итоге сам продукт стали называть по имени города.

Тем не менее, стандартным материалом для изготовления книг пергамен стал лишь через несколько столетий. По сравнению с папирусом его преимущества были очевидны: пергамен несравненно долговечнее и удобнее для письма на обеих сторонах. Однако вытеснять папирус он начал лишь около начала IV века н. э. в качестве материала для изготовления наиболее важных и ценных книг, и тексты, которые сочли необходимым сохранять, постепенно были переписаны с папирусных свитков на страницы пергаменных кодексов. Именно в этом веке были созданы великие пергаменные библейские кодексы — Синайский и Ватиканский (о них см. ниже); древнейшие пергаменные рукописи языческих авторов, по-видимому, также относятся к этому времени. Использование папируса, тем не менее, не прекратилось, и нам известны папирусные новозаветные рукописи, датируемые V, VI и VII веками.

Пергамен изготавливался из кожи крупного рогатого скота, овец, коз, антилоп, главным образом молодых животных. В англоязычной литературе слова *parchment* и *vellum* обычно используются как синонимы, но некоторые авторы употребляют последний термин для обозначения пергамена высшего качества.

Изготовление пергамена было делом небыстрым и непростым[9]. Основные его этапы, согласно современной реконструкции, сводятся к следующему. Средневековые наставления подчеркивают, что для получения хорошего пергамена необходимо было в первую очередь тщательно отбирать подходящее сырье. Поэтому шкуры с любыми изъянами отбраковывались. Затем мастеру-пергаменщику (в средневековой Европе носившему название percamentarius) необходимо было удалить весь волос. Для этого шкуры опускали в деревянные или каменные кадки, наполненные гашеной известью, и оставляли на срок от трех до десяти дней (зимой, по-видимому, несколько дольше), размешивая содержимое кадок палкой по нескольку раз в день.

После этого мокрые скользкие шкуры вынимали по одной и укладывали, волосяной стороной вверх, на большом выпуклом щите, поставленном вертикально. Стоя за ним и перегнувшись через край, пергаменщик удалял остатки волос особым инструментом — скобелем, или дугообразно изогнутым лезвием с деревянными рукоятками на обоих концах. Шкура оставалась еще сырой и сочилась известковым раствором. Затем шкуру перекидывали на деревянную раму так, что внутренняя, прилегавшая к туше сторона оказывалась повернутой вверх. Мастер вновь наклоняется над доской и выскребает шкуру скобелем, на сей раз, удаляя остатки мяса и жира. Очищенную с обеих сторон кожу два дня вымачивают в чистой воде, чтобы смыть известь. На этом заканчивается самый первый и весьма зловонный этап.

На второй стадии изготовления подготовленная кожа животного, собственно говоря, и превращается в материал для письма. Шкуру, туго натянутую на раму, нужно было высушить.

Прибивать ее гвоздями было нельзя — высыхая, кожа прорвалась бы вдоль краев, за которые она была закреплена. Вместо этого будущий пергамен подвешивается вертикально, распяливая на раме с помощью веревок, концы которых закреплены на подвижных штифтах, размещенных по краям рамы. Через каждые несколько сантиметров по обрезу шкуры подкладывается небольшой кусок гальки или окатыш и оборачивается кожей. Получившийся узелок обвязывается шнуром, конец которого закрепляется в прорези штифта; при вращении последнего веревка натягивается и распяливает кожу. После того, как все веревки закреплены и вытянуты, конструкция становится похожа на вертикально поставленный батут.

На данном этапе кожа хорошо натянута и эластична, однако она продолжает оставаться влажной. Теперь ее нужно выскрести особым ножом, лезвие которого имеет форму шляпки гриба, а рукоятка — ножки. Этот серповидный нож, носивший латинское название *lunellum*, в средние века считался наиболее узнаваемым инструментом пергаменщика, с которым тот изображался на миниатюрах. Его лунообразным краем выглаживались обе стороны пергамена; по мере высыхания мастер понемногу отпускал натяжение шнуров, поколачивая по штифтам молотком, чтобы они не выскочили из своих гнезд. После этого пергамену давали высохнуть, возможно, выставляя на солнце.

Когда он окончательно высыхает, выскабливание продолжается. В какой момент пергаменщик предпочтет остановиться, зависит от того, насколько качественным и изящным должен быть желаемый материал. Пергамен, который использовали в ранних монастырских скрипториях, как правило, был довольно толстым, но уже к XIII столетию мастера добиваются такой выделки, при которой он становится тонким, как полотно.

Высохший и обработанный пергамен снимают с рамы и скатывают в рулон для последующего использования или же продают как есть. По-видимому, когда средневековый писец или торговец покупал свежий, только что изготовленный пергамен, его поверхность не была еще ни натерта мелом, ни отполирована. Эти последние операции производились непосредственно перед началом письма.

Пергамен, по-латыни называвшийся *vellum*, продолжал употребляться в качестве основного писчего материала вплоть до конца Средневековья. К этому времени в Европе его уже начала теснить бумага, изобретенная в Китае и попавшая на запад благодаря арабским купцам. Изготовлялась она из хлопка, пеньки или льна. Сложно сказать, насколько быстрым было распространение бумаги. Известно, что в XI веке ею довольно часто пользовались византийские писцы, а к середине XIV века пергамен был уже в значительной степени вытеснен бумагой, которая на тот момент производится Европе и довольно точно локализуется и датируется по водяным знакам (филигранями).

3. Чернила

На папирусе обычно писали чернилами, которые приготовлялись из сажи или угля на водной основе. В них добавляли немного растертой камеди, не столько для того, чтобы написанное держалось прочнее, сколько чтобы сделать чернила гуще. Пергамен обладает водоотталкивающими свойствами, поэтому для письма на нем требовались чернила иного

состава: их стали делать на основе железного купороса (сульфата железа) и чернильных орешков. Последние представляют собой наросты в виде небольших шариков, появляющихся на ветках и листьях дубов. Образуются они в результате деятельности особого насекомого — орехотворки, которая откладывает яйца на развивающихся дубовых почках. По мере роста личинка окружает себя мягким светло-зеленым шаровидным коконом. Когда насекомое достигает зрелости, оно прогрызает кокон и выбирается наружу; остающаяся жесткая оболочка кокона содержит дубильную и галловую кислоты. Растолченные орешки замачивали в дождевой воде, и спустя несколько дней добавляли к получившейся взвеси железный купорос, и в ходе реакции раствор менял свой цвет от светло-бежевого до черного. Для загущения чернил в их состав также добавляли камедь. Полученные таким образом чернила темнели при соприкосновении с воздухом, поэтому написанная строка со временем становилась контрастнее.

Некоторые роскошные рукописи, согласно блаженному Иерониму, не одобрявшему подобную расточительность[10], были сделаны из пергамена, выкрашенного в пурпурный цвет[11], а писали на нем золотыми и серебряными чернилами. Обычные рукописи писались при помощи черных или коричневых чернил, имели красочные заголовки и инициалы, выполненные синими, желтыми, а чаще всего красными чернилами. Отсюда происходит слово «рубрика» (лат. *ruber* — красный).

II. Формы древних книг

В греко-римском мире литературные произведения обычно распространялись в форме папирусных или пергаменных свитков. Папирусный свиток изготавливался следующим образом. Отдельные листы папируса последовательно подклеивались один к другому, в результате чего получалась длинная полоса папируса, которая наматывалась на палку. Как и русское слово «свиток» латинское название (*volumen*) этимологически означает «то, что свернуто». Для удобства пользования свитком длина папирусной полосы была ограничена — длина среднего греческого свитка литературного произведения довольно редко превышает 10–11 м[12]. Поэтому древние авторы делили свое длинное произведение на отдельные части или «книги», каждая из которых помещалась на одном свитке. Из двух наиболее длинных новозаветных сочинений — Евангелия от Луки и Деяний Апостолов — каждое заняло бы стандартный папирусный свиток длиной примерно от 9 до 9,5 м. Очевидно, это обстоятельство явилось одной из причин того, что Евангелие от Луки и Деяния были написаны в виде двух книг, а не одной.

Текст на такого рода свитке располагался последовательными колонками шириной около 5–7,5 см. Высота колонок текста, параллельных стержню, на который наматывался папирус, варьировалась в зависимости от ширины папирусной полосы. В редких случаях на свитке писали с обеих сторон (см. Откр 5:1) — такой свиток называется «опистограф».

Свиток был довольно-таки неудобен в употреблении. Читателю приходилось работать обеими руками: раскручивать свиток, держать его под удобным для чтения углом, а затем сматывать по мере прочтения. Изображения на аттических вазах[13] живописуют трудности в обращении с перекрутившимися свитками. Восьмидесятитрехлетний римский консул Вергиний Руф уронил на пол свиток, оказавшийся из-за своего большого размера

непривычно тяжелым; наклонившись чтобы поднять его, он оступился и упал, сломав бедро (Плиний, *Письма*, II. 1, 5).

Кроме того, перед представителями христианских общин с самых первых времен встал вопрос поиска отдельных фрагментов Священного Писания в свитках. В начале II в. (или, возможно, даже в конце I в.) в церковном обиходе начинает активно употребляться *кодекс*, т. е. книга, сшитая из листов. Кодекс изготавливался путем складывания вместе согнутых посередине листов папируса и последующего их сшивания. Христиане обнаружили, что данная форма книги имеет ряд преимуществ по сравнению со свитками: во-первых, она позволяла соединять в одну книгу все четыре Евангелия или все послания апостола Павла, что исключалось ранее при использовании свитков из-за их чрезмерной длины; во-вторых, она облегчила сверку рукописей; и в-третьих, она была лучше приспособлена к тому, чтобы текст наносился с обеих сторон, что удешевляло процесс изготовления книг. Вероятно, справедливо предположение[14], что именно христиане из язычников довольно рано стали использовать форму кодекса для Священного Писания вместо свитков, чтобы тем самым сознательно провести различие между практикой церкви и практикой синагоги, где по традиции сохранялась передача текста Ветхого Завета при помощи свитков. Другие ученые, впрочем, полагают, что форма кодекса стала у христиан популярной благодаря влиянию какой-либо конкретной книги, сделанной в форме кодекса и содержавшей те или иные священные тексты: Евангелие от Марка, Четвероевангелие или послания Павла[15].

В любом случае, ясно, что именно христиане одними из первых восприняли и распространили кодекс как форму записи религиозных текстов, осознанно предпочитая его свитку. Среди дошедших до нас античных рукописей II века н. э., которые содержат как литературные, так и научные произведения, лишь 14 из 871 являются кодексами, однако все 11 сохранившихся христианских библейских папирусов того же периода имеют формат кодекса. Из примерно 172 полных или фрагментированных библейских рукописей датируемых временем до начала V века, 158 являются кодексами, и лишь 14 — свитками. В тот же самый период кодекс охотнее избирали и для небиблейской христианской литературы: из 118 сочинений такого рода 83 переписаны в виде кодекса, и лишь 35 являются свитками[16]. Христианские писцы проявили отчетливое единодушие, выбрав формат кодекса.

Экономические преимущества, которыми в сравнении со свитком обладал кодекс, ранее учеными только упоминались, и лишь недавно были определены точно. По подсчетам известного папиролога Т. Скита, формат кодекса оказывался экономичнее свитка примерно на 44 %. Если книгу заказывали у профессионального писца, бравшего плату за объем переписанного текста (который оставался, разумеется, одинаковым вне зависимости от формата), переход от свитка к кодексу экономил примерно 26 % от стоимости книги[17].

Преимущества использования пергамена вместо папируса для изготовления книг представляются нам сегодня очевидными. Это был прочный и более долговечный, нежели хрупкий папирус, материал, листы пергамена позволяли без труда писать на обеих сторонах, в то время как вертикальное направление волокон на оборотной стороне папируса существенно снижало ее пригодность для письма. Но недостатки у пергамена все же имелись: со временем углы пергаменных листов начинают морщиться и становятся неровными. Более того, согласно сообщению Галена, известного греческого врача II в. н. э.,

пергамен, блестящий от полировки, больше утомляет глаза, чем папирус, не отражающий столько света.

Евсевий, известный христианский ученый из Кесарии Палестинской, включил в свое «Жизнеописание Константина» сведения о заказе императором пятидесяти пергаменных рукописей. Около 331 г. н. э., император Константин пожелал снабдить новые церкви, которые предполагалось возвести в Константинополе, рукописями Священного Писания. Он направил Евсевию послание с распоряжением незамедлительно организовать изготовление «пятидесяти рукописей Священного Писания на пергамене тонкой выделки, удобных для переноски и отчетливо написанных профессионально подготовленными писцами (καλλιγράφοι), достигшими совершенства в своем искусстве»[18]. За этими распоряжениями, продолжает Евсевий, «последовало немедленное исполнение данной работы, отправленной нами ему в виде роскошно переплетенных кодексов по три и по четыре»[19].

Некоторые ученые предполагали, что два древнейших из дошедших до наших дней пергаменных списков Библии, — а именно Ватиканский и Синайский кодексы (описание этих рукописей см. в главе 2), — могли входить в число тех пятидесяти рукописей, что были заказаны Константином. Указывалось, в частности, что непонятное выражение Евсевия «кодексы по три и по четыре» вполне согласуется с тем, что в этих двух рукописях текст написан на странице в три и в четыре колонки. Однако можно также найти некоторые признаки того, что Ватиканский кодекс происходит из Египта, и редакция текста этих рукописей не идентична той, которой пользовался Евсевий. С достаточной уверенностью можно сказать лишь то, что Ватиканский и Синайский кодексы выглядят так же, как рукописи, заказанные Евсевию императором Константином[20].

III. Древние писцы и их работа

Для удобства письма на папирусе писцы обычно использовали горизонтальные волокна на лицевой стороне[21] в качестве направляющих строчек. Пергамен же необходимо было предварительно разметить при помощи тупоконечного инструмента. При этом проводились не только горизонтальные линии, но и две вертикальные для того, чтобы обозначить поля каждой колонки текста. На многих рукописях до сих пор видны не только эти направляющие линии, но и небольшие точки на пергамене, которые писец прокалывал для разметки листа[22]. Различные скриптории использовали разные способы разлиновки, и в ряде случаев современные исследователи могут определить место изготовления новонайденной рукописи путем сравнения ее разлиновки с теми рукописями, происхождение которых известно[23]. Поскольку волосяная сторона кожи темнее мясной, отдельные листы пергамена брошюруются не хаотически, а таким образом, чтобы на развороте книги оказывались либо две волосяные поверхности пергамена, либо две внутренние, так как это производит лучшее впечатление на читателя[24].

В древности употреблялись два стиля греческого письма: книжное и скоропись. Оба сосуществовали бок о бок: первое было более консервативным, второе менялось довольно быстро, и скорописные формы со временем обычно проникали в книжное письмо. Скоропись — *курсив* — использовалась для составления нелитературных, бытовых документов, таких как письма, счета, расписки, просьбы, отчеты и т. п. Довольно широко

здесь применялись различного рода лигатуры и сокращения, наиболее часто встречающихся слов (например, артиклей и некоторых предлогов)[25]. Литературные же произведения писались более формальным *книжным* почерком, который характеризуется более изысканным и более отчетливым исполнением букв, каждая из которых писалась отдельно, наподобие современных заглавных печатных литер. Термин «унциал», который иногда употребляется для обозначения такого типа письма, имеет строгое техническое значение применительно к латинской письменности, но его интерпретация в греческой палеографии вторична и неточна[26].

По своему начертанию рукописи делятся на *маюскульные* и *минускульные*. К числу первых относят все маюскулы и ранние образцы курсива. Маюскульные буквы располагаются между двумя условными параллельными линиями (*билинейность*). В более поздних образцах курсива начинают развиваться выносные элементы букв над и под строкой, и эта новая деталь была воспринята последующими поколениями писцов. Стиль их письма называется минускулом. Минускул определяется четырьмя параллельными линиями: между двумя внутренними находится тело буквы, а две внешние задают границы для выносных элементов, поднимающихся над строкой и опускающихся под нее (*квадролинейность*). Почти во всех случаях, тем не менее, чертилась лишь одна линия — в греческих рукописях, созданных до конца X века, буквы писались на ней, а затем они начали подвешиваться к этой линии.

Наиболее изящными образцами греческого маюскульного письма выступают некоторые классические и библейские рукописи, изготовленные в период с III по VI в. Однако с течением времени этот книжный стиль письма начинает ухудшаться. Маюскульные буквы становятся толстыми и грубыми. Затем, приблизительно в начале IX в., началась реформа письма, в результате которой был разработан новый стиль[27], отличавшийся быстрым, слитным написанием мелких букв. Этот стиль письма называется *минускул* (от латинского *minusculus* — «очень маленький»: название указывает на то, что по размеру буквы минускула были гораздо меньше маюскульных). Такая переработка бывшего курсива почти сразу же обретает популярность во всем греческом мире, хотя отдельные богослужебные книги еще одно-два столетия продолжали переписывать маюскулом. Таким образом, рукописи образуют две довольно четко определенные группы в первой из них используется маюскульное письмо (см. рис. 2), во второй — минускульное (см. рис. 3).

Рис. 2. Греческий маюскул (Синайский кодекс, IV в.). Ширина колонок порядка 5,5 см. Столб. a, Мф 13: 5-10, αλλα δε επεσεν ε | πι τα πετρωδη ο | που ουκ ειχεν γην | πολλην και ευθε | ως εξανετιλεν δι | α το μη εχιν βαθος | γης ηλιου δε ανα | τιλαντος εκαυμα | τισθη και δια το | μη εχειν ριζαν ε | ξηρανθη | αλλα δε επεσεν ε | πι τας ακανθας | και ανεβησαν αι | ακανθαι και ενπι | ξαν αυτα | αλλα δε επεσεν ε | πι την γην την κα | λην και εδιδου | καρπον ο μεν ε | κατον ο δε εξηκον | τα ο δε λ̅ο εχον | ωτα [вставка ακουειν на полях слева] ακουετω | και προσελθοντες ‖. Столб. b, Мф 13:14–16, και αναπληρου | ται αυτοις η προ | φητια ησαϊυ η | λεγουσα ακοη | ακουσετε και ου | μη συνητε και | βλεποντες βλε | ψητε και ου μη ϊ | δητε επαχυνθη | γαρ η καρδια του | λαον τουτου και | τοις ωσιν αθτων | βαρεως ηκουσαν | και τους οφθαλ | μους αντων εκαμ | μυσαν μηποτε | ϊδωσιν τοις ο | φθαλμος και τοις | ωσιν [αυτων между строками] ακουσωσιν | και τα καρδια συνω | σιν και επιστρε | ψωσιν και ϊασομε | αυτους | ϋμον | δε μακαρι. Ссылка на канон Евсевия (см.) на полях между столбцами $\left(\frac{\overline{\rho\lambda\delta}}{\varepsilon} = \frac{134}{5}\right)$.

Рис. 3. Греческий минускул (лекционарий 303, XII в.). Ширина колонок порядка 8 см. Столб. a, Лк 24:31–33 |καὶ αὐτὸς ἄφαντος| ἐγένετο ἀπ’ αὐτῶν| καὶ εἶπον πρὸς ἀλ|λήλους οὐχι ἡ καρ|δία ἡμῶν καιομέ|νη ἦν ἐν ἡμῖν. ὡς ἐ|λάλει | ἡμῖν ἐν τῇ ὁ|δῷ καὶ ὡς διήνοιγεν | ἡμῖν τὰς γραφάς;| καὶ ἀνστάντες αὐ|τῇ τῇ ὥρα ὑπέστρε|ψαν εἰς ἰ[ερουσα]-λήμ· καὶ | εὗρον συνηθροισμέ|νους τοὺς ἔνδεκα||. Столб. b, Ин 1:35–38, Τῶ καιρῶ ἐκείνῳ |εἱστήκει ὁ ἰωάννης | καὶ ἐκ τῶν μαθη|τῶν αὐτοῦ δύο καὶ | ἐμβλέψας τῶ ἰ[ησο]ῦ πε|ριπατοῦντι λέγει |ἴδε ὁ ἀμνὸς τοῦ θ[εο]ῦ | καὶ ἤκουσαν αὐτοῦ| οἱ δύο μαθηταὶ λα|λοῦντος καὶ ἠκο|λούθησαν τῶ ἰ[ησο]ῦ | στραφεὶς ὁ ἰ[ησοῦ]ς καὶ θε|ασάμενος αὐτοὺς| ἀκολουθοῦντας.

Преимущества использования минускульного письма очевидны. Минускульные буквы, как следует из самого их названия, мельче маюскульных, что позволяет писать более компактно. Таким образом, использование минускула обеспечивало экономию пергамена. Кроме того, само литературное произведение становилось менее объемным, читать его было гораздо удобнее, чем большую рукопись. Писать минускулом было намного быстрее, чем маюскульным шрифтом, вследствие чего производство книг ускорилось и стало более дешевым. Нетрудно понять, что данное изменение стиля письма сильно повлияло на традицию передачи текста греческой Библии.

По мнению современных ученых, «в IX веке ученые с энтузиазмом переписывали тексты старых маюскулов минускульным письмом, и во многом именно благодаря этому до нас дошла классическая греческая литература, ибо тексты практически всех античных авторов известны нам по одному или нескольким минускулам, переписанным в IX веке или немного позднее; с этих минускулов делались все позднейшие копии. Лишь ничтожная часть древней словесности дошла до нас в виде папирусов и маюскулов»[28].

Отныне рукописи Священного Писания (и других литературных произведений) стали доступны не только богатым людям. В то время, когда литературные произведения переписывались почти исключительно маюскульным шрифтом, малообеспеченные люди не могли себе позволить приобрести их. Таким образом, появление минускула имело

решающее значение в деле распространения культуры вообще и, в частности, текста Священного Писания. Минускульные рукописи Нового Завета превосходят число сохранившихся маюскулов в соотношении более десяти к одному, и, хотя необходимо помнить о том, что маюскульные рукописи гораздо старше минускулов (следовательно, оказались более уязвимыми перед разрушительным воздействием времени и, в результате, сохранились многим хуже), столь неравное соотношение между количеством сохранившихся экземпляров двух типов рукописей скорее всего объясняется именно простотой изготовления минускульных списков.

Во время экономических кризисов, когда стоимость пергамена увеличивалась, писцам приходилось вторично использовать пергамен более древних списков. Первоначально написанный текст затирали и смывали, поверхность пергамена вновь сглаживали, а затем полученный чистый пергамен вновь использовали для письма. Такую рукопись называли «палимпсестом» (что означает «вновь соскобленный», от греч. πάλιν и ψάω). Одна из шести наиболее значимых пергаменных рукописей представляет собой палимпсест — кодекс Ефрема (codex Ephraemi rescriptus). Изначально написанный в V в., этот кодекс был затерт в XII в., и на многие из его листов нанесли текст греческого перевода 38 гомилий св. Ефрема Сирина, известного сирийского отца церкви, жившего в IV в. Применение некоторых химических реактивов и ультрафиолетовых лучей дало ученым возможность прочитать практически весь первоначальный текст этой рукописи несмотря на колоссальное напряжение глаз, которое требуется при такой расшифровке.

В 692 г. Трулльский собор (известный также как Пято-шестой) принял правило (68-е), в котором осуждалась практика использования пергамена, на котором прежде были записаны тексты Священного Писания, для других целей. Однако несмотря на запрет и на угрозу отлучения от церкви на год за подобные деяния, эта практика, скорее всего, продолжалась, поскольку из 250 сохранившихся на сегодняшний день маюскульных рукописей Нового Завета, 52 представляют собой палимпсесты[29].

В древности писцы, как правило, не делали между словами или предложениями не имелось никаких пробелов (такой тип письма называют непрерывным — *scriptio continua*), и вплоть до VIII в. знаки пунктуации встречались в рукописях лишь в единичных случаях[30]. Разумеется, порой из-за отсутствия точного разделения на слова смысл предложения мог быть двояким. В английском языке, например, GODISNOWHERE могло бы быть прочитано двумя совершенно противоположными способами — атеистическим и теистическим («God is nowhere» — «Бога нигде нет» и «God is now here» — «Бог сейчас здесь»). Однако не следует думать, что в греческом языке такого рода двусмысленности встречались часто[31]. В этом языке действует правило, согласно которому практически все исконно греческие слова оканчиваются только на гласный (или дифтонг) или один из трех согласных: ν, ρ, и ς. Кроме того, маловероятно, чтобы *scriptio continua* представляло сколь-нибудь существенную трудность для прочтения текста, поскольку в древности обычно чтение текста осуществлялось вслух (даже в том случае, когда рядом с читающим никого не было)[32]. Таким образом, несмотря на отсутствие пробелов между словами, произнося написанное вслух, слог за слогом, можно было привыкнуть к чтению слитного написания (*scriptio continua*)[33].

Христианские переписчики разработали особую систему сокращенных написаний

некоторых «священных» слов. Эти nomina sacra, как сегодня их часто называют, включают такие употребительные слова, как θεός, κύριος, Ἰησοῦς, Χριστός и υἱός (Бог, Господь, Иисус, Христос и Сын), сокращенная форма которых складывалась исключительно из первой и последней букв; πνεῦμα, Δαυίδ, σταυρός, и μήτηρ (Дух, Давид, Крест и Мать), при написании которых оставлялись первые две и последняя буквы; πατήρ, Ἰσραήλ и σωτήρ (Отец, Израиль и Спаситель) писались первая и две последние буквы; а также ἄνθρωπος, Ἰερουσαλήμ, и οὐρανός (Человек, Иерусалим и Небо) — оставлялись первый и последний слоги. Чтобы указать читателю на присутствие *nomen sacrum* писец, как правило, проводил горизонтальную линию над сокращенным написанием[34].

В своей статье, посвященной изготовлению книг у ранних христиан, известный папиролог и палеограф Т. Скит указывает, что *nomina sacra*, так же как и кодекс, предполагали «высокий уровень организации, сознательное планирование и единую практику, существовавшую в ранних общинах, — догадываться о существовании всего этого еще недавно мы едва ли могли»[35]. Где впервые возникли эти особенности христианской книги — в Риме ли, Антиохии ли, Александрии или Иерусалиме — решить непросто, однако в итоге, по-видимому, следует предпочесть Иерусалим[36].

В раннехристианскую эпоху библейские рукописи изготавливались отдельными христианами, которые желали обеспечить себя или местные общины той или иной новозаветной книгой. Поскольку с течением времени число обращенных в христианство людей возрастало, рукописей для новообращенных и для местных церквей требовалось все больше. Следствием этого явилось то, что скорость переписывания в отдельных случаях сказывалась на аккуратности выполнения этой работы. Кроме того, стремление донести новозаветный текст до тех, кто не читал по-гречески, неоднократно приводило к тому (по свидетельству Августина), что «любой, кто приобретал греческую рукопись и мнил себя знатоком греческого и латыни, осмеливался делать свой собственный перевод» (*О христианском учении* II. 11.16).

Однако когда в IV в. христианство получило официальный статус государственной религии, новозаветные кодексы стали изготавливать в специально приспособленных для этого *скрипториях*[37]. Обычно эта работа осуществлялась следующим образом: в рабочем помещении скриптория несколько профессиональных переписчиков (христиан и даже нехристиан), используя пергамен, перья и чернила, записывали текст, который чтец медленно читал вслух по оригиналу[38]. При такой организации работы можно было изготовить столько списков текста, сколько переписчиков одновременно работало в помещении скриптория. Естественно, подобный способ привносил различного рода ошибки в копии текста. В отдельных случаях писец мог на секунду отвлечься, чихнуть или не расслышать чтеца из-за любого постороннего шума. Кроме того, в том случае, когда чтец произносил вслух слово, которое при написании могло обозначать разные понятия (как, например, в русском языке: «тайна» и «тайно», «луг» и «лук»), переписчик должен был самостоятельно определить подходящее по контексту слово и иногда ошибался. (Примеры такого рода ошибок приведены ниже, см.)

Для контроля правильности переписывания в скрипториях обычно предусматривалась проверка изготовленных рукописей корректором (*διορθωτής*), специально обученным для нахождения и исправления ошибок. Пометки корректора на полях рукописи отличаются от

основного текста почерком и цветом чернил.

Нанимаемым на работу в скрипторий писцам обычно платили за количество переписанных строк определенного произведения или его части. Стандартной по длине строкой считалась поэтическая: гомеровский гекзаметр или ямбический триметр. При переписывании прозы мерой определения стоимости рукописи часто служил так называемый *στίχος*, стих, который состоял из 16 (иногда 15) слогов. «Эдикт о ценах» императора Диоклетиана, изданный в 301 г., устанавливал плату в 25 денариев за 100 строк письма первой степени качества и 20 денариев за такое же количество строк второй степени качества (различие между ними не объясняется)[39]. По подсчетам Р. Харриса, изготовление одного экземпляра полной Библии, такого как Синайский кодекс, должно было обойтись в 30 тысяч денариев — достаточно внушительная сумма, даже несмотря на рост инфляции[40].

Подсчет общего числа стихов в рукописи служил своеобразной проверкой качества работы писца, поскольку совершенно очевидно, что если в копии текста оказывалось меньше стихов, чем в оригинале, это однозначно свидетельствовало о дефектности списка. С другой стороны, такого рода подсчеты служили не самым лучшим способом проверки правильности текста, поскольку с его помощью можно было обнаружить лишь пропуски и дополнения. В греческих списках Евангелий, содержащих сведения об общем количестве стихов, наиболее часто приводятся следующие округленные цифры: 2600 стихов в Евангелии от Матфея, 1600 в Евангелии от Марка, 2800 в Евангелии от Луки и 2300 в Евангелии от Иоанна. В некоторых греческих списках приводятся и более точные цифры: 2560, 1616, 2750 и 2024 применительно к тексту Евангелий, что свидетельствует о наличии в рукописях фрагмента Мк 16:9—20 и отсутствии текста Ин 7:53—8:11.

В византийской империи рукописи изготавливались монахами. В монастырях, в отличие от светских коммерческих скрипториев, не требовалось одновременно делать большое количество списков одного текста, и поэтому вместо того, чтобы писать под диктовку чтеца, монахи, зачастую работая в отдельных кельях, переписывали текст Священного Писания и других книг для самих себя или для благотворителей данного монастыря. Такой способ размножения списков исключал возможность допущения вышеупомянутых ошибок переписки под диктовку. Однако при этом возникали другие возможности проявления ошибок в переписываемом тексте. Процесс переписывания включает в себя четыре момента: 1) прочтение (в древности, как правило, читали вслух) строки текста или предложения; 2) запоминание прочитанного; 3) внутренний диктант (про себя или вслух); 4) движение пишущей руки. Несмотря на то, что некоторые из этих этапов осуществляются практически одновременно, память уставшего или полусонного писца не застрахована от совершения всякого рода ошибок, иногда очень серьезных (примеры см. ниже).

Более того, поскольку до изобретения «вечной ручки» было еще очень долго, писцам приходилось то и дело окунать перо в чернильницу[41]. Это отвлекало писца и создавало почву для ошибок глаза, памяти, восприятия или письма[42].

Помимо психологических ошибок совершались различные физиологические, а также существовали внешние обстоятельства, которые снижали возможность контроля за точностью. Необходимо помнить о том, что сам процесс переписывания текста был делом весьма тяжелым и утомительным — как по причине постоянного напряжения внимания,

так и из-за того, что писец долго находился в одном и том же положении. Сегодня нам может показаться это странным, однако в древности пишущий человек не сидел за столом. Имеются как литературные[43], так и художественные[44] свидетельства о том, что вплоть до раннего Средневековья писцы, как правило, работали стоя (делая относительно небольшие заметки), или сидели на стуле или скамье (а иногда и на земле), держа свиток или кодекс у себя на коленях (см. рис. 4)[45]. Само собой разумеется, это было менее удобно, чем сидеть за письменным столом, хотя последнее также достаточно утомительное дело, особенно если учесть то, что писцы проводили за столом по шесть часов в день[46] в течение нескольких месяцев.

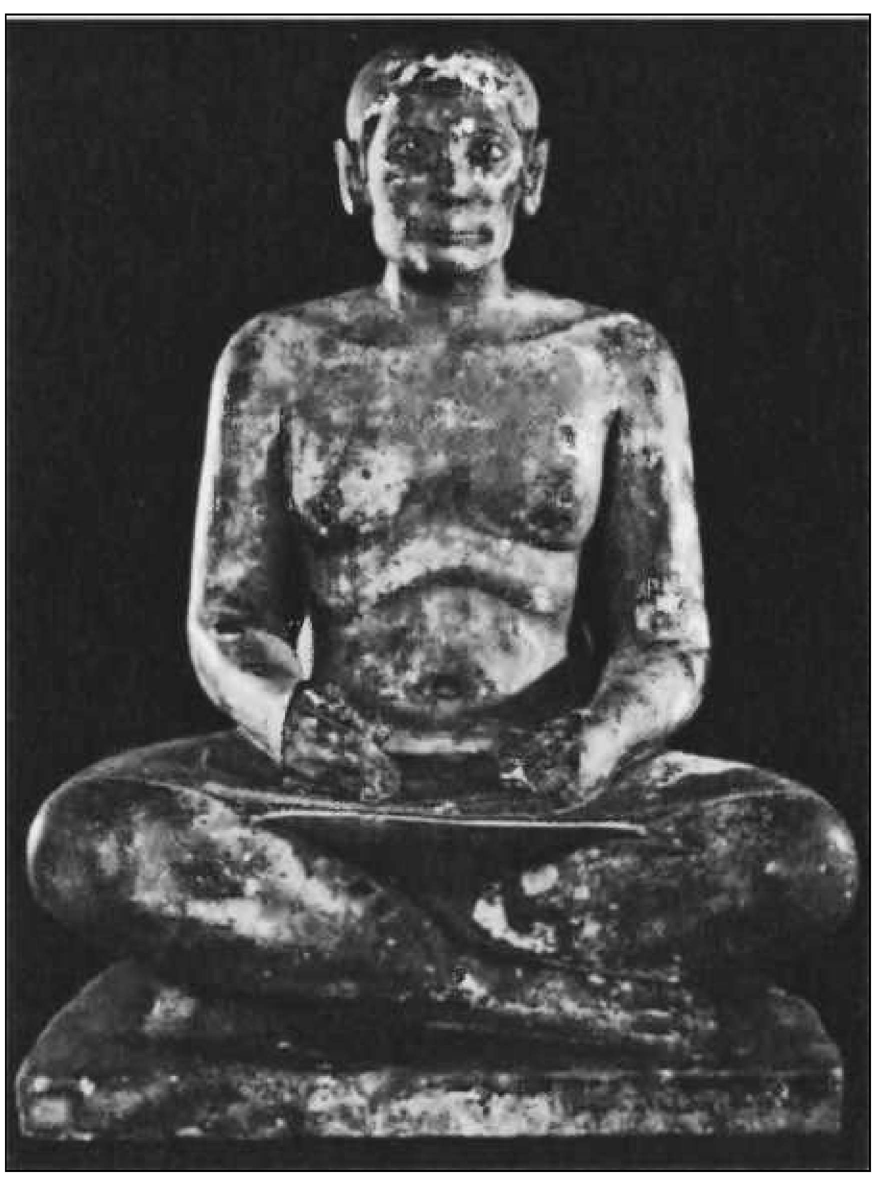

Рис. 4. Статуэтка, изображающая древнеегипетского писца, из собрания Лувра (Париж). Известняк.

Из колофонов рукописей, которые писцы часто помещали в конце книг, можно узнать довольно много о чисто физических трудностях переписки. Типичный колофон, встречающийся во многих небиблейских рукописях, достаточно четко характеризует работу писца: «Тот, кто не знает, что такое труд переписчика, думает, что это легко; но хотя пишут лишь три пальца, работает все тело». Традиционная формула, содержащаяся в конце многих

рукописей, так описывает физические последствия работы писца: «Переписывание сгибает спину, вонзает ребра в живот, приводит в негодность все тело». В одном армянском списке Евангелия колофон сообщает о том, что за окном бушует сильный снегопад, чернила замерзли, рука писца онемела, а пальцы не держат перо! Неудивительно, что наиболее часто в различного рода рукописях встречается колофон со следующим сравнением: «Как радуется путешественник возвращению домой, так радуется писец, увидев последний лист». В конце других рукописей приводится славословие: «Конец книги. Слава Богу!»

Впрочем, обдумывая собственный труд, многие писцы не могли не осознавать, что результат переписывания ими Священного Писания сторицей окупает все трудности, связанные с этой длительной работой. Так, Кассиодор, знаменитый ритор-философ, занимавший высший министерский пост Остготского королевства в Италии, который принял позднее монашеский постриг и основал Вивнарианский монастырь, прославившийся своей латинской палеографической школой, рассуждает о духовном воздаянии, обретаемом аккуратным писцом, так:

> Читая Священное Писание, [писец] совершенно просвещает свой ум, а переписывая заповеди Господни, он передает их дальше многим людям. Что за блаженное дело, что за благодатное занятие — проповедовать людям своими руками, развязывать язык работой перстов, приводить ко спасению смертных, бороться против диавольских козней пером и чернилами! Ибо каждое слово Господа, написанное писцом, есть разящий удар по сатане. Итак, хотя писец сидит все время в одном и том же месте, он путешествует по разным землям, когда труды его пера расходятся по свету… Человек умножает небесные речения, и в некотором образном смысле, если позволено мне будет сказать, три пальца знаменуют саму Святую Троицу. О дивное видение для того, кто с вниманием созерцает это! Острое перо записывает священные словеса, вонзая тернии отмщения лукавому, который возложил терновый венец мучения на голову Господа во время Его страстей[47].

Учитывая все вышеназванные трудности, связанные с процессом переписывания книг в древности, еще более удивительным представляется качество работы многих писцов. В большинстве рукописей размер букв и общий характер письма остается неизменным на протяжении текстов даже значительного объема.

Для обеспечения высокой производительности работы и качества переписывания в монастырских скрипториях были разработаны и введены в действие определенные правила. Ниже в качестве примера приводятся некоторые такие правила, разработанные в Студийском монастыре в Константинополе. Около 800 г. настоятель этого монастыря Феодор Студит, который и сам был профессиональным знатоком изящного греческого письма, предусмотрел в своем монастырском уставе суровые наказания для тех монахов, кто небрежно относился к переписыванию рукописей[48]. В качестве наказания за увлечение чтением текста, которое зачастую приводило к ошибкам в изготавливаемом списке, служила епитимья вкушать только хлеб и воду. Монахи были обязаны содержать пергамен в чистоте, и неаккуратность наказывалась епитимьей в 130 поклонов. Если кто-нибудь брал чужую

пергаменную тетрадку (*quaternion*, т. е. разлинованные и согнутые листы пергамена) без ведома хозяина, то ему назначалось 50 поклонов. Если писец разводил больше клея, чем мог использовать за один раз, и клей засыхал, ему назначалось 50 поклонов. Если в порыве гнева писец ломал перо (а это могло случиться, если он допускал серьезную ошибку в самом конце идеально скопированного листа), он должен был положить 30 поклонов.

Дополнительное примечание о колофонах

Помимо нескольких вышеупомянутых колофонов, которые прямо или косвенно говорят о трудностях работы переписчика, имеется множество колофонов другого рода. В некоторых из них указывается имя переписчика, иногда — место и время изготовления рукописи. Разумеется, такого рода информация чрезвычайно важна для палеографа, который должен определить происхождение рукописи и ее место среди других списков[49].

Некоторые колофоны имеют форму благословления или молитвы, или содержат призыв к читателю помолиться, например: «Кто скажет: „Господи, благослови душу писца“, душу того благословит Господь». В конце Псалтири, датируемой 862 г., помещена такая молитва:

ἔλεος τῷ γράψαωτι, κύριε,
σοφία τοῖς ἀναγινώσκουσι,
χάρις τοῖς ἀκούουσι,
σωτηρία τοῖς κεκτημένοις ἀμήν.

(«Милость написавшему, Господи, мудрость читающим, благодать слушающим, спасение владеющим [рукописью]. Аминь.»)

Длинная молитва в конце одной коптско-арабской рукописи Евангелия содержит следующие строки:

> …О читатель, прости меня в духовной любви своей и будь милостив к дерзости писавшего, преврати его ошибки в таинство добра… Нет писца, который бы не оставил этот мир, но написанное его руками сохранится вечно. Не пиши рукой своею ничего такого, что ты не желал бы увидеть по воскресении… Да употребит Господь Бог наш Иисус Христос эту святую рукопись ко спасению души грешника, написавшего ее[50].

В некоторых рукописях можно найти колофоны, содержащие проклятия, которые должны были служить некоторым аналогом современной страховки от кражи. Например, евангельский лекционарий XII–XIII вв., ныне хранящийся в библиотеке Принстонской богословской семинарии (рис. 3), содержит колофон, в котором говорится о том, что данный кодекс был подарен церкви св. Саввы в Александрии; далее приводится следующий текст: «Итак, да не позволит Бог никому уносить эту книгу ни при каких условиях, и на всякого, кто нарушит это повеление, обрушится гнев вечного Слова Божьего, власть Которого велика. Григорий, милостью Божьей патриарх, написал это»[51].

Менее официальным языком написаны небольшие заметки писцов, встречающиеся иногда в конце рукописи или на ее полях. Несмотря на то, что писцам не разрешалось

разговаривать друг с другом во время работы в скриптории, наименее послушные из них нашли другие способы общаться. Писец мог написать свою заметку на странице рукописи, над которой работал, и показать ее соседу. Так, на полях латинской рукописи IX в., содержащей комментарий Кассиодора на Псалтирь, встречаются разного рода бытовые фразы на ирландском языке: «Сегодня холодно», «Это естественно, сейчас зима», «Свет тусклый», «Пора немного поработать», «Да уж, этот пергамен слишком толст», «По-моему, этот пергамен тонок», «Мне что-то скучно сегодня, не знаю, что со мной»[52].

Почему начальник скриптория позволял монахам-писцам осквернить рукопись бытовыми фразами? Можно предположить, что вышеупомянутая рукопись была написана в одном из европейских монастырей, руководство которого не знало ирландского языка, и поэтому ирландские писцы могли безнаказанно совершать подобные вольности. Если такого писца спрашивали, что он написал, он мог показать на латинский текст предыдущей страницы и ответить: «Всего лишь ирландский перевод этих слов!»[53]

Для некоторой гарантии того, что впоследствии их сочинение будет переписано с достаточной аккуратностью, древние авторы иногда прибегали к следующему приему. Они помещали в конце произведения обращение к будущим переписчикам. Так, например, Ириней Лионский в конце своего трактата «На Восьмерицу» пишет следующее:

> Заклинаю тебя, будущий переписчик этой книги, Господом нашим Иисусом Христом и славным пришествием Его, когда Он придет судить живых и мертвых: сравнивай с подлинником то, что будешь переписывать, и тщательно выправляй свой список по тому, с которого переписываешь. Перепиши также это заклятие и внеси его в свой список[54].

IV. «Помощь читателю» в новозаветных рукописях

Во многих новозаветных рукописях встречаются разнообразные виды «помощи читателю», т. е. особые вспомогательные средства для самостоятельного и публичного чтения Священного Писания. Эти средства были разработаны в разное время и в разных местах. Они передавались из поколения в поколение, и, разумеется, их объем возрастал с течением времени. Ниже перечислены некоторые из этих средств, используемые в греческих рукописях[55].

1. Деление на главы (κεφάλαια)

Древнейшей системой деления текста на главы, известной нам, является система, представленная на полях Ватиканского кодекса (B), датируемого IV в. В этой рукописи содержится 170 разделов в Евангелии от Матфея, 62 у Марка, 152 у Луки и 50 у Иоанна. Другую систему деления на главы находим в Александрийском кодексе (A), датируемом V в. Эта же система воспроизводится и в большинстве других греческих рукописей. Согласно ей, в Евангелии от Матфея содержится 68 κεφάλαια, у Марка 48, у Луки 83, у Иоанна 18. В этой системе первая глава никогда не совпадает с началом текста, поскольку переписчики, как

правило, называли начало книги словом προοίμιον («вступление»). Таким образом, κεφά Евангелия от Марка начинается со стиха Мк 1:23.

Для Деяний Апостолов было разработано несколько различных систем разделения на главы. В Ватиканском кодексе употребляются две нумерации глав для этой книги: первая насчитывает 36 глав, вторая — 69. По мнению Хэтча, первая нумерация сделана очень древним почерком (может быть, это был корректор (διορθωτής) или даже сам писец основного текста), позднее другой писец перенумеровал главы[56]. В Синайском кодексе, датируемом IV в., вышеупомянутая система 69 глав была внесена каким-то писцом в текст Деяний Апостолов, но не до конца, а только до 15 главы, причина чего неясна.

В большинстве греческих рукописей Книга Деяний делится на 40 κεφάλαια. В некоторых рукописях членение этого новозаветного текста шло еще глубже: 24 из 40 глав имели еще меньшие подразделы (ὑποδιαιρέσεις). Таких подразделов насчитывалось 48, поэтому общее число глав и подглав в Книге Деяний составляло 88. Со временем разница между основными и второстепенными разделами была отчасти утрачена, и поэтому в некоторых рукописях все они нумеруются последовательно.

Послания апостола Павла и все Соборные послания также делились на главы, многие из которых также имели менее крупные подразделы[57]. В Ватиканском кодексе имеются две системы разделения на главы текста посланий: древняя и поздняя. В посланиях апостола Павла более древняя система последовательно нумерует все главы всех посланий (о том, какую это дает нам информацию об архетипе Ватиканского кодекса, см. прим. 114). В Книге Откровения применена довольно искусственная система деления на главы. Во второй половине VI в. Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской составил толкования на Апокалипсис, раскрывающие «духовный» смысл текста. Не учитывая внутреннего, дискурсного членения текста, он разделил эту книгу на 24 «слова» (λόγοι) по числу 24 старцев, восседающих вокруг трона Божьего (Откр 4:4). В своем комментарии он рассматривает также трехчастное членение природы каждого из 24 старцев (σώμα, ψυχή и πνεῦμα), и поэтому каждое «слово» (λόγος) в его комментарии делится на три κεφάλαια, что составляет в итоге 72 главы.

Рис. 5. Греческий евангельский лекционарий 562. Ватиканская библиотека (Рим). Согласно колофону, переписан в Капуе в 991 г. Ин 19:10–16 и Мф 27:3–5 (см.). Размер оригинала 24,7×17,8 см.

2. Названия глав (τίτλοι)

Каждая из κεφάλαια, употребляемых в системе глав Александрийского кодекса, а также в большинстве греческих рукописей, сопровождалась заголовком (τίτλος). Такой заголовок помещался на полях рукописи и представлял краткое содержание главы (см. рис. 6). Эти заголовки обычно начинались с предлога περί (о чем-либо) и, как правило, писались красными чернилами. Таким образом, κεφ. ά Евангелия от Иоанна, которая начинается с Ин 2:1, имеет следующий заголовок «О браке в Кане» (περὶ τοῦ ἐν Κανὰ γάμου)[58]. Все τίτλοι одной и той книги довольно часто помещались в виде последовательного перечня перед самой книгой, представляя содержание последующего текста.

3. Канон Евсевия

Евсевий Кесарийский разработал замечательную систему, позволявшую читателю быстро находить тот или иной фрагмент евангельского текста[59]. По-видимому эта система оказалась крайне полезной для читателей, поскольку мы встречаем ее не только во многих греческих рукописях, но также в латинских, сирийских, коптских, готских, армянских и других переводах. Эта симфония достигнута следующим образом. Каждое Евангелие было разделено на фрагменты, объем которых зависел от наличия параллельных мест к ним в других Евангелиях. Такие разделы последовательно нумеровались в каждом Евангелии (у Матфея их 355, у Марка — 233, у Луки — 342, у Иоанна — 232). После этого Евсевий составил десять таблиц, или канонов (κανόνες), первая из которых содержала ссылки на номера параллельных мест во всех четырех Евангелиях, вторая — на параллельные места в Евангелиях от Матфея, от Марка и от Луки, третья — на параллельные места в Евангелиях от Матфея, от Луки и от Иоанна и т. д. до тех пор, пока не исчерпываются все возможные комбинации евангельских текстов[60]. Последняя таблица дает ссылки на тексты, уникальные в каждом Евангелии. Эти таблицы с колонками цифр, как правило, располагаются в начале евангельских рукописей[61]. Далее на полях рядом с текстом рядом с номером раздела или под ним записывался номер таблицы, в которой можно было отыскать данный фрагмент текста. Например, если читатель читал следующий текст Евангелия от Иоанна — «ибо Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве» (Ин 4:44) — и хотел найти параллельные места к этому стиху, то на полях рукописи он мог увидеть такие числа: $\frac{\overline{\lambda\varepsilon}}{\alpha}\ (=\frac{35}{1})$Обратившись к первой таблице и пробежав взглядом до ряда с номером данного фрагмента Евангелия от Иоанна, читатель находил цифру 35. В этом же ряду он находил и другие цифры, указывающие на параллельные места к этому фрагменту в других Евангелиях: раздел 142 у Матфея, и соответственно разделы 51 у Марка и 21 у Луки. Поскольку, как уже говорилось выше, все разделы евангельских текстов нумеровались последовательно, читателю не составляло затем особого труда отыскать во всех трех Евангелиях параллели к вышеуказанному стиху из Евангелия от Иоанна.

Чтобы помочь читателю быстрее отыскать параллельное место к тому или иному стиху, некоторые рукописи содержат их нумерацию на нижнем поле страницы (см. рис. 6 и рис. 20).

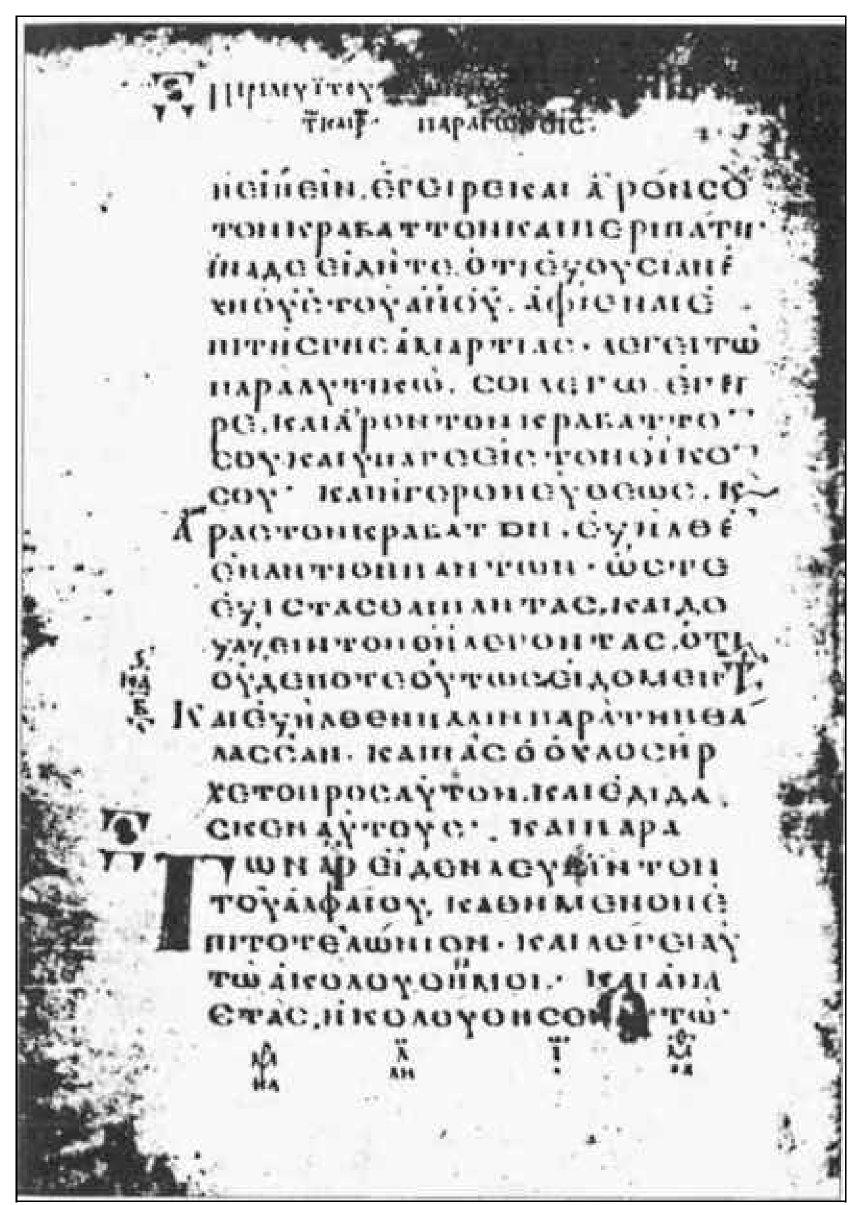

Рис. 6. Базельский кодекс (E, VIII в.). Библиотека Базельского университета. Мк 2:9-14 (с *заголовком*, указаниями для чтения и канонами Евсевия). Размер оригинала 22,5×15,6 см.

Евсевий объяснил принципы своей системы в письме к другу-христианину по имени Карпиан, и во многих греческих рукописях это письмо помещается вместе с таблицами на первых листах[62]. Некоторые современные издания греческого Нового Завета также воспроизводят таблицы Евсевия и числа, которые таким образом продолжают оказывать помощь и сегодняшнему читателю Евангелия.

4. Предисловия, жития, аппарат Евфалия

Каждой книге в рукописи предшествовало краткое предисловие, или пролог (ὑπόθεσις, лат. *argumentum*), в котором сообщалось об авторе книги, ее содержании, обстоятельствах ее написания и т. п. Стиль и содержание таких предисловий, как правило, подчинялись определенным литературным шаблонам. В некоторых рукописях авторство предисловий приписывается Евсевию, хотя чаще всего они анонимны. В латинских рукописях, датирующихся периодом с V по X в., встречаются прологи антимаркионитского содержания.

Собственно маркионитские прологи к десяти посланиям апостола Павла практически без изменений были включены Католической церковью в состав латинской Вульгаты[63].

Вместе с прологом в некоторых рукописях приводится также и более подробное повествование о жизни каждого евангелиста («житие» — греч. βίος). Эти жития приписываются Дорофею Тирскому (известному только благодаря этому) и Софронию, патриарху Иерусалимскому, жившему в первой половине VII в.

В отдельных рукописях имеются прологи, объясняющие смысл слова «евангелие», а также содержащие некоторые общие сведения обо всех четырех Евангелиях. Кроме этого, в прологе может содержаться перечень имен двенадцати апостолов, а также список семидесяти (или семидесяти двух) учеников (Лк 10:1 сл.) составленный, если верить традиции, Дорофеем и Епифанием.

Для Книги Деяний имеется несколько различных прологов. Некоторые из них анонимны, другие взяты из комментариев и гомилий Иоанна Златоуста на эту книгу. В рукописях также иногда содержались более подробные вспомогательные материалы, принадлежащие перу некоего Евфалия или Евагрия, для Книги Деяний и для посланий[64]. Помимо нумерации глав и прологов эти материалы включали достаточно обширное описание жизни и деятельности апостола Павла, краткое сообщение о его мученической кончине, перечень ветхозаветных цитат в тексте посланий, указание тех мест, где могло быть написано то или иное послание, а также перечень имен, упоминаемых в начале послания. В какой степени эти материалы были составлены самим Евфалием, а в какой дополнены позднейшими переписчиками, неизвестно.

5. Надписания и подписи

В древнейших рукописях Нового Завета названия книг более короткие и простые, например: ΚΑΤΑ ΜΑΘΘΑΙΟΝ или ΠΡΟΣ ΡΟΜΑΙΟΥΣ. В последующие века эти названия стали длиннее и сложнее (см. ниже).

Подписи, встречающиеся в конце книг, были раньше, как и названия, краткими и простыми, просто указывая на конец текста книги. С течением времени концовки становились более обширными и включали в себя сведения о предположительном месте написания книги, а иногда и имя писца. Английский перевод Библии, санкционированный королем Иаковом, включает концовки в посланиях апостола Павла.

6. Пунктуация

Как уже отмечалось выше, в древнейших рукописях знаков препинания очень мало. Папирусы Бодмера и папирусы Честера Битти (см. рис. 7 и 8) содержат крайне мало знаков препинания[65], и аналогичная ситуация наблюдается в более древних маюскульных рукописях. Знак диэрезы иногда используется в качестве диакритики для начальной йоты или ипсилон. В VI–VII вв. писцы стали чаще пользоваться пунктуацией, хотя, например, вопросительный знак до IX в. употреблялся крайне редко. Эта стихийная практика

расстановки знаков препинания постепенно оформилась в более полную и последовательную систему. Помимо традиционных знаков иногда использовались и другие. Так, после негреческих имен собственных ставился знак слогоделения — ср., например, Мф 1:2 ΑΒΡΑΑΜ̓ΕΓΕΝΝΗΣΕΝ, предостерегающий читателя от неправильного деления слов (*a-braa-me-gen-nē-sen*).

7. Глоссы, схолии, комментарии, катены, ономастиконы

Глоссы — это краткие пояснения к трудным словам или фразам. Как правило, их писали на полях рукописи, хотя иногда они вносились и между строк. Во втором случае рукопись могла быть превращена в диглотту: греческий текст с построчным латинским переводом или латинский текст с построчными англосаксонскими соответствиями.

Схолии — это заметки толковательного характера, которые делались в дидактических целях. Если схолии последовательно истолковывают данный текст, составляя единое целое, а не являются произвольными заметками по поводу случайно выбранных фрагментов, такая работа называется *комментарием*. Схолии и комментарии в одних случаях обрамляют основной текст Священного Писания, располагаясь вокруг него, а в других помещаются между разделами текста (см. рис. 9). Комментарии в маюскульных рукописях, как правило, писались минускулом, хотя в Закинфском (Ξ) кодексе (VII в.)[66] комментарии также написаны маюскулом. В минускульных рукописях иногда встречаются схолии, написанные мелким маюскулом.

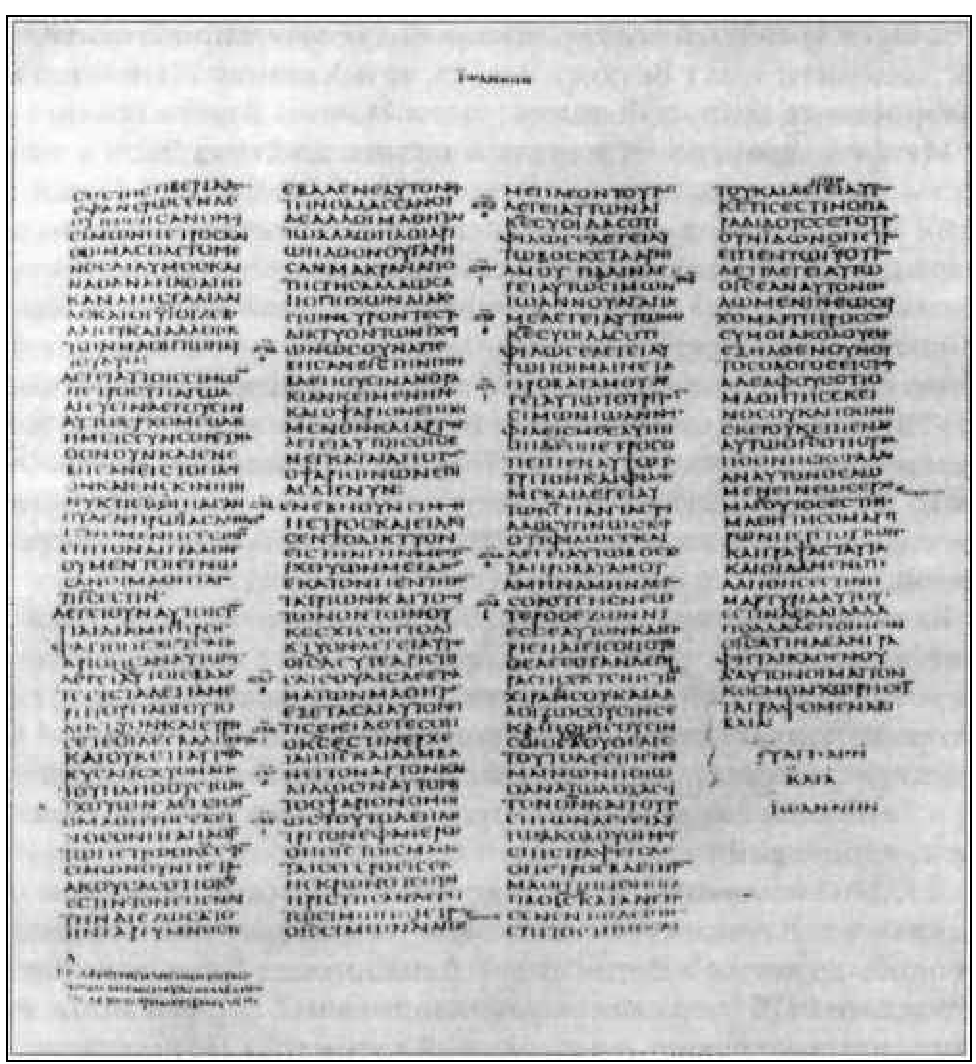

Рис. 9. Codex Sinaiticus (א, IV в.). Британская библиотека, Лондон. Последний лист Евангелия от Иоанна Ин 25:1-25. Размер оригинала 37,2×33,8 см.

Катены (букв, «цепи») представляют собой последовательные подборки комментариев или схолий, выбранных из произведений церковных авторов, более ранних, нежели время создания рукописи. Автора того или иного комментария можно определить по краткому обозначению его имени перед текстом конкретной схолии, хотя в ряде случаев из-за недосмотра переписчиков эти обозначения терялись или могли быть перепутаны.

Ономастиконы — это лексикографические вспомогательные средства, призванные пояснить значение и происхождение имен собственных. Однако подобно античной этимологическим изысканиям, образцы которых можно увидеть в произведениях Филона Александрийского и в «Кратиле» Платона, объяснения ономастиконов почти всегда носят произвольный характер и тяготеют к народной этимологии.

8. Художественные элементы

Помимо воспроизведения орнаментальной заставки в начале рукописи и красочных инициалов византийцы стремились помочь читателю уяснить смысл того или иного события, изложенного в Писании, при помощи различного рода картинок (миниатюр)[67]. Некоторые миниатюры изображают Христа и апостолов, другие воспроизводят евангельские

события (см. рис. 14). Изображения евангелистов бывают двух типов: сидящие или стоящие фигуры. Если сравнить византийские миниатюры с античными изображениями поэтов и философов, то можно заметить, как художники, не имея представления о внешности евангелистов, приспосабливали древние языческие образы для художественного оформления рукописей. Раннехристианские портреты евангелистов восходят к двум группам, каждая из которых состоит из четырех персонажей. Первая — это четыре античных философа: Платон, Аристотель, Зенон и Эпикур; вторая — античные драматурги и комедиографы: Еврипид, Софокл, Аристофан и Менандр[68].

Древнейшими рукописями Нового Завета, содержащими иллюстрации, являются две роскошные рукописи VI в., написанные на пурпурном пергамене: Синопский кодекс (O) и Россанский кодекс (Σ; см.). С течением времени были выработаны определенные каноны подбора формы и красок для изображения отдельных циклов библейских событий и персонажей. Эти правила изложены в византийском иконографическом руководстве, составленном Дионисием Фурнским (насельником монастыря Fourna d'Agrapha)[69]. К сожалению, современные новозаветные текстологи еще не обратили достаточного внимания на анализ художественных украшений для определения взаимоотношений различных типов текста и семейств византийских рукописей[70].

9. Колоны и коммы

Сама практика написания литературных произведений короткими строками, в соответствии со смыслом, появилась задолго до того, как ее стали использовать в христианских текстах. Некоторые речи Демосфена и Цицерона переписывались с использованием такой разбивки для облегчения процесса прочтения текста вслух с соблюдением правильного словоделения и соответствующих пауз. Этот прием был применен к ветхозаветным поэтическим книгам в греческом тексте Септуагинты[71], и когда Иероним переводил книги пророков на латинский язык, он располагал текст колометрически[72]. Каждая смысловая единица текста состояла из одного периода (κώλον) или целой фразы (κόμμα)[73].

Сохранилось довольно много двуязычных рукописей Нового Завета[74], в основном греко-латинских[75]. Большинство из них написано в две колонки; чтобы читателю было легче соотносить тексты на обоих языках, они разбиты на строки, совпадающие со смысловыми отрезками. Другой способ организации текста мог состоять в том, что одна колонка писалась строками одинаковой длины; им соответствовали строки в параллельной колонке, которые точно восприизводили смысл оригинала и в силу этого имели разную длину. Третья возможность состояла в том, чтобы сделать число строк в столбцах намеренно несовпадающим, и строки обоих друг с другом не соотносились. Наконец, перевод мог быть интерлинеарным, т. е. написанным между строк переводимого текста.

10. Невмы

Невмы[76] — это византийские музыкальные знаки, помогавшие чтецам петь богослужебный текст или произносить его нараспев. Впервые они появляются в рукописях VII–VIII вв., однако достаточно сложно определить, действительно ли эти знаки восходят ко времени написания основного текста или были проставлены позднее. Невмы состоят из особых крючков, точек и черточек (см. рис. 25) и, как правило, пишутся красными (или зелеными) чернилами над распеваемыми словами[77].

11. Обозначения церковных чтений

В продолжение древних синагогальных традиций, согласно которым во время субботнего богослужения прочитывались фрагменты Закона и Пророков, христианская церковь разработала практику чтения новозаветных текстов во время церковного богослужения. Была создана система последовательного чтения евангельских текстов и апостольских посланий, которая опиралась на календарный порядок воскресных дней и других церковных праздников. Для того, чтобы чтец мог быстрее отыскать начало (ἀρχή) и конец (τέλος) церковного чтения, в некоторых поздних маюскульных рукописях на полях или между строк приводятся особые сокращения ἀρχ и τέλ (рис. 25). Обозначения церковных чтений, указывающие на тот день, когда должен быть прочитан данный фрагмент текста, помещались иногда на полях рукописи и могли выделяться красными чернилами. В некоторых случаях перечень этих чтений приводится в конце (или в начале) рукописи.

Для облегчения церковных чтений изготавливались особые рукописи — лекционарии, которые содержали тексты Священного Писания, расположенные в календарном порядке (начиная с Пасхи). Прочитывались эти тексты во время субботнего и воскресного богослужения, а также в определенные церковные праздники[78]. Такие лекционарии называются *синаксариями* (см. рис. 5). Другой богослужебной книгой был менологий, содержащий библейские чтения к праздникам, дням памяти святых[79]. Порядок чтений в этой книге начинался с первого сентября, т. е. с начала гражданского года. Практически тот же самый набор церковных чтений, который мы встречаем в лекционариях, употребляется ныне в богослужебной практике Православной церкви.

Исследователи довольно поздно стали обращать внимание на текстологическую значимость лекционариев, которые позволяют проследить историю новозаветного текста в византийский период[80]. Поскольку воспроизведение текста Священного Писания в официальных литургических книгах всегда консервативно и имеет тенденцию к архаизации[81], лекционарии ценны тем, что в них сохраняется тип текста, который намного древнее тех рукописей, в которых он представлен.

V. Количество и классификация новозаветных греческих рукописей[82]

Традиционная классификация греческих рукописей Нового Завета включает несколько типов источников, определяемых отчасти по материалу, из которого они изготовлены, отчасти по рукописному шрифту, отчасти по их функциональным особенностям.

Первоначально издатели Нового Завета использовали довольно громоздкие обозначения

греческих рукописей. Эти обозначения, как правило, восходили к именам владельцев рукописей или библиотек, в которых они хранились. Поскольку ранние издатели не разработали общую для всех систему обозначений, а рукописи часто переходили из рук в руки и странствовали по свету, эти обозначения представляли огромные неудобства для сравнения данных в аппарате различных изданий. Первый шаг к стандартизации номенклатуры был сделан швейцарским ученым Иоганном-Якобом Веттштейном (Johann Jakob Wettstein), который в своем двухтомном издании Нового Завета, выпущенном в Амстердаме в 1751–1752 гг., использовал заглавные буквы для обозначения маюскульных рукописей и арабские цифры для обозначения минускульных рукописей. Ныне принятая система обозначений восходит к концу XIX в., она была разработана Каспаром Рене Грегори (Caspar René Gregory)[83], уроженцем Филадельфии, который, завершив богословское образование в Принстоне, отправился в Германию, где в 1889 г. стал профессором Нового Завета в Лейпцигском университете. Основываясь на системе Веттштейна, Грегори выделил еще несколько типов источников. Так, папирусы учитываются отдельно от пергаменных рукописей. Каждый папирус, как правило, обозначается готической или древнеанглийской буквой 𝔓, за которой следует номер в верхнем регистре. Ко времени, когда пишутся эти строки (2003), 116 папирусов получили официальный номер от Грегори и продолжателей его дела.

Согласно системе Веттштейна, маюскульные рукописи, известные уже достаточно долгое время, обозначаются в критических аппаратах заглавными буквами латинского и греческого алфавитов, а также одной буквой древнееврейского алфавита (א, алеф). Однако поскольку число найденных маюскульных рукописей превысило число букв во всех трех алфавитах (греческом, латинском, еврейском), вместе взятых, Грегори обозначил каждую маюскульную рукопись арабской цифрой, перед которой ставится нуль. Таким образом к настоящему времени учтено 310 маюскулов. Общее число минускульных рукописей, обозначаемых арабскими цифрами без предшествующего нуля, на момент написания этой книги составляло 2877.

Особый разряд греческих рукописей, включающий как маюскульные, так и минускульные рукописи (хотя общее число последних намного больше), выделен для лекционариев. Как уже упоминалось выше, лекционарии представляют собой литургические книги, содержащие фрагменты Священного Писания, читаемые во время богослужения в определенные дни церковного и гражданского календаря, которым соответствуют синаксарий и менологий. Несмотря на то, что уже каталогизировано 2432 новозаветных лекционариев, лишь некоторые из них подвергались текстологическому анализу[84]. В системе Грегори лекционарии обозначаются латинской буквой «*l*», за которой следует число. Отдельно стоящее «*l*» обозначает евангельский лекционарий; «l^a» обозначает лекционарий, содержащий тексты Деяний и посланий; «l^{+a}» обозначает лекционарий, содержащий чтения из Евангелий, Деяний и посланий. (Чтения из Книги Откровения в греческих лекционариях отсутствуют.)

Можно упомянуть еще два вида письменных источников, имеющих отношение к тексту Нового Завета. Довольно короткие фрагменты шести новозаветных книг сохранились на остракa, или глиняных черепках, использовавшихся неимущими людьми в качестве материала для письма. В качестве свидетелей новозаветного текста учтено 25 черепков, и

иногда на них ссылаются при помощи обозначения готической или древнеанглийской буквы 𝕺, за которой следует цифра. Наконец, довольно удивительный, но не представляющий особой текстологической важности источник по истории текста Нового Завета — это талисманы, которые, как считалось, приносили удачу. Подобные амулеты датируются разными эпохами: от IV в. до XII–XIII вв. Материалом амулетов могли быть пергамен, папирус, острака и дерево. Предрассудки, связанные с верой в талисманы, были распространены не только в языческом античном мире, но и среди христиан. Об этом мы можем судить по тому, что церковные иерархи многократно осуждали практику талисманов[85]. Четыре каталогизированных амулета содержат текст молитвы «Отче наш», а пять других — различные стихи как Ветхого, так и Нового Заветов. Иногда их обозначают буквой 𝕿, за которой следует номер в верхнем регистре.

Если забыть о талисманах и острака, на момент написания этой книги (2003 год) официальная статистика новозаветных рукописей по группам выглядит так:

Папирусы: 116
Маюскулы: 310
Минускулы: 2877
Лекционарии: 2432
Всего: 5735

При оценке значимости этих количественных данных о рукописях Греческого Нового Завета необходимы — в качестве своеобразного контраста — сведения о количестве рукописей, сохранивших для нас произведения тех авторов, которые писали в первые десятилетия нашей эры. Например, история Рима Веллея Патеркула (родился около 20 г. до н. э., умер после 30 г. н. э.) сохранилась до наших дней лишь в одной неполной рукописи, найденной в Мурбахском аббатстве (Эльзас) в 1515 г… На ее основании гуманист Беат Ренан подготовил editio princeps, опубликованное Фробеном в Базеле в 1520 г.; сама рукопись при этом была утрачена бесследно, однако перед этим с нее успел снять копию ученик Ренана, базельский гуманист Бонифаций Амербах. Последняя ныне хранится в библиотеке Базельского университета, где была обнаружена в 1834 г. филологом-классиком Иоганном-Каспаром Орелли. До сих пор ведутся споры о том, насколько адекватно эта рукопись и первое печатное издание отражают оригинальный текст Патеркула[86].

Литературное наследие известного римского историка Корнелия Тацита (расцвет деятельности около 100 г. н. э.) к началу эры книгопечатания дошли в весьма неудовлетворительном состоянии. Из четырнадцати книг его «Истории» до нас дошло четыре с половиной; из четырнадцати книг «Анналов» десять сохранились полностью и две частично. Текстом обоих трудов мы обязаны всего двум рукописям, IX и XI веков соответственно. Малые произведения Тацита известны нам по единственной, и притом не дошедшей до нас рукописи X века, с которой в XV веке были сделаны многочисленные копии.

Новозаветный текстолог может быть немало удивлен обилием своих источников в сравнении с приведенными цифрами[87]. Более того, произведения многих античных авторов сохранились только в списках, сделанных в Средние Века (а часто и в позднее

Средневековье), весьма далеко отстоящих от времени написания оригинала. В противоположность этому период времени, разделяющий написание текста Нового Завета и сохранивших его древнейших рукописей, относительно короток. Тысячелетний, а иногда и больший разрыв, между созданием оригиналов многих античных произведений и их списков, несопоставим со всего лишь столетним периодом, разделяющим древнейшие папирусные фрагменты Нового Завета и время его написания.

ГЛАВА 2
ВАЖНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛИ НОВОЗАВЕТНОГО ТЕКСТА

Для определения исходного текста Нового Завета текстолог может воспользоваться тремя группами источников: это греческие рукописи, древние переводы на другие языки и новозаветные цитаты у раннехристианских авторов. Поговорим о свидетелях текста из каждой группы.

I. Греческие новозаветные рукописи

Рукописи, о которых пойдет речь ниже, считаются наиболее важными из примерно 5700 греческих рукописей, содержащих весь Новый Завет или его часть. Они перечислены в привычном порядке: (1) папирусы, (2) маюскулы и (3) минускулы; внутри каждой из групп расположены в порядке, обозначенном по системе Грегори. При описании этих рукописей читатель встретит ссылки на различные типы текста, такие как александрийский, западный, кесарийский, койне или византийский; о том, что кроется за этими названиями см. ниже. Для рукописей, которые были опубликованы отдельным изданием, мы приводим имя издателя или составителя колляций; нужно иметь в виду, что более или менее полный список разночтений из других упомянутых здесь рукописей можно найти в обычных *apparatus critici*.

1. Важнейшие греческие папирусы Нового Завета[88]

p^{4}, p^{64}, p^{67}.Когда эти папирусные фрагменты были вновь обнаружены и внесены в каталоги, исследователи не смогли опознать в них части одной и той же рукописи. Проведенное Скитом тщательное исследование показало, что все они происходят из однотетрадного кодекса, содержавшего четвероевангелие либо в каноническом (Мф, Мк, Лк, Ин), либо в так называемом «Западном» порядке (Мф, Ин, Лк, Мк)[89].

p^{4} представляет собой части четырех листов с текстом начальных глав Лк; p^{64} — фрагмент отдельного листа со стихами из Мф 26; а p^{67} состоит из двух частей, первая из которых содержит Мф 3:9 и 3:25, а вторая Мф 5:20–22 и 5:25–28. Текст написан в две колонки по 36 строк в каждой. Среди ее важных особенностей следует отметить такую организацию текста, при которой каждый новый раздел (к примеру, новый эпизод) отмечен, во-первых, колоном, а во-вторых, выносом первой строки за левую границу колонки текста. Скит датировал эти папирусные фрагменты концом II века, следовательно, они относятся к древнейшей известной нам рукописи Четвероевангелия и показывают, что организованное членение текста возникло не позднее этого времени.

Существует две наиболее важных коллекции папирусных новозаветных рукописей. Первая была собрана в 1930–1931 гг. сэром Честером Битти (Chester Beatty), жившим тогда в Лондоне; она была издана сэром Фредериком Дж. Кеньоном[90] и ныне хранится в названной именем Битти библиотеке, в пригороде Дублина. Другую коллекцию приобрел в 1955–

1956 гг. женевский издатель и библиофил Мартин Бодмер (Bodmer).

p^{45}. Первый из библейских папирусов Честера Битти, который обозначен как p^{45}, объединяет отдельные части текста на 30 листах папирусной книги, тетради которой состоят из двух листов. Изначально кодекс состоял приблизительно из 220 листов, каждый размером примерно 25 на 20 см. Рукопись включала тексты всех четырех Евангелий и Деяний. На сегодняшний день тексты Евангелий от Матфея и Иоанна сохранились хуже остальных: от каждого осталось лишь по два фрагментированных листа. От остальных книг осталось 6 листов Евангелия от Марка, 7 листов Лк и 13 листов Деяний. Несколько коротких фрагментов этого кодекса, которые первоначально содержали лист Евангелия от Матфея, были обнаружены в венском собрании папирусов[91].

Издатель датировал эту рукопись первой половиной III столетия. Тип текста Евангелия от Марка относится скорее к кесарийской семье, чем к александрийскому типу или же западному типам текста. В других Евангелиях (где кесарийский тип не был полностью установлен) тип текста также определяют как средний между александрийским и западным. Что касается Деяний, то тип текста здесь бесспорно александрийский; в нем нет ни одного крупного разночтения из числа тех, что характерны для западного типа, хотя незначительные все же присутствуют.

p^{46}. Второй папирус с библейским текстом Честера Битти, обозначенный p^{46}, насчитывает 86 листов (все слегка повреждены) однотетрадного папирусного кодекса[92]. Первоначально размер каждого листа был 28 на 16 см, а на 104 листах содержались тексты десяти посланий Павла в следующем порядке: Рим, Евр, 1 и 2 Кор, Ефес, Гал, Флп, Кол, 1 и 2 Фес. Этот кодекс был написан раньше, чем p^{45}, приблизительно в 200 г. В настоящее время отсутствуют отдельные места из Рим и 1 Фес, а 2 Фес — полностью. Пастырские послания, возможно, никогда не входили в этот кодекс, поскольку для них просто не хватило бы места на листах, которых не хватает в конце. (Поскольку это документ, представляющий одну тетрадь, количество листов, отсутствующих в начале и конце, может быть вычислено довольно точно). Из 86 сохранившихся листов тридцать хранятся в библиотеке Мичиганского университета[93].

Кроме перестановки местами Гал и Еф, этот папирус включает анонимное Послание к Евреям в число Павловых посланий, которые расположены в порядке уменьшения размера текста. Рукопись p^{46} замечательна еще и тем, что доксология в Послании к Римлянам, которая во многих ранних рукописях стояла в конце 14 главы, здесь помещена в конце 15-й (см. рис. 7)[94]. В целом папирус ближе к александрийскому типу текста, чем к западному.

Рис. 7. Папирус II (p^{46}, III в.) из собрания Честера Битти. Дублин, музей Честера Битти. Рим. 15:29–33; 16:25–27, 1–3. (см.). Размер оригинала 22,5×9 см.

p^{47}. Третий библейский папирус Честера Битти с сиглой p^{47} включает десять слегка поврежденных листов кодекса с Книгой Откровения. Размер листа документа 24 на 14 см. Предположительно исходно кодекс содержал 32 листа, и лишь средняя часть его с текстом 9:10–17:2 сохранилась до наших дней. Датируется он серединой или второй половиной III в. В целом текст p^{47} имеет большее сходство с Синайским кодексом, чем с любой другой рукописью, хотя в некоторых случаях его можно характеризовать как совершенно самостоятельный.

p^{52}. Размеры листа этого папируса столь же малы (64 на 89 мм), как и его объем (всего лишь несколько стихов из Евангелия от Иоанна: 18:31–33, 37–38). Тем не менее этот папирусный фрагмент является самым древним списком Нового Завета, известным на сегодняшний день. Хотя Бернард П. Гренфелл (Grenfell) обнаружил этот папирус в Египте еще в 1920 г., он пролежал незамеченным среди таких же папирусных обрывков вплоть до 1934 г., когда К. Х. Робертс, член оксфордского Сент-Джонс-Колледжа, разбирая неопубликованные папирусы из коллекции манчестерской библиотеке Джона Райлендс

(John Rylands Library), обнаружил, что этот документ сохранил несколько предложений из Евангелия от Иоанна. Не дожидаясь окончания работы над всем собранием разнородных документов, Робертс издал брошюру, где был приведен текст и описание данного фрагмента, а также ставился вопрос о его ценности[95].

Основываясь на палеографии документа, Робертс датировал его первой половиной II в. Хотя многие ученые не решались предположить, что этот отрывок мог быть написан так рано, некоторые авторитетные специалисты, такие как сэр Фредерик Дж. Кеньон, В. Шубарт, сэр Гарольд И. Белл, Адольф Дейссманн, Ульрих Вилькен и Уильям Г. П. Хэтч поддержали точку зрения Робертса[96].

Хотя количество сохранившегося текста весьма невелико, в качестве свидетельства этот маленький кусочек папируса весит не меньше целого кодекса. Как Робинзон Крузо, который по единственному отпечатку ноги на песке смог определить, что рядом с ним на острове находится другой, и притом двуногий, человек, так и p^{52} доказывает, что четвертое Евангелие читалось и переписывалось в первой половине II столетия в провинциальном городке на берегу Нила, удаленном на сотни километров от места написания этого текста (малоазийский Эфес). Если бы о существовании этого отрывка в середине XIX века знали новозаветники из тюбингенской школы, основанной блестящим профессором Фердинандом Христианом Бауром, то для их выводов о том, что четвертое Евангелие написано не ранее 160 г., не было бы никаких оснований.

p^{66} После папирусов, купленных Честером Битти, наиболее удачным приобретением новозаветных рукописей считается собрание женевского библиофила и гуманиста Мартина Бодмера, основателя Бодмерской библиотеки всемирной литературы в Колоньи, пригороде Женевы. Один из старейших отрывков греческого Нового Завета содержится в папирусном кодексе Евангелия от Иоанна (папирус Бодмера II), который был издан в 1956 г. Виктором Мартэном (Martin), профессором классической филологии в Женеве. По мнению издателя, рукопись относится примерно к 200 г.[97] Размер листа 15 на 14 см. Этот папирусный кодекс состоит из шести тетрадей, от которых сохранилось 104 страницы. Документ содержит текст Ин 1:1–6,2 и 6:35b-14:15. Со временем Бодмер приобрел еще 46 страниц этого же кодекса, которые были опубликованы Мартэном в 1958 г. в качестве приложения[98]. Поскольку большинство из этих фрагментов малы по размеру, а некоторые представляют собой не более, чем мелкие клочки, то и объем сохранившегося текста Ин 14–21 невелик.

Текст p^{66} является смешанным. В нем переплетаются характерные элементы александрийского и западного типов. Примечательно, что эта рукопись насчитывает около 440 исправлений, сделанных между строк, над стертыми местами и на полях. По всей видимости, в большинстве случаев писец исправил собственные ошибки, которые допустил по небрежности. Однако часть исправлений предполагает использование другой рукописи, по которой проводилась правка текста. Несколько отрывков содержат уникальные чтения, которые отсутствуют во всех других рукописях. В Ин 13:5 при описании того, как Иисус омыл ноги учеников, автор использует весьма своеобразное слово: по тексту p^{66} Иисус взял не «умывальницу» (νιπτήρα, а «умывальницу для ног» (ποδονιπτήρα). В Ин 7:52 наличие определенного артикля в достаточно трудном для понимания месте подтверждает тот смысл, наличие которого предполагали ученые, а именно: «Исследуй [Писание] и ты увидишь, что из Галилеи не приходит *Пророк*»[99].

p[72]. Самые ранние из известных — Послание Иуды и два послания Петра — включены в другой папирусный кодекс, приобретенный М. Бодмером и изданный Мишелем Тестюзом (Michel Testuz) в 1959 году. Эта рукопись, которую издатель датирует III в., содержит разнообразные документы, расположенные в следующем порядку: Рождество Марии, апокрифические послания Павла к Коринфянам, 11 псалом Соломона, Послание Иуды, проповедь Мелитона на Пасху, фрагмент песнопения, Апологию Филея, псалмы 33–34 и два послания Петра. Сравнительно малый размер кодекса (15 на 14,5 см) заставил издателя предположить, что он был написан для частного пользования, а не для чтения во время церковных служб. По всей видимости, в написании рукописи принимали участие четверо писцов. Особенности текста 1 Пет прямо указывают на его принадлежность к александрийской группе, в особенности к Александрийскому кодексу.

p[74]. Папирус Бодмера XVII, изданный Родольфом Кассером (Kasser) в 1961 г., представляет собой крупный по размеру папирусный кодекс, датируемый VII в. Первоначально кодекс насчитывал 264 страницы, размером 33 на 20 см. До наших дней он дошел в довольно плохом состоянии с многочисленными лакунами. Мы располагаем лишь отдельными отрывками текста Деян, Иак, 1 и 2 Пет, 1–3 Ин и Иуд. Тип текста данного папируса в целом совпадает с александрийскими свидетелями[100].

p[75]. Еще одна ранняя библейская рукопись, приобретенная Бодмером, представляет собой однотетрадный кодекс с текстами Евангелий от Луки и Иоанна. Из первоначального количества страниц (144) размером 26 на 13 см в кодексе сохранились, частично или полностью, 102 страницы. Текст рукописи выполнен четким и красивым маюскульным письмом, похожим на письмо p[45], хотя с менее выраженным дуктом. Издатели этого документа, Виктор Мартэн и Родольф Кассер, определили, что он написан в период между 175 и 225 г. Таким образом, эта рукопись является самым ранним из имеющихся на сегодня списков Евангелия от Луки и одним из самых ранних списков Евангелия от Иоанна. Написание имени «Иоанн» в рукописях любопытным образом меняется. В Лк оно неизменно пишется с одной ν (Ἰωάνης), и в начале Ин это правило также соблюдается. В Ин 1:26, однако, между строк над α и ν появляется второе ν (как и в 10:40). После этого геминация ν проявляется, кроме 3:27, где (возможно из-за невнимательности) писец вернулся к старой форме.

Невозможно переоценить текстологическую значимость этого свидетеля, поскольку форма текста очень близка Ватиканскому кодексу[101].Это единственный греческий свидетель, который в отдельных местах весьма близок саидскому переводу и подтверждает подлинность нескольких любопытных чтений. Так, в Ин 10:7 вместо традиционного текста «Я дверь для овец», p[75] заменяет «дверь» (ἡ θύρα) на «пастух» (ὁ ποιμήν). Еще более примечательной является вставка в Лк 16:19, где в рассказе Иисуса о богаче и Лазаре после слова πλούσιος появляется ὀνόματι Νευης (см. рис. 8). В саидский текст попала характерная для древних катехизаторов Коптской церкви традиция, о том, что богача, имя которого стало нарицательным для всех распутных богачей, звали «Ниневия». Писец p[75] наверняка знал об этом, и лишь благодаря случайной гаплографии написал «Неве» вместо «Ниневия» (Νευης вместо Νινευης)[102].

Рис. 8. Папирус Бодмера XIV (p^{75}, между 175 и 225 г.). Колоньи/Женева. Лк 16:9-21. Имя богача находится в восьмой строке снизу (см.). Размер оригинала 26×13 см.

p^{115}. Эта плохо сохранившаяся рукопись Апокалипсиса была недавно опубликована в собрании оксиринхских папирусов под номером 4499[103]. Она состоит из 26 фрагментов, относящихся к девяти разным страницам. Мы не можем определить, содержались ли в исходной рукописи какие-либо иные тексты, помимо Откр. Фрагменты палеографически датируются концом III — началом IV века, таким образом, делая p^{115} одним из древнейших свидетелей для текста Апокалипсиса: чуть старше, чем Синайский кодекс, но моложе чем p^{47}. Более важным является то обстоятельство, что фрагменты содержат весьма качественный текст. Они часто совпадают с чтениями кодексов A и C, что делает p^{115} «древнейшим представителем текстуального типа A C, более чем на сто лет предваряющим появление этих кодексов»[104]; он довольно часто поддерживает те текстуальные варианты A, которые, по-видимому, представляют собой древнейшую форму текста.

Среди многих интересных особенностей p^{115} можно отметить то, как в этом папирусе передается стих Откр 13:18. В большинстве рукописей число Антихриста — 666. Однако в p^{115} мы встречаем число 616, что совпадает с чтением кодекса C и рукописной традицией,

которой пользовался Ириней Лионский. (Интересно заметить, что если «Кесарь Нерон» написано еврейскими буквами, то сумма их числовых значений даст 666; в том случае, если опускается факультативный нун в конце имени Нерона, числовое значение меняется на 616.) По мнению Дэвида Паркера, в некоторых случаях чтения этого фрагментированного папируса должны повлиять на выбор текстуальных вариантов для последующих печатных изданий Нового Завета.

2. Важнейшие греческие маюскульные рукописи Нового Завета

א Первенство в списке новозаветных рукописей по традиции занимает кодекс греческой Библии IV в., обнаруженный в середине XIX в. Константином фон Тишендорфом в монастыре св. Екатерины на горе Синай. Отсюда название кодекса — Синайский. Когда-то он содержал полный библейский текст, написанный красивым маюскулом (см. рис. 2) и расположенный в четырех столбцах на каждой странице. Размер каждой страницы составляет 38 на 34 см. Текст Ветхого Завета не сохранился полностью до наших дней — отдельные его части утрачены навсегда, но, к счастью, новозаветный текст уцелел полностью, более того: Синайский кодекс является единственной полной греческой маюскульной рукописью Нового Завета.

История обнаружения этого памятника поистине удивительна и заслуживает более подробного рассказа. В 1844 г., не достигнув и тридцати лет от роду, Тишендорф, приват-доцент Лейпцигского университета, отправился в длительное путешествие по Ближнему Востоку в поисках библейских рукописей. Во время посещения монастыря св. Екатерины на горе Синай он случайно увидел несколько листов пергамена в корзине для мусора, предназначенного для растопки монастырской печи. Внимательно рассмотрев листы, Тишендорф определил, что они являются частью списка Септуагинты с текстом Ветхого Завета, написанного ранним греческим маюскулом. Ученый извлек из корзины не менее 43 таких же листов. Один из монахов мимоходом заметил, что две корзины с подобными листами уже отправлены в топку! Спустя некоторое время, когда Тишендорфу показали другие части этого же кодекса (содержащие всего Исайю и 1 и 4 Маккавейские книги), ученый предупредил монахов, что подобные документы слишком ценны, чтобы их жечь. 43 листа, которые Тишендорфу позволили взять с собой, включали Первую книгу Царств, книги пророков Иеремии, Неемии и Ездры. По возвращении в Европу ученый передал их в университетскую библиотеку Лейпцига, где они хранятся по сей день. В 1846 г. он опубликовал текст кодекса, дав ему название Codex Frederico-Augustanus (в честь короля Саксонии Фредерика-Августа, государя и покровителя Тишендорфа).

В 1853 г. Тишендорф вторично посетил монастырь св. Екатерины в надежде приобрести остальные части кодекса. Однако восторг Тишендорфа по поводу обнаружения рукописи насторожил монахов, и он не смог узнать о рукописи ничего нового. В 1859 г. поиски вновь привели его на Синай, на этот раз он пользовался покровительством русского царя Александра II. За день до своего отъезда он подарил монастырскому эконому том Септуагинты, изданный им в Лейпциге. После этого настоятель заметил, что у него также имеется список Септуагинты, и извлек из шкафа в своей келье завернутую в красную ткань

рукопись. Глазам изумленного ученого предстало сокровище, которое он жаждал увидеть так много лет. Пытаясь скрыть свои чувства, Тишендорф как бы между прочим попросил разрешения взглянуть на рукопись еще раз в тот же вечер. Разрешение было получено, и, возвратившись в свою комнату, Тишендорф всю ночь изучал рукопись, ибо, как заявил в дневнике (который он, будучи человеком ученым, вел на латыни), *quippe dormire nefas videbatur* («заснуть казалось делом кощунственным»). Тотчас же обнаружилось, что рукопись содержала гораздо больше, чем Тишендорф мог от нее ожидать, ибо в кодексе присутствовала не только значительная часть Ветхого Завета, но и полный текст Нового Завета (и притом в идеальном состоянии!) а также два раннехристианских произведения II в. — послание Варнавы (которое до середины XIX века имелось лишь в плохом латинском переводе) и большой отрывок из Пастыря Гермы, дотоле известного вообще лишь по названию.

На следующее утро Тишендорф попытался купить столь ценную рукопись, но ему было отказано. Тогда он попросил разрешения взять документ на время в Каир для изучения, но этому воспротивился монах, в чьем ведении находилась алтарная тарелка для сбора пожертвований, и ученому пришлось уехать ни с чем.

Позднее, находясь в Каире, где у синайских монахов было подворье, Тишендорф своей настойчивостью упросил настоятеля монастыря св. Екатерины, который в тот момент, по счастью, оказался в Каире, послать за документом. Быстрые бедуинские гонцы доставили рукопись из монастыря, и Тишендорф наконец получил возможность переписать ее, тетрадь за тетрадью — иными словами, имея в своем распоряжении не более восьми листов за один раз. В Каире обнаружилось двое немцев, книготорговец и аптекарь, которые немного знали греческий язык. Они помогли Тишендорфу переписать рукопись: ученому оставалось лишь тщательно проверять скопированный помощниками текст. За два месяца они скопировали 110.000 строк текста.

Следующим этапом переговоров стало осуществление того, что можно эвфемистически назвать «церковной дипломатией». В то время освободилось место игумена монастыря св. Екатерины (занимавший его являлся одновременно и предстоятелем всей Синайской церкви). Тишендорф предложил монахам преподнести какой-либо подарок русскому царю как покровителю православной церкви — ведь на его участие в процессе подбора и назначения нового игумена монахи возлагали большие надежды. А какой подарок мог более соответствовать случаю, если не древняя рукопись? После весьма продолжительных переговоров бесценный кодекс был вручен Тишендорфу для публикации в Лейпциге и преподнесения русскому императору от имени монахов. На Востоке принято преподносить ответный подарок (ср. Быт 23, где Ефрон «отдает» Аврааму поле для места погребения, а Авраам тем не менее платит за землю 400 сиклей серебра). Русский царь, в свою очередь, подарил монастырю серебряную раку для мощей св. Екатерины, семь тысяч рублей на поддержание Синайской библиотеки, две тысячи рублей каирскому подворью, а также пожаловал высокопоставленным монахам несколько русских орденов (врученных по тому же принципу, по какому присуждаются почетные степени). В 1862 г., когда праздновалось тысячелетие основания Российского государства, было выпущено роскошное издание текста рукописи в четырех томах. Кодекс издали на казенные деньги и напечатали в Лейпциге особым шрифтом, который был отлит таким образом, чтобы до малейших деталей

воспроизвести особенности каждой строки оригинала[105].

Окончательная публикация кодекса была осуществлена в XX в., когда издательство Оксфордского университета выпустило факсимильное издание по фотографиям, сделанным профессором Кирсоппом Лейком (Новый Завет, 1911; Ветхий Завет, 1922). После революции в России советское правительство, нуждаясь в деньгах и не интересуясь Библией, договорилось с попечителями Британского музея о продаже кодекса за 100.000 фунтов стерлингов (немногим больше, чем 500.000 долларов по тогдашнему курсу). Британское правительство взяло на себя обязательство обеспечить половину требуемой суммы, тогда как другая половина собиралась по подписке, из пожертвований и вкладов заинтересованных в покупке американцев, а также частных лиц и отдельных религиозных общин по всей Британии. За несколько дней до Рождества 1933 года рукопись была перевезена под охраной в Британский музей[106]. Тщательное палеографическое исследование рукописи проведено сотрудниками музея, Г. Дж. М. Милном (Milne) и Т. К. Скитом (Skeat), а его результаты опубликованы в книге под названием «Scribes and Corrections of Codex Sinaiticus» («Писцы и правщики Синайского кодекса»), London, 1938[107]. При этом выяснилось много нового. Например, применение новых технических методов, а именно использование ультрафиолетовых ламп, позволило Милну и Скиту обнаружить, что после Ин 21:24 писец начертил две декоративные линии (коронис) в нижней части столбца с текстом и сделал запись о том, что текст Евангелия от Иоанна завершен. (Такие же декоративные линии и записи появляются в рукописи в конце каждой книги.) Спустя некоторое время тот же самый писец смыл запись с пергамена и добавил заключительный стих (ст. 25), вторично нарисовав коронис в соответствующем месте ниже первого (см. рис. 9).

В 1975 году произошло то, что сам Скит назвал последней главой в романтической истории, приключившейся с Синайским кодексом[108]. В монастыре св. Екатерины была обнаружена запертая до тех пор комната, в которой хранились бесценные произведения искусства и более тысячи рукописей на разных языках, из который 836 были греческими. При разборе последних было найдено 12 целых листов Синайского кодекса и еще некоторое число фрагментов. Завершив предварительный обзор вновь найденного материала, профессор Панайотис Никопулос, хранитель рукописей в Национальной библиотеке в Афинах, совместно с экспертами в области консервации манускриптов начали собирать рабочую группу из ученых Греции для проведения всех необходимых работ[109].

Тип текста, представленный в Синайском кодексе, в целом принадлежит александрийской группе, но также содержит определенный пласт разночтений из западной группы[110]. Перед тем как кодекс покинул скрипторий, несколько писцов вычитали его текст, проделав работу корректора, или, по-гречески διορθωτής. Чтения, за вставку которых ответственны справщики, в критическом аппарате обозначались как $\aleph^{a}$. Позднее (возможно, в VI или VII в.) группа корректоров, работая в Кесарии, внесла в тексты Нового и Ветхого Заветов большое количество исправлений. По этим чтениям, обозначенным буквами $\aleph^{ca}$ и $\aleph^{cb}$, можно судить о том, что текст пытались править по другому образцу. Согласно сведениям, приведенным в колофоне в конце книг Ездры и Эсфирь, за этот образец была принята «очень древняя рукопись, которую исправлял своей рукою св. мученик Памфил»[111].

A. Этот красивый кодекс, который датируют приблизительно V в., содержит текст

Ветхого Завета, за исключением нескольких испорченных мест, и большей части Нового Завета (Евангелие от Матфея утрачено от начала и вплоть до стиха 25:6, а также листы, на которых находился текст Ин 6:50-8:52 и 2 Кор 4:13–12:6). В 1627 г. этот кодекс был подарен Константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом английскому королю Карлу I. В настоящее время Александрийский и Синайский кодексы занимают видное место в витрине отдела рукописей Британского музея. Фоторепродуцированное издание кодекса осуществлено в 1879–1883 гг. по инициативе Британского музея. За осуществление проекта отвечал Э. М. Томпсон (Thompson), и впоследствии Фр. Кеньон (Kenyon) выпустил уменьшенное факсимильное издание Нового Завета (1909 г.) и отдельных частей Ветхого Завета.

Качество новозаветного текста, сохранившегося в Александрийском кодексе, разнится от книги к книге. В Евангелиях он представляет собой древнейший образец византийского типа, который считается наименее ценным. В остальных новозаветных книгах (их писец, по всей видимости, переписывал с одной рукописи, а Евангелия — с другой) тип текста совпадает с B и א и является александрийским[112].

B. Одной из самых ценных рукописей греческой Библии по праву считается Ватиканский кодекс. Как подсказывает само название, рукопись хранится в Ватиканской библиотеке в Риме, куда попала не позднее 1475 г., так как ее упоминает самый первый каталог библиотечных сокровищ, составленный в этом году. По причинам, которые так и остались загадкой, на протяжении большей части XIX в. руководство библиотеки чинило бесконечные препятствия ученым, желавшим детально изучить рукопись. Лишь в 1889–1890 гг. появление полного факсимильного издания, осуществленного Джузеппе Коцца-Луци (Cozza-Luzi), сделало рукопись доступной для изучения. Еще одно факсимильное издание Нового Завета вышло в свет в Милане в 1904 г.[113].

Рукопись была написана в середине IV в. и содержала книги Нового и Ветхого Заветов, так же, как и некоторые апокрифы, за исключением Маккавейских книг. В кодексе на сегодняшний день имеются три лакуны: в начале отсутствуют почти 46 глав Книги Бытия; утрачено примерно 30 псалмов, потеряны также и заключительные страницы кодекса (Евр 9:14, 1 и 2 Тим, Тит, Филимон и Апокалипсис).

Рукопись написана мелким и изящным маюскулом, совершенно простым и незатейливым. К сожалению, красоту оригинального письма испортил позднейший корректор, который заново обвёл каждую букву, не тронув лишь те слова и буквы, которые считал неправильными. Полное отсутствие украшений в Ватиканском кодексе обычно служит доказательством того, что он несколько старше Синайского кодекса. С другой стороны, некоторые исследователи считают, что обе эти рукописи были в числе 50 списков, которые император Константин поручил написать Евсевию (см. выше). Т. К. Скит даже выдвинул предположение, что Ватиканский кодекс был среди этой полусотни списков своего рода бракованным экземпляром: в нем неполны таблицы Евсевия и присутствует большое количество исправлений, внесенных различными писцами; а также, как сказано выше, в нем нет Маккавейских книг, которые были пропущены, скорее всего, по невнимательности переписчика. Был ли этот кодекс браком в работе или нет, мы не знаем, однако многие ученые считают представленный в нем текст блестящим образцом александрийского типа текста Нового Завета.

Подобно другим новозаветным рукописям, в Ватиканском кодексе текст Нового Завета делится на своеобразные главы. Однако их система, по всей видимости, древнее той, что широко представлена в остальных пергаменных списках Нового Завета: так, в посланиях не предусмотрено место для 2 Петр, и следовательно, эта система деления на главы появилась когда это послание еще не вошло в канон. Кроме этого, в посланиях Павла нумерация глав является сквозной: она начинается с Рим, и счет не начинается заново в каждом отдельном послании (как это мы видим в других рукописях). В Ватиканском кодексе Послание к Евреям следует за посланиями к Фессалоникийцам; несмотря на это, порядок нумерации глав показывает, что в рукописи, с которой переписывался кодекс, оно находилось сразу после Послания к Галатам (ср. порядок, в котором расположены послания в p^{46})[114].

C. Название «кодекс Ефрема» было дано греческой библейской рукописи V в., первоначальный текст которой, как было замечено выше в гл. I, был стерт в XII в., и многих листы его использованы повторно для того, чтобы записать на них греческий перевода 38 аскетических трудов — трактатов или проповедей — св. Ефрема, сирийского отца церкви IV в. Применив химические реагенты, путем долгой и кропотливой работы Тишендорф сумел прочесть почти весь исходный текст, практически уничтоженный при повторном использовании пергамена[115]. От всего текста Ветхого Завета осталось лишь 64 листа, тогда как от Нового — 145 листов (что составляет 5/8 от его предполагаемого общего объема) с отрывками текста из всех книг, за исключением 2 Фес и 2 Ин.

Хотя рукопись относится к V в., для текстуальной критики он представляет собой куда меньшую ценность, чем можно предположить. Текст его, как оказывается, представляет собой контаминацию основных текстуальных типов, часто соглашается со второстепенными александрийскими свидетелями, а кроме того — с поздними рукописями койне или византийского типа, который большинство ученых считают наименее значимым из всех типов новозаветного текста. В рукопись вносили исправления два корректора, на которых ссылаются как на C^2 или C^b и C^3 или C^c соответственно. Первый из них, вероятно, жил в Палестине в VI в., а второй в Константинополе в IX в.

D. Кодекс Безы, или Codex Cantabrigiensis, отличается от всех перечисленных ранее рукописей во многих отношениях. Этот кодекс подарил в 1581 г. библиотеке Кембриджского университета Теодор Беза, известный французский ученый, возглавивший Женевскую церковь после Кальвина. Данный документ датируют V или VI в. В него вошла значительная часть текстов четырех Евангелий и Деяний, а также небольшой фрагмент из 3 Ин. Греческий и латинский тексты расположены друг напротив друга справа и слева на каждом развороте соответственно. Текст на странице расположен в один столбец, но не единым блоком — он разделен на строки разной длины, соответственно синтаксическому и смысловому членению текста: то слово, на которое падает смысловое ударение, всякий раз оказывается в конце строки. Евангелия расположены в так называемом западном порядке, т. е. вначале идут Евангелия апостолов, а затем их спутников (Матфей, Иоанн, Лука и Марк). В каждой книге первые три строки написаны красными чернилами, а приписки в конце каждой книги сделаны поочередно красными и черными чернилами. В 1864 г. Ф. Г. Скривенером (Scrivener) было выпущено тщательно подготовленное издание этой рукописи с полными аннотациями[116], а в 1899 г. в издательстве Кембриджского университета вышла в свет красивая факсимильная репродукция всей рукописи. В 1992 г.

университет также выпустил другую книгу, которая и для будущих поколений останется непревзойденным по своей глубине кодикологическим исследованием рукописи. Дэвид Паркер, британский ученый из Бирмингема, изложил результаты своих изысканий в пяти категориях: палеография, писец и традиция, корректоры, двуязычная традиция, происхождение и история текста[117].

Ни одна из других известных рукописей не отличается столь существенно и во многом от того, что принято считать стандартным новозаветным текстом. Характерной чертой Кодекса Безы является свободное добавление или случайный пропуск слов, предложений и целых эпизодов. Так, в главе 6 Евангелия от Луки стих 5 следует после стиха 10, а между стихами 4 и 6 находим следующее описание: «В тот же день, увидев, как некто работает в субботу, Он [Иисус] сказал ему: „Человек, если ты знаешь, что делаешь, то ты блажен, если же нет, то ты осужден как преступивший закон“» (см. рис. 10)[118]. Хотя данный отрывок, который не встречается более ни в одной рукописи, нельзя отнести к оригинальному тексту Луки, он вполне может сохранять аутентичную традицию I в. о «многом другом, что совершал Иисус», но о чем не было написано в Евангелиях (см. Ин 21:25). В описании последней вечери у Лк 22:15–20 этот кодекс (наряду с некоторыми латинскими и сирийскими источниками) опускает последнюю часть 19 стиха и весь 20 стих: таким образом, исчезает всякое упоминание о второй чаше, которую Иисус взял после вечери, и порядок совершения таинства изменяется на противоположный (сперва чаша, затем хлеб). В Лк 23:53 находим дополнительные сведения об Иосифе Аримафейском, который, положив тело Иисуса в гробницу, высеченную в скале, «придвинул к ней [большой] камень, который двадцать человек еле могли катить».

Рис. 10. Codex Bezae Cantabrigiensis (D, V в.). Университетская библиотека, Кембридж. Лк 5:38-6:9 (с аграфоном Иисуса, строки 16 слл. Размер оригинала 25×21,5 см.

Есть и другой примечательный отрывок, принципиальным свидетелем текста для которого является Кодекс Безы поддерживаемый другой маюскульной рукописью *Φ*, старолатинским и кьюртоновским сирийским переводами, а также несколькими списками Вульгаты. Все они содержат после Мф 20:28 большое дополнение:

> «Вы же следите за тем, чтобы возвеличиться из малого и уменьшиться из большего. Когда вы входите в дом и вас приглашают отобедать, не возлегайте на местах выдающихся, дабы не пришел кто-то более достойный, чем ты, и позвавший тебя на пир не сказал бы тебе „Спустись ниже“, и ты был бы пристыжен; но если ты займешь худшее место, и придет некто менее достойный, чем ты, скажет тебе позвавший тебя на пир „Поднимись выше“, и будет тебе это на благо»[119].

Наиболее существенное отличие Кодекса Безы от всех других свидетелей касается текста Деяний Апостолов[120], который на одну десятую длиннее общепринятого текста. Так, в Деян 12:10 говорится, что в тюрьму, куда был посажен Петр, с улицы вели семь ступенек. В Деян 19:9 также добавляется новая деталь: находясь в Эфесе, Павел проповедовал в училище Тиранна ежедневно «с пятого часа до десятого», или, по нашему счету, от 11 до 16 часов, то есть в то время, когда сам ритор Тиранн занятий не проводил. В постановлении, который вынес Апостольский собор около 50 г., эта рукопись пропускает один из четырех запретов — требование воздерживаться от удавленины, а в конце прибавляется (Деян 15:20 и 29) «золотое правило» в отрицательной форме.

Приведенных выше примеров достаточно, чтобы показать, что свобода в обращении с текстом является отличительной чертой того текстуального типа — западного, — наиболее ярким свидетелем которого является Кодекс Безы. Эта билингва привлекла к себе наибольший интерес ученых, особым объектом которого стали те места, где греческий текст расходится с параллельным латинским или где оба текста или какой-либо один отклоняется от свидетельства других рукописей[121]. При этом единодушия в решении многих вопросов, которые встают при изучении этого памятника, по-прежнему нет.

*D^p^*. Обозначение D^p (иногда D_2) относится к Клермонтскому кодексу (codex Claromontanus) VI в.[122], в который входят только послания Павла (включая и Послание к Евреям). Как и Кодекс Безы (в котором посланий Павла нет), D^p является двуязычной греко-латинской рукописью, где греческий текст размещен на левой стороне и разбит так, что конец каждой строки совпадает со смысловой паузой. Выявлено участие минимум девяти корректоров; из них четвертый, живший в IX в., расставил диакритические знаки (ударения и придыхания). Текст этой рукописи, как и Кодекса Безы, относится к западному типу. Стоит отметить, однако, что западные разночтения в посланиях не столь разительны, как в Евангелиях и Деяниях. Издан в 1852 г. Тишендорфом.

E. Базельский кодекс (codex Basiliensis), написанный в VIII в., включает тексты четырех Евангелий на 318 листах. Как можно судить по названию, хранится в библиотеке университета Базеля в Швейцарии. Рукопись отражает византийский тип текста (см. рис. 6)[123].

E^a (также обозначается как E_2). Некогда принадлежавшая английскому церковному реформатору и архиепископу Кентерберийскому Уильяму Лауду рукопись ныне хранится в Бодлеянской библиотеке, и по имени прежнего владельца называется codex Laudianus 35. Датируется концом VI или началом VII в.; содержит Деяния Апостолов на латинском и греческом языках. Текст разбит на очень короткие строки длиной не более трех слов;

латинский текст расположен в левой колонке. Рукопись представляет смешанный тип текста, который во многом совпадает с Кодексом Безы, но в большей степени отражает византийский тип. Это самая древняя из известных рукописей, в которой содержится исповедание веры эфиопа (Деян 8:37; см. рис. 11). Тишендорф опубликовал эту рукопись в 1870 г.

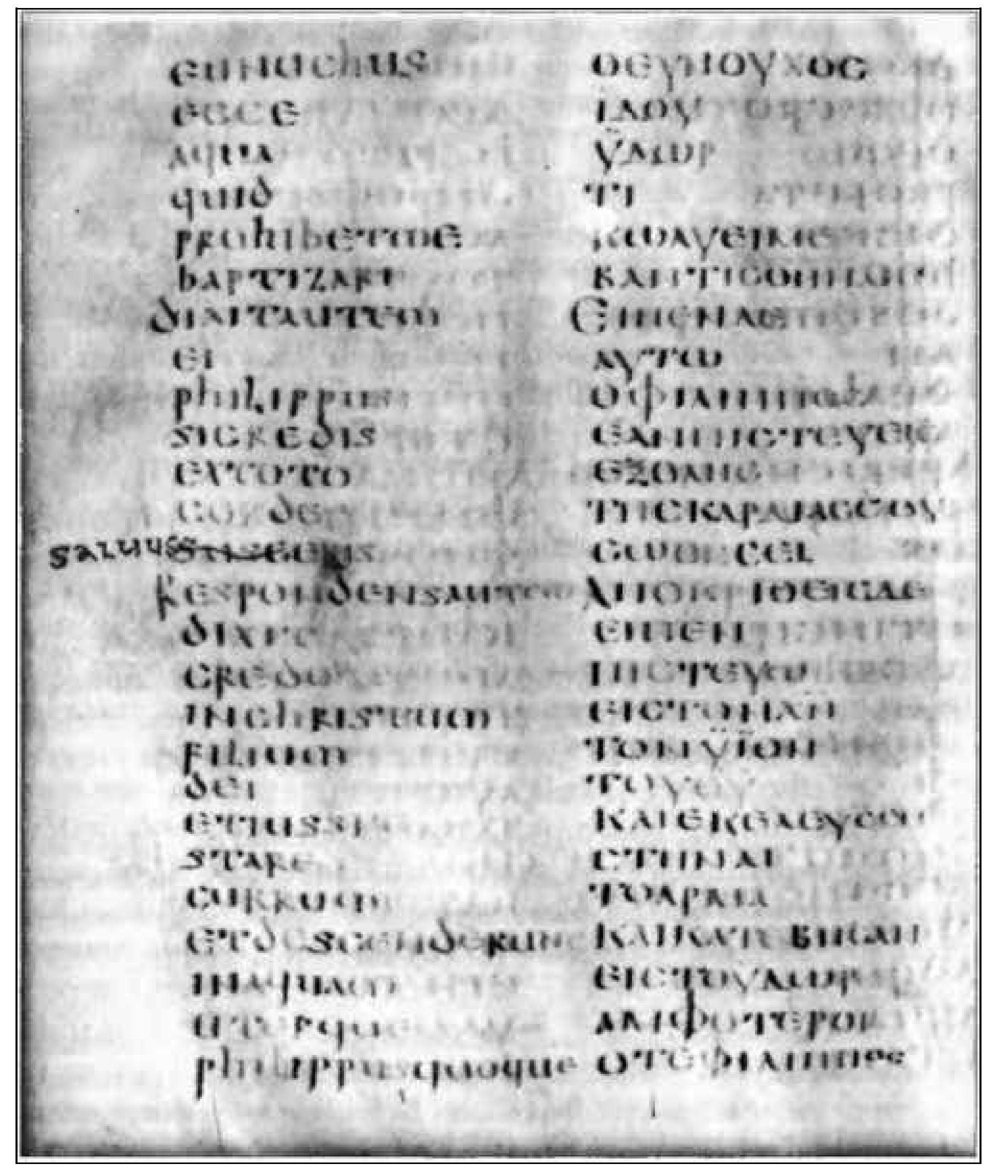

Рис. 11. Codex Laudianus (E^a, VI или VII в.). Бодлеянская библиотека, Оксфорд; Деян 8:36–38 (древнейшее свидетельство в пользу стиха 8:37). Размер оригинала 25,5×20,5 см.

E^p (также обозначается как E_3). Сенжерменский кодекс (codex Sangermanensis), хранящийся в Санкт-Петербурге, содержит послания Павла на греческом и латинском языках, тексты которых расположены на противоположных страницах. Этот документ был переписан в IX или X в. с Клермонтского кодекса и поэтому самостоятельной ценности не представляет.

F. Борилианский кодекс (codex Boreelianus) хранится с 1830 г. в университетской библиотеке в Утрехте. Некогда принадлежал Иоганнесу Борилю, голландскому послу при дворе английского короля Иакова I. В его состав входят тексты четырех Евангелий (с большими лакунами). Текст кодекса, датируемого IX в., является типично византийским.

*F^p^* (также обозначается как F_2). Данный кодекс IX в. (codex Augiensis) включает послания Павла, текст которых приводится параллельно на греческом и латинском языках (Послание к Евреям только на латинском). Когда-то рукопись принадлежала монастырю Рейхенау близ Констанца, называвшемуся по-латыни Augia Maior, отсюда ее название. В настоящее время она хранится в кембриджском Тринити-колледже. Текст кодекса, изданный Скривенером в 1859 г., принадлежит к западному типу.

G. кодекс Вольфа А (codex Wolfii A) также называют кодексом Харли или Гарлеянским (codex Harleianus). Он относится к IX в. и содержит четыре Евангелия с большим количеством лакун. Кодекс был привезен с Востока Эндрю Э. Зейдлем (Seidel) в XVII в.; позднее его приобрел И.-Хр. Вольф и в 1723 г. издал несколько отрывков из него. Впоследствии кодекс стал частью библиотеки Роберта Харли, и вместе с нею стал частью Британского музея, ныне в Британской библиотеке. Тип текста рукописи византийский.

G^p (также обозначается как G_3). Бёрнеров кодекс (codex Boernerianus), некогда принадлежавший лейпцигскому профессору Хр. — Фр. Бёрнеру, в настоящее время хранится в Дрездене. Кодекс датируют IX в. Он включает тексты посланий Павла на греческом языке и их буквальный перевод на латинский, написанный между строк. За Посланием к Филимону следует заголовок для последующего Послания к Лаодикийцам, но сам текст апокрифического послания отсутствует. Текст данной рукописи во многом близок тексту F^p, так, возможно, что они непосредственно или опосредованно восходят к одному архетипу[124]. Кодекс имеет много общих черт с рукописью Δ из монастыря св. Галла и, как полагают, был написан в этом монастыре кем-то из ирландских монахов, перебравшихся в эти земли. В нижней части листа 23 присутствуют восемь стихотворных строк на ирландском языке, в которых говорится о паломничестве в Рим:

Приехал ты в Рим, [приехал ты в Рим],
Как мало тут пользы, но много труда.
И если ты то, что хотел здесь найти,
С собой не привёз — не найдешь никогда[125].

H. Кодекс Вольфа В был привезен с Востока вместе с кодексом G и тоже принадлежал И.-Хр. Вольфу. Его последующая судьба становится в точности известной лишь с 1838 г. когда рукопись попадает в Гамбургскую библиотеку. Кодекс написан в IX или X в. и содержит четыре Евангелия с многочисленными лакунами. Текст принадлежит к византийскому типу.

H^a (его также обозначают H_2). Мутинский кодекс (codex Mutinensis) представляет собой список IX в. с текстом Деяний Апостолов (часть текста объемом примерно в семь глав отсутствует). Рукопись хранится в библиотеке великого герцога в Модене. Текст документа является представителем византийского типа.

H^p (также H_3). Коаленовский кодекс (codex Coislinianus) является важнейшим документом с текстом Деяний Апостолов; написан очень крупным почерком, длина строки составляет несколько слов. Текст принадлежит к александрийскому типу. Написанная не

ранее VI в. рукопись принадлежала афонской Великой Лавре, и когда она начала ветшать и распадаться, ее листы использовались как переплетный материал для нескольких других рукописей. В настоящее время известно, что сохранился 41 лист этого документа, причем хранятся они в библиотеках Парижа, Петербурга, Москвы, Киева, Турина и горы Афон. В Послании к Титу сделана приписка, в которой сообщается, что рукопись исправлялась по списку, хранящемуся в Кесарийской библиотеке и переписанному рукой самого св. Памфила. Текст Коаленовского кодекса расположен в соответствии с колометрическим изданием посланий, подготовленным Евфалием (или Евагрием), которое содержится в нескольких других рукописях (см. выше).

I. Вашингтонский кодекс содержит послания Павла; находится в Музее Фрира при Смитсоновском институте. Первоначально рукопись насчитывала около 210 листов, из которых сохранилось 84 во фрагментах. Ученые датируют этот документ V или VI в. В него входят отрывки из посланий Павла, за исключением Послания к Римлянам (Евр расположено после за 2 Фес). Текст рукописи, изданный в 1921 г. Сандерсом, является хорошим примером текста александрийской группы и стоит ближе к א и A, чем к B.

K. Кипрский кодекс (codex Cyprius), датированный IX в., представляет собой полный список четырех Евангелий и отражает византийский тип текста.

K^{ap} (также K_2). Московский кодекс (codex Mosquensis) написан в IX в.; содержит тексты Деяний, Соборных посланий и посланий Павла (включая Евр). Текст, написанный маюскулом, разделен на параграфы при помощи комментариев, которые выполнены минускульным письмом. Внизу каждой страницы даны схолии, авторство которых приписывают Иоанну Златоусту. Текст кодекса является разновидностью I-текста фон Зодена (см.).

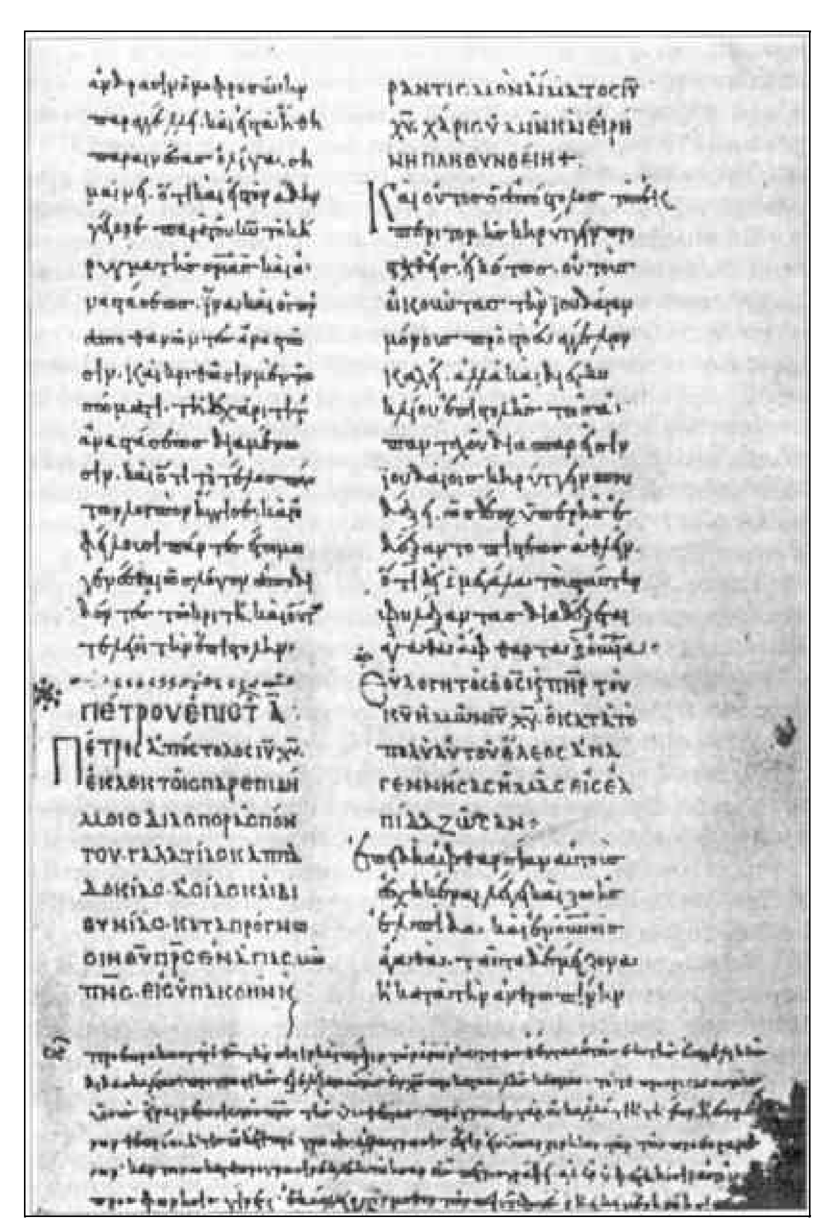

Рис. 12. Codex Mosquensis (K^{ap}, IX в.). Государственный исторический музей, Москва. 1 Пет 1:1–3, с комментариями и схолиями. Размер оригинала 33,5×23 см.

L. Королевский кодекс (codex Regius), написанный в VIII в., практически полностью содержит текст Евангелий и хранится в Национальной библиотеке Франции. Эта рукопись издана Тишендорфом в 1846 г. Хотя она была небрежно написана писцом, который допустил много грубых ошибок, по своему типу текст очень близок Ватиканскому кодексу (B) и представляет большую ценность. Самой интересной особенностью кодекса является то обстоятельство, что в Евангелии от Марка даны две концовки: вначале краткая, затем пространная. Последняя содержит традиционные стихи Мф 16:9-20; более краткий вариант заканчивается так: «Всё сказанное им они [женщины] кратко возвестили тем, кто был с Петром. После этого через них и Сам Иисус возвестил священную и нетленную проповедь о вечном спасении. Аминь». Эта концовка содержится также в некоторых других рукописях.

L^{ap} (также L_2). Кодекс Ангеликус (codex Angelicus), хранящийся в настоящее время в Библиотеке Ангелика в Риме, представляет собой рукопись IX в. с текстами Деяний, Соборных посланий и посланий Павла. Текст отражает, главным образом, византийский тип.

M. Кампийский кодекс (codex Campianus) включает тексты четырех Евангелий и хранится в Национальной библиотеке Франции. Рукопись написана не ранее IX в. и отражает в основном византийский тип текста с некоторым количеством кесарийских разночтений.

N. Одной из самых роскошных пергаменных рукописей считается Петербургский Пурпурный кодекс, написанный в VI в. серебряными чернилами на пурпурном пергамене. Сокращения для слов «Бог» и «Иисус» выделены в тексте золотыми буквами. Первоначально кодекс содержал тексты четырех Евангелий примерно на 462 листах. Однако приблизительно в XII в. он был разделен на части (возможно, крестоносцами), и его отдельные листы разлетелись по всему свету. В настоящее время 182 листа хранятся в Императорской библиотеке в Санкт-Петербурге[126], 33 листа находятся на Патмосе, 6 — в Ватиканской библиотеке, 4 — в Британском музее, 2 — в Вене, 1 — в Византийском музее в Афинах, 1 лист находится в частной коллекции в Лерме, в Италии, 1 — в библиотеке Дж. Пирпонта Моргана в Нью-Йорке[127]. Текст в основном принадлежит к византийскому типу, но содержит также разночтения из более ранних типов; Б. Х. Стритер считал, что этот документ (так же как и некоторые другие пурпурные рукописи, Σ, O и Φ) является плохим представителем кесарийского типа текста[128].

O. Синопский кодекс (codex Sinopensis) представляет собой роскошное издание, написанное в VI в. золотыми чернилами на пурпурном пергамене. На сегодняшний день сохранилось 43 листа из Евангелия от Матфея (в основном главы 13–24), а также 5 миниатюр. Кодекс этот был привезен в 1899 г. из Синопа (Малая Азия) одним французским офицером, ныне хранится в Национальной библиотеке Франции. Текст этого документа, изданного Анри Омоном (Henri Omont), является третичным источником кесарийского типа.

P^{apr} (также P_2). Порфирианский кодекс (codex Porphyrianus), хранящийся сейчас в Санкт-Петербурге, представляет собой палимпсест, оригинальный текст которого написан в IX в. Этот кодекс является одной из немногих маюскульных рукописей, в состав которых входит Книга Откровения (см. прим. 87). Кроме Апокалипсиса рукопись включает Соборные послания и послания Павла с лакунами. Верхний слой текста датируется 1301 г. и содержит комментарии Евфалия на Деяния Апостолов и послания ап. Павла в соседстве с библейским текстом. Тишендорф издал эту рукопись в 1865–1869 гг. По мнению фон Зодена, текст Деяний отражает тип койне, но допускает случайные вкрапления чтений *I*; в других книгах тип текста александрийский. Шмид (Schmid) тем не менее склонен думать, что текст Книги Откровения является вторичной переработкой основного типа текста Андрея Кесарийского.

R. Нитрийский кодекс (codex Nitriensis) в настоящее время хранится в Британском музее и представляет собой палимпсест, который содержит отдельные части Евангелия от Луки; первоначально был написан в VI в. красивым крупным почерком. Поверх евангельского текста в VIII–IX вв. был написан сирийский трактат Севира Антиохийского против Иоанна Грамматика. Данная рукопись также включает палимпсест из 4000 строк «Илиады» Гомера. Вместе с другими более чем пятьюстами рукописями этот кодекс был привезен в Англию в 1847 г. из монастыря св. Марии Матери Божьей, который располагался в Нитрийской пустыне в 70 милях на северо-запад от Каира. По мнению фон Зодена, текст рукописи относится к *I* (то есть западному) типу. Кодекс был издан Тишендорфом в 1857 г.

S. Данная рукопись считается одной из самых древних датированных греческих

рукописей, содержащих текст Евангелий; в колофоне указано, что она была написана монахом по имени Михаил в 6457 г. от сотворения мира (= 949 г.). В настоящее время рукопись находится в Ватиканской библиотеке под номером 354. Тип текста — византийский.

T. Кодекс Борджиа (codex Borgianus), хранящийся в Коллегии Пропаганды веры в Риме, представляет собой важнейшую греко-саидскую рукопись V в.[129] К сожалению, ее текст сохранился только во фрагментах. В нее входят 179 стихов из Евангелий от Луки (гл. 22–23) и Иоанна (гл. 6–8). Характер текста очень близок Ватиканскому кодексу (B).

V. Московский кодекс (codex Mosquensis), первоначально хранившийся в Ватопедском монастыре на горе Афон, сейчас находится в Москве[130]. В состав кодекса, написанного в IX в., включены четыре Евангелия, сохранившиеся почти полностью. Маюскульный текст обрывается на стихе Ин 8:39, после которого рукопись продолжается минускулом XIII в. Тип текста — византийский.

W. Одной из наиболее ценных маюскульных рукописей, найденных в XX в., является кодекс Четвероевангелия, приобретенный Чарльзом Л. Фриром из Детройта в 1906 г. и ныне хранящийся в музее Фрира при Смитсоновском институте в Вашингтоне. Кодекс написан в конце IV — начале V в., и, как и в Кодексе Безы, Евангелия в нем расположены в так называемом западном порядке (Мф, Ин, Лк, Мк). На передней и задней переплетных крышках имеются миниатюры, каждая из которых изображает по двое евангелистов; как полагают, эти миниатюры относятся к VII или VIII в. Тип текста рукописи прихотливо меняется, словно бы ее переписывали с нескольких рукописей, принадлежащих к разным текстуальным семьям. В Мф и Лк 8:13–24:53 текст представляет собой византийский тип, в Мк 1:1–5:30 — западный, напоминающий старолатинский тип; в Мк 5:31–16:20 текст ближе к кесарийскому типу (похож на p^{45})[131], а Лк 1:1–8:12 и Ин 5:12–21:25 относится к александрийскому типу. Текст Ин 1:1–5:2 написан в тетради, которая была вставлена в VII веке (видимо, взамен испорченной); он является смешанным и содержит ряд александрийских и некоторое количество западных разночтений. По мнению издателя рукописи Генри А. Сандерса, такое наслоение различных форм текста можно объяснить тем, что кодекс восходит к прототипу, составленному из фрагментов различных евангельских рукописей, собранных воедино после попытки императора Диоклетиана победить христианство, уничтожив священные книги.

Одним из наиболее замечательных разночтений кодекса W является вставка в конце Евангелия от Марка — частично она была известна Иерониму, который писал, что она присутствует «в определенных списках и особенно в греческих кодексах». Вслед за описанием появления воскресшего Христа, Который упрекнул одиннадцать учеников «за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили» (Мк 16:14), в тексте следует такое продолжение:

> И они оправдывались, говоря: «Этот век беззакония и безверия находится под властью сатаны, который не допускает, чтобы то, что является нечистым из-за духов, восприняло правду Бога[132]. Поэтому покажи же ныне свою праведность!» — так говорили они Христу. А Христос отвечал им: «Время власти сатаны завершилось, но грядут другие беззакония. И за тех, кто согрешил, Я был предан на

смерть, дабы вернулись они на путь истинный и не грешили больше; дабы они унаследовали духовную нетленную славу праведности на небесах»[133].

X. Мюнхенский кодекс (codex Monacensis), который в настоящее время хранится в университетской библиотеке в Мюнхене, содержит отдельные части четырех Евангелий в следующем порядке: Мф, Ин, Лк, Мк. Кодекс датируется X в. Во всех евангелиях, кроме Марка, евангельский текст перемежается патристическим комментарием, написанным минускулом. Хотя текст, в основном, является представителем византийского типа, он также содержит отдельные разночтения более раннего типа, близкого к александрийскому.

Z. Дублинский кодекс (codex Dublinensis), хранящийся в Дублине в библиотеке Тринити-колледжа, представляет собой палимпсест, состоящий из 32 листов с сохранившимися 295 стихами из Евангелия от Матфея. Текст написан крупным широким маюскулом VI в. Текст рукописи имеет много общего с текстом Синайского кодекса. Рукопись была издана Т. К. Эбботтом (T. K. Abbott) в 1880 г.

Δ. Санкт-галленский кодекс (codex Sangallensis) — это греко-латинская рукопись IX в., латинский текст которой написан между строк греческого текста (см. рис. 13). Кодекс содержит полный текст Четвероевангелия за исключением Ин 19:17–35. Текст Евангелия от Марка относится к александрийскому типу и близок к типу рукописи L. В других Евангелиях тем не менее текст представляет койне, или византийский тип. Рукопись была издана в 1836 г. Г.-Хр.-М. Реттигом (H. C. M. Rettig). В тексте Лк 21:32 есть примечательная ошибка: вместо οφθαλμούς (глаза) рука писца вывела ἀδελφούς (братья).

Рис. 13. Codex Sangallensis (Δ, IX в.). Монастырь св. Галла, Швейцария. Греческий текст с латинским междустрочным переводом; Лк 2:51-3:7. Размер оригинала 22,5×18 см.

Θ. Кодексом Коридети (codex Koridethi) называют рукопись с евангельскими текстами, которая была обнаружена в церкви свв. Кирика и Иулитты в небольшой грузинской деревне, располагавшейся у подножия Эльбруса. Перед тем как оказаться там, кодекс долгое время пребывал в городе Коридети (неподалеку от нынешнего Батуми); ныне рукопись хранится в Тбилиси. Рукопись написана довольно неровным, неряшливым почерком; по-видимому, ее писец не знал греческого языка. Издатели рукописи, Густав Беерманн и К. Р. Грегори датировали ее IX в. Текст Евангелий от Матфея, Луки и Иоанна близок по типу ко многим византийским рукописям, однако в Евангелии от Марка тип текста совсем другой — такой тип в III–IV вв. использовали Ориген и Евсевий в Кесарии.

Λ. Кодекс Тишендорфа III (codex Tischendorfianus), который в настоящее время находится в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, включает тексты Евангелий от Луки и Иоанна, написанные в IX в. наклонным маюскулом, начертание букв которого близко к славянскому кириллическому письму. Тип текста по преимуществу византийский. В конце Евангелий добавлен так называемый «Иерусалимский колофон» (см. ниже описание рукописи 157).

Ξ. Одним из наиболее любопытных палимпсестов считается Закинфский кодекс (codex

Zacynthius), фрагментарная рукопись, сохранившая большую часть Лк 1:1—11:3 3. В 1821 г. она была привезена с острова Закинф (в истории литературы более известного под его итальянским названием Занте), и в настоящее время хранится в библиотеке Британского и Иностранного библейского общества в Кембридже. Это древнейшая из известных новозаветных рукописей с вынесенным на поля комментарием и единственный случай написания текста и комментария маюскулом. Комментарий, с трех сторон окружающий колонку евангельского текста, представляет собой катену из экзегетических трудов девяти отцов церкви[134]. Тип текста александрийский, близкий к тексту Ватиканского кодекса (B) и также разделен на главы, что является особенностью этих двух маюскулов и кодекса 579. Рукопись изготовлена в VI в., затем в XII–XIII в. текст был стерт, а листы использованы для написания евангельского лекционария. Издан С. П. Трегелльсом в 1861 г.

П. Петербургский кодекс (codex Petropolitanus) содержит почти полное Четвероевангелие, в котором отсутствуют лишь 77 стихов Евангелий от Матфея и от Иоанна. Рукопись датируется IX в., тип текста византийский, является главой подсемейства сходного с текстом Александрийского кодекса, но не происходящего от него[135].

Σ. Россанский кодекс (codex Rossanensis) содержит Евангелия от Матфея и Марка, написанные на очень тонком пурпурном пергамене серебряными буквами, три первые строки Евангелий выполнены золотыми чернилами. Относится к VI в. и является самой ранней из известных рукописей, в которых имеются акварельные миниатюры, относящиеся ко времени написания кодекса. Всего в манускрипте 17 миниатюр[136]. На них изображены в частности: воскрешение Лазаря, изгнание торгующих из храма, десять дев, вход в Иерусалим, омовение ног, Тайная вечеря и Иисус перед Пилатом (см. рис. 14). Текст, изданный О. Гебхардом (von Gebhard) в 1883 г., очень близок к *N*; он часто согласуется с византийским типом текста, но в некоторых случаях обнаруживает и кесарийские чтения. Рукопись принадлежит архиепископу г. Россано на крайнем юге Италии.

Рис. 14. Codex Rossanensis (Σ, VI в.). Архив архиепископской курии Россано (Калабрия). Лист 8^{V} (Muñoz). Христос и Варавва перед судом Пилата (судебный стенографист стоит у стола; см. прим. 44). Размер оригинала 29,5×24,5 см.

Φ. Бератский кодекс (codex Beratinus), рукопись VI в., так же как и N, O и Σ представляет собой роскошный манускрипт, написанный серебряными чернилами на пурпурном пергамене. Содержит лишь Евангелия от Матфея и Марка со значительными лакунами. Принадлежит церкви св. Георгия в Берате (Албания). Текст, изданный П. Батиффолем (Batiffol) в 1887 г., в основном относится к типу койне, но содержит длинное западное дополнение после Мф 20:28, уже цитировавшееся при рассмотрении рукописи D. По мнению Стритера, рукопись представляет собой третичный источник кесарийского типа текста.

Ψ. Афонский кодекс Великой Лавры (codex Athous Laurae), как явствует из названия, принадлежит Великой Лавре на горе Афон. Относится к IX–X вв., содержит Евангелия (от 9-й главы Марка и далее), Деяния, Соборные послания (в необычном порядке: Петра, Иакова, Иоанна и Иуды), послания Павла и Послание к Евреям (последнее без одного листа). Как и кодекс L, содержит краткое окончание Евангелия от Марка перед длинным. По мнению Кирсоппа Лейка[137] текст Марка ранний, с чтениями как александрийского, так и западного типов, но в основном близок к группе א, C, L и Δ. В других Евангелиях преобладает

византийский тип текста с несколько большей долей александрийских чтений, чем в Δ.

Ω. Афонский Дионисиев кодекс (codex Athous Dionysiou), полный список Четвероевангелия (кроме Лк 1:15–28) из монастыря св. Дионисия на горе Афон; датируется IX в. По мнению фон Зодена — одна из трех древнейших рукописей, содержащих наиболее ранний вариант текста типа койне, или византийского. Колляции, подготовленные Мэри У. Уинслоу (Mary W. Winslow), изданы Кирсоппом Лейком и Сильвой Нью[138].

046. Ватиканский кодекс (codex Vaticanus) 2066, датируемый X вв., содержит Книгу Откровения, расположенную между трактатами Василия Кесарийского и Григория Нисского. Ранее обозначался B^r или B_2, что вызывало путаницу со знаменитым Ватиканским кодексом (B). Тип текста соотносится с минускулами 61 и 69, форма текста отличается как от ранних маюскулов, так и от более позднего церковного типа.

0171. Этот номер присвоен двум пергаменным фрагментам из Египта, датируемым примерно 300 г. и содержащим Лк 21:45–47, 50–53 и 22:44–56, 61–63. По мнению Лагранжа (Lagrange), важный египетский источник западного типа текста[139].

0220. Пергаменный лист с Посланием к Римлянам (4:5–5:3 и 5:8-13) датируется III в.; он был приобретен в Каире в 1950 г. д-ром Леландом Уайменом (Wyman), профессором биологии Бостонского университета. Важность 0220 обусловлена близостью текста к Ватиканскому кодексу во всем, кроме стиха 5:1, где очевидно читается изъявительное наклонение ἔχομεν[140].

3. Важнейшие греческие минускульные рукописи Нового Завета

Ниже перечислены важнейшие минускульные рукописи Нового Завета; в ряде случаев ученые обнаружили столь близкое текстуальное сходство, что стало возможным говорить не об отдельных рукописях, а о целых семействах.

Семейство 1. В начале XX в. Кирсопп Лейк[141] выделил семейство источников, включавшую рукописи 1, 118, 131 и 209, датируемых XII–XIV вв. Текстологический анализ Евангелия от Марка показывает, что сохранившийся в этих минускулах тип текста часто совпадает с кодексом *Θ* и указывает на тип текста, обращавшегося в Кесарии в III–IV вв. Недавно было высказано предположение, что для текста Мф в этой группе главенствующей должна считаться рукопись 1582.

Семейство 13. В 1868 г. У. Х. Феррар (Ferrar), профессор латинского языка Дублинского университета установил, что четыре средневековые рукописи (13, 69, 124 и 364) текстологически тесно связаны друг с другом. Его друг и коллега Т. К. Эбботт (Abbott) опубликовал в 1877 г. колляции, составленные Ферраром, к тому времени уже умершим. На сегодняшний день группа Феррара включает около дюжины рукописей, в том числе 230, 543, 788, 826, 828, 983, 1689 и 1709. Они написаны в промежутке между XI и XV вв. и восходят к архетипу, происходящему либо из Калабрии в южной Италии, либо с Сицилии[142]. Одна из примечательных особенностей — расположение перикопы о женщине, обвиненной в супружеской неверности (Ин 7:53-8:11), не в четвертом Евангелии, а после Лк 21:38. Так же как и семейство 1, данное семейство родственно кесарийскому типу текста[143].

Рукопись 28. Этот список содержит текст Четвероевангелия с лакунами и датируется

XI в.; он написан довольно небрежно, но тем не менее содержит немало примечательных разночтений, в особенности это касается Мк, текст которого принадлежит к кесарийскому типу. Рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции. Колляцию рукописи опубликовали супруги Лейк[144].

Рукопись 33. Со времен И.-Г. Эйхгорна (Eichhorn), одним из первых исследовавшего эту рукопись в начале XIX в., ее часто называли «королевой курсивного письма». В настоящее время она хранится в Национальной библиотеке Франции. Это ценный минускульный кодекс, который содержит полный Новый Завет за исключением Книги Откровения. Кодекс был написан в IX в. Этот документ является прекрасным образцом александрийского типа текста, который вместе с тем не лишен влияния койне, или византийского типа (в особенности это касается Деяний и посланий ап. Павла).

Рукопись 61. Данная рукопись, содержащая полный текст Нового Завета, была написана не ранее конца XV или, возможно, начала XVI в. В настоящее время она находится в Дублине в Тринити-колледже и представляет собою памятник скорее исторический, нежели текстуальный. Это первая греческая рукопись, в которой был обнаружен отрывок о трех Небесных Свидетелях (1 Ин 5:7–8). Лишь одна эта поздняя рукопись заставила Эразма вставить данный отрывок (вне всякого сомнения, неподлинный) в текст 1 Ин. Рукопись изумительно свежа и чиста от начала до конца — лишь тот разворот, на котором содержится искомый пассаж, засалился от постоянного изучения; создается впечатление, что этот кодекс был изготовлен лишь для того, чтобы опровергнуть Эразма (см. ниже).

Рукопись 69. Этот документ, содержащий полный Новый Завет, был переписан в XV в. константинопольским греком по имени Эммануил, который около 1468 года находился на службе у архиепископа Йоркского Джорджа Невилла[145]. Писчим материалом послужили пергамен и бумага. Рукопись принадлежит семейству 13 и была издана Т. К. Эбботтом наряду с другими рукописями из этого семейства. В настоящее время хранится в английском городе Лестере (Guildhall Museum).

Рукопись 81. Этот манускрипт, написанный в 1044 г., ныне хранится в Британской библиотеке и представляет собой один из наиболее ценных минускулов. Он включает текст Деяний, который по форме во многом совпадает с александрийским типом. Колляция рукописи была сделана Скривенером[146].

Рукопись 157. Этот красивый кодекс с текстами Евангелий, написанный в XII в. для императора Иоанна II Комнина (1118–1143), сейчас хранится в Ватиканской библиотеке. Тип текста документа похож на рукопись 33 и, по мнению Стритера, является кесарийским[147]. В колофоне, который находится также в дюжине других рукописей (Λ, 20, 164, 215, 262, 300, 376, 428, 565, 686, 718 и 1071), имеется запись о том, что рукопись была переписана и исправлена «по древним рукописям из Иерусалима». Этот колофон повторяется после каждого Евангелия. Колляция данной рукописи была издана Г. Ч. Хоскиером[148].

Рукопись 383. Этот кодекс XIII в. содержит тексты Деяний и посланий, как Павловых, так и Соборных. Кодекс хранится в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде. Август Потт (Pott) сделал колляцию этой рукописи для своей книги «Der abendländische Text der Apostelgeschichte und die Wir-Quelle» (Leipzig, 1900), 78–88, а А. К. Кларк использовал ее для реконструкции западного текста Деяний.

Рукопись 565. Она является одной из красивейших из всех известных рукописей. В

настоящее время она хранится в Публичной библиотеке в Петербурге[149]. Документ представляет собой роскошную копию Евангелий, написанную золотыми чернилами на пурпурном пергамене. По мнению исследователей, рукопись была написана в IX в.[150]. В Мк рукопись поддерживает чтения Q для кесарийского типа текста. В конце Евангелия от Марка рукопись содержит так называемый «Иерусалимский колофон» (см. описание кодекса 157).

Рукопись 579. Это список Евангелий, написанный в XIII в., хранится в Париже[151]. В Евангелии от Матфея текст принадлежит позднему византийскому типу, но в остальных Евангелиях он является весьма хорошим образцом александрийского типа, который имеет много общих черт с B, א и L. Как и кодекс L, рукопись 579 содержит обе концовки Мк.

Рукопись 614. Документ XIII в., в состав которого входят Деяния и послания (Соборные и ап. Павла), был привезен с Корфу. В настоящее время кодекс хранится в Амвросианской библиотеке в Милане. Он содержит большое число довизантийских чтений, многие из которых принадлежат к западному типу[152].

Рукопись 700. Этот кодекс, который датируют XI в., содержит тексты Евангелий и хранится в Британском музее. Кодекс отличается от Textus Receptus в 2724 местах и кроме того содержит 270 чтений, характерных для него одного[153]. Как и в другой греческой рукописи (MS. 162), в ней приводится несколько иная форма молитвы Господней (Лк 11:2): «да снизойдет на нас Дух Святой и очистит нас» вместо «да приидет Царствие Твое». Такая форма молитвы Господней встречается у Маркиона и Григория Нисского[154].

Рукопись 892. Этот кодекс IX в. с текстом Четвероевангелия был приобретен Британским музеем в 1887 г.[155]. Рукопись содержит немало любопытных чтений раннего типа, преимущественно александрийского. Фон Зоден обнаружил, что переписчик рукописи сохранил деление на страницы и строки ее маюскульного предка.

Рукопись 1071. Данная копия Четвероевангелия XII в., хранящаяся в Великой Лавре на горе Афон, содержит так называемый «Иерусалимский колофон», о котором сказано выше при описании кодекса 157[156]. Стритер охарактеризовал этот текст как третичный источник кесарийского типа.

Рукопись 1241. Рукопись содержит полный Новый Завет за исключением Книги Откровения. Исследователи считают, что время ее написания приходится на XII в.[157]. В Евангелиях текст рукописи имеет много общего с рукописями C, L, Δ, Ψ и 33. По мнению Кирсоппа Лейка, в Мф и Мк текст отражает большее влияние разночтений византийского типа, чем в Лк и Ин.

Семейство 1424. Кодекс 1424 был написан монахом Саввой в IX или X в. и содержит полный текст Нового Завета в следующем порядке: Евангелия, Деяния, Соборные послания, Книга Откровения и послания Павла. Все книги, за исключением Откровения, снабжены комментарием, написанным на полях. Первоначально рукопись находилась в монастыре в Драме (турецкая Козиница) в Греции, а оттуда, вероятно, была вывезена в Западную Европу после Балканских войн 1912–1913 гг. Впоследствии рукопись была приобретена проф. Л. Франклином Грубером (Gruber), президентом Чикагской лютеранской богословской семинарии в Мэйвуде (штат Иллинойс), а после его смерти завещана семинарской библиотеке. По мнению фон Зодена, тексты Евангелий принадлежат в его классификации

группе I$^{\varphi}$, которую Стритер назвал семейством 1424 и охарактеризовал как третичный источник кесарийского типа. Наряду с кодексом 1424, которой считается самым древним минускулом в семействе, другими членами последнего являются: M, 7, 27, 71, 115 (Мф, Мк), 160 (Мф, Мк), 179 (Мф, Мк), 185 (Лк, Ин), 267, 349, 517, 659, 692 (Мф, Мк), 827 (Мф, Мк), 945, 954, 990 (Мф, Мк), 1010, 1082 (Мф, Мк), 1188 (Лк, Ин), 1194, 1207, 1223, 1293, 1391, 1402 (Мф, Мк), 1606, 1675 и 2191 (Мф, Мк).

Рукопись 1582. Написана в 948 г. писцом по имени Ефрем; содержит древний и ценный текст Евангелий, который недавно был признан потенциально важным для восстановления и понимания чтений, характеризующих кесарийский текст. Свежая работа Эми Андерсон показала, что в Мф эта рукопись содержит текст и маргиналии, которые теснейшим образом связаны с текстом III в., которым пользовался Ориген, и что уместнее всего рассматривать этот кодекс как главенствующий источник среди составляющих семейство I[158].

Рукопись 1739. Эта рукопись X в. содержит Деяния и послания. Она была обнаружена на горе Афон в 1879 г. Е. фон дер Гольцем (von der Goltz), и ее часто называют по имени этого исследователя[159]. Этот документ чрезвычайно ценен, ибо содержит маргиналии, заимствованные из трудов Иринея, Климента, Оригена, Евсевия и Василия Кесарийского. Поскольку более никого из отцов здесь нет, а самый поздний из присутствующих, Василий Великий, жил в 329–379 гг., можно предположить, что предок этой рукописи был написан ближе к концу IV в. В колофоне имеется соответствующая запись о том, что в посланиях Павла писец следовал рукописи, содержавшей текст Оригена. Однако текст рукописи отражает не кесарийский тип, а сравнительно чистую форму александрийского типа.

Рукопись 2053. Эта рукопись XIII в. хранится в Мессине и содержит текст Книги Откровения с комментариями Икумения. Наряду с кодексами A, C и 2344, рукопись 2053, по мнению Шмида[160], представляет собой один из лучших источников, сохранивших текст Апокалипсиса, превосходящих даже p^{47} и א.

Рукопись 2344. Этот документ XI в. хранится теперь в Национальной библиотеке Франции. Он включает Деяния, Соборные послания, послания Павла и Книгу Откровения (где имеет много общих мест с 2053) и отрывки из Ветхого Завета.

4. Другие примечательные рукописи

Среди рукописей, которые представляют особый интерес благодаря своему необычному формату, можно назвать следующие. Маюскульная рукопись Четвероевангелия[161] под номером 047, которая датируется VIII в. и ныне хранится в библиотеке Принстонского университета. На каждой странице этой рукописи текст расположен в форме креста, то есть таким образом, что длина строк, составляющих верхнюю и нижнюю трети колонки, примерно вдвое короче строк в средней ее части.

Кодекс 16 представляет собой двуязычное греко-латинское Четвероевангелие, написанное в XIV в. Некогда он принадлежал Екатерине Медичи, ныне же хранится в Национальной библиотеке Франции. Рукопись написана чернилами четырех цветов, в зависимости от содержания. Основное повествование окрашено в алый цвет, высказывания Христа, его генеалогия, слова ангелов выделены малиновым цветом, цитаты из Ветхого

Завета, высказывания учеников Христа, Захарии, Елисаветы, Марии, Симеона и Иоанна Крестителя написаны синим, а слова фарисеев, сотника, Иуды Искариота и дьявола черным цветом. Слова пастухов также черного цвета, но это, вероятно, невнимательность писца.

Одной из самых маленьких греческих рукописей, содержащих текст Четвероевангелия, считается рукопись 461, которая хранится в Публичной библиотеке в Петербурге. В ней 344 листа, размер каждого из которых равен 16 на 9,8 см; колонка с написанным текстом занимает площадь около 11,5 на 6 см. Рукопись интересна тем, что она является самой ранней из известных датированных греческих минускулов, переписанной в 835 г.[162].

Еще более крошечным был пергаменный кодекс Книги Откровения, из которого сохранился всего один лист (рукопись 0169, находится в Принстонской богословской семинарии; см. рис. 15). Лист был обнаружен в египетском городе Оксиринхе и датируется IV в. Размер страницы равен 9,5 на 7,5 см — поистине карманное издание![163]

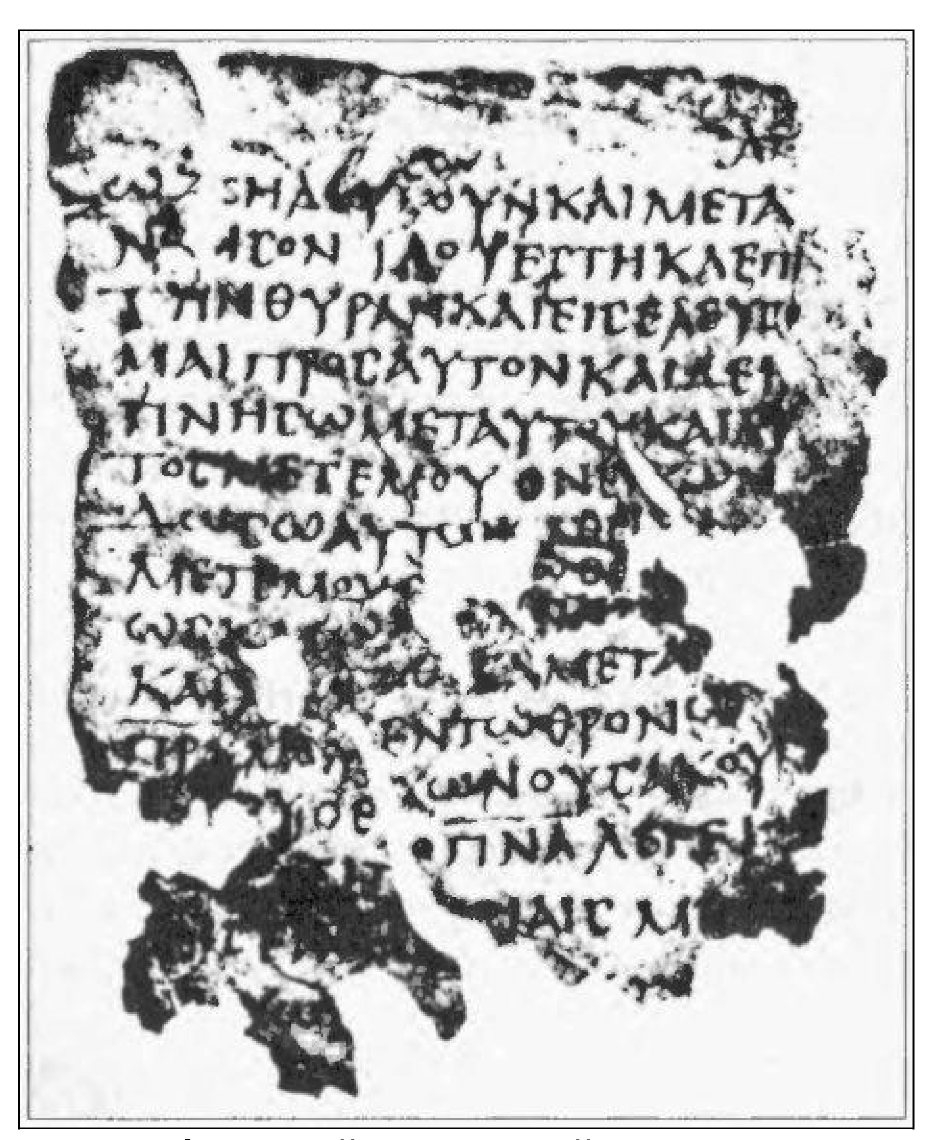

Рис. 15. Лист из малоформатной пергаменной рукописи Откровения (0169, IV в.). Библиотека Принстонской богословской семинарии, Принстон, Нью-Джерси. Откр 3:19-4:1. Размер оригинала 9,5×7,5 см.

Самым крошечным из всех известных кодексов может быть биография Мани, переведенная на греческий язык с сирийского оригинала, по своим размерам едва

превышающая спичечный коробок: каждая из 192 ее страниц имеет размер 4,5×3,5 см[164]. При этом согласно общепринятой классификации к миниатюрам относят книги, ширина страницы у которых не превышает 10 сантиметров или 4 дюймов.

Самым большим библейским кодексом, без сомнения, является так называемый Гигантский кодекс (codex Gigas), который сейчас находится в Стокгольме. В раскрытом виде его разворот имеет более метра в ширину, и в длину более 90 см. (см. рис. 17) По оценкам специалистов, для изготовления такой книги потребовалось 160 ослиных шкур.

II. Древние переводы Нового Завета[165]

Самые ранние переводы Нового Завета были подготовлены миссионерами для того, чтобы помочь распространению христианской веры среди народов, чьим родным языком был сирийский, латинский или коптский. Эти переводы представляют большую ценность для библейского экзегета, который прослеживает историю комментирования Священного Писания; не менее важны они и для текстолога, ибо самые ранние из них были сделаны в II–III вв. В то же время нужно отметить, что существуют определенные ограничения в использовании переводов для нужд новозаветной текстологии. Не столько потому, что некоторые из них выполнены переводчиками с невысоким уровнем владения языком[166], важнее, что отдельные категории греческой грамматики и синтаксиса, а также лексики почти невозможно передать в переводе. Например, в латинском языке отсутствует определенный артикль; в сирийском нельзя выразить различие между греческим аористом и перфектом; в коптском нет пассивного залога, вместо которого используются описательные конструкции. Поэтому в некоторых случаях свидетельство переводов может быть весьма ненадежным. Что же касается других вопросов, таких как существовала ли данная фраза или предложение в греческом тексте, с которого делался перевод, то данные этих переводов оказываются ясными и ценными[167].

Изучение ранних переводов Нового Завета осложняется еще и тем, что разные люди делали разные переводы с разных греческих рукописей. Более того, копии одного и того же перевода на какой-либо из языков иногда исправлялись один по другому или по греческим рукописям, отличных от тех, с которых перевод был сделан первоначально. Поэтому реконструкция какого-либо древнего перевода ради его критического издания часто является задачей более трудной, чем издание греческого оригинала. Впрочем, с другой стороны, прослеживая внутреннюю историю перевода, ученый имеет возможность проследить, как изменяются оттенки (Übersetzungsfarbe) тех или иных эквивалентов, предложенных для греческого оригинала. Мы можем отнести греческий текст к тому или иному типу, опираясь только на присутствующие в нем вариантные чтения, в переводе же одно и то же оригинальное чтение может быть передано по-разному. Рассматривая эти оттенки значения и разночтения рукописной традиции, можно проследить несколько этапов эволюции каждого отдельно взятого перевода.

Наиболее важными из ранних новозаветных переводов считаются следующие:

1. Сирийские переводы[168]

Ученые различают пять разных переводов всего Нового Завета или отдельных его книг на сирийский язык. Это Старосирийский перевод, Пешитта (которую обычно имеют в виду, когда упоминают о сирийском Новом завете), Филоксенов, Гераклийский и Палестино-сирийский перевод. Сам факт того, что до VI века было независимо друг от друга сделано пять или возможно, шесть новозаветных сирийских переводов, показывает, сколь велика были энергия и энтузиазм сирийских церковных книжников. И в самом деле, как справедливо замечает Эберхард Нестле, «ни одна из ветвей древней церкви не сделала более, чем та, где пользовались сирийским языком: в наших европейских библиотеках имеются сирийские рукописи из Ливана, Египта, с Синая, из Месопотамии, Армении, Индии (Малабара) и даже из Китая»[169].

а) *Старосирийский перевод* Четвероевангелия сохранился в двух рукописях; обе содержат крупные лакуны. Первая написана на пергамене красивым и чётким почерком эстрангело (см. рис. 16) и хранится в Британском музее; она была издана Уильямом Кьюртоном (William Cureton) в 1858 г. и обычно обозначается как Syr^{c}; второй рукописью является палимпсест, который Агнес Смит Льюис (Agnes Smith Lewis) обнаружила в монастыре св. Екатерины на горе Синай в 1892 г.; ее обозначают Syr^{s}. Хотя эти рукописи были переписаны соответственно в V и IV вв., та форма текста, которую они сохранили, относится к концу II в. или началу III в. Сравнение двух рукописей показывает, что в синайском палимпсесте содержится чуть более ранняя форма текста, хотя в некоторых местах синайская выказывает следы тех исправлений, внесения которых избежала Кьюртоновская. До сих пор остается весьма дискуссионным вопрос о том, насколько текст каждого отдельного Евангелия испытал влияние «Диатессарона», или евангельской гармонии, созданной Татианом около 170 г. (см.). В целом же древнесирийский перевод является представителем западного типа текста.

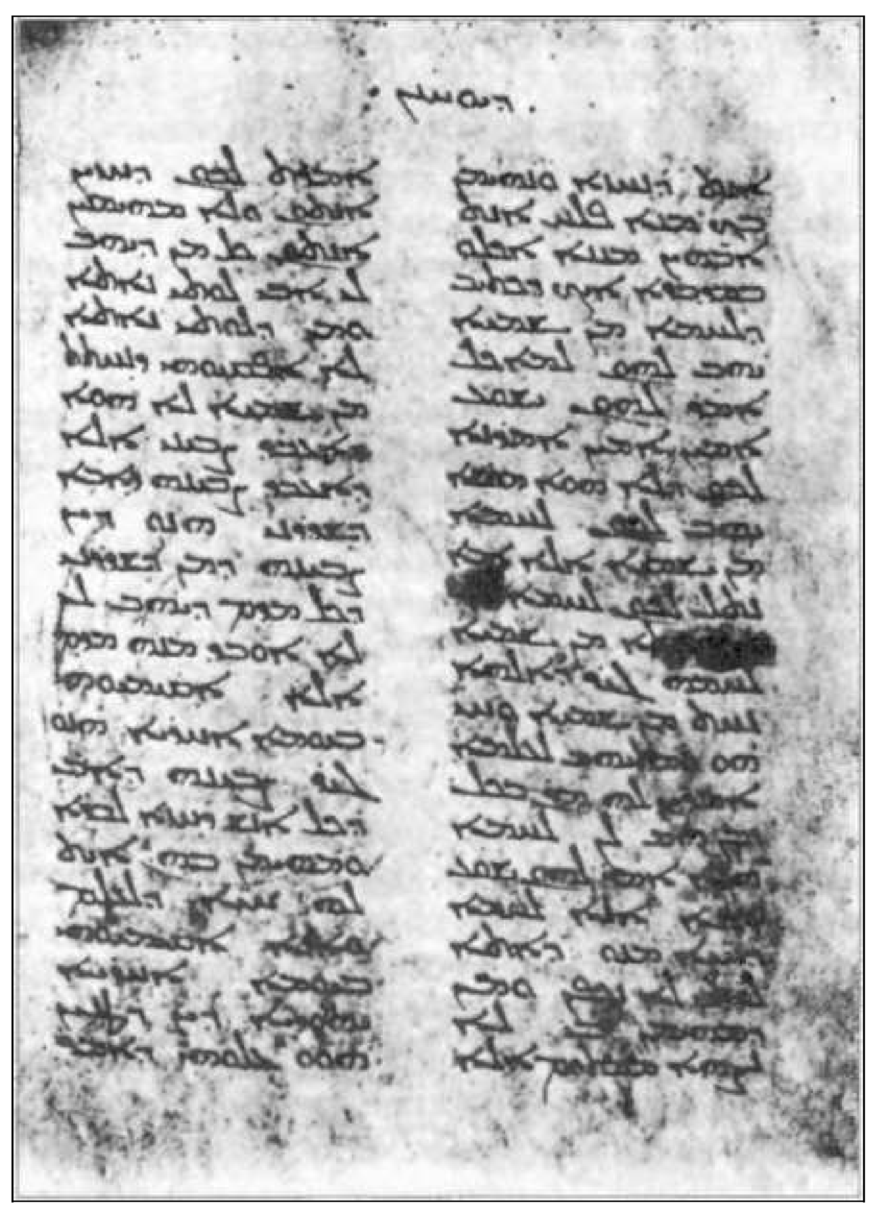

Рис. 16. Кьюртоновская сирийская рукопись (начало V в.). Британская библиотека, Лондон. Ин 6:30–41 (с заголовком и исправлениями). Размер оригинала 29,5×22,5 см.

Древнесирийский перевод Деяний и посланий Павла не сохранился *in extenso*, мы знаем его только по цитатам из отцов Восточной церкви. Что касается Деяний Апостолов, то Ф. К. Конибир (Conybeare) реконструировал комментарий Ефрема по армянским источникам, латинский перевод которых опубликовал Дж. Х. Роупс: J. H. Ropes. *The Text of Acts* (London, 1926), 373–453. Текст посланий Павла Ефрема был реконструирован Й. Молитором: J. Molitor. *Der Paulustext des hi Ephräm* (Monumenta Biblica et ecclesiastica. Vol. IV). Roma, 1938.

Издания: William Cureton, *Remains of a Very Ancient Recension of the Four Gospels in Syriac…* (London, 1858); F. Crawford Burkitt. *Evangelion da-Mepharreshe: The Curetonian Version of the Four Gospels, with the Readings of the Sinai-Palimpsest…* 2 vols. (Cambridge, 1904); Agnes Smith Lewis. *The Old Syriac Gospels…* (London, 1910); Arthur Hjelt. *Syrus Sinaiticus*. (Helsingfors, 1930) [фотографическое факсимильное издание].

b) *Пешитта*, или Сирийская Вульгата Нового Завета (Syr^p) была подготовлена приблизительно в начале V в., возможно, для того, чтобы заменить отличающиеся друг от друга древнесирийские переводы. Она содержит лишь 22 книги: 2 Петр, 2 и 3 Ин, Иуда и Откр не были переведены. До недавнего времени ученые считали, что инициатива издания Пешитты принадлежит Раббуле, епископу Эдесскому (411–431 гг.), но более вероятным все же представляется, что исправленная им редакция занимает промежуточную позицию между древнесирийским текстом и окончательной формой Пешитты[170]. Поскольку Пешитта была принята в качестве официальной версии Священного Писания как восточной, так и западной ветвями сирийского христианства, можно сделать вывод, что до раскола сирийской церкви, произошедшего в 431 г., она уже получила определенное признание.

На сегодняшний день известны более 350 новозаветных рукописей Пешитты, некоторые из них относятся к V и VI вв. Текст Пешитты переписывался с удивительной добросовестностью, так что в нем обнаруживается очень малое число в той или иной степени важных вариаций. Как складывался текст Пешитты, известно еще недостаточно хорошо, но, по всей видимости, над разными частями Нового Завета трудились разные люди. В Евангелиях текст соответствует византийскому типу больше, чем в Деяниях, где в некоторых местах он поразительно совпадает с западным типом[171].

Издания: P. E. Pusey, G. H. Gwilliam. *Tetraevangelium sanctum iuxta simplicem Syrorum versionem ad fidem codicum…* (Oxford, 1901) [основывается на 42 рукописях; с критическим аппаратом и латинским переводом]; *The New Testament in Syriac* (London, 1905–1920) [опубликован Британским и Иностранным библейским обществом; Евангелия перепечатаны с текста Пьюзи и Гуильяма (без аппарата), а остальная часть Нового Завета издана Гуильямом и Дж. Гуинном (Gwynn)]; также *Das Neue Testament in syrischer Überlieferung, I. Die grossen katholischen Briefe*, ed. Barbara Aland (Berlin, 1986); *II. Die paulinischen Briefe*, ed. Barbara Aland and Andreas Juckel, Teii 1 (Berlin, 1991), Teil 2 (Berlin, 1995), Teil 3 (Berlin, 2002).

c) *Филоксенова и/или Гераклийская версия*. Одной из наиболее запутанных загадок текстологии по праву считается расшифровка Филоксенова и Гераклийского переводов (или перевода, если это не два самостоятельных перевода, а две разные версии одного и того же), для которых обычно используют сокращение Syr^{ph} и Syr^h. Скудные сведения, найденные в колофонах нескольких рукописей Гераклийского текста трактовались по-разному. Одна точка зрения состоит в том, что Филоксенов перевод, сделанный в 508 г. для Филоксена, епископа Маббугского, его хорепископом Поликарпом, был в 616 г. переиздан другим епископом Маббугским — Фомой из Гераклеи; Фома при этом добавил маргиналии, заимствованные из двух или трех греческих рукописей. Другой взгляд сводится к тому, что Филоксенова версия была тщательно отредактирована Фомой, который вынес на поля определенные разночтения, показавшиеся ему хоть и важными, но всё же не вполне достойными включения в основной текст. Иными словами, согласно первой интерпретации существует только один перевод, который был переиздан с текстуальным аппаратом — вариациями, вынесенными на поля; согласно второму истолкованию, переводы полностью

друг от друга независимы, и для более позднего из них имеются маргиналии. В рамках данной книги мы не беремся решить столь сложную задачу; в любом случае, не подлежит сомнению, что в VI в. впервые за всю историю Сирийской церкви малые Соборные послания и Откровение были переведены на сирийский язык. Гераклийский аппарат к Деяниям является вторым важнейшим источником западного текста, уступая в этом отношении лишь Кодексу Безы.

Издания: Joseph White. *Sacrorum Evangeliorum Versio Syriaca Philoxeniana.* (Oxford, 1778); id., *Actuum Apostolorum et Epistolarum tam Catholicarum quam Paulinarum Versio Syraica Philoxeniana* (Oxford, 1799–1803); R. L. Bensly *The Harklean Version of the Epistle to the Hebrews. Chap. XI. 28 XIII.25* (Cambridge, 1889); John Gwynn. *The Apocalypse of St. John, in a Syriac Version Hitherto Unknown…* (Dublin and London, 1897); id., *Remnants of the Later Syriac Versions of the Bible… The Four Minor Catholic Epistles in the Original Philoxenian Version…and John VII.52-VIII.12…* (London and Oxford, 1909). [Текст Апокалипсиса и малых соборных посланий включен в издание Пешитты, выпущенное Британским и Иностранным библейским обществом.]

d) *Палестино-сирийский перевод.* Перевод на христианский сирийский язык Палестины (т. е. арамейский) известен главным образом по тексту евангельского лекционария, сохранившегося в трех рукописях, датированных XI и XII вв. Сохранились и фрагменты связного последовательного текста Евангелий, а также отрывки из Деяний и посланий Павла. Долгое время оставалось невыясненным время появления этого перевода (сокращенно обозначаемого Syr^{pal}); в настоящее время многие исследователи датируют его примерно V в. По всей видимости, в его основе этого перевода, не зависящего от других сирийских версий, лежит греческий текст кесарийского типа.

Издания: A. S. Lewis and M. D. Gibson. *The Palestinian Syriac Lectionary of the Gospels.* (London, 1899); A. S. Lewis. *Codex Climaci rescriptus* (Horae semiticae, VIII, Cambridge, 1908) [содержит фрагменты Евангелий, Деяний и посланий Павла]; другие фрагменты см. по изданию C. Moss. *Catalogue of Syriac Printed Books and Related Literature in the British Museum.* (London, 1962), а также Н. В. Пигулевская. *Каталог сирийских рукописей Ленинграда* (= *Палестинский сборник*, VI 969], 1960, с. 3–230)[172].

2. Латинские переводы[173]

Исследователи долго спорили о том, когда и где была предпринята самая первая попытка перевести Библию на латинский язык. В настоящее время большинство ученых согласны с тем, что Евангелия впервые были переложены на латинский в последней четверти II столетия в Северной Африке, где оплотом римской культуры стал Карфаген. В скором времени переводы Библии появились также и в Италии, Галлии и других провинциях. Неуклюжий буквальный стиль, характерный для многих подобных переложений, наводят на мысль, что они берут начало от интерлинеарных переводов, сопровождавших греческий текст (ср. рис. 13).

а) *Старолатинские переводы*. На протяжении III в. на территории Северной Африки и Европы в обращении находилось множество различных латинских версий; особым своеобразием отличались переводы, которые использовали в Италии, в Галлии и в Испании. Различные переложения одного и того же стиха (например, для Лк 23:4–5 в сохранившихся старолатинских рукописях существует по меньшей мере 27 вариантов перевода) поддерживают слова Иеронима, который как-то пожаловался папе Дамасу, что количество переводов едва ли не равняется количеству рукописей *(tot enim sunt examplaria paene quot codices)*[174].

Не существует ни одного полного кодекса старолатинской Библии. Евангелия сохранились в 32 поврежденных рукописях и некотором числе фрагментов. Примерно дюжина рукописей содержит Деяния Апостолов. Для посланий Павла есть четыре рукописи и несколько фрагментов, в то время как для Откровения — всего лишь одна полная рукопись, не считая отрывков. Все рукописи датированы временем с IV по XIII в. — это доказывает, что старолатинский перевод переписывался еще долгое время спустя после того, как перестал быть общеупотребительным. В критическом аппарате старолатинские рукописи обозначены строчными буквами латинского алфавита[175].

Характер текста старолатинских версий типично западный. Как правило, старолатинский текст, который использовали в Африке, имеет больше отличий от греческого текста, чем тот, которым пользовались в Европе.

Перечислим наиболее важные рукописи старолатинских переводов, сгруппировав их по месту происхождения текстуального типа.

АФРИКАНСКИЕ СТАРОЛАТИНСКИЕ РУКОПИСИ

e. Палатинский Кодекс (Codex Palatinus), обозначаемый буквой *e*, рукопись V в., которая содержит отдельные части четырех Евангелий, написанных серебряными чернилами на пурпурном пергамене. Хотя тип текста *e* в основном демонстрирует африканские особенности, он был сильно европеизирован. Возможно, Августин использовал евангельский текст этого типа до 400 г.

h. Буква *h* обозначает фрагментированную рукопись VI в., известную как палимпсест Флери (Fleury). Он содержит около четверти текста Деяний, а также отрывки из Соборных посланий и Апокалипсиса. Количество ошибок писца в этой рукописи велико, а сам перевод на латинский язык часто весьма волен; например, в описании путешествия Павла (Деян 28:1—13) писец, по-видимому, исказил уже сокращенную версию текста, сделанную самим переводчиком.

k Самым важным свидетелем африканской старолатинской версии является кодекс из Боббио (codex Bobbiensis), обозначаемый буквой *k*. К сожалению, сохранился он в весьма фрагментированном виде и содержит лишь половину Евангелий от Матфея и Марка. Кодекс был переписан около 400 г. н. э. в Африке и привезен в ирландский монастырь Боббио в северной Италии; там он хранился на протяжении многих столетий, пока не обрел свое нынешнее место в Национальной университетской библиотеке Турина. Форма его текста достаточно близка тому, который цитируется св. Киприаном Карфагенским (около 250 г.) По мнению Э. А. Лоу (Lowe)[176] палеография кодекса *k* доказывает, что он был переписан с папируса II в. Примечательно, что *k* содержит промежуточное окончание Евангелия от Марка (см. п. 2).

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАРОЛАТИНСКИЕ РУКОПИСИ

a. Возможно, самой древней европейской рукописью Евангелий является Верчелльский кодекс, который обозначается буквой *a*. Он хранится в сокровищнице собора в Верчелли на севере Италии. Согласно древнему преданию, этот кодекс написан рукой св. Евсевия, епископа этого города, принявшего мученическую смерть в 370 или 371 г. Как и кодекс *k*, Верчелльский кодекс является одной из важнейших старолатинских рукописей.

b. Веронский кодекс, хранящийся в Библиотеке капитула в Веронском соборе в Италии, написан в V в. на пурпурном пергамене серебряными, а в некоторых местах золотыми чернилами. Содержит Четвероевангелие почти полностью, с расположением евангелий в следующем порядке: Мф, Ин, Лк и Мк. По мнению Беркитта, рукопись представляет тот тип текста, который был использован Иеронимом в качестве основы для Вульгаты.

c. Кодекс Кольбертинский, написанный в XII в., возможно, на юге Франции, в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Франции. В него входит Четвероевангелие, текст которого представлен в смешанной форме. Рукопись дает европейский старолатинский текст, исправленный во многих местах по Вульгате, в нем ясно прослеживаются разночтения африканскго типа.

d. Латинская часть двуязычного Кодекса Безы, датированного V в., несмотря на многократную правку по параллельной греческой, сохранила древнюю форму старолатинского текста. Поскольку чтения из *d* частично совпадают с чтениями из *k* и *a*, в тех случаях, когда все прочие свидетели расходятся, он является источником текста, который получил распространение не позднее первой половины III в., если не раньше.

ff^2. Корбинский кодекс (codex Corbiensis) является фрагментированной рукописью Четвероевангелия V или VI в., первоначально принадлежавшей монастырю в Корби (Corbey), близ Амьена, а ныне находящейся в Национальной библиотеке Франции, и представляет форму текста, близкую к той, которая сохранилась в *a* и *b*.

gig. Гигантский кодекс (codex Gigas), без сомнения, может называться одной из самых больших рукописей в мире[177]. Ширина каждой страницы равна 50,8, а высота — 91,5 см. В раскрытом виде рукопись производит огромное впечатление. Кодекс был написан в начале XIII столетия в бенедиктинском монастыре в Подлажице в Богемии и позднее приобретен пражским Императорским казначейством. Когда шведская армия захватила город в 1648 г., он был перевезен в Швецию и год спустя подарен Королевской библиотеке в Стокгольме.

Рис. 17. Гигантский кодекс (1204–1230). Королевская библиотека, Стокгольм. Эту рукопись иногда называют «дьявольской Библией» (Djävulsbibeln) из-за изображения на странице 290 (см. см.). Размер оригинала 91,5×50,8 см.

Вместе с текстом полной латинской Библии в «гигантскую рукопись» входили «Этимологии» Исидора Севильского (всеобщая энциклопедия в 20 книгах), латинский перевод «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, книга Космы Пражского «Богемская хроника» и другие произведения. Эту рукопись иногда называют «дьявольской Библией» (Djävulsbibeln), потому что на странице 290 помещено огромное красочное изображение темного властелина с рогами, раздвоенным языком и когтями на руках и ногах (рис. 17). Легенда гласит, что писец был монахом, которого заперли в его келье за какое-то нарушение монашеской дисциплины, и он окончил рукопись за одну ночь, призвав себе на помощь дьявола.

Гигантский кодекс представляет большой интерес для текстолога, поскольку Книги Деяний и Откровения сохранили форму старолатинского текста, который совпадает с цитатами из Священного Писания, сделанными Люцифером, епископом Калаританским (ныне Кальяри на Сардинии) приблизительно в середине IV в.

m. Буква *m* используется для обозначения патристического собрания библейских

отрывков, тематически подобранных для описания правильного поведения в различных ситуациях. Этот трактат часто называют *Speculum* (по-латыни «зерцало», подразумевается «образец для подражания»); он сохранился в нескольких рукописях, самая древняя из которых датирована VIII или IX в. Цитаты из Священного Писания демонстрируют признаки испанской формы африканского старолатинского текста, который (в Соборных посланиях) почти *ad litteram* согласуется с цитатами из Присциллиана, который был обвинен в колдовстве (maleficium) и казнен в Трире в 385 г. — первым, кого церковь приговорила к смерти.

Издания: Самые важные рукописи старолатинской Библии были опубликованы в двух сериях по названием «Old Latin Biblical Texts», 7 томов, Oxford, 1883 и далее; и «Collectanea biblica latina», Rome, 1912 и далее. Наилучшее издание старолатинских евангельских текстов появилось в серии под названием «Itala: das Neue Testament in altateinischer Uberlieferung», начатой Адольфом Юлихером (Jülicher) и продолженной В. Мацковым (Matzkow) и Куртом Аландом. Германский Vetus-Latina-Institut при Бейронском монастыре в Вюртемберге под руководством покойного о. Бонифация Фишера начал издавать библейские книги отдельными выпусками «Vetus Latina: die Reste der altateinischen Bibel». Этот крупный проект ставит целью собрать из рукописей и цитат отцов церкви все сведения о латинской Библии, которую использовали до того, как Иероним предпринял новый ее перевод. Согласно информации, полученной от директора этого проекта, было собрано более миллиона цитат из Ветхого и Нового Заветов (см. ниже).

б) *Латинская Вульгата*. В конце IV в. ограниченность и недостатки старолатинских переводов стали очевидными для руководства Римской церкви. Не удивительно, что около 382 г. папа Дамас попросил наиболее одаренного библеиста того времени Софрония Евсевия Иеронима, более известного как св. Иероним, сделать новый перевод латинской Библии. Приблизительно через год Иероним смог ознакомить Дамаса с первыми результатами проделанной работы — новой редакцией Четвероевангелия, старолатинские версии текста которого наиболее резко расходились между собой. В сопроводительном письме Иероним объясняет принципы, которым он следовал при подготовке текста: за основу для новой редакции он взял достаточно хороший латинский текст и сравнил его с некоторыми древнегреческими рукописями. Он особо подчеркнул свое стремление сохранить, насколько возможно, прежний латинский текст и внести изменения лишь там, где был искажен смысл. Хотя в нашем распоряжении нет латинских рукописей, которыми пользовался Иероним, кажется весьма вероятным, что они относились к европейскому типу старолатинских переводов (возможно, они были близки к рукописи *b*). Что касается греческих рукописей, то они, очевидно, содержали текст александрийского типа.

Исследователи широко обсуждали вопрос о том, в какое время и в какой степени Иероним пересмотрел оставшуюся часть Нового Завета. Некоторые ученые (De Bruyne, Cavallera, B. Fischer) утверждали, что Иероним не имеет никакого отношения к созданию остальной части Вульгаты и что по иронии литературной судьбы труд какого-то другого переводчика был позднее приписан Иерониму. Тем не менее общепринятая точка зрения основывается на вполне естественной трактовке слов Иеронима о его работе над переводами. В любом случае, остается очевидным тот факт, что остальная часть Нового Завета была отредактирована гораздо более поверхностно, чем тексты Евангелий[178].

В процессе передачи текста Иеронима писцы неизбежно искажали его первоначальный текст, иногда по собственной небрежности, иногда выправляя его по старолатинским переводами. Для того, чтобы воссоздать оригинальный текст Иеронима, в Средние века предпринимались попытки новых изданий; наиболее успешные из них связаны с именами Алкуина (Alcuin), Теодульфа (Theodulf), Ланфранка (Lanfranc) и Стефана Гардинга (Stephen Harding). Но все их усилия воссоздать первоначальный текст Иеронима в конечном итоге привели к еще большему искажению его из-за смешения различных типов текста Вульгаты, которые сложились в разных центрах европейской учености. В результате рукописи Вульгаты, которых до наших дней сохранилось более 8000, насчитывают чрезвычайно большое число текстуальных искажений, возникших благодаря перекрестной конфляции текста.

Наиболее значимые рукописи, как правило, обозначаются заглавными буквами или первым слогом названия. Вот важнейшие из них.

A. Амиатинский кодекс (codex Amiatinus), ныне хранится в Лоренцианской библиотеке во Флоренции, представляет собой уникальную рукопись, содержащую полную Библию. Он был написан по распоряжению Чолфрида (Ceolfrid), аббата монастыря Джерроу и Уирмут (Jarrow and Wearmouth) и послан в качестве подарка папе Григорию в 716 г. Многие исследователи считают этот кодекс лучшей рукописью Вульгаты (см. рис. 18).

Рис. 18. Амиатинский кодекс (VII или VIII в.). Лоренцианская библиотека, Флоренция. Писец Ездра (см.).

C. Кавенский кодекс (Codex Cavensis), который датируют IX в., находится в монастыре Ла Кава (La Cava) близ Салерно. В него входит полная Библия, и он считается главным представителем испанской группы рукописей.

D. Дублинский кодекс (Codex Dublinensis), или Книга Арма (Book of Armagh), хранится в Тринити-колледже в Дублине. Рукопись относится к VIII или IX в. и содержит полный Новый Завет вместе с апокрифическим посланием Павла к Лаодикийцам. Она представляет собой ирландский тип текста Вульгаты, который характеризуется наличием небольших дополнений и вставок. В разных местах можно заметить признаки того, что ее правили по греческим рукописям, родственным феррарской группе (сем. 13). В посланиях Павла текст по большей части старолатинский, дающий лишь небольшое число чтений Вульгаты.

F. Фульдский кодекс (Codex Fuldensis) в настоящее время хранится в Библиотеке земли Гессен в городе Фульда. Кодекс был написан между 541 и 546 г. в Капуе (Capua) по заказу местного епископа Виктора и правился им лично. Рукопись содержит полный Новый Завет

вместе с апокрифическим посланием Павла к Лаодикийцам. Евангелия образуют единое последовательное повествование, наподобие Татианова «Диатессарона» (см.). Текст рукописи, который очень хорош, близок тексту Амиатинского кодекса.

M. Миланский кодекс (Codex Mediolanensis) хранится в Амвросианской библиотеке в Милане. Эта рукопись, которая датирована началом VI в., содержит тексты четырех Евангелий. По мнению Уэрдсуэрта (Wordsworth) и Уайта (White), ее можно поставить в один ряд с Амиатинским и Фульдскими кодексами и назвать одним из лучших источников Вульгаты.

R. Евангелие Рашворта находится в Бодлеянской библотеке, известно также как «Евангелие Мак-Регола», по имени переписчика, умершего в 820 году. Оно содержит текст Вульгаты с старолатинскими вставками, обычными для ирландских рукописей; во 2-ой половине X в. было снабжено межстрочными англосаксонскими глоссами.

Y. Знаменитое Линдисфарнское Евангелие представляет собой прекрасно исполненный кодекс, написанный около 700 г. и хранящийся ныне в Британском музее. Кодекс украшен кельтско-саксонскими миниатюрами и заставками, а также содержит англосаксонские интерлинеарные глоссы — древнейший перевод Евангелий на древнеанглийский язык. Текст кодекса близок к тексту Амиатинского кодекса.

Z. Кодекс Харли или Гарлеянский (Harleianus) изначально хранился в Королевской библиотеке в Париже, откуда и был похищен в 1707 г., предположительно Жаном Аймоном (Jean Aymon); затем был продан Роберту Харли (Robert Harley), который в свою очередь передал его Британскому музею. Эту прекрасно сделанную копию Евангелий относят к VI или VII в.

Σ. Санкт-галленский кодекс (Sangallensis) является самым древним из всех известных рукописей с текстами Евангелий Вульгаты. Он написан в Италии приблизительно в конце V столетия[179]. Более половины его текста сохранилось в монастыре св. Галла и других библиотеках. К сожалению, Уэрдсуэрт и Уайт недооценили важность этой рукописи при подготовке своего издания Вульгаты.

P. Одной из наиболее красивых, если не самой красивой, из пурпурных рукописей по праву считаются Золотые Евангелия, которые ныне хранятся в библиотеке Дж. Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Драгоценная рукопись, текст которой целиком написан буквами из блестящего золота на пурпурном пергамене, содержит латинскую Вульгату с чертами, характерными для Нортумбрии и Ирландии. Первоначально считалось, что рукопись написана в конце VII — начале VIII в., однако позднее пришли к выводу, что появление ее датируется X в.[180].

Издания Вульгаты. Определение Тридентского собора (1546 г.) о подготовке аутентичного издания Священного Писания на латинском языке было выполнено папой Сикстом V, который разрешил его публикацию в 1590 г. Вульгата Сикстина была издана с

папской буллой, которая грозила полным отлучением от церкви тем, кто посмеет нарушить запрет печатать в последующих изданиях текстуальные вариации или менять самый текст[181]. (Впрочем, по мнению Стейнмюллера[182], «в настоящее время признано, что эта булла не была издана с соблюдением всех канонических формальностей».) В 1592 г., после смерти Сикста, папа Климент VIII отозвал все экземпляры этого издания, какие смог найти, и выпустил другое аутентичное издание, которое содержало примерно 4900 отличий от предыдущего! Вульгата Климентина в Римско-католической церкви до сегодняшнего дня остается официальной латинской Библией.

Критическое издание Нового Завета с текстуальным аппаратом было предпринято в Оксфорде группой англиканских исследователей. В 1899 г. епископ Джон Уэрдсуэрт и Г. Дж. Уайт издали первый том, куда вошли тексты четырех Евангелий; последний, содержащий Книгу Откровения, был завершен Х. Ф. Д. Спарксом (Sparks) в 1954 г. Насколько оксфордская Вульгата соответствует своему оригиналу (том, содержащий тексты Евангелий наиболее пострадал от неопытности издателей) см. критические замечания Б. Фишера (Fischer) в Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft, 46 (1955), 178–196.

В 1908 г. папа Пий X назначил Международную комиссию для пересмотра текста Вульгаты. Публикация нового издания началась с книги Бытия, увидевшей свет в Ватикане в 1926 году. Удобное двухтомное издание выпущено бенедиктинцем Р. Вебером (Weber) в Штутгарте в 1969 г.; ныне пользуются его четвертым изданием под редакцией Р. Грайсона (Gryson), 1994 г.

3. Коптские переводы[183]

Коптский язык является самой поздней формой древнеегипетского языка, который вплоть до наступления христианской эры пользовался иероглифической письменностью или производными от нее иератической и демотической. В первые христианские столетия копты стали записывать свой язык греческим маюскульным письмом, которое они дополнили семью заимствованными из демотической системы знаками.

В раннехристианский период этот язык был представлен по меньшей мере полудюжиной диалектных форм, которыми пользовались в разных частях Египта. Отличия между ними касались в основном фонетики, а также отчасти лексики и синтаксиса. В Верхнем Египте (южной части страны) от Фив и до крайнего юга господствовал саидский диалект. В Нижнем Египте, или областях, прилегающих к Дельте, бок о бок с греческим языком использовался бохейрский диалект. В промежутке между этими двумя областями в различных местностях вдоль Нила развились промежуточные диалекты, как-то: фаюмский (ранее известный как башмурийский), мемфисский (или среднеегипетский), ахмимский и субахмимский (на нем говорили к югу от Ассиута).

Из этих диалектов наибольшую важность в изучении ранних версий Библии представляют саидский и бохейрский. Приблизительно в начале III в. на саидский диалект были переведены некоторые места Нового Завета, а к концу следующего столетия на этом диалекте можно было прочесть уже большую часть новозаветных книг. Действительно, если судить по тому, столь отличны друг от друга имеющиеся саидские тексты, разные части

Священного Писания переводились в разное время разными переводчиками. В целом саидская версия совпадает с александрийской формой греческого текста, но в Евангелиях и Деяниях содержит немало западных чтений. К сожалению, когда Хорнер (Horner) готовил свое издание саидского перевода, ему были доступны лишь неполные рукописи[184]. Однако затем библиотека Дж. Пирпонта Моргана в Нью-Йорке приобрела обширное собрание коптских рукописей, большинство из которых оказались полными. Среди них есть и саидское Четвероевангелие (Morgan MS. 569), написанное в VIII или IX в. и содержащее тексты Евангелий от Матфея, Марка и Иоанна полностью и Евангелии от Луки без 14 листов. В наши дни рукописи этого собрания доступны всем благодаря изданию фоторепродукций, которое осуществил Анри Иверна (Henri Hyvernat). А. Честер Битти также приобрел три саидские рукописи, относящиеся примерно к VI–VII вв. В одну из них (кодекс В) входят Деяния Апостолов, Евангелие от Иоанна (см. рис. 19); другая (кодекс А) сохранила послания Павла, за которыми следует четвертое Евангелие. Третий кодекс является фрагментарным и включает тексты первых пятидесяти псалмов и первую главу Евангелия от Матфея. Г. Томпсон (Thompson) опубликовал издание текстов Деяний и посланий из собрания Битти с колляциями текста Евангелия от Иоанна по изданию Хорнера.

Рис. 19. Коптский (саидский) кодекс В из коллекции Честера Битти. Музей Честера Битти (Дублин). Ин 1:1-10 Размер оригинала 12×10,2 см.

По всей видимости, бохейрский перевод появился немного позднее саидского. Он

сохранился во многих рукописях, почти без исключения — весьма поздних (самый ранний из дошедших кодексов Евангелий относится к 1174 г.). В 1958 г. в серии папирусов Бодмера был опубликован ранний папирусный кодекс, содержащий большую часть Евангелия от Иоанна и начальные главы Бытия на бохейрском диалекте[185]. Первые несколько листов довольно сильно испорчены, но примерно с середины 4 главы Евангелия от Иоанна текст сохранился гораздо лучше. Издатель кодекса, Родольф Кассер, был склонен датировать его IV в. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что отрывки, которые ученые считали сомнительными с текстологической точки зрения (например, слова о том, как ангел «возмущал воду» в Ин 5:3b-4, и *pericope de adultera* 7:53-8:11), не включены в эту рукопись. Греческий прототип бохейрского перевода, как представляется, был близок александрийскому типу текста.

Среди разрозненных рукописей, сохранивших новозаветные отрывки на фаюмском диалекте, одним из самых ранних считается папирусный кодекс, ныне хранящийся в Мичиганском университете. Он содержит Ин 6:11–15:11 (с лакунами). По мнению издателя, Элинор М. Хассельман (Husselman), рукопись относится к первой половине IV в. С текстуальной точки зрения этот перевод примерно вдвое чаще совпадает с саидской версией, нежели с бохейрской.

Самым ценным представителем субахмимского перевода считается папирусный кодекс, содержащий Евангелие от Иоанна. С точки зрения издателя этого документа, Герберта Томпсона, рукопись можно датировать 350–375 гг. Как и саидский перевод, которому она близка, субахмимская версия представляет александрийский тип текста.

В каталоге Ф. — И. Шмитца и Г. Минка[186] описано восемьдесят рукописей саидского перевода; из числа более важных рукописей нужно выделить три, содержащие Евангелия от Марка, Луки и Иоанна и относящиеся к V веку. Они были изданы Гансом Квекке (Quecke) [187]. С текстологической точки зрения эти рукописи не дают почти ничего сверх ожидаемого и обычно хорошо согласуются со свидетелями александрийского типа текста. Евангелие от Марка, к примеру, оканчивается стихом 16:8, как и в кодексах B и א. В главе 1 вместе с первым писцом Синайского кодекса эта рукопись неоднократно предпочитает краткое чтение: так, в стихе 1 отсутствует «Сына Бога», в стихе 15 — «и говоря», а в стихе 34 — «что Он был Христос». Как и в других саидских рукописях, а также в p^{75}, богач в Лк 16:19 назван Ниневией; в соответствии с p^{75} текст Ин 10:7 содержит чтение «пастух» вместо «дверь», а стих Ин 21:6, как в p^{66} и в некоторых других рукописях, содержит интерполяцию из Лк 5:5; В Ин 11:12, как и в p^{75} (а также субахмимском и бохейрском переводах), содержится чтение «поднимется» вместо «будет спасен».

Относительно недавно в поле зрения ученых попало несколько рукописей библейского перевода на среднеегипетский, или, иначе, оксиринхский, диалект. Среди них особого внимания заслуживают два папирусных кодекса одного и того же размера (12,7×10,5 см), относящихся к IV или V в. Один содержит Евангелие от Матфея, другой первую половину Деяний. Евангельский кодекс ныне хранится в библиотеке Шейде в Принстоне (штат Нью-Джерси) и является одной из четырех древнейших рукописей, содержащих текст Евангелия от Матфея[188]. Текстуальные варианты этой рукописи, изданной Хансом-Мартином Шенке[189], близки Ватиканскому и Синайскому кодексам в том, что иногда поддерживают краткое чтение. Так, они исключают доксологию в конце Молитвы Господней (Мф 6:13),

погодные приметы (Мф 16:2–3), стих о Сыне Человеческом (Мф 18:11) и одно из обличений в адрес фарисеев (Мф 23:14). С другой стороны, в этой рукописи мы довольно часто находим текстуальные варианты, которые демонстрирует противоположная группа свидетелей и которые поддерживают длинное чтение. Например, здесь присутствует стих Мф 12:47 и древнее чтение καὶ τῆς νυμφίας (25:1), поддерживаемое большим числом западных версий греческого текста и древних переводов (к их числу относятся D, X*, семейство 1; старолатинская версия и Вульгата; сирийские версии: синайская, гераклийская и Пешитта; армянский, грузинские рукописи: адишская и тбетская; Диатессарон)[190].

Среднеегипетская рукопись Деяний была куплена покойным Уильямом Глазье и в настоящее время хранится в библиотеке Дж. Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Предварительный анализ текста показывает, что он заслуживает внимания как образец так называемого «Западного» типа текста[191].

Части десяти Павловых посланий на среднеегипетском диалекте сохранились во фрагментированном папирусном кодексе, принадлежащем ныне Институту папирологии при Миланском университете. Издатель[192] датирует эту рукопись первой половиной пятого века; ее сохранившиеся части содержат отрывки из следующих посланий (с сохранением оригинального расположения последних) — Рим, 1 и 2 Кор, Евр, Гал, Флп, Еф, 1 и 2 Фес и Кол.

Издания: [George Horner] *The Coptic Version of the New Testament in the Northern Dialect, Otherwise called Memphitic and Boharic… 4* vols. (Oxford, 1898–1905); *Id.*, *The Coptic Version of the New Testament in the Southern Dialect, otherwise called Sahidic and Thebaic…* 7 vols. (Oxford, 1911–1924) [оба издания сопровождаются буквальным английским переводом]; Henri Hyvernat. *Bibliothecae Pierpont Morgan Codices Coptici, photographice expressi…* (Romae, 1922) 56 томов в 63 частях, указатель содержания которых см.: Winifred Kammerer. *A Coptic Bibliography*. (Ann Arbor, 1950), 33 ff.; Herbert Thompson. *The Gospel of St. John According to the Earliest Coptic Manuscript*. (London, 1924) [субахмимский диалект]; *Id.*, *The Coptic Version of the Acts of the Apostles and the Pauline Epistles in the Sahidic Dialect*. (Cambridge, 1923) [по рукописям из коллекции Честера Битти]; Rodolphe Kasser. *Évangile de Jean et Genèse I–IV, 2* (Louvain, 1958) [по рукописям из коллекции Бодмера]; Elinor M. Husselman *The Gospel of John in Fayumic Coptic (P. Mich. inv. 3521)* (Ann Arbor, 1962). *Das Mattäus-Evangelium im mittelagyptischen Dialekt des Koptischen (Codex Scheide)*, hrsg. von Hans-Martin Schenke (Berlin, 1981); *Liste der koptischen Handschriften des Neuen Testaments. I, Die sahidischen Handschriften der Evangelien* bearbeitet von Franz-Jürgen Schmitz und Gerd Mink (Berlin, 1986); *Apostelgeschichte 1,1-15,3 im mittelägyptischen Dialekt des Koptischen (Codex Glazier)* herausgegeben von Hans-Martin Schenke (Berlin, 1981); H. Forster, «Papyrusfragmente eines sahidischen Corpus Paulinum» *Zeitschrift für antikes Christentum* 5 (2000) 3-22; *Das Verhältnis der koptischen zur griechischen Bberlieferung des Neuen Testaments: Dokumentation und Auswertung der Gesamtmaterialien beider Traditionen zum Jakobusbrief und den beiden Petrusbriefen* hrsg. und bearbeitet von Franz-Jürgen Schmitz (Berlin, 2003).

4. Готский перевод[193]

В середине IV в. Ульфила (Ulfilas), которого часто называют апостолом готов, перевел Библию с греческого на готский язык; для этой цели он придал разговорному языку литературную форму и создал для него алфавит. Готский перевод является самым ранним из известных нам литературных памятников, составленных на любом из германских языков.

До наших дней сохранилось с полдюжины готских рукописей. Все они фрагментированы, но лучше всех сохранился роскошный список, датируемый V–VI вв. и ныне хранящийся в университетской библиотеке Упсалы. Рукопись включает отрывки из всех четырех Евангелий, которые расположены в так называемом западном порядке (Мф, Ин, Лк, Мк). Рукопись написана крупным почерком серебряными чернилами на пурпурном пергамене, отчего этот документ часто называют Серебряным кодексом (codex Argenteus; см. рис. 20). Начальные строки всех Евангелий и первая строка каждого раздела текста написаны золотыми буквами. Все другие рукописи готского Нового Завета за исключением пергаменного листа из готско-латинской билингвы[194] — палимпсесты.

Перевод Ульфилы со всей возможной добросовестностью передает оригинал, иногда даже доходя до буквализма. Основой своего перевода Ульфила избрал ту форму греческого текста, которая была распространена в восточной части Римской империи около 350 г. и принадлежала к раннему типу койне. Впоследствии в текст были включены западные чтения, заимствованные из старолатинских рукописей; проникли они главным образом в послания Павла.

Издания: Wilhelm Streitberg. *Die gotische Bibel*. 2te Aufl. (Heidelberg, 1919; ^{5}1969: дополненное переиздание) (готский и реконструированный греческий текст на противоположных страницах]; O. van Friesen, A. Grape, ed. *Codex Argenteus Upsaliensis, jussu senatus universitatis phototypice editus* (Upsaliae, 1927).

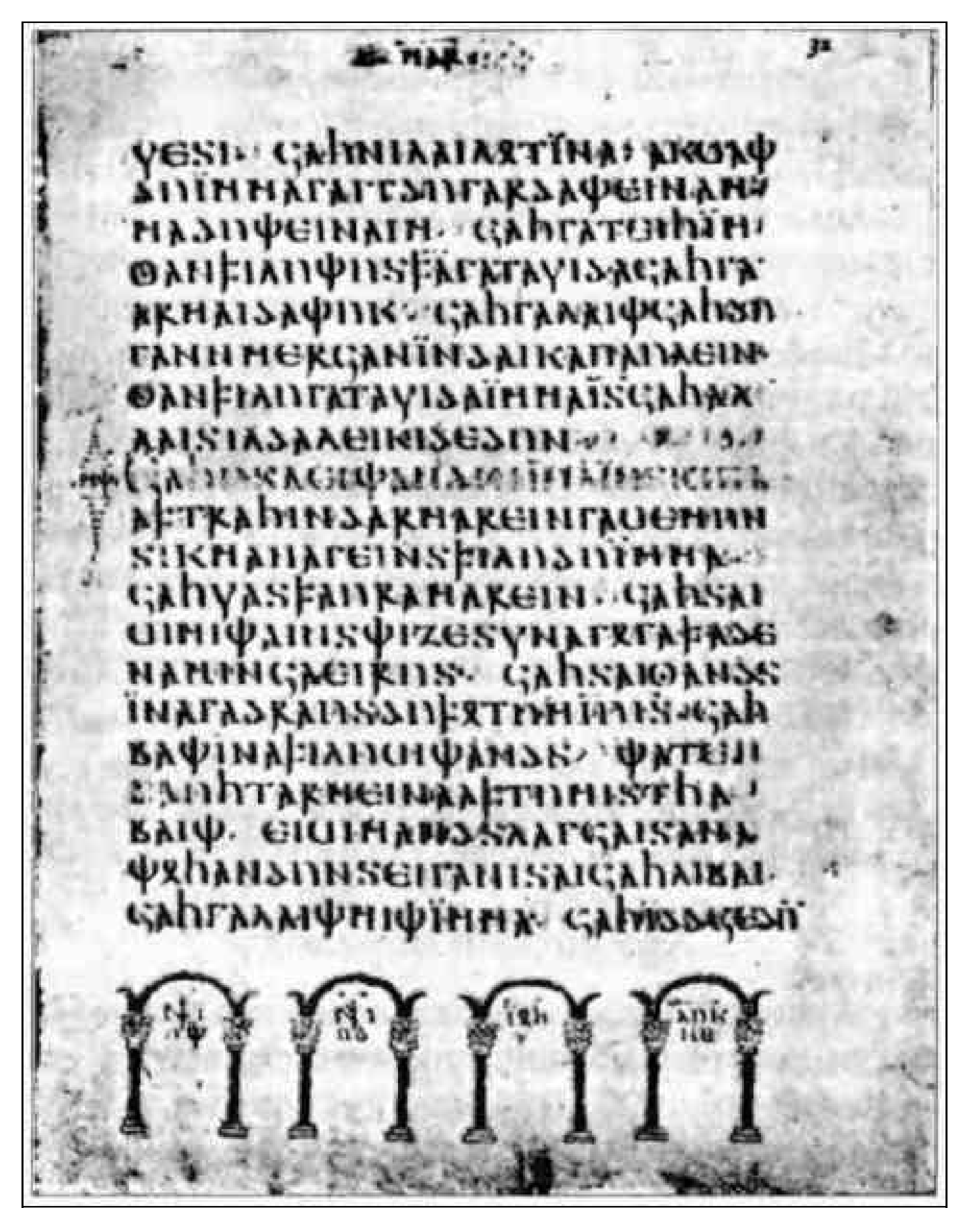

Рис. 20. Готский Серебряный кодекс (V или VI в.). Университетская библиотека, Упсала. Мк 5:18–24. Размер оригинала 24,8×19,4 см.

5. Армянский перевод[195]

Армянскую версию иногда называют «царицей библейских переводов», среди которых обычно считается одной из самых красивых и точных (рис. 21). По числу сохранившихся рукописей армянский перевод превосходит все другие ранние переводы, кроме Вульгаты. В каталог Родса входят 1244 рукописи, содержащих Новый Завет полностью или частично[196]; известно, что еще несколько сотен находятся в библиотеках бывшего СССР. О происхождении этого перевода существуют разные мнения. Как сообщают епископ Корьюн (умер в 450 г.) и историк Лазарь Фарбский (умер в 500 г.), ее автором был св. Месроп (умер в 439 г.), солдат, который стал христианским миссионером и создал новый алфавит, а затем вместе с католикосом Сааком (Исаак Великий, 390–439) сделал перевод с греческого языка. С другой стороны, Моисей Хоренский, племянник и ученик св. Месропа, писал, что Саак переводил с сирийского. И та, и другая точка зрения с различными поправками находит

поддержку среди современных ученых. Есть основания считать, что самый ранний армянский перевод Евангелий бытовал в форме гармонизации, отдаленно связанной с «Диатессароном» Татиана.

По всей видимости, переработка, которой подвергся ранний армянский перевод, предшествует VIII в. Принадлежал ли греческий текст, ставший основой для перевода, к кесарийскому типу или типу койне, до сих пор достоверно не известно; ни как бы то ни было, в текстах Евангелий от Матфея и Марка во многих армянских рукописях и даже в издании Зораба ярко выражены черты кесарийского типа.

Издания: удовлетворительное критическое издание армянского текста отсутствует; чаще всего используют печатную Библию мхитариста Йована Зорабяна (Иоанна Зораба, Yovhan Zohrabian) (Venezia, 1789; полная Библия 1805). Самая древняя известная рукопись — Четвероевангелие 887 г. было издано в фотографическом воспроизведении Г. А. Халатьянцем (Москва, 1899). См. также: Henning Lehmann, S. Weitenberg, eds. *Armenian Texts, Tasks and Tools* (Aarhus, 1993); *Texts and Context, Studies in the Armenian New Testament. Papers, Presented to the Conference on the Armenian New Testament. May 22–28,1992*, ed. by S. Ajamian and M. E. Stone. (Atlanta, 1994)

Рис. 21. Армянская рукопись Евангелий MS 229 из Патриаршей библиотеки Эчмиадзина. 989 г. Ныне хранится в Институте древних рукописей Матенадаран (Ереван). Упоминание о пресвитере Аристоне (см.) находится в правой колонке текста между строками 6 и 7 напротив декоративной розетки. Воспроизведен лист 110^{v} без верхней четверти. Размер полного листа 34×26,4 см.

6. Грузинский перевод

Из всех ранних переводов Нового Завета грузинский наименее изучен западными

специалистами. Грузинский народ, живший в гористой области, простирающейся между Черным и Каспийским морями, и говоривший на агглютинативном языке, происхождение которого неизвестно, получил собственный перевод Евангелия в первой половине IV в. Время и обстоятельства, при которых он был сделан, покрыты завесой легенд. Подобно армянскому, грузинский перевод является важнейшим свидетелем кесарийского типа текста.

Из наиболее древних евангельских рукописей мы знаем Адишскую (897 г.) и Опизанскую (913 г.), названные так по месту обнаружения, и Тбетскую (995 г.) получившую имя по месту написания. В большинстве *apparatus critici* Адишская рукопись обозначается как Geo^1, а две другие как Geo^2 (*A* и *B*).

Издания: *The Old Georgian Version of the Gospel of Mark*, ed. with Latin trans. By Robert R Blake (Paris, 1929); *Matthew* (Paris, 1933); *John*, ed. by Robert P. Blake and Maurice Brière (Paris, 1950); *Luke*, ed. by Maurice Brière (Paris, 1955); Joseph Molitor. «Das Adysh-Tetraevangelium. Neu übersetzt und mit altgeogischen Paralleltexten verglichen.» *Oriens Christianus*, XXXVII (1953), 33–55; XXXVIII (1954), 11–40; XXXIX (1955), 1-32; XL (1956), 1 — 15; XLI (1957) 1-21; XLII (1958), 1-18; XLIII (1959), 1-16 G. Garitte. *L'ancienne version géorginne des Actes des Apôtres d'après deux manuscrits de Sinaï*. (Louvain, 1955). Другие монографии и издания включают: Ilia Abuladze, *The Acts of the Apostles According to the Old Manuscripts* (in Georgian; Tiflis, 1950); K‘et‘evan Lort‘k‘ip‘anidze, *The Georgian Versions of the Catholic Epistles According to Manuscripts of the 10th to 14th Centuries* (in Georgian; Tiflis, 1956), trans. into Latin by Joseph Molitor in *Oriens Christianus*, xlix (1965), pp. 1-17; 1 (1966), pp. 37–45; Ilia Imnaišvili, *The Apocalypse of John and Its Commentary* [i.e., the Commentary of Andrew of Caesarea] (in Georgian; Tiflis, 1961), trans. into Latin by Joseph Molitor in *Oriens Christianus*, 1 (1966), pp. 1-12 (continued). For the Gospels, see J. Molitor, *Synopsis latina Evangeliorum Ibericorum antiquissimorum secundum Matthaeum, Marcum, Lucam, desumpta e codicibus Adysh, Opiza, Tbeth necnon e fragmentis biblicis et patristicis quae dicuntur Chanmeti et Haemeti* (Louvain, 1965). See also J. N. Birdsail, «Georgian Studies and the New Testament», *New Testament Studies*, xxix (1983), pp. 306–320; idem, «The Georgian Versions of the Acts of the Apostles», in *Text and Testimony, Essays on the New Testament in Honour of A. F. J. Klijn*, ed. by T. Baarda et al. (Kampen, 1988), pp. 39–45; idem, «The Georgian Version of the New Testament», in *The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status Quaestionis*, ed. by Bart D. Ehrman and Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 173–187; L. Kadzaia, *Die ältesten Georgische Vier-Evangelien-Handscrift, Teil I, Prolegomena*. Aus dem Georgischen übersetzt von H. Greeven und M. Job, with an English summary (Bochum, 1989), pp. 80–82; J. W. Childers, «The Old Georgian Acts of the Apostles: A Progress Report», *New Testament Studies*, xlii (1996), pp. 55–74.

7. Эфиопский перевод[197]

Эфиопский перевод сохранился в той части Африки, которая на протяжении долгого времени была почти полностью изолирована от остального христианского мира. Дошедшие до нас рукописи в большинстве своем не старше XV века, и даже самые древние списки могут быть датированы в лучшем случае X веком,[198] однако, несмотря на это

обстоятельство, эфиопская версия достойна внимания по нескольким причинам. Вплоть до середины XX века статус последних 12 стихов Евангелия от Марка в этом переводе оставался неясным. Это проистекало из противоречивых оценок, которые были даны одним и тем же рукописям. Ныне же, по фотографии изучив соответствующие страницы второго Евангелия в 65 рукописях, хранящихся в трех десятках коллекций, Мецгер установил, что все они содержат текст Мк 16:9-20. В дополнение к этому текст, который обычно зовется «кратким окончанием» Марка и присутствует в нескольких греческих и сирийских рукописях, во многих эфиопских рукописях находится между стихами 16:8 и 16:9. Впоследствии Уильям Ф. Макомбер (Macomber), сотрудник библиотеки микрофильмов (Hill Monastic Manuscript Microfilm Library) в городе Колледжвилл, штат Миннесота, исследовал микрофильмы 129 других рукописей Мк. Из общего списка в 194 рукописи (65 + 129) все, за исключением двух, оказавшихся к тому же лекционариями, содержат Мк 16:9-20, в то время как 131 содержит оба окончания — и пространное, и краткое[199].

Замечание в конце главы 28 эфиопского текста Деяний призывает читателя обратиться к посланиям и апокрифическим Деяниям Павла, а также рассказам о пребывании Павла в Риме. Этот фрагмент текста изначально представлял собой глоссу или колофон, внесенный впоследствии в основной текст[200].

Мнения исследователей о времени создания эфиопского перевода расходятся; одни считают, что он существовал уже в IV в., другие уверены, что перевод появился не раньше VI или VII в. Споры ведутся также и о том, с какого оригинала был сделан перевод — греческого или сирийского. В любом случае интересен тот факт, что в посланиях Павла текст перевода часто совпадает с p^{46} и мало совпадает или не совпадает вообще с другими вариантами текста. В эфиопском переводе также четко прослеживается влияние коптского и арабского текстов. Так эфиопский текст в конечном итоге стал собранием несопоставимых элементов, стоящих бок о бок. Анализ более ранней формы эфиопского перевода показал, что мы имеем дело со смешанным типом текста, который по определенным признакам можно отнести преимущественно к византийскому; однако в некоторых местах он совпадает с ранними греческими источниками (p^{46} и B). То немногое, что нам известно о Новом Завете в эфиопской версии (более тщательно изучена ее ветхозаветная часть), заставляет ученых с большим вниманием отнестись к ее изучению. Наиболее ранняя из известных эфиопских рукописей, кодекс Четвероевангелия, относится к XIII столетию, большинство остальных — XV века и более поздние.

Издания: Первое печатное издание *(editio princeps)* эфиопского Нового Завета было осуществлено тремя монахами-абиссинцами, которые выпустили свой труд в двух томах под псевдонимом Петр Эфиоп (Petrus Ethyops; Roma, 1548–1549). Этот текст с латинским переводом был перепечатан в полиглотте Брайана Уолтона (1657). Другие более поздние издания, выпущенные в новое время для миссионеров, были подготовлены Т. Пеллом Платтом (Platt; London, 1826) и переизданы Ф. Преториусом (Prätorius; Leipzig, 1899; 1914) и Ф. да Бассано (da Bassano; Asmara, 1920). Чтения *editio princeps* обозначаются символом Eth^{ro}.

8. Старославянский перевод[201]

О жизни и трудах свв. Кирилла и Мефодия, апостолов славянских, мы знаем больше, чем о создателях любого другого древнего библейского перевода, за исключением бл. Иеронима. Им, сыновьям богатого чиновника, родившимся в Салониках, традиция приписывает создание вначале глаголического, а затем и так называемого кириллического алфавита. В середине IX в. братья начали перевод Евангелий (возможно, в форме греческого лекционария) на староболгарский язык, который обычно называют старославянским. Этот перевод, как и следовало ожидать, принадлежит к византийскому типу текста, но вместе с тем содержит более ранние чтения, присущие западному и кесарийскому типам.

Славянский перевод стал объектом многочисленных эмендаций и изменений, вызванных диалектными различиями, которые существовали между разными славянскими народами, использовавшими этот текст. Эти изменения начали появляться почти сразу после того, как Кирилл и Мефодий закончили свою работу. Ни одна из сохранившихся рукописей не старше XI века. Существуют изводы, характеризующиеся болгарскими, чешскими, русскими и сербскими особенностями. Славянская Библия также послужила основой для ранних переводов — чешского (1475 г.) и болгарского (1840 г.) и повлияла на другие славянские библейские переводы.

Предварительная работа по классификации славянских рукописей была начата в конце XIX века профессором Московской духовной академии Г. А. Воскресенским[202], который разделил их на четыре группы, которые соответствовали, как он полагал, четырем текстуальным семействам. Древнейшая рецензия сохранилась в рукописях южнославянского происхождения, к числу которых относится большинство самых известных кодексов. Вторая рецензия сохранена в наиболее ранних русских рукописях, относящихся к XI и XII вв. Две другие датируются XIV и XV вв. соответственно. Апокалипсис стоит особняком, поскольку, как показал в своем исследовании Облак, он был переведен лишь в XII веке[203].

Издания: Josef Vajs, *Evangelium sv. Matouše, text reconstmovaný* (Praha, 1935) [с реконструированным греческим оригиналом на противоположных страницах]; …*Marka* (Praha, 1935); …*Lukaše* (Praha, 1936); …*Jana* (Praha, 1936).

9. Другие древние переводы

а) Арабские переводы

Древнейшие переводы Евангелий на арабский, возможно, относятся к VIII веку. Общий обзор рукописей, проведенный Игнацио Гвиди[204], показал, что существующие арабские переводы распадаются на пять групп: (1) сделанные непосредственно с греческого; (2) сделанные с сирийской Пешитты или выправленные по ней; (3) сделанные с одного из коптских диалектов, будь то саидский, бохейрский или любой другой; (4) принадлежащие к одной из двух эклектичных рецензий, выполненных Александрийским патриархатом в XIII веке и наконец (5) все прочие, среди которых встречаются, например, попытки изложить текст в виде ритмизованной прозы — формы, которая благодаря Корану стала классической для арабской литературы. Сложность ситуации усугубляется тем, что почти арабские переводы неоднократно исправлялись на основе других арабских версий, имеющих в своей основе другой оригинал.

В период позднего средневековья и до XIX века количество арабских переводов продолжало множиться: с одной стороны, те или иные части Писания переводили для своих нужд различные конфессиональные группы (такие, как мелькиты, марониты, несториане, яковиты и копты), с другой стороны, Библия переводилась на различные диалекты арабского языка — алжирский, чадский, египетский, марокканский, палестинский, суданский, тунисский, а также на разговорный язык Мальты.

b) Древненубийский перевод

В течение первых веков христианской эры Нубия, на севере граничащая с Египтом и с Эфиопией на юге, состояла из трех независимых царств. Когда именно христианство впервые попало в Нубию, неизвестно, однако обширные пространства, простирающиеся к югу от Египта, весьма вероятно, дали приют многим христианам, спасавшимся от гонений, начатых в 303 г. императором Диоклетианом. Первые специально посланные сюда миссионеры прибыли в Нубию в середине VI века[205]. В течение столетий количество церковных общин увеличивалось и, как сообщают, счет их шел уже на сотни. Около пяти веков подряд христианство процветало, становясь для нубийского общества основным связующим началом. Но в конце XIV века эта область оказалась отрезана от остального христианского мира продвижением арабов из мусульманского Египта, и ослабшая нубийская церковь оказалась на краю исчезновения. Растущая мощь арабов давила на страну с востока, севера и запада, так что в итоге все население Нубии приняло ислам.

Лишь в начале XX века в распоряжение ученых попали свидетельства о существовании древнего нубийского перевода Библии. В 1906 году д-р Карл Шмидт купил в Каире тетрадку из 16 поврежденных листов из пергаменного кодекса, обнаруженного в Верхнем Египте. Они содержали часть лекционария, относящуюся к предрождественской неделе и Рождеству (20–26 декабря)[206]. Для каждого дня дается отрывок из Апостола (Рим, Гал, Флп, Евр) и Евангелия (Мф и Ин). Как и прочие нубийские тексты, он написан коптским алфавитом, дополненного буквами, которые обозначали звуки, отсутствовавшие в коптском. Ближе к концу XX века в поле зрения ученых попали и другие библейские фрагменты на древненубийском языке; в их число входят отрывки из Ин и Откр[207].

c) Согдийский перевод

Согдийский язык, принадлежащий к среднеиранской группе, относится к восточной ветви индоевропейской языковой семьи. Во второй половине I тысячелетия н. э. согдийский был широко распространен в Восточном Туркестане и прилегающих районах Средней Азии. Недюжинная энергия, которую согдийцы выказали в торговле и колонизации, привела к широкому распространению их языка и письменности.

Учитывая наши современные знания об ареале использования согдийского языка, трудно представить себе, что до начала XX века ученые почти ничего о нем не знали. Только в 1903 году вблизи Турфана было обнаружено большое число различных согдийских документов, в числе которых среди буддийских и манихейских текстов присутствовали и христианские — несколько мученических актов, часть «Пастыря» Гермы, довольно много отрывков из Мф, Лк, Ин, небольшие фрагменты 1 Кор и Гал[208]. Написаны они были чисто консонантным письмом, напоминающим сирийское эстрангело, и, как полагают, переводить христианские документы на согдийский язык первыми начали несторианские миссионеры, которые в VII веке вели в Средней Азии энергичную проповедь[209].

d) Англосаксонский перевод

Древнейшие сохранившиеся новозаветные материалы на англосаксонском языке имеют форму межстрочных глосс в рукописях Вульгаты, ибо внесение глосс было одной из форм тогдашнего обучения латинскому языку. Поскольку глоссы помещались практически над каждым словом латинского текста, порядок слов подстрочника следовал латинскому оригиналу, и для получения полноценного связного англосаксонского перевода требовалось его отредактировать. Однако глоссы делались отнюдь не для замены латинского текста, а лишь для того, чтобы помочь читателю лучше его понять.

Знаменитый Линдисфарнский кодекс (см.) был написан около 700 года Эдфридом (Eadfrid), епископом Линдисфарнским. В X веке рукопись была перевезена в Честер-ли-Стрит, близ Дарема, и там не позднее 970 года в нее были добавлены глоссы на литературном древнем нортумбрийском диалекте (документы на котором довольно редки); руководил этой работой священник по имени Алдред (Aldred). Другая известная латинская рукопись — Евангелие Рашворта (Rushworth Gospel), которая была написана ирландским почерком примерно около 800 года и получила глоссы во второй половине X века. Глоссы к Евангелию от Матфея написаны на редком древнем мерсийском диалекте, который использовался в центральной части Англии, в то время как остальные Евангелия были глоссированы на древнем нортумбрийском.

Шесть других рукописей содержат глоссы на западносаксонском варианте англосаксонского языка, которым пользовались в Уэссексе. В некоторых случаях западносаксонские чтения отличаются от Вульгаты, однако согласны с чтениями двуязычного Кодекса Безы (см. выше); в других случаях мы видим, что глоссатор просто не понимал латинский текст. Из сказанного видно, что ценность англосаксонской версии для восстановления греческого оригинала довольно ограничена. В основном она используется текстологами для изучения истории латинского библейского текста[210].

III. Патристические цитаты из Нового Завета

Помимо сведений о тексте, которые можно получить из греческих рукописей Нового Завета и ранних переводов, текстологу доступно большое количество библейских цитат, включенных в комментарии, проповеди и иные труды, написанные ранними отцами церкви[211]. В самом деле эти цитаты настолько многочисленны, что если бы мы утратили все другие источники новозаветных текстов, их одних было бы достаточно для восстановления практически всего текста Нового Завета.

Значимость цитат из патристической литературы состоит в том, что они помогают определить место и время появления разночтений и типов текста в греческих рукописях и переводах. Например, то обстоятельство, что цитаты, содержащиеся в послании Киприана, который был епископом Карфагена в Северной Африке около 250 г., практически полностью совпали с латинским текстом рукописи *k*, привело ученых к справедливому выводу о том, что данная рукопись IV–V вв. является копией с оригинала, который использовался в Северной Африке в середине III века. Иногда случается так, что патристический автор намеренно цитирует разночтения из современных ему рукописей. Такие сведения представляют собой исключительную важность, поскольку мы получаем

достоверную информацию о том, какие разночтения существовали в конкретное время и в конкретном месте[212].

Прежде чем с уверенностью оперировать патристическими свидетельствами, исследователь обязан проверить, имеет ли он перед собой подлинный святоотеческий текст. Ибо труды отцов церкви, так же как новозаветные рукописи, претерпевали изменения в процессе переписывания. Писец всегда стремился привести цитаты из Священного Писания в соответствие с той формой текста, которая была свойственна поздним рукописям Нового Завета и которую он помнил наизусть[213]. Если цитаты из Нового Завета в рукописи какого-либо святоотеческого текста отличаются друг от друга, то правильнее будет счесть подлинным те варианты, которые не совпадают с более поздним церковным текстом (византийским для греческого или, соответственно, Вульгатой для латинского).

После того, как был обнаружен подлинный текст, которым пользовался патристический автор, текстолог должен задать вопрос: хотел ли он передать цитату из Священного Писания дословно или же он просто перефразировал ее? Если исследователь уверен в буквальном цитировании, неизбежен вопрос: обращался ли отец церкви к соответствующему отрывку в рукописи или цитировал по памяти? Первое предположение является наиболее вероятным, если цитата длинная, короткие же цитаты чаще воспроизводились по памяти[214]. Более того, если автор цитировал какой-либо отрывок несколько раз, то форма этого отрывка зачастую могла варьироваться.

Невзирая на трудности, с которыми сопряжено установление подлинных новозаветных цитат в патристической литературе и их последующее использование для критики текста, подобная работа может оказаться весьма важной для выявления древнейших текстуальных форм. Например, в сцене крещения Иисуса в Лк 3:22 подавляющее большинство свидетелей, начиная с p^4, цитируют глас с небес — «Ты Сын Мой возлюбленный! В Тебе Мое благоволение» (с отсылкой к Ис 42:1). Другие источники, напротив, указывают, что глас свыше процитировал Пс 2:7 — «Ты Сын Мой, ныне Я родил Тебя»; самая ранняя новозаветная рукопись, содержащая подобное чтение — Кодекс Безы V века. До него этот текст передается именно так в многочисленных патристических сочинениях II–IV вв., включая Иустина, Климента Александрийского, Оригена, Мефодия, Евангелие Евреев, Евангелие Эвионитов и Дидаскалию. Все они согласуются в данном чтении с Кодексом Безы. Из этого следует вывод, что все известные нам источники текста II и III века, за исключением p^4, знают это чтение.

Цитаты из святоотеческой литературы ценны не только для выявления древнейших текстуальных вариантов, но и для установления форм и путей передачи текста. Например, полный анализ таких александрийских писателей, как Климент, Ориген, Дидим, Афанасий и Кирилл, показывает нам, как новозаветный текст развивался в Египте на протяжении первых 400 лет христианской истории.

Авторы патристических сочинений иногда прямо говорят о том, какие разночтения содержатся в доступных им рукописях и даже высказывают свое мнение о ценности того или иного чтения[215] — не всегда, впрочем, убедительное для современного ученого, который, однако, с большим вниманием отнесется к свидетельству отца церкви, когда тот говорит, содержалось ли то или иное чтение в немногих рукописях или, напротив, во многих, или даже в большинстве виденных им копий. Эта информация часто совпадает со

свидетельством сохранившихся рукописей, но еще чаще противоречит ей[216]. Подобное сравнение древних известий с современным положением дел показывает, как часто слепая случайность определяла и сохранение, и утрату рукописей, существовавших в прошлом.

Учитывая, сколь важны данные патристики для восстановления древнейших форм текста и понимания путей его дальнейшей рукописной передачи, нельзя не прийти к выводу о необходимости полных сводов таких свидетельств — как прямых цитат новозаветного текста, так и парафразов. Для выполнения этой задачи была основана новая книжная серия, *The New Testament in the Greek Fathers: Texts and Analyses*. Ее первым редактором стал Гордон Фи (Fee), и ныне она издается Обществом библейской литературы (Society of Biblical Literature Press). Новозаветные цитаты из произведений каждого конкретного отца церкви собраны в отдельном томе; если же количество их велико, то целый том отдается какой-либо одной части Нового Завета. Вплоть до настоящего времени изданы тома, посвященные Дидиму Слепцу (Евангелия), Григорию Нисскому (Новый Завет полностью), Оригену (по тому на каждое Евангелие и один — на 1 Кор) и Кириллу Иерусалимскому (весь Новый Завет). Вскоре ожидается выход томов, посвященных Афанасию (Евангелия), Василию Великому (Евангелие от Матфея) и Епифанию (Деяния, послания и Откровение)[217].

Каждый том этой серии содержит (1) краткое введение, посвященное историческому и богословскому контексту, в котором жил и творил данный церковный автор; (2) полный список всех новозаветных цитат, парафразов и аллюзий, содержащихся в его трудах; (3) полную колляцию этого материала с важнейшими рукописными свидетелями различных текстуальных семейств[218]; (4) детализированный анализ всех случаев, когда обнаруженный у отца текст совпадает или не совпадает с текстом тех или иных рукописей — как правило, при этом используется квантитативный метод установления текстуальной связи, а также — в той или иной форме — метод профильной группировки рукописей[219]; и, наконец, читателю представляется (5) вывод о том, что именно свидетельствует данный Отец об истории новозаветного текста для своего времени и места проживания.

Уже удалось добыть некоторые новые данные. Например, работы Джеймса Брукса о Григории Нисском, Жана-Франсуа Расина о Василии Великом и Рода Маллена о Кирилле Иерусалимском показали, что каждый из этих авторов цитирует раннюю версию византийской редакции, что, таким образом, удревнило дату ее появления самое меньшее до конца IV века. В то же самое время работа Барта Эрмана о Дидиме Слепце показала, что этот важнейший автор является убедительным свидетелем александрийского текста, и более того, заставило пересмотреть само восприятие того, как развивалась эта редакция. Поскольку все представители данного извода дают его в более или менее чистом виде, нельзя более рассуждать о «поздней александрийской» редакции. Вместо этого, следует говорить о первичных и вторичных ее свидетелях, опираясь на то, в какой степени каждая рукопись содержит характерные признаки александрийского текста.

В целом же, ценность отцов церкви для восстановления новозаветного текста весьма велика, но внимание их изучению уделялось недопустимо малое. Вот список наиболее выдающихся христианских авторов, чьи произведения содержат многочисленные цитаты из новозаветного текста[220].

Амвросий Медиоланский, ум. 397.

Амврозиастер [Псевдо-Амвросий] Римский, вторая половина IV в. Августин Гиппонский, ум. 430.

Афанасий Александрийский, ум. 373.

Григорий Назианзин, ум. 389 или 390.

Григорий Нисский, ум. 394.

Дидим Александрийский, ум. 398.

Евсевий Кесарийский, ум. 339/340.

Епифаний Кипрский, ум. 403.

Ефрем Сирин, ум. 373.

Иероним Стридонский, ум. 419 или 420.

Иларий Пиктавийский, ум. 367.

Иоанн Златоуст, ум. 407.

Ипполит Римский, ум. 235.

Ириней Лионский, ум. ок. 202.

Исидор Пелусиот, ум. 435.

Иустин Мученик, ум. ок. 165.

Киприан Карфагенский, ум. 258.

Кирилл Александрийский, ум. 444.

Климент Александрийский, ум. ок. 212.

Люцифер Калаританский, ум. 370 или 371.

Маркион, расцвет деятельности приходится на 150–160 гг., Рим.

Ориген, ум. 253/254.

Пелагий, IV–V вв.

Примасий, епископ Гадрументский (в Африке), ум. после 552.

Псевдо-Иероним, V–VI вв.

Руфин Аквилейский, ум. 410.

Татиан, расцвет деятельности около 170 г.

Тертуллиан, ум. после 220.

Феодор Мопсуэстийский, ум. 428[221].

Среди этих авторов наиболее противоречивой фигурой был Татиан, сириец из Месопотамии. Он известен, главным образом, своим «Диатессароном», или «Гармонией» четырех Евангелий. Соединяя отличающиеся друг от друга предложения, присутствующие только у одного евангелиста, с предложениями, которые мы находим у другого, Татиан расположил евангельские отрывки таким образом, что получилось единое повествование. Соединив вместе все четыре Евангелия, Татиану удалось сохранить их содержание почти полностью, за исключением всего нескольких отрывков (например, родословие Иисуса в Евангелии от Матфея и Евангелии от Луки, первое из которых прослеживает наследственную линию Иисуса от Авраама по нисходящей линии, а второе — по восходящей к Адаму). Этот труд стал известен под названием «Диатессарон»[222] (от греческого выражения διὰ τεσσάρον, что означает «посредством четырех [Евангелий]»).

«Диатессарон» Татиана вскоре приобрел большую известность, особенно на Востоке. Уже в V в. Феодорит, который в 423 г. стал епископом города Кира или Кирра (стоявшего на

реке Евфрат в Верхней Сирии), обнаружил, что в пределах его епархии обращается большое число копий «Диатессарона». Однако по причине того, что в конце своей жизни Татиан стал еретиком, Феодорит опасался, что православным христианам вредно будет читать произведения этого автора, и посему он уничтожил все копии «Диатессарона», какие мог найти (всего около двух сотен), и заменил их отдельными текстами четырех Евангелий[223].

В результате столь усердного искоренения текста епископом Феодоритом (знамя которого, вне всякого сомнения, подхватили затем другие) не сохранилось ни одной полной копии «Диатессарона» Татиана. В 1933 г. археологи во время раскопок древнего римского города-крепости Дура-Эвропос на нижнем Евфрате обнаружили небольшой кусок пергамена, содержащий фрагмент из «Диатессарона» на греческом языке. Известно, что этот город был захвачен персами при царе Шапуре I в 256–257 г. и, следовательно, пергамен моложе этой даты[224]. Сохранившийся текст описывает приход Иосифа из Аримафеи за телом Иисуса. Буквальный перевод показывает, каким образом слова и предложения из четырех Евангелий соединялись вместе. Поскольку левые поля листа были повреждены, то первые 6–7 букв в начале каждой строки отсутствуют, однако восстановить их можно почти с полной достоверностью. В переводе, который мы приводим ниже, восстановленные куски помещены в квадратные скобки, а отсылки к современному тексту Библии даны в скобках.

> [… мать сыновей Зеведеев]ых (Мф 27:56) и Саломея (Мк 15:40) и женщины, следовавшие за Ним из [Галиле]и смотрели на это (Лк 23:49 b-c). [День тот] была пятница; и наступала] суббота (Лк 23:54). Когда же настал вечер (Мф 27:57), потому что была пя[тница], то есть день перед субботою (Мк 15:42), [пришел] богатый человек (Мф 27:57), член совета (Лк 23:50), из Аримафеи (Мф 27:57), г[ор]ода [иудейского (Лк 23:51), именем Ио[сиф] (Мф 27:57), человек добрый и пр[авдивый] (Лк 23:50), ученик Иисуса, но т[айн]ый — из страха перед иудеями (Ин 19:38). И он (Мф 27:58), ожидавший также [Царства] Божьего (Лк 2 3:5lb). Он не [участв]овал в совете и в д[еле] [их] (Лк 23:51a)…

Вполне очевидно, что Татиан занимался составлением своего «Диатессарона» с большим усердием. Возможно, автор работал с четырьмя отдельными рукописями, каждая из которых содержала текст одного из Евангелий, и по мере использования предложений то из одного, то из другого Евангелия, он, без сомнения, вычеркивал их из рукописей, откуда эти предложения переписывал. Иначе очень трудно понять, как ему удалось так мастерски сделать этот литературный монтаж из столь коротких фраз, к тому же взятых из четырех разных рукописей.

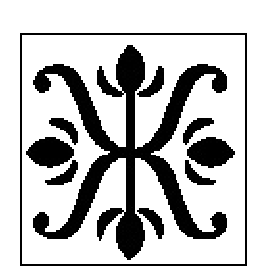
Наиболее яркое чтение, сохранившееся в этом фрагменте, расположено почти в самом его начале. Хотя оно частично восстановлено и ни один из вторичных переводов «Диатессарона», известных с тех пор, не содержит этого чтения, возможно, Татиан говорит о «женщинах, следовавших за Иисусом из Галилеи». Данное высказывание и смысл, который за ним скрыт, не имеют параллельного чтения в тексте Евангелий ни в какой другой рукописи или переводе.

Помимо рассмотренного выше греческого отрывка, отдельные части татиановой гармонии можно найти у ранних сирийских отцов церкви, которые включали цитаты из нее

в свои гомилии и другие труды. Особенно хорошо цитаты представлены в комментариях св. Ефрема на «Диатессарон», написанных в IV в. До середины XX века эти комментарии были доступны лишь в армянском переводе, сохранившемся в двух рукописях 1195 г. В 1957 г. было объявлено, что сэр Честер Битти приобрел сирийскую рукопись, которая содержит около трех пятых трактата Ефрема[225]. Эта рукопись, датированная концом V — началом VI в., была издана Луи Лелюаром (Leloir)[226], который предварительно подготовил издание и перевод комментариев в их армянском переводе. Несколько гармонизаций на других языках (арабском и персидском[227] на Востоке, латинском, среднеголландском, староанглийском и староитальянском на Западе) в большей или меньшей степени зависят либо по форме, либо по тексту, от работы первопроходца в этом деле — Татиана.

Влияние «Гармонии» на контаминацию в передаче евангельского текста всесторонне изучено. В настоящее время немногие ученые согласны с крайними взглядами Германа фон Зодена и Антона Баумштарка, которые считали, что обнаружили влияние Татиана на большое количество восточных и западных евангельских рукописей. Не подлежит сомнению, однако, то, что татианова идея гармонизации евангельского текста Татиана оказала влияние на значительное число источников (особенно западных)[228].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО НОВОГО ЗАВЕТА И ИХ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ИСТОРИИ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ГЛАВА 3
ДОКРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ГОСПОДСТВО TEXTUS RECEPTUS

I. От Хименеса и Эразма до Эльзевиров

Изобретенная Иоганном Гутенбергом технология книгопечатания, основанная на использовании подвижных литер, оказала самое серьезное воздействие на западную культуру и цивилизацию. Теперь копирование книг ускорилось и удешевилось, но главное — повысилась степень аккуратности в воспроизведении текста. И не случайно первым и главным детищем первопечатника стала роскошная Библия. Иеронимова Вульгата была издана Гутенбергом в Майнце между 1450 и 1456 г., а в течение следующих 50 лет различными типографиями было выпущено по меньшей мере 100 изданий латинского текста Библии. В 1488 г. появилось первое полное издание еврейского Ветхого Завета, напечатанное в ломбардской типографии Сонцино. К началу XVI в. Библия была издана на основных языках Западной Европы — богемском (чешском), французском, немецком и итальянском.

Говоря о греческом тексте Нового Завета, необходимо заметить, что, за исключением нескольких коротких отрывков[229], полностью он был напечатан лишь в 1514 г. Эту задержку на 60 лет после изобретения типографского способа печати объясняют двумя причинами.

Прежде всего, главная сложность состояла в изготовлении греческих шрифтов, необходимых для книги сколько-нибудь значительного объема, что оказалось трудоемким и дорогостоящим делом[230]. Была предпринята попытка воссоздать в печати минускульное греческое письмо, изобиловавшее многочисленными вариантами начертания одной и той же буквы, а также лигатурами — особыми формами для соединения двух или трех букв (*ligatures*) в один типографский знак[231]. Таким образом, вместо производства шрифта, состоящего из 24 букв греческого алфавита, печатники вынуждены были сделать около 200 различных форм. (Со временем эти вариантные формы одних и тех же букв исчезли; сегодня существуют лишь две формы строчной сигмы — σ и ς.)

Основной причиной того, что греческий текст Нового Завета увидел свет так поздно, явился высокий престиж латинской Вульгаты Иеронима. Переводы на разговорные языки ничуть не умаляли превосходства латинского текста, с которого они и были сделаны. Однако публикация Нового Завета по-гречески давала любому ученому, владеющему обоими языками, возможность критически смотреть на признанную Библию официальной церкви и править ее.

Тем не менее в 1514 г. Новый Завет был впервые опубликован на греческом языке в составе многоязычной Библии. Замысел объединить в одном издании библейские тексты на еврейском, арамейском, греческом и латинском языках принадлежит кардиналу-примасу Испании Франциско Хименесу де Сиснеросу (Francisco Ximenes de Cisneros, 1437–1517). Это прекрасное издание вышло в свет в университетском городке Алкала[232] (по-латински

Complutum)[233]. Грандиозный свод под названием «Комплютенская многоязычная Библия»[234] редактировался многими учеными, среди которых, пожалуй, наиболее известен Диего Лопес де Суньига (Стуника)[235]. Первым был напечатан том V, содержавший Новый Завет и греко-латинский словарь (в колофоне указана дата 10 января 1514 г.) Том VI — Приложения, включавший еврейский словарь и основы еврейской грамматики, был напечатан следующим в 1515 г. Позже появились четыре тома Ветхого Завета, дата выпуска последнего из них — 10 июля 1517 г. Разрешение папы Льва X, которое открывало текст I тома, было получено лишь 22 марта 1520 г. По-видимому, тираж Полиглотты был выпущен в обращение (т. е., собственно говоря, опубликован) только около 1522 г.

Четыре тома Ветхого Завета содержат еврейский текст, латинскую Вульгату и греческую Септуагинту, которые располагались в трех колонках на каждой странице вместе с арамейским Таргумом Онкелоса (парафразом Пятикнижия), который сопровождается переводом на латинский язык внизу страницы. Четкий и красивый греческий шрифт, который использовался для печатания Нового Завета, был смоделирован по рукописным источникам XI–XII вв. (см. рис. 22)[236]. В нем отсутствуют знаки густого и тонкого придыхания, а ударение расставлено совершенно произвольно: односложные слова вовсе не имеют его, тогда как ударные слоги отмечены простым апексом[237], напоминающим греческое острое ударение. Подле каждого греческого слова или группы слов проставлена латинская буква, отсылающая к переводу этого места в параллельном тексте Вульгаты, что помогает ориентироваться читателям, недостаточно знающим греческий язык. Септуагинта напечатана обычным курсивом, который стал широко использоваться благодаря Альду Мануцию (Manutius), знаменитому венецианскому печатнику.

Рис. 22. Комплютенская Полиглотта, том V. Первое печатное издание греческого Нового Завета (1514). Рим 1:27—2:15 (см.). Размер оригинала 35×24 см.

Точно не известно, какая именно греческая рукопись легла в основу Комплютенского Нового Завета[238]. В открывающем издание посвящении папе Льву X Хименес говорит о том, каких трудов стоило отыскание латинских, греческих и еврейских рукописей, и замечает: «Греческими рукописями воистину обязаны мы Вашему святейшеству, предоставившему в наше распоряжение из Апостолической библиотеки древнейшие рукописи, как Ветхого, так и Нового Заветов; весьма много помогли они осуществлению предприятия нашего»[239].

Хотя Комплютенскому тексту суждено было стать первым напечатанным греческим Новым Заветом, первым *опубликованным*, т. е. выпущенным на рынок, оказалось издание, подготовленное знаменитым голландским ученым-гуманистом Дезидерием Эразмом Роттердамским (1469–1536)[240]. Невозможно точно определить, когда именно Эразм задумал его, но уже в августе 1514 года, будучи в Базеле, Эразм обсуждал такую возможность с известным издателем Иоганном Фробеном (Froben), и вероятно, делал это уже не в первый раз. Их переговоры, как кажется, были прерваны на некоторое время, но

возобновились в апреле 1515 года, когда Эразм находился в Кембриджском университете. Именно тогда Фробен через их общего друга Беата Ренана (Rhenanus) убедил его немедленно сесть за подготовку издания Нового Завета. Без сомнения, Фробен слышал о готовящемся выходе испанской многоязычной Библии и, предчувствуя готовность читательской аудитории к появлению в продаже греческого Нового Завета, захотел обратить ситуацию в свою пользу прежде, чем Хименес завершит свою работу, и текст его будет разрешен к выпуску. Предложение Фробена, которое сопровождалось обещанием суммы, которую заплатил бы любой другой заказчик (*se daturum pollicetur, quantum alius quisquam*), было сделано как раз вовремя. Вновь уезжая в Базель в июле 1515 г., Эразм надеялся отыскать греческие рукописи достаточно хорошего качества, которые можно было сразу отправить в набор и напечатать рядом с Вульгатой, «которую Эразм достаточно сильно отредактировал, дабы она точно передавала греческий текст в колонке напротив»[241]. К его разочарованию, те рукописи, которые он смог в тот момент достать, требовали определенной правки, прежде чем с них можно набирать текст[242].

Печатать книгу начали 2 октября 1515 г., и в удивительно короткий срок — к 1 марта 1516 г. — все издание было закончено. Огромный том в 1000 страниц, по признанию Эразма, был «скорее обрушен на читателя, чем издан» (*praecipitatum verius quam editum*). Из-за спешки были допущены сотни типографских ошибок; Скривенер как-то сказал: «В смысле опечаток это самая неудачная книга из всех, какие я знаю»[243]. Поскольку Эразм не смог найти одну рукопись, которая содержала бы весь греческий текст полностью, ему пришлось пользоваться для разных частей Нового Завета разными рукописями. Большую часть новозаветных книг Эразм напечатал по двум довольно посредственным в текстуальном отношении рукописям, найденных им в монастырской библиотеке в Базеле: Евангелия — по одной (см. рис. 23), Деяния и послания — по другой. Оба списка датируются приблизительно XII в.[244] Эразм сравнил их с двумя-тремя другими рукописями тех же книг и внес прямо в рукопись кое-какую корректурную правку на полях и между строк[245]. Далее, Эразм располагал одной-единственной рукописью Откровения, которую он одолжил у своего друга Рейхлина (Reuchlin). Относилась эта копия к XII в., и была, к сожалению, неполной: отсутствовал последний лист, где должны были находиться заключительные шесть стихов Откровения. Вместо того, чтобы задерживать публикацию поисками исправного текста, Эразм (видимо, по настоянию издателя) сделал обратный перевод этих стихов на греческий с Вульгаты. Как нетрудно догадаться, самодельный греческий текст, полученный в результате подобной процедуры, содержит такие чтения, каких мы не встретим ни в одной из известных нам оригинальных рукописей — однако эти чтения сохраняются в многочисленных воспроизведениях так называемого Общепринятого текста (Textus Receptus) греческого Нового Завета[246].

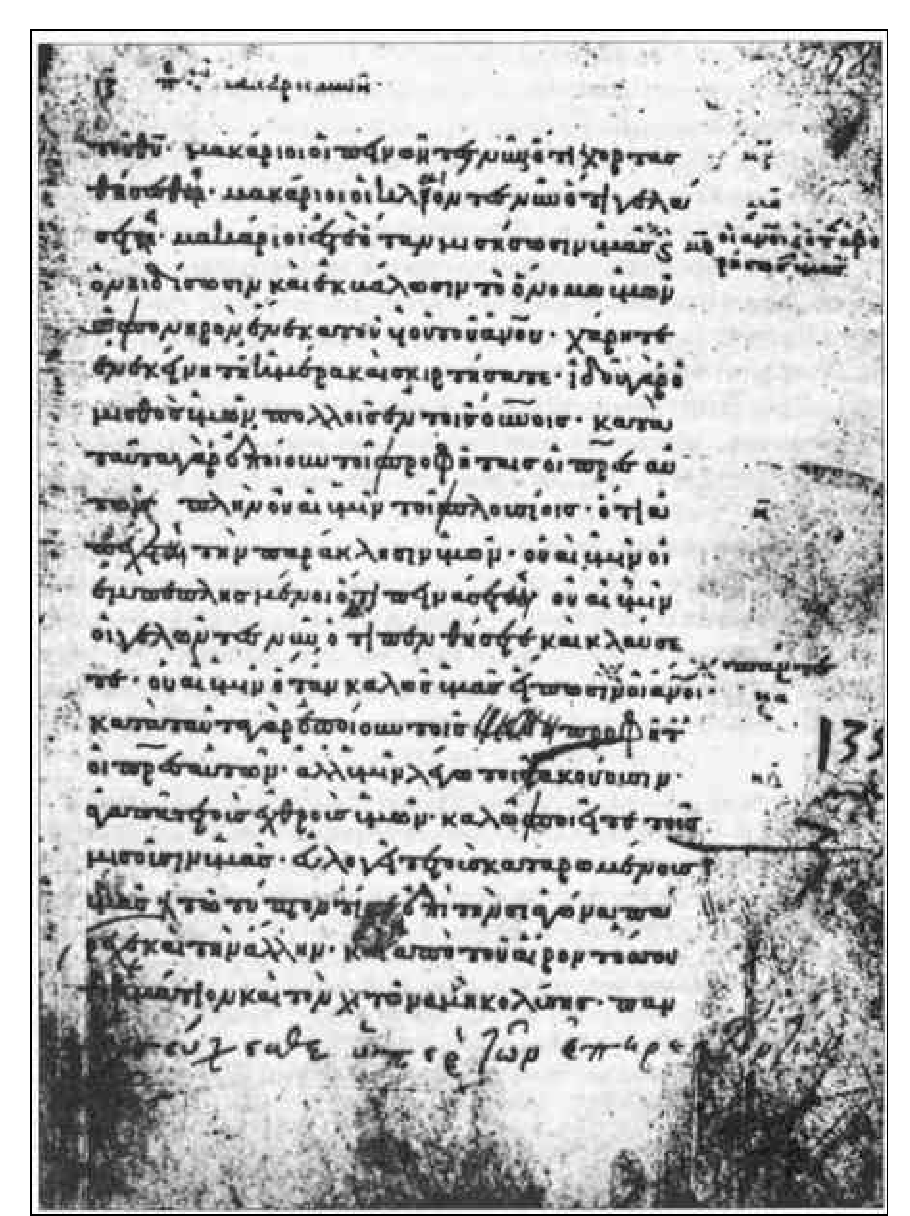

Рис 23. Греческая евангельская рукопись 2 (XII век). Университетская библиотека, Базель. Лк 6:20–30. Это одна из второстепенных рукописей, использованных Эразмом для подготовленного им первого издания греческого Нового Завета (см.). Видна внесенные Эразмом правка текста и указания для наборщика (например, в строках 8 и 9 косая черта отделяет предлог от следующего за ним слова; на нижнем поле рукой Эразма добавлено προσεύχεσθε ὑπέρ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς, случайно опущенное переписчиком рукописи в стихе 28 (3 строка снизу). Размер оригинала 19,5×15 см.

В некоторых местах греческого текста Эразм вносит правку по Вульгате. Так, в сцене обращения Павла на пути в Дамаск стих Деян 9:6 («Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать?») был бестрепетно перенесен Эразмом из Вульгаты. Это добавление, которое отсутствует во всех известных нам греческих рукописях (хотя и появляется в параллельном тексте Деян 22:10), вошло в Textus Receptus, ставший основой перевода Библии короля Иакова (1611 г.).

Текст, опубликованный Эразмом Роттердамским, — первое широко доступное печатное издание Нового Завета, — аудитория восприняла по-разному. С одной стороны, его широко покупали по всей Европе. Менее чем через три года потребовалось второе издание книги, причем суммарный тираж обоих изданий 1516 и 1519 г. составил 3300 экземпляров. Второе

издание легло в основу немецкого перевода, сделанного Лютером[247]. С другой стороны, на труд Эразма многие смотрели с подозрением, а кое-кто даже враждебно. Во втором издании классическую иеронимову Вульгату Эразм заменил собственным, более элегантным латинским переводом, который во многих местах менял привычное звучание латинских слов и оттого воспринимался как претенциозная инновация. Более всего возражений вызывали краткие аннотации, в которых Эразм обосновывал свой перевод: среди замечаний сугубо филологического свойства периодически встречались довольно едкие комментарии о далеком от евангельского идеала образе жизни священников. По словам Дж. Э. Фруда, «кожа духовенства стала слишком нежной от долгой безнаказанности. С амвонов и трибун кричали они, негодуя, и вся Европа оглашалась эхом их криков»[248]. В конце концов, «многие университеты, и среди них Кембриджский и Оксфордский, запретили студентам читать, а книготорговцам — продавать сочинения Эразма»[249].

Среди многих критических стрел, летевших в него, самую серьезную, по-видимому, выпустил Стуника, один из издателей Комплютенской многоязычной Библии Хименеса. Стуника указал на то, что в издании Эразма отсутствует так называемая *Comma Johanneum*[250] — иными словами, те стихи Первого послания Иоанна, где содержится тринитарное утверждение: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле…» (1 Ин 5:7–8). На подобное обвинение Эразм возразил, что этих слов он не обнаружил ни в одной греческой рукописи, хотя за прошедшее с момента первого издания время смог изучить довольно много их. Эразм пообещал, что в том случае, если отыщется хоть одна греческая рукопись, содержащая этот отрывок, то он вставит его в последующих изданиях своего Нового Завета[251]. В конце концов, такую рукопись отыскали — или, вернее сказать, подделали. Ныне известно, что была она написана в Оксфорде около 1520 г. монахом-францисканцем по имени Фрой (или Рой), который заимствовал этот отрывок из латинской Вульгаты[252]. При подготовке следующего, третьего издания (1522 г.) Эразм свое обещание выполнил и эти слова в греческий текст Нового Завета вставил, сопроводив их, однако, длинным примечанием, в котором предположил, что искомая рукопись была сфабрикована[253].

Среди тысяч греческих новозаветных рукописей, изученных со времен Эразма, только восемь содержат этот отрывок. В четырех из низ *Comma* находится в тексте, и еще в четырех добавлена на полях в качестве текстуального разночтения. Вот эти рукописи (обозначения даны по системе Грегори — Аланда)[254]:

61: Codex Montfortianus, начала XVI в., хранящийся в Тринити-колледже (Дублин). Этот кодекс был переписан в оксфордском Линкольн-колледже с рукописи X века, текст которой не содержал *Comma*; при переписывании были также добавлены и другие дополнения, заимствованные из латинского текста.

88$^{v.r.}$: вариантное чтение, написанное почерком XVI века и добавленное в Codex Regius XII века, хранящийся в Неаполе.

221$^{v.r}$: вариантное чтение, добавленное в рукопись X века из Бодлеянской библиотеки (Оксфорд).

429$^{v.r}$: вариантное чтение, добавленное в рукопись XV века из Вольфенбюттеля (Wolfenbüttel).

629: Codex Ottobonianus, хранящийся в Ватикане. Представляет собой греко-латинскую диглотту XIV века, в которой греческий текст выправлен по Вульгате.

636$^{v.r}$: вариантное чтение, добавленное в рукопись XV века, хранящуюся в Неаполе.

918: рукопись XVI века, хранящаяся в испанском Эскориале.

2318: рукопись XVIII века, чей текст испытал влияние Вульгаты Климентины, хранящаяся в Бухаресте (Румыния).

Древнейшее цитирование *Comma Johanneum* мы встречаем в латинском трактате IV в. Liber apologeticus (гл. 4), авторство которого приписывается либо Присциллиану, либо одному из его последователей, испанскому епископу Инстанцию. Возможно, *Comma* появилась как аллегорическое истолкование слов о «трех свидетелях» и могла быть написана как глосса на полях латинской рукописи 1 Ин, а впоследствии перенесена в старолатинскую версию в V в. Этого отрывка нет в рукописях латинской Вульгаты, созданных ранее 800 года. Апеллируя к тому факту, что *Comma* входит в состав латинской Вульгаты Климентины, изданной в 1592 г., Святая палата (т. е. *Верховная Священная Конгрегация Римской и Вселенской Инквизиции*) в 1897 г. выступила с официальным заявлением, гласившим, что сомневаться в подлинности стихов 1 Ин 5:7–8 небезопасно[255]. Это заявление было одобрено и подтверждено папой Львом XIII. Современные католические исследователи, тем не менее, признают, что данный отрывок не является частью греческого текста Нового Завета; так, в четырех греко-латинских билингвах, изданных Бовером (Bover), Мерком (Merk), Нолли (Nolli) и Фогельсом (Vogels), *Comma* включена в текст Вульгаты, одобренный Тридентским собором, однако из греческого текста, напечатанного на соседней странице, этот отрывок выброшен[256].

Со временем Эразм выпустил четвертое и окончательное издание (1527 г.) Нового Завета в три столбца: первым шел греческий текст, затем собственный эразмов перевод на латинский язык, затем Вульгата. Впервые Эразм смог ознакомиться с Комплютенской Полиглоттой уже после того, как в 1522 году выпустил третьим изданием собственный Новый Завет, и мудро решил воспользоваться текстом Хименеса — обычно превосходящим по качеству текст самого Эразма — для подготовки четвертого. В книге Откровения, например, четвертое издание отличалось от третьего примерно в 90 случаях, и везде источником новых чтений была Комплютенская Библия. В пятом издании (1535 г.) отсутствовала Вульгата, но греческий текст почти не был изменен в сравнении с четвертым.

Таким образом, в основу греческого текста Нового Завета Эразм положил полдюжины минускульных рукописей. Самой древней и лучшей из них (кодексом 1, минускулом X в., который довольно часто совпадает с более ранним маюскульным текстом), Эразм пользовался в наименьшей степени, поскольку опасался, что ее текст может оказаться неточным! С точки зрения текстологии Новый Завет Эразма весьма уступает Комплютенскому изданию, однако он первым появился на рынке, стоил дешевле, и формат его был удобнее для пользования. В силу этого эразмово издание имело гораздо большую популярность и влияние на читателей, чем Полиглотта, работа над которой длилась с 1502 по 1514 г. В дополнение к пяти изданиям, которые были выпущены самим Эразмом, в Венеции, Страсбурге, Базеле, Париже и других городах были отпечатаны неавторизованные воспроизведения, числом, как полагают, более тридцати.

Последующие издатели новозаветного текста, хотя и внесли в текст Эразма некоторые

исправления, воспроизводили, по сути, ту же самую довольно посредственную форму греческого Нового Завета. Незаслуженно обеспечив себе позиции доминирующего текста, новозаветный Textus Receptus (как его со временем назовут), в течение четырех веков сопротивлялся любым попыткам заменить его на более ранний и точный текст. Вот лишь самые яркие примеры этого.

Первое издание полной греческой Библии было осуществлено в феврале 1518 г. Ее напечатала в трех частях знаменитая венецианская типография Альда Мануция. Текст Нового Завета предваряется посвящением Эразму и в точности повторяет первое подготовленное им издание — воспроизводятся даже типографские ошибки, которые сам Эразм исправил в приложенном списке опечаток!

В 1538 г. в Венеции Иоанн Антоний де Николинис де Сабио (de Sabio) выпустил двухтомное, прекрасно исполненное карманное издание (размер страниц 7,5 × 10 см) в двух томах (первый содержал 616 страниц, второй — 475 страниц). Книга эта, изданная Мельхиором Сесса (Sessa), на редкость эклектична и основывается то на тексте Эразма, то на альдине, то временами дает чтения, которых нет ни в одном из предшествующих изданий[257]. Как и многие ранние издания, карманная Библия содержала справочный аппарат для помощи читателям: списки заголовков каждой главы, жизнеописания евангелистов, предисловия к некоторым книгам, описание путешествий Павла и его мученической смерти[258].

Известный парижский издатель и печатник Робер Этьенн (Robert Estienne, латинизированная форма фамилии — Stephanus, 1503–1559) выпустил четыре издания Нового Завета, три первых в Париже (1546,1549 и 1550) и четвертое в Женеве (1551), где он провел последние годы жизни, став протестантом[259]. Парижские издания были выполнены особенно роскошно. Расходы на отливку шрифта оплатило французское правительство. Прекрасно исполненное третье издание (размер страниц 22×33 см) является первым греческим Новым Заветом, содержащим критический аппарат, на внутренних полях страниц Стефан записывал разночтения из 14 греческих рукописей и Комплютенской многоязычной Библии. Одной из рукописей, которую он цитировал, был знаменитый Кодекс Безы, колляцию разночтений которого сделали, по словам Стефана, его «друзья в Италии».

Текст изданий Стефана 1546 и 1549 гг. представляет собой соединение эразмова текста и Комплютенского; третье издание (1550) ближе подходит к тексту Эразма четвертого и пятого изданий. Случилось так, что третье издание Стефана для многих (в особенности в Англии) стало общепринятым текстом греческого Нового Завета.

Четвертое издание Стефана (1551) содержит два латинских перевода (Вульгату и латинский текст Эразма); напечатаны они колонками справа и слева от греческого текста. Это издание заслуживает особого внимания, поскольку в нем впервые текст был разбит на пронумерованные стихи. В книгах часто пишут, что Стефан делал эту разбивку, «путешествуя верхом на лошади», и иногда причиной неверного разделения являлся галоп лошади, из-за которого от толчков перо Стефана будто бы не попадало на нужную строку[260]. Сын Стефана действительно писал, что его отец работал над текстом во время конного путешествия *(inter equitandum)* из Парижа в Лион, но наиболее логично было бы предположить, что работа выполнялась во время отдыха на постоялых дворах[261].

В 1553 г. infolio Стефана 1550 г. было переиздано меньшим форматом (8,5×14 см)

Жаном Криспеном или Креспеном (Crispin или Crespen), французским печатником, который работал в Женеве и выпустил несколько изданий Священного Писания на различных языках, в том числе и вторую английскую Библию в четверть листа (1570 г.). Криспен воспроизвел текст Стефана, внеся в него лишь с полдюжины незначительных исправлений. Он воспроизвел также и разночтения, указанные в издании 1550 г.[262], но без сделанных Стефаном ссылок, из каких рукописей они были взяты. Одно из этих двух изданий — собственно напечатанное Стефаном или карманный репринт Криспена — легло в основу английского перевода Нового Завета (Женева, 1557), первого англоязычного издания с разночтениями, вынесенными на поля[263]. Этот перевод сделан Уильямом Уиттингэмом (William Wittingham) и его собратьями-протестантами, с которыми он бежал из Англии.

Теодор де Без, латинизированная форма — Беза (de Bese или Beza, 1519–1605), друг и преемник Кальвина в на посту главы Женевской церкви, выдающийся библеист и филолог-классик, между 1565 и 1604 г. осуществил не менее девяти изданий греческого Нового Завета, десятое же вышло уже после его смерти в 1611 г. Из них самостоятельными являются лишь четыре — а именно те, что вышли в 1565, 1582, 1588–1589 и 1598 гг., тогда как остальные являются перепечатками меньшего формата. Эти издания снабжены аннотациями, собственным латинским переводом Безы и текстом Вульгаты; они содержат некоторые текстологические сведения, взятые из нескольких греческих рукописей, которые Беза изучил самостоятельно, а также рукописей, с которыми работал Анри Этьенн, сын Робера Этьенна. Среди рукописных материалов, которыми владел Беза, наиболее значительными были Кодекс Безы (Codex Bezae) и Клермонтский кодекс (Codex Claromontanus). Впрочем, сам Беза лишь в незначительной степени пользовался этими рукописями, поскольку они слишком отличались от общепринятого в то время текста. По всей видимости, Беза был первым ученым, который сделал колляции сирийского Нового Завета по изданию Иммануила Тремеллия (Emmanuel Tremellius, 1569 г.). Для Деяний Апостолов и Первого и Второго посланий к Коринфянам он воспользовался арабским переводом, который предоставил в его распоряжение Франциск Юниус (Junius). Несмотря на разнообразие дополнительных текстуальных свидетельств, которыми располагал Беза и о которых мы узнаем в основном из его аннотаций, собственно греческий текст Безы весьма мало отличался от текста четвертого издания Стефана 1551 г. Деятельности Безы важна для нас в основном тем, сколь много его издания поспособствовали тому, чтобы Textus Receptus получил свою стереотипную форму и широкое распространение. Переводчики Библии короля Иакова (King James Version, 1611 г.) во многом опирались на издания 1588–1589 и 1598 гг.

В 1624 г. братья Бонавентура и Авраам Эльзевир (Elzevir), коммерческие печатники из Лейдена[264], выпустили маленькое и удобное издание греческого Нового Завета, текст которого был заимствован из малого издания Безы 1565 г. В предисловии ко второму изданию Эльзевиров, вышедшему в 1633 г., было сказано следующее: «Итак, перед тобою текст, ныне принятый всеми, в котором не даем мы ничего измененного или ошибочного»[265]. Таким образом, в известной степени случайная рекламная фраза, нечто вроде современных хвалебных отзывов, печатаемых на обложке новой книги, закрепила за Textus Receptus репутацию общепринятого и стандартного. Отчасти благодаря этому удачно выбранному названию текстуальный вариант, представленный в изданиях Стефана, Безы и

Эльзевиров, постепенно достиг положения «единственно верного греческого новозаветного текста», который с рабской покорностью воспроизводили сотни более поздних переизданий. Именно он был положен в основу английской Библии короля Иакова и всех основных протестантских переводов на европейские языки вплоть до 1881 г. Почтение к Textus Receptus стало настолько суеверным, что в иных случаях даже на его критику смотрели как на кощунство. Тем не менее, основой его текста были и остаются несколько поздних и случайных минускулов, а в дюжине случаев его чтения вообще не имеют соответствий в сохранившихся греческих рукописях.

II. Сбор текстуальных разночтений

Следующий этап в истории новозаветной текстологии характеризуется чередой настойчивых попыток собрать разночтения из греческих рукописей, переводов и произведений отцов церкви. В течение двух столетий ученые рыскали по библиотекам и музейным коллекциям и в Европе, и на Ближнем Востоке, пытаясь обнаружить новые неизвестные свидетельства о новозаветном тексте. Тем не менее, практически все издатели Нового Завета в этот период довольствовались тем, что перепечатывали освященный временем, но по сути своей испорченный Textus Receptus, а сведения о более ранних источниках низводились в справочный аппарат. Отдельных смельчаков, бесстрашно печатавших другой вариант греческого текста, либо осуждали, либо игнорировали.

Первая систематическая подборка разночтений (ибо подборка Стефана в издании 1550 г. была достаточно хаотичной) появилась в многоязычной Библии, изданной Брайаном Уолтоном (Brian Walton, 1600–1661) в Лондоне в 1655–1657 гг. в шести томах in folio[266]. Пятый том (1657) содержал Новый Завет на греческом, латинском (в двух вариантах: Вульгата и перевод Ария Монтана), сирийском, эфиопском, арабском и персидском языках (на последнем — только Евангелия). Греческий текст и каждый из восточных переводов сопровождались их буквальным переводом на латынь. Греческий текст печатался по изданию Стефана 1550 г. с незначительными поправками. В постраничных примечаниях были даны разночтения из Александрийского кодекса, который незадолго до того (в 1627 году) был подарен Карлу I Кириллом Лукарисом, патриархом Константинопольским. В шестой том этого издания (содержащем приложения) Уолтон включил подготовленный архиепископом Ашшером (Ussher) критический аппарат разночтений, заимствованных из пятнадцати других авторитетных источников, к которым прибавились и варианты, размещенные на полях в издании Стефана[267].

В 1675 г. профессор Джон Фелл (John Fell, 1625–1686)[268], глава оксфордского Крайст-Чёрч-Колледжа (с 1676 года — епископ Оксфорда), анонимно выпустил Новый Завет малым форматом (9,5×14 см) — первое в истории оксфордское издание этой книги. Текст, заимствованный из эльзевирова издания 1633 г., был снабжен аппаратом, в котором, по заверениям Фелла, были указаны варианты из более чем 100 рукописей и древних переводов. К сожалению, два десятка этих свидетелей текста, включая Ватиканский кодекс (B), цитируются не самостоятельно, но только в тех случаях, когда Фелл указывает число рукописей, которые согласны между собой относительно какого-либо чтения. Кроме того, благодаря аппарату этого издания впервые стало возможно воспользоваться сведениями

готского и бохейрского переводов (их предоставил Феллу Т. Маршалл).

Приблизительно в одно время с выходом издания Фелла новозаветной текстологией начал заниматься Джон Милл (John Mill, 1645–1707)[269], член Квинс-колледжа в Оксфорде. Плодом его трудов, которым Милл отдал более трех десятков лет, стал греческий текст Нового завета, увидевший свет за две недели до кончины издателя в возрасте 62 лет, последовавшей 23 июня 1707 г.[270]. Публикация эта открыла новую эпоху в новозаветной науке. Милл не только собрал из греческих рукописей, ранних переводов и произведений отцов церкви все свидетельства, какие только был в силах отыскать, но и предварил свое издание ценными пролегоменами (или, иначе, вводными замечаниями), в которых рассматривается вопрос о каноничности Нового Завета и путях передачи его текста. Милл описал 32 печатных издания Нового Завета и около сотни рукописей, а также проанализировал наиболее важные выдержки из наследия отцов церкви. Некоторое представление об этих пролегоменах дает приложенный к ним индекс — в нем упомянут 3041 новозаветный стих из 8000. Несмотря на столь огромный дополнительный материал, сопровождавший издание, Милл все же не дерзнул представить собственный текст, а перепечатал текст Стефана 1550 г., ни разу сознательно не переменив его.

Репринтное издание Милла с несколько измененными вводными замечаниями и с добавлением сведений о других 12 рукописях появилось в 1710 г. в Амстердаме и Роттердаме благодаря вестфальцу Лудольфу Кюстеру (Küster). Это издание Кюстера, в свою очередь, также было перепечатано в Лейпциге в 1723 г., на сей раз с новым титульным листом, а затем в Амстердаме в 1746 г.

Подобно тому, как критические замечания Уолтона подверглись критике Оуэна, монументальному труду Милла было суждено выдержать ряд нападок со стороны Дэниела Уитби (Witby), ректора церкви св. Эдмунда в Солсбери. Встревоженный столь огромным числом представленных Миллом разночтений (в общей сложности их число перевалило за 30000), Уитби доказывал, что авторитет Священного Писания находится под угрозой, а составление критического аппарата означает разрушение текста[271].

Нашлись, однако, среди ученых и те, кто по достоинству оценил текстуальный аппарат Милла и предпринял попытку воплотить собранный им материал в виде новозаветного текста. Между 1709 и 1719 гг. математик и богослов Эдвард Уэллс (Edward Wells, 1667–1727) выпустил в Оксфорде греческий текст Нового Завета в десяти частях с разнообразными вспомогательными материалами в помощь читателю[272]. Уэлс отступает от текста Эльзевира 210 раз, почти всегда предвосхищая чтения критических изданий XIX в. Хотя современники почти полностью проигнорировали издание Уэллса, в истории новозаветной текстологии его имя стоит первым в списке тех, кто издал полный Новый Завет, отступая от Textus Receptus ради чтений из более древних рукописей.

Ричард Бентли (Richard Bentley, 1662–1742), глава кембриджского Тринити-колледжа, в истории классической филологии запомнился тем, что выявил поддельный характер сборника писем Фалариса, осуществил критические издания Горация и Теренция, открыл использование дигаммы в произведениях Гомера, а также предложил немало мастерских конъектур к текстам самых разных античных авторов. В достаточно молодом возрасте Бентли вступил со многими учеными в переписку относительно критического издания греческого и латинского Нового Завета. В 1720 г. он выпустил «Предложения для печати» —

шестистраничный проспект такого издания, приводя как образчик будущего текста последнюю главу Откровения на латинском и греческом языках[273]. В ней Бентли отступил от Textus Receptus более чем в 40 местах[274].

Бентли был уверен, что следуя тексту древнейших рукописей греческого оригинала и иеронимовой Вульгаты, ему удастся восстановить Новый Завет, каким он был в IV в. «Изъявши две тысячи погрешностей из папской Вульгаты [Бентли имет в виду издание папы Климента 1592 г. — *Прим. авт.*] и столько же из Библии протестантского папы Стефана [греческий текст Стефана 1550 г. — *Прим. авт.*], я могу, пользуясь только лишь книгами, каждая из которых написана девятьсот лет тому назад и более, напечатать тот и другой текст бок о бок столбцами, так, что последние непременно окажутся согласованы друг с другом слово в слово, строка в строку, точнее, нежели два договора или расписки»[275]. Очевидно, глава колледжа Св. Троицы отнюдь не страдал заниженной самооценкой. В «Предложениях» он называл готовящееся к выходу издание «κτῆμα ἐσαεί, устав и Великая Хартия вольностей для всей христианской церкви, каковая останется, когда все рукописи, здесь цитируемые, могут быть утеряны и уничтожены».

Была объявлена подписка, чтобы собрать деньги на это издание. Более тысячи предполагаемых покупателей внесли около двух тысяч фунтов стерлингов. Однако, несмотря на тщательно разработанные планы и привлечение огромного числа новых данных из различных рукописей и трудов отцов церкви, вся проделанная подготовительная работа никакого результата не принесла: после смерти Бентли его помощник возвратил деньги подписчикам[276].

Пока Бентли собирал материал для своего издания, которое должно было раз и навсегда вытеснить Textos Receptos, в Лондоне в 1729 г. появилось анонимное двухтомное греко-английское издание, озаглавленное: *«Новый Завет на греческом и английском языках, содержащий оригинальный текст, исправленный согласно авторитету древнейших рукописей, и новая версия, составленная в согласии с иллюстрациями, кои принадлежат самым ученым комментаторам и критикам, с примечаниями, разночтениями и обширным алфавитным указателем»*. У этого издания имелось несколько типографских особенностей. В греческом тексте издатель убрал знак тонкого придыхания и ударений, а вместо греческого вопросительного знака (;) использовал обычный (?). В английском переводе и в поясняющих замечаниях он начинал с заглавной буквы только то предложение, которое открывало абзац.

Подготовил это двуязычное издание Даниэл Мэйс (Mace), пресвитерианский пастор в Ньюбери. Он выбрал из аппарата Милла только те варианты, которые, как он полагал, давали чтения по качеству лучшие, нежели Textos Receptos. Своим выбором Мейс во многом предваряет суждение более поздних исследователей[277]. Сходным образом и его английский перевод отличался новыми чертами, поскольку Мейс ввел много живых разговорных выражений; например, «don’t», «can’t», «what’s», слова Симона фарисея, обращенные к Иисусу, Лк 7:40 «Master, said he, let’s hear it». То здесь, то там, Мэйс предвосхищает формулировки современных английских переводов. Так, стих Мф 6:27 (в котором Библия короля Иакова спрашивает, может ли кто-то прибавить хоть один локоть к росту своему), Мейс передает так: «Кто может прибавить своими трудами хоть одно мгновенье к своему веку?» В Лк 12:25 ту же мысль он выражает так «…но кто из вас, во всех своих заботах,

может прибавить хоть миг к веку жизни своей?» В постраничных примечаниях и приложениях Мейс объясняет, почему он счел нужным отойти от традиционного текста и перевода. Некоторые комментарии обнаруживают в Мэйсе свободный и независимый дух. Так, в примечании к Гал 4:25 (Σινα ορος εστιν εν τῃ Αραβίᾳ) он пишет: «Здесь по всем признакам интерполяция: эти слова совершенно чужды приводимым аргументам и служат лишь к запутыванию доводов апостола, каковые без них звучат весьма ясно и связно». Мэйс отбрасывает аргументацию Милла, который в «Пролегоменах» (§ 1306) к своему изданию Novum Testamentum Graecum, cum lectionibus variantibus (Oxford, 1707) указывал на единодушие рукописной традиции, презрительным замечанием: «Как будто бы существует рукопись, которая древнее *здравого смысла*» (с. 689), и предлагает собственную конъектуру το γαρ Αγαρ συστοιχει τῃ νυν Ιερουσαλημ… В своем развернутом анализе авторства и заглавия Послания к Евреям Мэйс пишет: «Один наш высокоученый писатель думает, будто Евр 13:23 достаточным образом доказывает, что именно Павел написал это послание, словно бы никто помимо Павла не мог быть знаком с Тимофеем. Сие явно доказывает, что дабы понять доктрину *морального свидетельства*, т. е. доктрину *возможного*, требуется немного иная выучка и иная пища, нежели неуклюжая жвачка из нескольких древнееврейских корней» (с. 840).

Издание Мейса ждала та же участь, что и труды многих других новаторов — на него либо не обращали внимания, либо яростно нападали. В Англии викарий церкви св. Марии в Мальборо Леонард Твеллз (Twells), выпустил в трех частях «*Критическое исследование новейшего Нового Завета и перевода Нового Завета, в коем разоблачены и с порицанием исправлены испорченный издателем текст, ложный перевод и лживые примечания*» (London, 1731–1732)[278]. В континентальной Европе такие ученые, такие как Приций (Pritius), Баумгартен (Baumgarten) и Маш (Masch), даже превзошли Твеллза в оскорбительных нападках на Мэйса. Большинство же теологов предпочло принять позу, подобную страусиной, и вскоре издание Мейса было почти забыто[279].

Имя Иоганна-Альбрехта Бенгеля (Johann Albrecht Bengel, 1687–1752) открывает новую страницу в истории новозаветной текстологии[280]. Еще будучи студентом богословия в Тюбингене, он испытал сильное смущение от того, что его благоговейная вера в безоговорочную богодухновенность текста Библии, была поколеблена сводкой из 30000 разночтений, опубликованных в издании Милла. Юноша решил посвятить свою жизнь изучению того, каким образом и какими путями дошел до нас текст Св. Писания. С присущей ему энергией и настойчивостью Бенгель изучил все издания, рукописи и ранние переводы, какие смог достать. После тщательного изучения вопроса он пришел к выводу, что число разночтений меньше, чем можно было ожидать, и что они не ставят под сомнение ни один из пунктов евангельского учения.

В 1725 г., преподавая в Лютеранской подготовительной школе для будущих пасторов в Денкендорфе, Бенгель опубликовал тщательно продуманное эссе, своего рода набросок будущего издания Нового Завета[281]. В нем он сформулировал и обосновал свои критические принципы. Бенгель считал, что при оценке текстуальных свидетельств их нужно не подсчитывать, а взвешивать, иными словами, классифицировать «по сообществам, семьям, племенам и народам». Бенгель впервые выделил две большие группы, или в его терминологии, «народы» рукописей. Первой была «азиатская», происходившая из

Константинополя и его ближней округи и включавшая позднейшие рукописи; вторая — «африканская», которую он подразделил на две подгруппы («племени»), представленные, соответственно, Александрийским кодексом и старолатинским текстом. Для оценки разночтений Бенгель вывел каноническое правило текстологии, которое в той или иной форме признано справедливым всеми последующими исследователями, занимавшимися текстуальной критикой. Оно основывается на признании того факта, что переписчик с большей долей вероятности был склонен упрощать сложные конструкции, нежели усложнять то, что уже являлось простым. На латинском языке Бенгель лаконично выразил это правило так: *proclivi scriptioni praestat ardua* («трудное чтение предпочтительнее более легкого»).

В 1734 г. Бенгель опубликовал в Тюбингене новое издание греческого текста Нового Завета — красивый том in quarto. Он не рискнул исправлять традиционный Textus Receptus согласно собственным убеждениям, но, напротив, везде (за исключением 19 мест в Книге Откровения) следовал правилу, которое сам на себя и возложил: не печатать чтений, которые не содержались бы в более ранних изданиях. На полях он, тем не менее, отметил значимые, с его точки зрения, разночтения, расположив их по следующим категориям: α оригинальные чтения; ß чтения вернее напечатанных; γ чтения, равноценные напечатанным; δ чтения менее верные, чем напечатанные; ε очевидно неверное чтение, которое должно быть отвергнуто. Бенгель также попытался стандартизировать пунктуацию Нового Завета и разделить весь текст на абзацы — новшество, которое с тех пор будет использоваться всеми издателями. Более половины тома было отдано трем экскурсам, в которых Бенгель изложил и обосновал свои текстологические принципы, включил аппарат, составленный на основе собранных Миллом данных, и свои собственные колляции из дополнительных двенадцати рукописей[282].

Хотя Бенгель был человеком, чье личное благочестие, добропорядочная жизнь (ведь он заведовал сиротским приютом в Галле) и ортодоксальность веры были общеизвестны (он был суперинтендантом Евангелической церкви Вюртемберга), к нему стали относиться так, словно бы он был врагом Священного Писания. Его побуждения тенденциозно перетолковывали, а само издание — бранили и осуждали; число предвзятых критиков в итоге стало столь большим, что Бенгелю пришлось опубликовать сначала на немецком языке, а затем и на латинском особый трактат «В защиту Нового Завета». В 1763 г., уже после смерти Бенгеля его зять, Филипп-Давид Бурк (Burk), опубликовал дополненное и расширенное издание *apparatus criticus*, а также несколько кратких брошюр, в которых Бенгель объяснял и отстаивал свои зрелые взгляды на то, каким должен быть метод в воссоздании древнейшего новозаветного текста.

Среди тех, кто готовил для Бентли колляции различных рукописей, был Иоганн-Якоб Веттштейн (Johann Jacob Wettstein, 1693–1754). Он родился в Базеле и там же стал протестантским пастором. Вкус к текстуальной критике проявился у него довольно рано; после ординации в возрасте двадцати лет Веттштейн произнес речь, посвященную разночтениям в Новом Завете. Его занятия текстологией, однако, кое-кто счел подготовкой к опровержению доктрины о божественности Христа, и в 1730 г. его отстранили от пастырского служения и отправили в изгнание. С 1733 г. он был профессором философии и еврейского языка в Арминианском колледже в Амстердаме (его предшественником по

кафедре был прославленный Жан Леклерк); здесь Веттштейн и возобновил свои текстологические изыскания[283]. В 1751–1752 гг. появились первые плоды его сорокалетней исследовательской деятельности — в Амстердаме вышло в свет внушительное двухтомное издание греческого Нового Завета. Хотя Веттштейн перепечатал текст Эльзевира, на полях он указал те варианты, которые считал более правильными. В приложении под заглавием «Animadversiones et cautiones ad examen variarum lectionum N. T. necessariae»[284] он дает много полезных советов. Например, он формулирует правило *codices autem pondere, non numero estimandi sunt* (§ XVIII fin., «рукописи должны оцениваться по их значимости, а не по их числу»). Несмотря на то, что Веттштейн придерживался в целом передовых научных взглядов, применял он их довольно хаотичным образом. Он даже пытался отстаивать (скорее всего, в пику Бенгелю) неправдоподобную теорию о том, что все ранние греческие рукописи испорчены по латинским переводам, и поэтому первоначальный текст следует искать в более поздних греческих рукописях.

В аппарате Веттштейна впервые стали использовать заглавные латинские буквы для обозначения маюскульных рукописей, а арабские цифры — для минускульных (включая лекционарии). Эта система обозначения применяется и сегодня. В дополнение к тексту издание Веттштейна содержало тезаурус цитат из греческих, латинских и раввинистических авторов, иллюстрирующих использование новозаветной лексики и фразеологии. Хотя критические суждения Веттштейна были не так основательны, как у Бенгеля, страсть к изучению рукописей подтолкнула его к многочисленным путешествиям, в результате которых было впервые или вновь исследовано около 100 манускриптов, а его комментарий до сих пор является ценным хранилищем классической, патристической и талмудической традиций[285].

Иоганна-Соломона Землера (1725–1791) часто называют родоначальником немецкого рационализма. Хотя Землер не опубликовал ни одного издания Нового Завета, тем не менее, он внес заметный вклад в развитие текстологии, переиздав пролегомены Веттштейна со своими комментариями[286]. Приняв бенгелеву систему распределения рукописей по группам, Землер пошел еще дальше: он предложил соотнести группу, которую Бенгель называл азиатской, а сам Землер переименовал в восточную, с рецензией[287], подготовленной в начале IV в. Лукианом Антиохийским, а происхождение африканской (по Бенгелю) группы, переименованной, соответственно, в западную, или египетско-палестинскую, возвести к Оригену. Впоследствии Землер расширил свои исследования в области текстологии и предложил следующее деление новозаветных рукописей на группы: 1) александрийскую, восходящую к Оригену и сохранившуюся в сирийском, эфиопском и бохейрском переводах; 2) восточную, бытовавшую в Антиохийской и Константинопольской церквах, и 3) западную, отраженную в латинском переводе и у латинских отцов. Позднейшие источники, как он полагал, характеризуются наличием черт из всех редакций[288].

Следующее важное издание Нового Завета возвращает нас в Англию. Его осуществил Вильям Бойер младший (William Bowyer, 1699–1777), принадлежавший к третьему поколению династии знаменитых лондонских печатников. Бойера часто называют «самым знаменитым печатником Англии»[289]. Он выказывал не только подлинно научную зоркость при печатании самого широкого спектра книг, но и часто сопровождал свои издания ценными в научном смысле предисловиями, аннотациями и исправлениями ошибок. После

того, как они с отцом выпустили несколько изданий Textus Receptus (в 1715, 1728, 1743 и 1760 гг.), Бойер решил, что настало время для публикации критического издания, которое не посрамило бы высокую репутацию его фирмы. И вот, в 1763 г. такое издание появилось. Напечатано оно было в двух томах размером в 1/12 листа. Текст был сконструирован главным образом из критических замечаний о древнейших чтениях, которые Веттштейн вынес на поля своего издания. Бойер атетировал при помощи квадратных скобок места, которые отсутствуют в наиболее надежных рукописях; такая судьба постигла доксологию Иисусовой молитвы (Мф 6:13), *pericope de adultera* (Ин 7.53-8:2), *Comma Johanneum* (1 Ин 5:7–8), отдельные стихи (например, Деян 8:37 и 15:34) и слова на протяжении всего новозаветного текста. В других местах Бойер также отступал от Textus Receptus и вводил в свой текст чтения, которые даются в более надежных рукописях[290]. В приложение ко второму тому Бойер включил около 200 страниц исправлений различных мест Нового Завета, текстовых и пунктуационных[291].

Другой англичанин, Эдвард Харвуд (Edward Harwood, 1729–1794), служитель нонконформистской церкви, опубликовал в 1776 г. двухтомное издание Нового Завета, в котором, как гласил титульный лист, «сверены тексты наиболее одобряемых рукописей, с выбранными примечаниями на английском языке, со ссылками на авторов, кои наилучшим образом изъяснили Священные Писания; к каковым также прилагается каталог основных изданий греческого текста Нового Завета и список наиболее уважаемых исследователей и критиков». Тексты Евангелий и Деяний Апостолов Харвуд печатал в основном по Кодексу Безы, а тексты посланий Павла — по Клермонтскому кодексу. В тех случаях, когда эти тексты оказывались недоступны, он прибегал к помощи других рукописей, в основном Александрийского кодекса[292]. Проанализировав тысячу новозаветных отрывков, Рейсс (Reuss) обнаружил, что Харвуд отступал от Textus Receptus более чем в 70 случаях из ста, а в 643 местах его текст совпадает со знаменитым критическим изданием Лахманна, которое появится только в XIX в. (см.).

Неудивительно, что в то время, когда лишь очень немногие смельчаки могли отважиться на критику незыблемых позиций Textus Receptus, первым Греческим Новым Заветом, который появился в Америке, был именно этот общепринятый текст[293]. Это издание было напечатано Исайей Томасом младшим (Isaiah Thomas, 1749–1831), предприимчивым и трудолюбивым янки. Отданный в ученики к печатнику в возрасте шести лет после — ни много ни мало — шести недель школьного обучения, к которому он не проявлял никакого интереса, Томас очень скоро начал свое профессиональное восхождение и достиг таких вершин, что был принят в члены почти всех научных обществ страны. Почетные степени ему присудили Дартмутский и Аллигенский колледжи. Его типография выпустила более 900 наименований книг — больше, чем предприятия его ближайших конкурентов Бенджамина Франклина, Хью Гейна и Мэтью Кери. Блестящая типографская работа и разнообразие печатной продукции позволили Франклину с полным правом назвать Томаса «американским Баскервиллем». Предчувствуя, что рынок готов для нового издания греческого Нового Завета, Томас заручился поддержкой образованного церковного служителя Калеба Александера[294] и выпустил *editio prima Americana* греческого Нового Завета. Это издание в 478 страниц размером в 1/12 листа было напечатано в Вустере, (штат Массачусетс) в апреле 1800 г.

На титульном листе отмечается, что настоящее издание с точностью воспроизводит текст по изданию Джона Милла (*juxta exemplar Joannis Millii accuratissime impressum*). Это, однако, не вполне справедливо, поскольку более чем в 20 местах явно видна редакторская работа Александера. Судя по данным книги Айзека Холла[295], сравнение изданий Безы и Эльзевира показывает, что Александер по своему усмотрению включал разночтениями то по одному, то по другому изданию. Внешнее оформление и формат книги во многом повторяют издание Textos Receptos Бойера. Фактически титульный лист издания Александера-Томаса слово в слово и строка в строку воспроизводит (кроме даты, имен и места публикации) титульный лист издания Бойера 1794 г.[296]

ГЛАВА 4
СОВРЕМЕННАЯ КРИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ОТ ГРИСБАХА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

I. Начальный этап научной текстологии Нового Завета

Во второй половине XVIII столетия немецкий ученый Иоганн-Якоб Грисбах (Johann Jakob Griesbach, 1745–1812) заложил основу для всей последующей работы над греческим текстом Нового Завета. Студентом Грисбах учился у Землера в Галле, а с 1775 г. и конца жизни он занимал кафедру Нового Завета в Йенском университете. Совершив путешествие по Англии, Голландии и Франции с целью составления рукописных колляций, Грисбах посвятил значительную часть своего времени исследованию новозаветных цитат у греческих отцов церкви, а также некоторым переводам Нового Завета, которые ранее почти не изучались — готскому, армянскому и сирийскому Филоксенову.

Грисбах также занимался историей передачи новозаветного текста в древности и развивал выводы Бенгеля и Землера о распределении рукописей по различным рецензиям. Вначале Грисбах хотел распределить сохранившиеся рукописные материалы по пяти или шести самостоятельным группам, однако впоследствии ограничился лишь тремя — александрийской, западной и византийской. Ученый считал, что текст александрийской рецензии восходит к Оригену, который, хотя и написал большинство своих произведений в Палестине, тем не менее, взял с собой в изгнание несколько копий Священного Писания, похожих на те, которые читали в его родном городе. К этой группе Грисбах отнес маюскульные рукописи C, L и K, минускульные 1, 13, 33, 69, 106 и 118, бохейрскую, армянскую, эфиопскую и сирийскую гераклийскую рукописи, а также цитаты из Оригена, Климента Александрийского, Евсевия, Кирилла Александрийского и Исидора Пелусиота. В западную группу он включил кодекс D, латинские переводы, а также часть сирийской Пешитты и арабского перевода. Константинопольская группа, которая, как считал Грисбах, являлась позднейшей компиляцией двух первых, была представлена кодексом A (в части Евангелий) и основной массой поздних маюскульных и минускульных рукописей и большей частью патристических цитат.

Среди пятнадцати выработанных Грисбахом принципов текстологии мы приводим один (самый первый) в качестве примера:

> Более короткое разночтение, если оно подкрепляется авторитетом древнейших и достоверных данных, нужно предпочесть более многословному, поскольку писцы чаще дополняли текст, нежели сокращали его. Они крайне редко что-либо опускали, но зато прибавляли очень многое; разумеется, им доводилось пропустить что-либо по случайности, однако сходным же образом писцы и присоединили немало вещей к тексту из-за погрешностей глаза, слуха, памяти, а также домыслов и ошибочных суждений. В особенности, краткое разночтение следует предпочесть (даже в том случае, когда оно кажется менее надежным по сравнению с другими, имеющимися в авторитетном источнике):

a) если оно при этом более сложно, непонятно, двусмысленно, эллиптично, содержит гебраизмы или синтаксические ошибки;

b) если оно по-разному изложено в различных рукописях;

c) если порядок его слов не совпадает в различных источниках;

d) если оно находится в начале перикопы;

e) если более длинное разночтение напоминает комментарий или объяснение, или по форме согласуется с параллельными местами или производит впечатление взятого из лекционариев.

С другой стороны, нужно предпочесть более длинное разночтение (исключая случаи, когда краткое разночтение наличествует во многих достоверных источниках):

a) если причиной пропуска может оказаться одинаковое окончание разных строк (гомеотелевтония);

b) если пропущенное место могло показаться писцу тёмным, резким, непривычным, избыточным, парадоксальным, оскорбляющим благочестивого читателя, ошибочным или идущим вразрез с параллельными местами;

c) если пропущенные слова могут быть выброшены безболезненно для смысла предложения и его структуры, как, например, пропуск несущественных кратких вводных фраз или других составляющих, которые переписчик едва ли заметил бы при перечитывании написанного;

d) если более краткое разночтение не согласуется с характером, стилем или взглядами автора;

e) если более краткое разночтение явно лишено смысла;

f) если есть вероятность того, что более краткое разночтение пришло из параллельных мест или лекционариев.

Грисбах показал большое мастерство и осторожность в оценке свидетельств о текстуальных разночтениях. Например, его убежденность в том, что краткая форма молитвы Господней в Лк 11:3–4 является предпочтительной, была блестяще подтверждена несколькими годами спустя после публикации чтений из Ватиканского кодекса, когда выяснилось, что все пропуски наличествуют и в этой более ранней рукописи.

Важность текстологических открытий Грисбаха вряд ли можно переоценить. Впервые в Германии ученый предпринял попытку сразу в множестве мест отойти от Textus Receptus и напечатать новозаветный текст в той форме, которую подсказывали результаты его собственных исследований. Хотя подчас слишком скрупулезная приверженность Грисбаха своей системе распределения рукописей по группам и уводила его в сторону, в целом его текстологический подход отличается аккуратностью и беспристрастностью[297]. Свои основные издания Грисбах опубликовал в Галле в 1775–1777 гг., в Галле и Лондоне в 1796–1806 гг. и Лейпциге в 1803–1807 гг. Несколько переизданий его текста были осуществлены предприимчивыми издателями Англии, Шотландии и Америки. Его влияние

распространилось еще шире после того, как его труд был принят за основу для публикации небольших учебных пособий, осуществленных на континенте Шоттом (Schott), Кнеппом (Knepp), Титтманом (Tittmann), Ганом (Hahn) и Тейлем (Theile).

Вскоре после выхода в свет первого издания Грисбаха другие ученые также опубликовали свои колляции, которые во многом облегчили изучение новозаветного текста в греческих рукописях, ранних переводах и трудах отцов церкви. Кристиан-Фридрих Маттеи (Christian Friedrich Matthaei, 1744–1811), профессор Виттенбергского, а затем Московского университетов, где он преподавал классическую литературу, издал в Риге с 1782 по 1788 г. греческий текст с параллельной латинской Вульгатой в 12 частях. Напечатанный текст, опирающийся на рукописи позднего времени, представляет небольшой интерес, но аппарат к нему очень ценен. Маттеи не только изучил рукописи в Дрездене, Лейпциге и Геттингене, но и отыскал в Москве библейские и патристические манускрипты, некогда привезенные с Афона[298]. Он сделал колляции к 34 рукописям, содержащим гомилии Иоанна Златоуста по Евангелиям и посланиям Павла. Во втором издании Нового Завета, опубликованном без латинской Вульгаты (в трех томах, 1803–1807), Маттеи предоставил данные из 30 дополнительных рукописей. Его издание замечательно еще и тем, что в него впервые были включены данные из славянского перевода Нового Завета. В приложении к Книге Откровения Маттеи перечисляет десять изученных им славянских рукописей, однако славянские колляции как таковые были сделаны отнюдь не по рукописям, а по печатной славянской Библии in folio, увидевшей свет в 1762 г. в Москве. Текстуальные варианты цитируются по-латыни, а сравнивался славянский текст с рукописью латинской Вульгаты (codex Demidovianus), хранящейся в Москве.

Франц-Карл Альтер (Franz Karl Alter, 1749–1804), иезуит из Силезии, профессор греческого языка в Вене, опубликовал греческий текст Нового Завета в двух томах (Вена, 1786–1787), в основе которого лежала единственная рукопись из Венской императорской библиотеки. В отдельном приложении к нему автор приводит данные из 22 других греческих рукописей, двух латинских рукописей, бохейрского перевода, изданного Дэвидом Уилкинсом (Wilkins) в Оксфорде в 1716 г., и четырех славянских рукописей. Именно в этом издании Нового Завета впервые были опубликованы данные непосредственно из славянских рукописей, а не печатной славянской Библии.

Большую роль в пополнении числа доступных текстологам рукописей сыграли четыре датских исследователя: Андреас Бирк (Birch), Якоб Адлер (Adler), Д. Г. Молденхауэр (Moldenhauer) и О. Г. Тюксен (Tychsen). Они были посланы датским королем Христианом VII в Италию, Испанию, Германию и другие европейские страны для изучения рукописного наследия. Результаты их исследований были опубликованы Бирком в книге, содержащей описание известных греческих рукописей Нового Завета[299], и в четырех томах колляций (Копенгаген, 1788–1801). Последние содержали разночтения из 172 греческих рукописей, а также данные из двух сирийских переводов (Филоксенова и палестинского). Тем не менее, Бирком и его сотоварищами многие из этих рукописей были изучены лишь частично — например, Ватиканский кодекс (B), чтения которого до той поры в печати не появлялись.

Приблизительно в это же время новый импульс для развития новозаветной текстологии был дан двумя римско-католическими исследователями — Гугом и Шольцем. Иоганн-Леонард Гуг (Johann Leonard Hug, 1765–1846), профессор университета Фрейбурга-в-

Брейсгау, разработал теорию[300] о том, что в начале III в. несколько типов новозаветного текста в течение короткого времени выродились и слились в один тип, который обычно называют западным и который Хаг назвал κοινὴ ἔκδοσις («общее издание»). Гуг считал, что к середине III в. этот текст был отредактирован Оригеном в Палестине, впоследствии его принял в таком виде Иероним; в Египте текст был изменен Гезихием, а в Сирии Лукианом, пресвитером Антиохийским (обе редакции были осуждены Иеронимом). Хотя для Гуга отправной точкой стало в общем верное понимание западного типа текста и его многочисленных версий, попытки соединить три редакции Септуагинты (происхождение которых он считал точно установленным) с тремя типами Нового Завета текста не увенчались успехом.

Иоганн Мартин Августин Шольц (Johannes Martin Augustinus Scholz, 1794–1852), один из учеников Гуга и впоследствии профессор Боннского университета, много путешествовал по Европе и Ближнему Востоку ради создания того, что стало первым полным списком греческих рукописей Нового Завета, добавив к уже известным рукописям 616 ранее не описанных. Шольц впервые заявил о необходимости точного определять место происхождения каждой отдельной рукописи. Этот вопрос вновь будет поднят и тщательно изучен в 1924 г. Б. Х. Стритером (Streeter) в его теории «локальных текстов». В отличие от Стритера, который полагался на сходство разночтений в рукописях и в цитатах из отцов церкви, Шольц в основном руководствовался определенными внешними признаками, свидетельствующими о месте написания оригинального текста. Такими признаками, по его мнению, были палеографические и иконографические черты, пометы на полях, колофоны, почитание местных святых, засвидетельствованное в лекционариях.

После нескольких нерешительных попыток предложить собственную классификацию рукописей Шольц все же принял точку зрения Бенгеля о распределении рукописей по двум семьям: александрийской и константинопольской. После старательного изучения минускульных рукописей он был поражен тем, что два текста в значительной степени совпадают — эту черту он истолковал как признак их превосходства над более ранним александрийским типом. Поэтому, предпринятое Шольцем двухтомное издание греческого Нового Завета (Leipzig, 1830–1836) для текстологической науки оказалось шагом назад — к Textus Receptus. Лишь в редких случаях Шольц приводит разночтения из более ранних рукописей, поскольку он был непоследователен в применении своих собственных текстологических теорий. До какого низкого уровня опустилось в то время в Англии восприятие текстологии видно из того, что издание Шольца получило одобрение многих британских ученых, и текст его был несколько раз перепечатан в Лондоне Багстером (Bagster). Позднее, в 1845 г. Шольц отказался от того предпочтения, которое отдавал византийскому тексту, и заявил, что, если ему потребуется еще раз издать греческий Новый Завет, он включит в него большую часть разночтений из александрийской группы, которые в предыдущем издании были вынесены на поля.

II. Низвержение Textus Receptus

Первым признанным ученым, отказавшимся от доминировавшего Textus Receptus, был знаменитый берлинский филолог, специалист в области античной и германской литературы

Карл Лахманн (Karl Lachmann, 1793–1851). Лахманн подготовил издание греческого Нового Завета, которое в оценке разночтений полностью опиралось на применение текстологических принципов. Лахманн известен своими изданиями античных авторов — Проперция, Катулла, Тибулла, Лукреция, — а также средневековых литературных произведений, как эпических, так и лирических («Песнь о Нибелунгах», произведения Вальтера фон дер Фогельвейде и Вольфрама фон Эшенбаха). Лахманн показал, как, сравнивая рукописи, можно определить их древние источники и архетипы, их состояние и пагинацию. В своей наиболее известной работе, посвященной Лукрецию, он доказал, что особенности трех основных рукописей указывают на один общий архетип, который содержит 302 страницы по 26 строчек каждая. Таким образом, ученый получил возможность делать различные транспозиции в тексте, который дошел до нас в результате рукописной традиции.

Для Лахманна цель издания Нового Завета состояла не в том, чтобы восстановить первоначальный текст (он считал эту задачу неосуществимой), а в том, чтобы опираясь исключительно на документальные свидетельства и отказавшись ото всех предыдущих печатных изданий, воспроизвести тот вид текста, которым пользовался восточнохристианский мир в конце IV в. — около 380 г. Исключив из круга источников абсолютно все минускульные рукописи, Лахманн положил в основу текста несколько ранних маюскулов, старолатинский текст и иеронимову Вульгату, а также свидетельства Иринея, Оригена, Киприана, Илария и Люцифера. После пятилетней работы, в 1831 г. он опубликовал в Берлине греческий текст Нового Завета с указателем мест, в которых новое издание расходится с Textus Receptus. Для обозначения сомнительных с точки зрения текстологии слов автор использовал скобки. Лахманн не поместил в этом издании статью с изложением своей методологии и причин, побудивших его отказаться от использования Textus Receptus; заинтересованного читателя он отсылал к статье, опубликованной им годом ранее в одном немецком журнале[301]. Неудивительно, что даже либерально настроенные богословы — например, де Ветте (de Wette) — за крайне редким исключением не поняли намерений исследователя и довольно яростно нападали на его начинания, не брезгуя и такими бранными ярлыками, как «бентлиева обезьяна» (*simia Bentleii*). В предисловии ко второму изданию (два тома, Berlin, 1842–1850) Лахманн ответил своим оппонентам в том же духе, свысока порицая своих критиков за то, что те слепо цепляются за знакомый, но искаженный поздний текст, предпочитая его более раннему и правильному.

Далеко не все были рады тому, что Лахманн отказывался признать свой текст Нового Завета оригиналом и предпочитал вместо этого называть его предварительным — текстом, который был в употреблении в IV веке — и сохранял даже отчетливые ошибки переписчиков, если те были достаточно хорошо зафиксированы в рукописях. Слабой стороной издания является скудное число рукописей, на которые Лахманн счел возможным опереться. По мнению Скривенера, «редки случаи, когда текст Лахманна основан на более чем четырех кодексах, очень часто издатель опирается на три, нередко на два, а для Мф 6:20—8:5 и в 165 из 405 стихов Апокалипсиса в основу текста положен лишь *один*»[302]. Несмотря на эти недостатки, более поздние ученые в большинстве своем согласны с той оценкой Лахманна и результатов его работы, какую дали им Весткотт и Хорт:

«Новый период начался в 1831 г., — текст тогда был впервые составлен на основе древних источников без промежуточной опоры на какое-либо печатное издание. Впервые также была предпринята систематическая попытка при выборе между различными чтениями использовать научные методы вместо прежнего произвольного отбора. Лахманн поспешил с радостью сообщить, что в обоих отношениях он претворил в жизнь принципы и неосуществленные намерения Бентли, о которых тот говорил еще в 1716 и 1720 гг.»[303]

Современная текстология Нового Завета, несомненно, обязана очень многим Лобеготту Фридриху Константину фон Тишендорфу (Lobegott Friedrich Constantin von Tischendorf, 1815–1874), который нашел и опубликовал больше рукописей и выпустил критических изданий греческого текста Библии, чем любой другой отдельно взятый ученый. С 1841 по 1872 г. Тишендорф подготовил восемь изданий греческого текста Нового Завета, некоторые из них были позднее переизданы (в некоторых случаях параллельно с немецким и латинским переводом), а также 22 тома с текстами библейских рукописей Тишендорф также написал более 150 книг и статей, большинство которых посвящены библейской текстологии[304].

Будучи с 1834 по 1838 г. студентом-богословом в Лейпциге, Тишендорф попал под влияние Иоганна Винера (Winer), чья грамматика греческого языка Нового Завета, впервые вышедшая в 1822 году, многократно переиздавалась, оставаясь стандартным пособием для нескольких поколений. Винер заразил молодого студента страстью к собиранию и исследованию древнейших источников как основе для реконструкции изначального греческого новозаветного текста. Этой задаче и посвятил себя начинающий ученый. В письме своей невесте он объявил: «Передо мной стоит священная цель — воссоздать истинную форму новозаветного текста». В возрасте 25 лет, получив небольшую стипендию от саксонского правительства, Тишендорф начал кропотливую работу по расшифровке палимпсеста кодекса Ефрема и некоторых других рукописей в Национальной библиотеке Франции в Париже. Впоследствии он посетил библиотеки всех европейских стран и Ближнего Востока, отыскивая и изучая ранние и поздние источники (о том, как был найден Синайский кодекс, см. выше).

Из нескольких изданий греческого новозаветного текста, осуществленных Тишендорфом, самым ценным является восьмое *(editio octava critica maior)*, выпущенное в 11 частях в период с 1864 и опубликованное в двух томах (Лейпциг, 1869–1872). Это издание сопровождалось большим критическим аппаратом, в который Тишендорф включил все разночтения, обнаруженные им и его предшественниками в рукописях, переводах и произведениях отцов церкви. Вскоре после выхода в свет II тома паралич заставил Тишендорфа прервать свои исследования, и ценнейший III том с вводными комментариями был подготовлен к изданию Каспаром Рене Грегори (Gregory), и издан в трех частях (Leipzig, 1884, 1890, 1894)[305].

Известность пришла к Тишендорфу в первую очередь благодаря его неустанному собиранию рукописных источников; использование же их в последующих изданиях характеризуется либо чересчур строгим следованием канонам текстологической науки, либо некоторым произволом в решении вопросов, для которых каноны не предусматривают ответа. Согласно цифрам, приводимым Эберхардом Нестле, текст восьмого издания

Тишендорфа отличается от предыдущего в 3572 местах, и после его выхода в свет Тишендорфа обвиняли в том, что он придает слишком большое значение Синайскому кодексу, который был обнаружен в период между выходом седьмого и восьмого изданий.

Самюэль Придо Трегелльс (Samuel Prideaux Tregelles, 1813–1875) считается наиболее заметным английским исследователем, сумевшим обратить внимание читателя на тексты Нового Завета, отличающиеся от Textus Receptus. Еще мальчиком он проявил завидные талант и пытливость и, зарабатывая на хлеб кузнечным делом, сумел в свободное время изучить греческий, арамейский, древнееврейский и валлийский языки. В возрасте двадцати с небольшим лет Трегелльс уже имел намерение выпустить новое критическое издание Нового Завета. Отметив настойчивость, с которой Шольц отвергал свидетельства ранних документов и, досадуя на нерешительность Грисбаха, цеплявшегося за Textus Receptus, будучи не в силах от него отказаться, Трегелльс решил посвятить свое свободное время подготовке издания, которое полностью основывалось бы на свидетельствах ранних источников. Сам того не осознавая, он сформулировал принципы текстологии весьма близко к тому, как они звучали у Лахманна. С этого времени Трегелльс начинает работать над колляциями греческих рукописей и путешествует ради этого по Европе, преодолевая немалые расстояния. Результатом кропотливого и систематического изучения практически всех известных тогда маюскульных и нескольких наиболее ценных минускульных рукописей стало исправление многих цитат, неверно приводимых предыдущими издателями. Кроме того, он заново сверил новозаветные цитаты из произведений греческих отцов церкви вплоть до времени Евсевия, а равно и древние переводы и издал (в 1861 году) палимпсест Евангелия от Луки — Закинфский кодекс (Ξ), который в 1821 году был приобретен Британским и Иностранным библейским обществом. Прежде чем свет увидела самая первая порция нового текста, Трегелльс опубликовал обзорную работу, в которой были сформулированы выработанные им принципы научного исследования текстов (*An Account of the Printed Text of the Greek New Testament…* London, 1854); также он переписал те статьи энциклопедического издания Т. Х. Хорна (T. H. Horne, *Introduction to the Critical Study and Knowledge of the Holy Scriptures*, vol. IV, ed. 10, London, 1856), в которых были затронуты проблемы текстологии Нового Завета.

В отличие от Тишендорфа, спешившего отдать в печать новое издание Нового Завета сразу после находки каждой следующей рукописи, Трегелльс решил сосредоточить все свои силы и всю свою энергию на решении конечной задачи — создать окончательную версию текста — и потому подготовленное им издание было единственным. Оно вышло в Лондоне шестью выпусками между 1857 по 1872 г. Когда его в 1870 г. разбил паралич, Трегелльс призвал на помощь Б. У. Ньютона (Newton), при участии которого и был подготовлен последний выпуск. Том, содержавший пролегомены, был составлен из других работ Трегеллься; он включал в себя много страниц *addenda et corrigenda,* был подготовлен к изданию Ф. Дж. Э. Хортом и Э. У. Стрином (Streane) и напечатан уже после смерти автора в 1879 г. Несмотря на бедность, слабое здоровье и непонимание со стороны коллег, Трегелльс преодолел все трудности и посвятил всю свою жизнь работе над текстом Нового Завета, которое он принял на себя как религиозный подвиг, — по его собственным словам, «с глубокою верою, что это станет службою Господу через служение Его Церкви».

Хотя главу капитула Кентерберийского собора Генри Олфорда (1810–1871) помнят в

первую очередь как автора широко разошедшегося комментария к Новому Завету и нескольких знаменитых гимнов (среди которых «Come, ye thankful people, come» и «Ten thousand times ten thousand»), его имя заслуживает здесь особого упоминания. Олфорд, зарекомендовал себя горячим защитником критических принципов, разработанных теми, кто, подобно Лахманну, стремился «развенчать заблуждение педантов, незаслуженно благоговеющих перед Textus Receptus, которое встает на пути всякой попытки найти подлинное Слово Божье»[306]. В последующих изданиях своего комментария Олфорд все полнее и свободнее высказывался на темы новозаветной текстологии и смело публиковал ту форму греческого текста, которую считал соответствующей ранним и наиболее достоверным источникам.

Заметной датой в истории британской текстологической науки стал 1881 год, когда увидело свет одно из самых замечательных критических изданий греческого Нового Завета из всех когда-либо созданных ею. После 28 лет напряженной работы, продолжавшейся с 1853 по 1881 год, Брук Фосс Весткотт (Brooke Foss Westcott, 1825–1901), каноник собора в Питерборо и королевский профессор богословия в Кембридже (впоследствии, с 1890 г. — епископ Даремский), и Фентон Джон Энтони Хорт (Fenton John Antony Hort, 1828–1892), халсеанский профессор богословия в Кембридже, выпустили двухтомное издание под названием «The New Testament in the Original Greek» («Новый Завет в греческом подлиннике»). Первый том содержит греческий текст, второй том составили весьма ценные введение и приложения, написанные в основном Хортом — здесь изложены принципы, которых придерживались издатели, а также обсуждаются отдельные спорные места[307]. Иногда издатели расходились во мнениях относительно некоторых деталей; в таких случаях излагались обе позиции, обозначаемые инициалами. В 1896 году было выпущено второе издание второго тома, куда вошли составленные Ф. К. Бёркиттом (Burkitt) дополнения о недавно открытом синайской рукописи сирийского перевода[308].

В отличие от своих предшественников Весткотт и Хорт не стремились ни делать колляции манускриптов, ни составлять критический аппарат. Напротив, используя уже существующие собрания разночтений, они отточили методологию, разработанную Грисбахом, Лахманном и другими учеными, и неукоснительно строго применяли ее к источникам новозаветного текста. Принципы текстологии и методы ее применения, которые они разработали, можно свести к следующему.

Хорт начинает свое классическое «Введение» разъяснением того, что он называет «внутренним свидетельством разночтений» (Internal Evidence of Readings):

> Исходный принцип текстологии состоит в том, чтобы рассмотреть каждое чтение в отдельности и в каждом случае из двух или нескольких вариантов принять то, которое кажется наиболее достоверным… Разночтения содержат в себе два внутренних свидетельства (internal evidence), четкую границу между которыми провести довольно сложно. Соответственно, одно разночтение характеризуется *объективной вероятностью* (intrinsic probability) — его возникновение обусловлено замыслом автора, а другое свидетельство вызвано тем, что можно назвать *вероятностью передачи текста* (transcriptional probability), иными словами, оно свидетельствует о переписчиках, копировавших данный текст.

> Обсуждая объективную вероятность разночтения, мы спрашиваем, что именно должен был сказать в этом месте автор. Имея дело с правдоподобием передачи текста, мы спрашиваем — как именно слова автора должны были прозвучать по мнению переписчиков — как понял авторский текст переписчик, что ему показалось якобы написанным[309].

Бывает и так, что объективная вероятность находится в противоречии с вероятностью передачи текста. В этом случае надежнее делать окончательный выбор, полагаясь на то, что Хорт назвал «замеченными наклонностями среднего писца», чем на собственные догадки о том, что мог или должен был сказать в данном месте автор.

Чтобы преодолеть ограничения, которые естественным образом возникают перед исследователем, если он полагается только на внутренние свидетельства разночтений, текстолог должен также учитывать и использовать внутренние свидетельства рукописей. Оценивая те или иные данные в каждом отдельно взятом примере, можно сделать уверенные выводы о надежности (или ненадежности) всего источника в целом. Следовательно, вместо того, чтобы низводить свою задачу до уровня оценки отдельных, изолированных друг от друга разночтений, текстолог обязан собрать информацию об особенностях каждой рукописи. Если исследователь, работая с рукописью, заметит, что она во многих случаях воспроизводит определенные разночтения, рассмотрение которых с позиции объективной вероятности и вероятности передачи текста предполагает их подлинность, то вполне естественным будет предпочесть разночтения этой рукописи и в других случаях, когда внутренние свидетельства не позволяют принять решение ввиду их недостаточной ясности. Хорт формулирует этот принцип следующим образом: «Изучение документов в целом должно предшествовать вынесению окончательного суждения об отдельных разночтениях»[310].

Следующий шаг подразумевает изучение отношений нескольких источников друг к другу. Рукописи можно распределить по группам и изучить с точки зрения их генеалогии. Предположим, у нас есть десять рукописей, из которых одна противоречит остальным девяти, во всем друг с другом согласным, и при этом девять рукописей скопированы с одного общего оригинала. В этом случае количественное преимущество не имеет ни малейшего значения. Самым лучшим свидетельством, позволяющим проследить генеалогию источников, является наличие смешанных разночтений (*conflate readings*), то есть таких разночтений, которые появились из сочетания элементов, ранее существовавших в разных рукописях. Рассуждая об этом, Хорт провозглашает еще один принцип текстологии: «Любое достоверное воссоздание искаженных текстов основывается на изучении их истории, иными словами, отношений родства друг с другом и с общим источником, который связывает отдельные документы»[311].

Описание своей методологии Хорт завершает, рассматривая внутреннее свидетельство групп (*Internal Evidence of Groups*), которые в определенном смысле стоят между внутренним свидетельством отдельных документов и генеалогическим взаимоотношением групп. Выше было сказано о том, как полезно определять общие характеристики каждой отдельной рукописи, наблюдая, насколько часто она принимает или отвергает чтения, качество которых было ранее определено на основе их внутренних свидетельств. Точно

таким же образом могут быть определены и характеристики каждой отдельной *группы* рукописей по отношению к другим группам.

Достоверность выводов, основанных на таком определении характеристик, зависит от генеалогического принципа, который гласит: «общность разночтений подразумевает общность источника»[312]. Обобщающие выводы относительно целых групп источников, в свою очередь, помогают исследователю принять решение в тех случаях, когда путаница в определении первоисточника рукописей затрудняет построение генеалогического дерева.

Все вышесказанное является кратким изложением критических принципов, выработанных Весткоттом и Хортом. Результаты применения этих принципов к известным в то время рукописям мы приводим ниже.

На основе изучения отношений между источниками, содержащих новозаветный текст, Весткотт и Хорт выделили четыре основных типа текста: сирийский, западный, александрийский и нейтральный (промежуточный).

1. Самым поздним из перечисленных типов является сирийский, который представляет собой смешанный текст. Он образовался в результате исправлении, внесенных редактором или группой редакторов, которые в IV в. пожелали создать простой, ясный и полный текст Нового Завета. Этот смешанный текст, дальше всего отстоящий от оригинала, был привезен в Константинополь, откуда и распространился по Византийской империи. На сегодняшний день он лучше всего представлен Александрийским кодексом (только в Евангелиях, но не в Деяниях и посланиях), поздними маюскульными рукописями и большим количеством минускульных рукописей. Textus Receptus является позднейшей формой сирийского типа текста.

Хорт дает классическое описание сирийского текста:

> «Качествами, которые авторы сирийского текста желали максимально усилить, были ясность и полнота. Очевидным образом они беспокоились о том, чтобы убрать с дороги среднего читателя все камни преткновения и выполнили свою задачу в той мере, в какой для ее исполнения можно было ограничиться вполне гуманными мерами. По-видимому, они в равной степени пожелали выявить на пользу читателю назидательность, присущую всем существующим текстам, если это не противоречило контексту и не вносило внешних противоречий. Соответственно, новые пропуски редки; там, где они все-таки присутствуют, видно, что опущены слова, мешающие сделать текст очевидным и простым. Новые же интерполяции, напротив, присутствуют в изобилии. Большинство из них появилось благодаря гармонизации или ассимиляции любого рода, к счастью, случайной и неполной. И по количеству слов, и по манере их употребления сирийский текст отличается отчетливой полнотой. Он радует местоимениями, союзами, вставными словами и ссылками всякого рода, а также и более серьезными добавлениями. Манера исправлений в сирийском тексте разумна и незаметна, этим она в равной степени отличается и от энергичной дерзновенности, проявленной писцами „западного“ текста, и от ученой утонченности создателей текста александрийского. Сирийский текст литературно и религиозно безупречен в том, что касается вульгаризованного или низкого стиля,

> но он нимало не выказывает примет критического или духовного озарения; он представляет Новый Завет в форме ясной и привлекательной, но заметно обедненной в чувстве и силе. Он подходит более для беглого чтения или рецитации, нежели для постоянного прилежного изучения»[313].

2. Из оставшихся типов текста, выделенных Весткоттом и Хортом, самым ранним и широко распространенным является так называемый западный тип. Он сохранился в некоторых двуязычных маюскульных рукописях, а именно знаменитом Кодексе Безы, содержащем Евангелия и Деяния (D) и Клермонтском кодекс (послания D^p), в старолатинском переводе (или переводах) и в кьюртонском сирийском переводе. Появился он очень рано — по всей видимости, в середине II в. Маркион, Татиан, Иустин, Ириней, Ипполит, Тертуллиан и Киприан — все они в большей или меньшей степени использовали западную форму текста.

Одной из отличительных черт западного текста, по мнению Хорта, является склонность к парафразу:

> «Слова, словосочетания и даже целые предложения совершенно свободно менялись, выбрасывались или, напротив, вставлялись повсюду, где авторам казалось, что смысл мог бы быть еще более усилен и выявлен… Другой, столь же важной особенностью является стремление к тому, чтобы обогатить текст за счет его чистоты изменениями и дополнениями, взятыми из устной традиции, и возможно даже из апокрифических или других небиблейских источников. [Западный текст также отличается] добавлением местоимений в родительном падеже, но в отдельных случаях они выброшены там, где их присутствие утяжеляет текст. При глаголах, которые употребляются без дополнения, оно добавляется (в форме как родительного, так и дательного или винительного падежа). В бессоюзных конструкциях появляются союзы, но иногда, напротив, их исключают из предложений там, где сила союза не ощущается, а форма предложения или контекст скорее требуют отрывистого бессоюзия. Наблюдается свободная замена одних союзов другими, и такая же свобода в замене одних вводных формул при прямой речи другими. Причастия с личной формою глагола свободно заменяется двумя личными формами, соединенными союзом. Общее правило — замена составного глагола простым и напротив, отсутствие такой замены там, где составной глагол оригинального текста был трудным или необычным; как правило же, аористы заменяются имперфектными формами, однако есть и несколько примеров обратного, сложной глагольной формы на простую (однако там, где глагольная форма была очень сложной или необычной, замены не происходило); частая замена аориста на имперфект.
>
> В западном тексте мы встречаем изобилие примеров еще одной причины, которая побуждала писцов изменять текст — это склонность к ассимиляции или взаимному уподоблению текстов. Очевиднее всего он проявляется, когда один и тот же предмет трактуется в двух или более соседних стихах или фразах — в этом случае исчезает разница в словоупотреблении или исправляется кажущийся

> недостаток симметрии. Но наибольшая опасность скрыта в гармонизирующем искажении текста, или, иными словами, частичной или полной потере различий между более или менее схожими отрывками»[314].

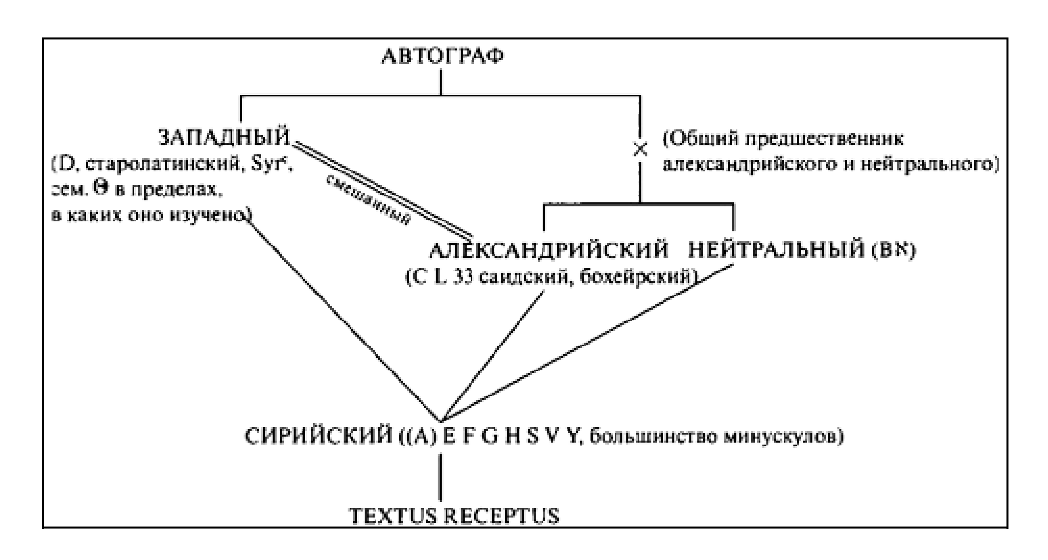
3. Александрийский тип текста, как полагают Весткотт и Хорт, в той или иной мере сохранен кодексом Ефрема (C), Королевским кодексом (L), кодексом 33 и коптскими переводами (особенно бохейрским), а также в цитатах александрийских отцов: Климента, Оригена, Дионисия, Дидима и Кирилла. Он отличается именно теми чертами, которые мы вправе ожидать от текста, формировавшегося в городе — центре греческой литературной науки. Это филологически аккуратная правка форм, синтаксиса и осторожная замена некоторых элементов делалась только для того, чтобы отшлифовать язык и стиль (например, изменить порядок слов во избежание гиатуса — столкновения гласных, иначе называемого зиянием).

4. Нейтральный тип текста, как видно из названия, был, по мнению Весткотта и Хорта, менее всего затронут позднейшей порчей текста и конфляцией, и потому стоит ближе всего к автографу. Он лучше всего представлен Ватиканским (B) и Синайским (א) кодексами; крайне близкое совпадение текста этих двух рукописей указывает на то, что они весьма недалеки от оригинального текста. Особо оговаривая, что нижеследующее не относятся к некоторым отдельным пассажам, Весткотт и Хорт формулируют свое мнение так:

> «Мы уверены (1), что чтения א B должны быть признаваемы истинными, если только не будут представлены убедительные доказательства противоположного, и (2) что ни от одного из чтений א B нельзя с полной уверенностью отказаться, хотя правильно было бы переместить некоторые из них в аппарате в качестве альтернативных, в особенности, если они не находят подтверждения в древних переводах или произведениях отцов церкви»[315].

Исключение составляют несколько мест, которые Весткотт и Хорт назвали «западными не-интерполяциями». Они выбрали такое неуклюжее название, вне всякого сомнения, просто потому, что произнести словосочетание «интерполяции нейтрального текста» было бы выше их сил — хотя именно наличие таких интерполяций прямо вытекает из их собственного вывода: Весткотт и Хорт признавали, что оригинальная форма текста некоторых отрывков из трех последних глав Евангелия от Луки и одном отрывке Евангелия от Матфея[316] сохранилась именно в западном типе. Причина, по которой Весткотт и Хорт отказались считать истинными для этих отрывков данные א и B, заключается в том, что, по их мнению, здесь переписчики западного текста, который в норме является более пространным и детализированным, сумели обуздать свое желание расширить текст, в то время как нейтральный текст получил более развернутое чтение.

Согласно критической реконструкции Весткотта и Хорта, отношения четырех типов текста к первоисточнику можно представить в следующей схеме:

Рассуждая и оценивая ретроспективно, можно сказать — ученые ныне единодушно считают одной из главных заслуг Весткотта и Хорта демонстрацию того, что сирийский (или иначе византийский) тип текста был самым поздним из существующих. В поддержку этой точки зрения можно выдвинуть три главных доказательства:

1) сирийский текст содержит комбинированные, или смешанные разночтения, которые явно образованы из элементов более ранних форм текста;

2) ни у одного из доникейских отцов в цитатах нет характерных чтений сирийского текста;

3) при сравнении сирийских чтений с чтениями других типов рукописей становится очевидным, что шансы первых считаться подлинными постепенно уменьшаются вплоть до полного исчезновения[317].

Читатель, вероятно, не удивится, узнав, что последовательные и полный отказ Весткотта и Хорта удовлетворить притязания Textus Receptus на статус оригинального текста многими в церкви был воспринят с тревогой. Так, в последние десятилетия XIX в. на защиту традиционного текста поднялся Джон В. Бёргон (John W. Burgon, 1813–1888), декан Чичестерского собора. По описаниям современников, он был «членом Высокой церкви, представителем старой школы», и стал печально известен как «предводитель крестового похода во имя проигранных споров и абсурдных взглядов, но сам неистовый стиль его защиты Textus Receptus в какой-то степени обесценил ее результаты»[318]. О консерватизме его взглядов можно судить по проповеди, которую он произнес в Оксфорде в 1884 г. и в которой выступал против того, чтобы высшее образование давалось «девушкам как юношам», полагая такое начинание «делом неуместным и нескромным». Поводом для выступления послужил допуск женщин к экзаменам за курс университета!

Публикация в 1881 г. Исправленного издания *(Revised Version)* Библии короля Иакова *(King James Version)* или, иначе Санкционированного *(Authorised Version)* перевода, впервые увидевшего свет в 1611 г., вызвала негодование Бёргона не только отступлением нового перевода от привычной идиоматики, но в гораздо большей степени тем, что справщики взяли за основу греческий текст, в сущности, идентичный изданному Весткоттом и Хортом. В серии из трех ученых статей, сперва напечатанных в лондонском «Quarterly Review», отдельно затем переизданных под заглавием «Ревизия ревизии» («The Revision Revised», London, 1883), Бёргон задействовал, кажется, все доступные ему риторические приемы для того, чтобы ударить и по исправлению Библии короля Иакова, и по греческому Новому

Завету Весткотта и Хорта. Аргументы, выдвинутые Бёргоном, были в основном богословски-умозрительного характера. Будучи горячим приверженцем Высокой церкви, он не допускал и сомнения в том, что, коль скоро Св. Писание было продиктовано по вдохновению Святого Духа, Господь промыслительно оградил текст Священного Писания от порчи в процессе его переписки. Равным образом, Бёргон был просто не в состоянии принять мысль о том, что Textus Receptus, который на протяжении веков был текстом церкви, мог вообще нуждаться в той резкой правке, которой его подвергли Весткотт и Хорт.

Значение генеалогического метода, ясно показывающего, почему позднейший смешанный текст является вторичным и порченым, — вот что для Бёргона было, по-видимому, совершенно немыслимым. Вместо того чтобы следовать тексту немногих ранних рукописей, Бёргон предпочитал чтения, которые были отражены в поздних источниках[319]. Далее, будучи полярно далек от того, чтобы согласиться с Весткоттом и Хортом в их высокой оценке Синайского и Ватиканского кодексов, Бёргон настаивал, что за исключением рукописи D, которая дает самый «сырой», неисправленный, текст, эти две рукописи, столь высоко ценимые его оппонентами, являются самыми испорченными.

Он заверял своих читателей:

> …без единой тени сомнения, три рукописи (א B D) *самым скандальным образом* испорчены, они содержат текст, который *позорнейше обезображен* более какого-либо из существовавших; благодаря каким угодно обстоятельствам (ведь история их нам абсолютно неизвестна!) эти кодексы превратились в самые обильные между всеми списками Слова Божьего скопища *сфабрикованных чтений*, старых и *грубых ошибок*, а также *сознательного искажения Истины*, — что можно обнаружить в любом известном издании Слова Божьего[320].

Два других английских ученых, Ф. Г. Э. Скривенер и Джордж Сэлмон, также критиковали теории Весткотта и Хорта, но несогласие свое они выражали с несравненно меньшим пылом, нежели Бёргон. Скривенер возражал против провозглашенного Хортом полного отказа от использования сирийского текста[321]; Салмон же сетовал на то, что недостаточно внимания было уделено чисто западным чтениям[322].

Наш довольно подробный обзор деятельности Весткотта и Хорта можно завершить констатацией того обстоятельства, что, по мнению абсолютного большинства ученых, их критическое издание открыло новую эпоху. Они показали, как имеющимися в их распоряжении средствами и методами можно было восстановить текст, который имел, без сомнения, наиболее древнюю и свободную от ошибок форму. Хотя обнаружение новых рукописей потребовало перегруппировать некоторые группы источников[323], общее высокое значение выработанных Весткоттом и Хортом критических принципов и методов текстологи признают и сегодня.

За свою долгую плодотворную жизнь Бернард Вайсс (Bernhard Weiss, 1827–1918), профессор экзегетики Нового Завета в Киле и Берлине, подготовил издание греческого текста Нового Завета (в трех томах, Leipzig, 1894–1900; 2-е малое изд. в трех томах, 1902–1905). Будучи прежде всего экзегетом, Вайсс видел свою задачу в глубоком детальном изучении богословских и литературных проблем, которые ставит перед ученым

новозаветный текст. Вместо того, чтобы распределять рукописи по группам и оценивать текстуальные варианты, опираясь на чисто внешние факторы, Вайсс отбирал те разночтения, которые в данном контексте, по его мнению, имели наиболее адекватный смысл. Его метод состоял в том, чтобы внимательно изучить каждую книгу Нового Завета, пользуясь критическим аппаратом, и рассмотреть важные варианты текста, выбирая в каждом случае такое чтение, которое Вайссу казалось наиболее оправданным, как сказал бы Хорт, по его объективной вероятности. Такая процедура, конечно, является в высшей степени субъективной, но не стоит надеяться на полную объективность иных методов. Даже критический подход Весткотта-Хорта по сути субъективен, поскольку сперва они избрали метод, которому решили следовать, а затем определили (опираясь на объективную вероятность и вероятность передачи текста), что так называемый нейтральный текст должен быть предпочтен всем остальным типам.

После того, как Вайсс издал свой текст, приняв варианты, которые, как он полагал, в наибольшей степени соответствуют стилю и богословию каждого отдельного новозаветного автора. Ученый составил список, в котором систематизировал ошибки, обнаруженные им при изучении текстуальных разночтений, а также дал оценку каждой из основных греческих рукописей, опираясь на то, в какой мере каждая из них свободна от подобных погрешностей. Вайсс выделил следующие группы ошибок: а) гармонизация одного Евангелия по другому; б) перестановка слов местами; в) пропуски и добавления; г) изменение порядка слов; д) орфографическая вариативность. Оценивая степень того, насколько рукописи подвержены этим ошибкам, Вайсс пришел к заключению, что наиболее чистым является Ватиканский кодекс. Поэтому неудивительно, что издание Вайсса исключительно схоже с изданием Весткотта — Хорта, которые в весьма большой степени доверились именно Ватиканскому кодексу. Ценность подготовленного Вайссом текста состоит не только в выражении зрелой позиции великого ученого-экзегета, потратившего годы на скрупулезное выявление значений текста, но и в том, что результаты, достигнутые благодаря субъективному методу Вайсса, совпадают с результатами ученых, основанных на ином методе, часто называемом более объективным по той причине, что отправной его точкой является распределение рукописей по группам[324].

Хотя подготовленное Александром Сутером (Souter) издание увидело свет в 1910 г. (при переиздании в 1947 г. его текст остался неизменным), этот текст Нового Завета отражает взгляды и выводы британской науки по состоянию на 1881 г. Он являет собой всего лишь воспроизведение того греческого текста, который был создан архидиаконом Эдвином Палмером (Palmer), членом британской новозаветной переводческой группы, в качестве основы для Исправленного издания 1881 года. Взяв за основу третье издание Стефана (1550 г.), Палмер сформировал последовательный текст, отражавший выводы справщиков английского перевода. Тем не менее, когда английский текст должен был буквально воспроизвести оба конкурирующих чтения, Палмер обычно не изменял Textus Receptus. В результате, за редким исключением, в тексте были удержаны орфография стефановского издания, написание собственных имен, типографские особенности и ошибки.

Вкладом самого Сутера в издание 1910 г. была, главным образом, подготовка сокращенного критического аппарата к палмерову тексту, который ценен в основном сводкой свидетельств, взятых из произведений отцов церкви, в частности латинских. Для

издания 1947 г. аппарат был значительно пополнен за счет данных папирусов Честера Битти и других источников, введенных в оборот после 1910 г. Что касается собственно текста, то на сегодняшний день издание Сутера ближе к Textus Receptus чем любой другой из широко распространенных греческих текстов Нового Завета[325].

Привлекает к себе внимание еще одно издание греческого текста Нового Завета, появившееся в первой половине в XX в. и подготовленное бароном Германном фон Зоденом (von Soden) — *Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte*, I. Teil, *Untersuchungen* (Berlin, 1902–1910); II Tell, *Text mit Apparat* (Göttingen, 1913)[326]. Барон Германн фон Зоден родился в 1852 г. в городе Цинцинати (штат Огайо), и погиб в 1914 г. в результате несчастного случая, пытаясь вскочить в отходящий от станции поезд берлинского метро. Хотя издание Зодена было плодом длительного исследования греческих минускульных рукописей и интенсивных трудов по изучению истории греческого текста, тем не менее, оно получило нелестное название «грандиозного провала» или «величественной неудачи».

Приняв денежное вспомоществование от Элизы Кёнигс (Koenigs), с которой его связывали дружеские отношения, фон Зоден получил возможность послать значительное число своих студентов и ассистентов для изучения рукописей в библиотеках Европы и Ближнего Востока. Участие столь многих помощников дало в руки фон Зодена частичные или полные колляции невероятно большого количества дотоле неисследованных рукописей. Изучив собранные сведения, он изложил свои выводы относительно истории текста на 2203 страницах вводных замечаний (prolegomena), набранных по большей части петитом! Фон Зоден не был удовлетворен сиглами, которые ранее использовались для обозначения маюскульных и минускульных рукописей, и поэтому изобрел новую номенклатуру, указывавшую на дату появления, содержание и тип каждого документа. Эта система настолько же оригинальна, насколько и сложна[327], причем сложна настолько, что вплоть до сего дня большинство текстологов отказывается принять ее, предпочитая старую номенклатуру, несколько модифицированную Грегори[328] в целях устранения ряда непоследовательных или нелогичных обозначений. В результате же для того, чтобы извлечь практическую пользу из составленного фон Зоденом аппарата, необходимо вначале воспользоваться ключом, чтобы расшифровать и перевести в более привычный вид то, что на первый взгляд кажется бессмысленным набором иероглифов[329].

В своей классификации типов текста евангельских рукописей фон Зоден основывается на рассмотрении их общих текстовых характеристик, на форме текста перикопы о женщине, взятой в прелюбодеянии (*pericopa de adultera*), и на разбивке по главам, приложенной к ним. Пользуясь этими критериями, он делит источники на три основных группы, которые получили название, соответственно, рецензии Койне, Гезихиевой и Иерусалимской.

K (Κοινὴ) текст был разделен на 17 подгрупп, из которых древнейшим и лучшим считался K^1. Написанный Лукианом Антиохийским (погиб мученической смертью в 312 г.) этот текст с различными последующими видоизменениями стал господствующим в Византийской церкви («сирийский текст» по терминологии Весткотта-Хорта).

H (‘Ησύχιος) текст, происхождение которого фон Зоден отнес к Гезихию (Исихию) Египетскому, сохранился до нашего времени в старых маюскулах (B, ℵ, C, L, Δ и Ψ), нескольких минускулах (напр. 33, 579, 892 и 1241), саидской и бохейрской редакциях и у

александрийских отцов церкви — Афанасия, Дидима, Кирилла и других. Следовательно, эта группа включает типы текста, которые в системе Весткотта и Хорта обозначены как «нейтральный» и «александрийский».

I (Ἱερουσόλυμα) текст, предположительно созданный в Палестине Евсевием и Памфилом Кесарийскими, ни в одной из известных рукописей не дошел до нас в достаточно полном виде. Общее впечатление о нем можно составить по нескольким источниками смешанного характера: Евангелия лучше всего представлены маюскулами D и Θ и минускулами 28, 372, 565 и 700. Однако текстологические особенности отличаются таким разнообразием, что фон Зоден вынужден был выделить 17 подгрупп источников, в большей или меньшей степени соотносимых с этим текстом.

Фон Зоден считал, что эти три редакции восходят к утраченному архетипу, *I-H-K* тексту, который использовал Ориген, но который уже во II в. был испорчен Маркионом и Татианом — первый был ответственен за порчу посланий Павла, второй — за Евангелия и Деяния. К первоисточнику должны были нас привести выявление и устранение этих искажений.

Фон Зоден создавал свой текст, руководствуясь следующими принципами.

1. Когда ясно известны чтения каждой из главных редакций, то обычно принимается то чтение, которое поддерживается двумя редакциями из трех.

2. Если в двух редакциях имеется чтение, которое согласуется с параллельным местом, то отдается предпочтение третьему чтению, которое отличается от параллельного места.

3. Любые чтения, присутствующие у Татиана, по определению подозреваются в отступлении от первоначального текста. Чтение, согласующееся с чтением Татиана, может быть принято лишь в том случае, если оно присутствует в двух редакциях, а отличное от них чтение третьей рукописи совпадает с чтением параллельного места. Это правило действует даже когда чтение Татиана и двух редакций также согласуется с чтением параллельного места.

4. Когда древние, безусловно независимые друг от друга источники, будь то даже цитаты у отцов или древние переводы, содержат одинаковое чтение, отличающееся от татианова, нужно самым серьезным образом рассмотреть возможность его принятия даже в том случае, если все три редакции согласуются с Татианом.

Хотя заслуги фон Зодена, проделавшего огромную исследовательскую работу по подготовке текста к изданию, неоспоримы, большинство ученых критикует его методы и полученные результаты по следующим причинам[330]:

1. Фон Зоден, как правило, отдает предпочтение тем разночтениям, которые подтверждаются двумя редакциями из трех, — тем самым тип койне получает тот же статус, по важности сопоставимый с двумя другими типами. Однако большинство ученых сегодня отнюдь не склонны счесть койне самостоятельным типом; напротив, они разделяют точку зрения Грисбаха, Хорта и других исследователей, считающих, что данный текст является во многом вторичным и содержит заимствования из других источников. Как следствие, высокая оценка типа койне приводит издание фон Зодена к тому, что оно оказывается гораздо более близким к Textus Receptus, нежели любое другое из предшествовавших ему критических изданий[331].

2. Вопреки тому, что фон Зоден считал своим главным вкладом в развитие текстологии выделение типа I и последующее разделение его на группы, ученые впоследствии сочли

именно эту часть его выводов наименее обоснованной, поскольку к одному типу текста фон Зоден отнес такие разнородные элементы, как рукописи Западного типа, кесарийский текст, старолатинский и старосирийский тексты, а также источники, смешанные с койне.

3. Маркион и Татиан, несомненно, в определенной степени поспособствовали порче новозаветного текста в процессе его передачи, однако фон Зоден приписал им совершенно несоразмерную роль в искажении не только латинских и сирийских переводов, но и собственно греческих источников.

4. Несмотря на то, что абсолютная точность в составлении обширного критического аппарата, вероятно, представляет собой вещь недостижимую, тем не менее, там, где работу фон Зодена можно проверить, она всякий раз показывает существенно большее количество ошибок и погрешностей, чем это позволительно для надежного научного исследования, заслуживающего доверия.

Несмотря на вполне оправданную критику, как по приведенным выше пунктам, так и в других отношениях, издание фон Зодена остается памятником обширной исследовательской работе и безграничному прилежанию. И его издание текста, и пролегомены, излагающие историю передачи текста, должны учитываться всеми серьезными текстологами.

Следующие три издания, о которых необходимо здесь упомянуть, являют собой результаты исследований католических ученых в XX в. Издание, подготовленное Генрихом-Йозефом Фогельсом (H. J. Vogels; Düsseldorf, 1920; с латинской Вульгатой, 1922; 4 изд., Freiburg, 1955), ближе подходит к Textus Receptus, нежели два других[332]. Издатель сопровождает текст небольшим аппаратом, который в дополнение к собранию цитат из основных маюскульных и минускульных рукописей можно считать сравнительно полным в том, что касается старолатинских документов и сирийских переводов.

Иезуит Августин Мерк (Merk) воспользовался аппаратом фон Зодена, но транспонировал его индексацию в систему Грегори, и дополнил данными из вновь обретенных рукописей. Мерк подготовил свое издание греко-латинского Нового Завета при помощи Папского Библейского института (Roma, 1933; 6 изд., 1948; 7 изд., 1951, S. Lyonnet; 8 изд., 1958, J. R Smith; 9 изд., 1964, С. M. Martini; 10 изд., 1984)[333]. Аппарат, в который вошли данные из нескольких рукописей Татиана, составлен таким образом, чтобы показать, как источники распределяются по семьям. К сожалению, Мерк цитировал рукописные сведения очень неточно[334], поэтому полагаться на достоверность тех его данных, которые нельзя проверить по другим изданиям, было бы весьма неосмотрительно. В греческом тексте Мерк отошел от Textos Receptos дальше двух других католических издателей.

Иезуит Хосе Мария Бовер (Bover) посвятил многие годы собиранию и оценке текстуальных материалов[335]. Греческий текст его двуязычного издания (Мадрид, 6 изд., 1981), который был напечатан с использованием изящного греческого шрифта, принадлежащего Ассоциации Гийома Бюде, является эклектичным — он местами отклоняется от александрийского типа, приближаясь к западному или кесарийскому. Аппарат, в который включена информация о текстологических выводах шести современных издателей, цитирует рукописные свидетельства только для наиболее значимых вариантов.

Для Вюртембергского библейского издательства (Württembergische Bibelanstalt) Эберхардом Нестле (Eberhard Nestle, 1851–1913)[336] было подготовлено широко распространенное карманное издание Нового Завета (Stuttgart, 1898; 24 изд. выполнено

Эрвином Нестле [Erwin Nestle, 1883–1972] и Куртом Аландом [Kurt Aland, 1915–1994] в 1960 г.). Текст его, начиная с 3 издания, появившегося в 1901 г., основывается на сопоставлении текстов, изданных Тишендорфом (1869–1872), Весткоттом и Хортом (1881) и Бернардом Вайссом (1894–1900). Там, где два из этих трех изданий дают одинаковое чтение, его перепечатывает и Нестле[337]. Таким образом, издание Нестле отражает уровень, достигнутый текстологической наукой в XIX столетии. Аппарат, который отличается удивительной компактностью и столь же высокой аккуратностью, представляет читателю большой объем текстуальной информации и учитывает рукописи, обнаруженные в течение XX века. Начиная с 26 издания, *Novum Testamentum Graece* Нестле-Аланда (1979) текст его — но не аппарат — идентичен тексту издания Объединенных библейских обществ *(United Bible Societies' Greek New Testament*), см. прим. 343.

В ознаменование столетия со дня выхода первого Нового Завета в издании Нестле (1898–1998) Германское библейское общество выпустило «разовое лимитированное юбилейное издание» («einmalige limitierte Jubiläums-Ausgabe»). Это экземпляр 27 издания с пятнадцатистраничной вводной статьей на английском и немецком языках, написанной Барбарой Аланд (Aland) и Беатой Кёстер (Köster) и приложением фотопортретов Эберхарда Нестле (два варианта, около 1875 г. и 1912 г. соответственно), Эрвина Нестле (в 1920-е гг.) и Курта Аланда (в начале 1980-х гг).

В связи с празднованием 150-летней годовщины Британского и Иностранного библейского общества (1804–1954) было выпущено новое издание текста Эберхарда Нестле 1904 г.; аппарат к нему подготовили Дж. Д. Килпатрик (Kilpatrick), Эрвин Нестле и группа других ученых. Это издание увидело свет в Лондоне в 1958 г. Текст 1904 г. был изменен почти в двадцати местах (из которых одиннадцать перечислены во введении), а также претерпели некоторые изменения орфография, система ударений и правила использования скобок. Что касается аппарата, то количество приводимых в этом издании вариантов значительно меньше, чем в современном ему издании Нестле; однако текстуальные варианты снабжены дополнительными комментариями (подробнее о греческом тексте двуязычного издания Килпатрика, в частном порядке распространяемого Британским и Иностранным библейским обществом, см. ниже).

Также хотелось бы отметить *критический аппарат*, опубликованный Ст. Ч. Э. Леггом (Legg) в Оксфорде в 1935 и 1940 г. Избрав в качестве основы для колляций текст Весткотта-Хорта, Легг снабдил Евангелие от Марка (1935) и Евангелие от Матфея (1940) большим тезаурусом разночтений греческих рукописей, ранних переводов и цитат из патристических произведений. Весьма печально, что Легг не указал, какими изданиями древних переводов и трудов отцов церкви он пользовался в каждом конкретном случае. Исследователя критиковали также за неполный перечень приводимых данных и за некоторые случайные ошибки[338]. Несмотря даже на то, что критика вполне справедлива, вызвавшие её недочеты объясняются, главным образом, тем, что Легг поставил перед собой грандиозную задачу, выполнение которой едва ли было по силам исследователю-одиночке. Два тома, которые он успел подготовить, дают в руки исследователей огромный объем текстологических сведений, превосходящих все ранее составленные аппараты для Евангелий от Матфея и Марка[339].

Вскоре после того, как вышла в свет новозаветная часть Новой английской Библии

(New English Bible — NEB, 1961) в университетские издательства Оксфорда и Кембриджа поступило большое количество писем с просьбой издать греческий текст, который лег в основу новой английской версии. За подготовку издания взялся Р. В. Г. Таскер (Tasker), один из команды переводчиков NEB; оно вышло в 1964 г. В Приложении Таскер приводит данные рукописей[340] для 270 групп разночтений, представленных на полях NEB[341].

В 1966 г., после десятилетней работы международного комитета[342], пять библейских обществ[343] выпустили издание греческого Нового Завета, предназначенного для библейских переводчиков студентов (рис. 24). Его аппарат дает относительно полную сводку рукописной традиции и включает около 1440 групп разночтений, отобранных, в основном, благодаря их экзегетической ценности. В это издание входит также и аппарат пунктуации, который учитывает варианты, изменяющие смысл почти в 600 отрывках собранный из пяти изданий Греческого Нового Завета и десяти переводов на английский, немецкий и французский языки. Дополнительный том к этому изданию, под заглавием «Текстологический комментарий на греческий Новый Завет» (*A Textual Commentary on the Greek New Testament*) был подготовлен от имени комитета Б. М. Мецгером и опубликован в 1971 г. Объединенными библейскими обществами. Здесь читателю предлагается сжатое изложение причин, которые побудили комитет принять или отвергнуть то или иное чтение. Этот комментарий, помимо упомянутых выше 1440 групп разночтений, также включает в себя обсуждение других 600 сложных с текстуальной точки зрения мест во всем Новом Завете, — по большей части, в книге Деяний Апостолов.

Рис. 24. Издательский комитет, подготовивший 2 и 3 издания греческого Нового Завета (*Greek New Testament*) Объединенных библейских обществ. Справа налево: Карло М. Мартини (Carlo M. Martini, S.J.), Курт Аланд (Kurt Aland), Аллен Викгрен (Allen Wikgren), Брюс М. Мецгер (Bruce M. Metzger), Мэттью Блэк (Matthew Black), ассистент Аланда Клаус Юнак (Klaus Junack).

В 1983 году Объединенные библейские общества издали свой греческий Новый Завет в том виде, какой на титульном листе был назван «исправленным третьим изданием». Эта

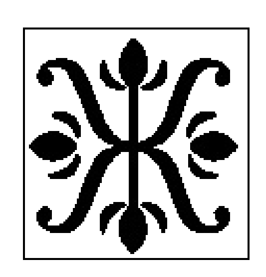
книга воплотила собой результаты дальнейшего исследования, которое проводилось сотрудниками Мюнстерского института новозаветной текстуальной критики (Münster Institute of New Testament Textual Research) под руководством Клауса Юнака (Junack). В аппарате были сделаны различные изменения, и сходным образом рука редактора прошлась по всему тексту Нового Завета, приводя его пунктуацию в соответствие с 26 изданием Нестле-Аланда. До сих пор издания Объединенных библейских обществ сохраняли пунктуацию Весткотта и Хорта, воспроизводившую британскую систему расстановки знаков препинания в греческих текстах; отныне ее сменила так называемая тевтонская (или, иначе, континентальная).

Тем временем, существовали планы по подготовке четвертого издания греческого Нового Завета Объединенных библейских обществ. В 1981 г. на собрании издательского комитета из пяти членов, в котором места выбывших Мэттью Блэка и Аллена Викгрена заняли Барбара Аланд (Aland) и профессор Салоникского университета Иоаннис Каравидопулос (Karavidopoulos), было решено внести в аппарат еще 284 дополнительных набора разночтений, имеющих экзегетическую значимость. Далее, хотя комитет не проголосовал за изменение новозаветного текста, было решено, что в некоторых случаях нужно модифицировать распределение разночтений по группам A, B, C и D, указывающим на степень вероятности, с какой то или иное чтение может быть признано правильным. Иногда чтения из группы C могли быть подняты в группу B, а в небольшом числе случаев чтения группы B повышены до A. Совершенно естественно, что выступать в защиту таких изменений мог либо один из новых членов редакционного комитета, либо оба, однако возросший уровень надежности в оценке многих разночтений ощущался также и старыми членами.

В итоге в 1993 году Объединенными библейскими обществами было напечатано четвертое, пересмотренное издание греческого Нового Завета. В нем место прежнего аппарата пунктуации занял аппарат разделения речевых единиц (Discourse Segmentation Apparatus), составленный Роджером Л. Омансоном (Omanson), консультантом Объединенных библейских обществ по переводам.

Приведенный выше обзор наиболее важных изданий Нового Завета на греческом языке охватил лишь сравнительно небольшую часть от общего числа изданий. Никто не может с точностью сказать, какое количество самостоятельных изданий Греческого Нового Завета вышло в свет с 1514 г., — но, вне всякого сомнения, это число окажется крайне значительным. Эдвард Рейсс (Reuss) из Страсбурга, опубликовавший описание изданий, напечатанных до 1869 г., насчитал 584 самостоятельных издания[344]. Если к этому количеству прибавить перепечатки, вариации и некоторые сомнительные издания, которые Рейсс учитывает лишь частично, то число возрастет до 853. Поскольку список Рейсса не является исчерпывающим для последних десятилетий того периода, который он охватывает, и с момента его публикации появилось много новых изданий, то вполне вероятно, что на вторую тысячу число изданий перевалило уже в начале XX в.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ ТЕКСТУАЛЬНОЙ КРИТИКИ К ТЕКСТУ НОВОГО ЗАВЕТА

ГЛАВА 5
ИСТОКИ ТЕКСТОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Подобно многим наукам, существование которых для нас, носителей западной культуры, является само собой разумеющимся, текстология возникла в Древней Греции. Ее появление и развитие связаны с гомеровским эпосом. Рапсоды — певцы, которые публично исполняли отрывки из «Илиады» и «Одиссеи» — часто изменяли текст, чтобы он более соответствовал торжественному случаю, пожеланиям аудитории или их собственному представлению о том, в каком именно виде тот или иной отрывок будет выглядеть более эффектно. Поэтому уже в самый ранний период существовало много параллельных вариантов одного и того же текста. Постепенно сформировалось несколько так называемых «городских редакций» Гомера, иными словами, таких, чья сохранность обеспечивалась правителями различных старинных центров (обычно говорят о семи городах); с этих городских текстов делались частные списки. Другие редакции Гомера были подготовлены Феагеном Регийским, Стесимбротом Фасосским (ок. 450 г. до н. э.) и Аристотелем, который создал собственный вариант текста для своего ученика, Александра Македонского. Этот вариант обычно называют ἡ ἐκ τοῦ νάρθηκος (дословно «книга из сундука») по месту ее обычного хранения (Плутарх, *Жизнь Александра*, 8).

В эллинистическую эпоху критическое изучение гомеровского эпоса обрело форму, более близкую к научной. Подобная текстологическая работа велась в знаменитой Александрийской библиотеке, которая, как полагают, насчитывала около 600 тысяч томов[345], и для которой, согласно принятой традиции, был сделан перевод Ветхого Завета на греческий язык (Септуагинта). Хранители библиотеки стремились получить как можно более точные редакции поэм Гомера. Незадолго до 274 г. до н. э. первый из таких ученых библиотекарей, Зенодот Эфесский (ок. 325 — ок. 240 гг. до н. э.), сделал сверку многих рукописей для того, чтобы восстановить оригинальные тексты «Илиады» и «Одиссеи»[346]. Зенодот внес в текст Гомера исправления четырех видов: (1) вычеркнул стихи, которые не считал подлинными; (2) атетировал некоторые другие стихи как имеющие сомнительное происхождение; (3) изменил порядок стихов; (4) ввел конъектуры, т. е., новые чтения, не являющиеся общепринятыми.

Одним из его преемников и известных библиотекарей был Аристофан Византийский (ок. 257 — ок. 180 гг. до н. э.), возможно, самый выдающийся античный филолог, которому традиция приписывает изобретение знаков греческого ударения и других диакритических знаков. Для того, чтобы оценить состояние текста в своей редакции «Илиады» и «Одиссеи» Аристофан использовал целую гамму критических символов. Его величайшим учеником стал Аристарх Самофракийский (ок. 220 — ок. 144 гг. до н. э.), который, возглавив библиотеку после своего учителя, издал труды полудюжины греческих авторов и опубликовал два критических издания поэм Гомера, расширив число критических символов, которые использовали его предшественники.

Таким образом, в древнем мире, в особенности в Александрии, уже существовала текстуальная и литературная критика как довольно развитая научная дисциплина,

предметом рассмотрения которой было, в первую очередь, наследие Гомера. Общеизвестно, что Филон Иудей (или, как его еще называют, Филон Александрийский) и многие отцы церкви, находясь под влиянием филологической мысли Александрии, использовали в своих толкованиях Священного Писания методы аллегорической экзегезы, которые в гомеровском цикле применялись к некоторым историям о богах и богинях. Гораздо реже можно встретить адекватное понимание того, насколько глубоко были восприняты церковными учеными разработанные в Александрийской библиотеке текстологические методы. Многие даже не подозревают, что методы эти были приложены к тексту Нового Завета. Ниже мы приведем краткий очерк того, что патристические источники говорят об интересующем нас предмете.

По иронии судьбы самые первые попытки[347] установить подлинный текст Нового Завета предприняли те, кто был отлучен от церкви за еретические воззрения авторитарным римским епископом, папой Виктором (понтификат 187–198 гг. н. э.). Случилось так, что образованный торговец кожей (σκυτεύς) по имени Феодот, недавно прибывший в Рим из Византия, был уязвлен критическими нападками знаменитого греческого врача Галена, который бичевал христиан, возмущаясь их философской наивностью[348]. Пытаясь внести некоторые улучшения в методологию толкования Священного Писания, Феодот и его последователи, по-видимому, осуществили критическую рецензию библейского текста. У Евсевия сохранился большой отрывок из анонимного памфлета, направленного против таких философски настроенных христиан[349]. По мнению его автора, феодотианцев следует осудить по трем причинам: (1) они были слишком увлечены изучением логики, математики и эмпирических наук («Некоторые прилежно занимаются геометрией Эвклида; они восхищаются Аристотелем и Теофрастом; Галена чтут почти как Бога»); (2) отрекшись от аллегории, они практиковали строгую грамматическую экзегезу; (3) они применяли текстологические принципы для изучения Септуагинты и Греческого Нового Завета:

> …поэтому они бесстрашно и наложили руку на Священное Писание, оправдываясь тем, что они его исправляют (διορθωκέναι)… Они не могут отречься от этого преступления, потому что списки их собственноручные. Не такому писанию обучали их оглашатели, и они не могут показать подлинник, с которого списывали (δεῖξαι ἀντίγραφα ὅθεν αὐτὰ μετεγράψατο μὴ ἔχωσιν)[350].

К сожалению, об этой первой попытке текстологического анализа ничего более не известно.

Немного спустя после отлучения феодотианцев один из наиболее эрудированных и трудолюбивых ученых своего времени — Ориген Александрийский и Кесарийский — начал текстологическое изучение всего древнееврейского текста Ветхого Завета и нескольких его переводов на греческий язык. В результате многолетней работы на свет появились Гекзаплы (*Hexapla*), монументальное исследование, которым пользовались многие отцы церкви; оно хранилось в известной библиотеке Памфила в Кесарии вплоть до ее разрушения арабами в VII в.

На вопрос о том, пытался ли Ориген издать критический текст Нового Завета, современные ученые отвечают по-разному[351]; большинству исследователей представляется

весьма вероятным, что собственную редакцию Нового Завета Ориген создавать не намеревался. В то же самое время его труды и, в особенности, экзегетические трактаты свидетельствуют об определенном интересе Оригена к критическим нюансам библейского текста. Он сетует на то, что

> отличие рукописей [Евангелий] друг от друга весьма велико, как из-за небрежности одних писцов, так и из-за извращенной самонадеянности других; одни не утруждают себя перечитыванием переписанного, другие в процессе проверки сокращают или дополняют текст как им заблагорассудится[352].

Помимо общих ремарок такого рода о состоянии текста, Ориген искал (хотя и не всегда использовал) свидетельства о разночтениях в греческих рукописях Нового Завета. Он заметил, например, что в Евангелии от Матфея (18:1) на вопрос учеников о том, кто самый первый в Царстве Божьем, в некоторых рукописях евангелист открывает этот эпизод словами «в тот час…» (ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ), тогда как в других источниках там появляется «в тот день…» (ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ)[353]. Подобным образом Ориген выделяет два разночтения в Евр 2:9 — «отдельно от Бога» (χωρὶς θεοῦ) или «по Божией благодати» (χάριτι θεοῦ), но не берется судить, какое из них верно, поскольку находит оба духовно значимыми.

В других случаях Ориген прямо говорит о своем предпочтении того или иного разночтения, но зачастую его выбор определяется соображениями далеко не текстологического свойства. Так, варианту «Иисус Варавва» он предпочитает «Варавву» без имени «Иисус» (Мф 27:16–17), искренне считая, что этим никогда не нарекали злодеев[354]. Опять же, широко известно, что при выборе между двумя вариантами Ориген предпочитал называть место, где крестил Иоанн (Ин 1:28), Вифаварой, а не Вифанией, по географическим и этимологическим причинам[355]. Те же причины обусловили выбор названия «Гергеса», а не «Гераса» или «Гадара» — название того места, где бесы вселились в стадо свиней[356]. К другой группе относятся случаи иного рода — когда Ориген, столкнувшись с какими-либо экзегетическими затруднениями, выводит из них предположение, что, возможно, все рукописи его времени были испорчены[357].

С современной точки зрения, св. Иероним (ок. 347–420 гг.) был более проницательным текстологом, чем Ориген. Он хорошо понимал, какие виды ошибок могут возникнуть в результате переписывания рукописей. Например, он говорит о возможности смешения похожих букв, смешения аббревиатур, случаях диттографии и гаплографии, перестановки букв, ассимиляции, транспозиции и намеренных эмендациях, сделанных писцами[358]. Несколько ярких примеров показывают, сколь неподдельным был его интерес к текстологическим проблемам. В предисловии к исправленному тексту латинских Евангелий, адресованному папе Дамасу, по настоянию которого он и взялся за эту работу, Иероним пишет, что для текстуальной базы проделанной ревизии были избраны более старые греческие рукописи. В другой раз в письме к Минервию и Александру[359], двум тулузским монахам, обратившимся к нему с просьбой разъяснить некоторые места Священного Писания, Иероним говорит о нескольких формах текста 1 Кор 15:51 («не все мы умрем, но все изменимся») и указывает, что отдает предпочтение чтению «мы все умрем, но не все изменимся». В своем «Диалоге против Пелагиан»[360] Иероним утверждает, что в

некоторых списках, и особенно в греческих кодексах, в последней главе Евангелия от Марка имеется обширное дополнение. Иероним не говорит, где он нашел эти рукописи, и вплоть до XX в. не было известно ни одной его копии. Только в наше время это место обнаружилось в греческой рукописи, купленной Чарльзом Л. Фриром (Freer) из Детройта у арабского торговца в Гизе близ Каира (о переводе этого дополнения см. выше).

Хотя св. Августин (354–430) был в первую очередь богословом, он в некоторых случаях проявлял живой интерес к решению текстологических задач. Так, когда в Евангелии от Матфея (27:9) цитата из Книги Захарии приписывается авторству Иеремии, Августин пишет:

> нужно вначале обратить внимание на то, что Иеремии приписывается данное место далеко не во всех евангельских рукописях и что в некоторых из них просто говорится, что данное высказывание принадлежит пророку. Следовательно, можно быть уверенным, что достойны следования те из рукописей, которые не упоминают имя Иеремии; ибо слова эти были несомненно произнесены пророком, однако же пророком этим был Захария…

Тем не менее, Августин с похвальной прямотой заявляет, что его самого подобное объяснение не удовлетворяет, поскольку «большинство рукописей называет имя Иеремии, и те, кто изучал Евангелие по греческим спискам прилежней обычного, говорят нам, что таковое чтение они обнаружили в более древних рукописях». Вслед за этим Августин почти сформулировал критический канон, предписывающий отдавать предпочтение более сложному чтению:

> Из дальнейших доводов я вижу еще и тот, что не было причин, по которым это имя могло быть вставлено [в оригинальный текст при позднейшем переписывании] и тем самым исказить его; тогда как имелись вполне понятные причины для того, чтобы изъять это имя из столь большого числа рукописей. Ибо сделать это с готовностью могло бы бесцеремонное невежество (*audax impritia*), озадаченное отсутствием этого отрывка у Иеремии[361].

В другой раз Августин предлагает сделать выбор в пользу тех чтений, которые используются при главных епископских кафедрах, предвосхищая тем самым теорию локальных текстов Б. Х. Стритера (см. ниже). Он пишет: «Если новозаветные книги озадачивают столь большой пестротой их латинских переводов, то они должны уступить место греческим версиям, в особенности тем, которые используются в церквах, отмеченных большею ученостью и знаниями»[362].

В Средние века, когда знание греческого языка упало до низшего уровня, усилия текстологов в основном были направлены на очищение текста Вульгаты Иеронима. Можно было, пожалуй, ожидать, что в этот вариант текста наряду с обычными ошибками, возникающими при переписывании, вновь войдут и некоторые старолатинские чтения, выброшенные Иеронимом из своей редакции текста. (Подробнее см. выше). Произведения таких авторов, как Гилберт Порретанский и Петр Ломбардский, содержат спорадические комментарии, отражающие почерпнутые у Иеронима и Августина, относительно того, как по-гречески звучит то или иное латинское выражение из Писания[363].

В эпоху Возрождения, когда начинает распространяться знание греческого языка, ученые берутся за исправление латинской Вульгаты по греческому оригиналу. В своих библейских примечаниях Эразм и Беза весьма часто делают ссылки на имеющиеся в греческих рукописях разночтения. Как уже отмечалось выше в третьей главе, первой английской Библией, которая содержала перевод вариантов из греческих рукописей (включая Кодекс Безы), была Женевская Библия 1560 г., подготовленная Вильямом Уиттингэмом и другими английскими эмигрантами, жившими в Женеве. Например, в этой Библии на полях напротив Деян 15:29 было отмечено Золотое правило в отрицательной форме, а также буквальный перевод западного типа Деян 19:9, согласно которому Павел проповедовал ежедневно в училище Тиранна «с пятого до десятого часа»[364].

Первым ученым, который воспользовался всеми тремя группами свидетельств о тексте Нового Завета, то есть греческими рукописями, ранними переводами и цитатами из отцов церкви, был, вероятно, Франциск Лукас из Брюгге (Fracis Lucas Brugensis), использовавший этот материал в своем труде *Notationes in sacra Biblia, quibus variantia… discutiuntur* (Antwerpen, 1580). Ближе к концу XVII в. научные основы текстологии Нового Завета были изложены в четырехтомном труде Ришара Симона (Richard Simon, 1638–1712), французского ученого-католика, в библейских изысканиях намного опередившего свое время. Тома эти носили следующие названия: *Histoire critique du texte du Nouveau Testament* (Rotterdam, 1689); английский перевод: *Critical History of the Text of the New Testament* в двух частях (London, 1689); *Histoire critique des versions du Nouveau Testament* (Rotterdam, 1690); английский перевод: *Critical History of the Versions of the New Testament* (London, 1692); *Histoire critique des principaux commentateur du Nouveau Testament*, в двух частях (Rotterdam, 1693) и *Nouvelles observations sur le texte et les versions du Nouveau Testament* (Paris, 1695). Не испытывая пиетета к традиционным догматическим представлениям своего времени, Симон критически рассматривает Библию как литературное произведение. Его труды отличаются глубиной и меткостью суждений; он в деталях предвосхищает выводы, которые будут сделаны учеными спустя два-три столетия.

ГЛАВА 6
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ТЕКСТОЛОГИИ

I. Классический метод текстологии

Текстологический метод, широко применяющийся при издании произведений античной греческой и римской литературы, состоит из двух этапов — рецензии и эмендации. *Рецензия* — это изучение всего имеющегося в наличии текстуального материала с отбором наиболее достоверных свидетельств, для восстановления текста. *Эмендация* — это попытка исключить из текста ошибки, которые присутствуют даже в самых лучших рукописях[365].

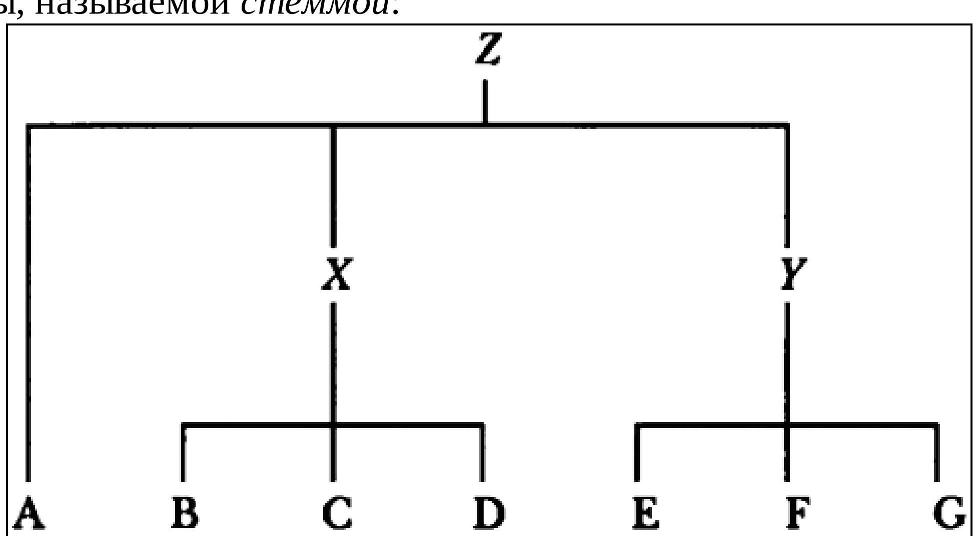
Создание классического метода в текстологии относится к эпохе Возрождения и следующим за ним векам, когда общее внимание было привлечено к поддельным папским декреталиям. Встал вопрос о предполагаемых фальсификациях в церковной истории и о том, насколько достоверны грамоты об основании некоторых монашеских орденов. Жало научной критики было отточено также на большом числе подделок, которые начали появляться в тот период — так, некто Джованни Нанни (или Иоанн Анний, Joannes Annius 1432–1502), доминиканский монах из Витербо, сфабриковал семнадцать подложных произведений, которые он пытался выдать за труды античных писателей[366].

Более смелый подход к критическому изучению церковных документов нашел выражение в XVI в. в деятельности Матиаса Флация (Flacius) и группы лютеранских ученых, создавших известные «Магдебургские центурии». Они впервые описали историю церкви с протестантской точки зрения. В 1675 г. ученый-иезуит Даниэль Папеброх (Papebroch) навлек на себя гнев бенедиктинцев из-за того, что поставил под сомнение подлинность грамот об основании некоторых бенедиктинских монастырей. Образованные бенедиктинские монахи конгрегации св. Мавра приняли этот вызов, и, стремясь опровергнуть доводы Папеброха, основали новую науку — *палеографию*, которая датирует рукописи по манере письма и другим признакам. Первым трактатом, который систематизировал палеографию латинских официальных документов, стал монументальный труд мавриста Жана Мабильона (Jean Mabillon, 1632–1707) под названием *De re diplomatica* (Paris, 1681). Палеографическую разработку греческих рукописей начал другой бенедиктинец, Бернар де Монфокон (Bernard de Montfaucon, 1655–1741), издавший книгу *Palaeographica graeca* (Paris, 1708).

Начало применению новых критических методов в издании античных текстов положили трое немецких ученых: один из основателей классической филологии Фридрих Вольф (Friedrich Wolf, 1759–1824), Иммануил Беккер (Immanuel Bekker, 1785–1871) и Карл Лахманн (Karl Lachmann, 1793–1851). Беккер посвятил свою долгую жизнь подготовке критических изданий греческих текстов. Общественный переворот, вызванный Французской революцией, привел к тому, что в публичные библиотеки было передано множество рукописей, до того хранившихся в частных руках; это позволило создать обширные колляции манускриптов более древних, чем те, что ранее были доступны исследователям. Беккер сделал колляции около 400 рукописей, объединил существующие рукописи каждого автора в группы и семьи, показав происхождение более поздних кодексов от более ранних, и издал исправленные тексты греческих авторов в 60 томах. Как было сказано выше (см.), Лахманн в

своих исследованиях продвинулся дальше Беккера и показал, каким образом можно сделать те или иные выводы об утраченных архетипах существующих рукописей, их состоянии и даже пагинации.

Основной принцип, лежащий в основе построения родословной рукописей, или *стеммы*, состоит в том, что за редким случайным исключением идентичность чтений в разных рукописях подразумевает идентичность их происхождения. Для наглядности представим, что имеется семь рукописей какой-либо древней книги и что в определенном месте в трех из них отсутствует предложение, которое, тем не менее, есть в других четырех. Имея в виду данное обстоятельство, мы можем предположить: либо источник, общий для трех рукописей, исключил это предложение, либо его прибавила рукопись, с которой были скопированы остальные четыре. Далее, предположим, мы обнаружили, что рукописи демонстрируют совпадение в одних и, наоборот, несовпадение в иных деталях, так что одна из семи рукописей (обозначим ее A) во многом отличается от других шести, тогда как B, C и D, с одной стороны, и E, F и G — с другой, очень похожи. Мы можем сказать, что B, C и D образуют семью с гипотетически общим предком, которого обозначим буквой *X*, а E, F и G образуют другую семью с гипотетическим общим источником *Y.* Чтения *X*, которые можно установить, сравнив чтения BCD, будут считаться более ранними и авторитетными, чем отдельно взятые чтения из B, C или D. То же будет справедливо и в отношении чтений *Y*, установленных из сравнения E, F и G. Однако, на самом деле, можно сделать шаг еще дальше в глубь традиции и сравнить чтения *X* и *Y* друг с другом, и каждого из них с A и, таким образом, выявить чтения еще более раннего источника (назовем его *Z*) — гипотетического архетипа всех имеющихся рукописей. Все вышесказанное можно представить в виде следующей схемы, называемой *стеммой*:

Из сказанного следует, что какое-либо общее чтение, присутствующее в B, C и D, нельзя счесть втрое более правильным, чем вариант из A. На самом деле, очевидно, что при прочих равных, вероятность, того, что чтение в B, C и D окажется правильным, составляет 50 на 50 — ведь совпадения B, C и D указывают на рукопись *X*, которая так же далеко отстоит от архетипа *Z*, как и рукопись A. Таким образом, вместо того, чтобы механически подсчитывать число рукописей, поддерживающих данное чтение, издатель должен оценить их значимость в соответствии с тем, как рукописи соотносятся между собой.

Однако зачастую построению стеммы препятствуют определенные трудности. Приведенный выше пример заведомо прост — линии передачи текста от более ранних

рукописей к более поздним не смешиваются и не пересекаются. Но если писец работал с двумя или более рукописями, или если он переписывал рукопись с одного варианта, а затем правил ее по списку, относящемуся к другому изводу текста, простота стеммы исчезает. Чем более смешанным является происхождения текста в каждой конкретной рукописи, тем запутаннее становятся генеалогические связи между разными рукописями, и тем сложнее оказывается задача исследователя[367].

Среди тех филологов-классиков, кто занимался текстуальной критикой греческих и латинских текстов, разрабатывая методологию и исследуя ее применение на практике, особого внимания заслуживает Мартин Л. Уэст (West), член оксфордского Юниверсити-колледжа. Известное германское издательство Б. Г. Тойбнера, специализирующееся на издании классических текстов, пригласило Уэста, который к тому времени уже стал известен как издатель греческой поэзии, написать учебник текстологии для будущих филологов. Книга должна была на практике обучить будущих издателей азам профессии и заменить в этом старое пособие Мааса (см. прим. 365). Маас подчеркивал значение стеммы и ее построения как одного из важнейших аспектов текстологии и считал контаминацию — иными словами, присутствие в одной и той же рукописи разночтений, восходящих к двум или более ранним рукописям — весьма прискорбным отклонением, с которым, увы, бороться было невозможно. Пытаясь восстановить утраченный баланс, Уэст обсуждает контаминированные традиции в особых разделах своей книги, выбирая примеры из всех эпох и жанров, от Гесиода до Овидия и Апулея, и дает читателю советы о том, как следует решать различные текстологические проблемы[368].

Несколько других ученых внесли свой вклад в разработку классического метода текстологии. Э. Дж. Кенни, член кембриджского колледжа Питерхауз, в опубликованных им Сэзерских лекциях (Sather Lectures) дает ожидаемо широкий и разработанный взгляд на проблемы, связанные с эмендацией текста в том виде, в каком ее практиковали предыдущие поколения ученых[369]. Кенни ссылается на мнение А.-Л. фон Шлёцера (von Schlözer), который настаивал на том, что текстологическая методика не составляет собой всё содержание науки, и утверждал, что «в критике всегда есть нечто, неподвластное правилу, ибо в определенном смысле всякий случай исключителен»[370]. По мнению Кенни эти слова Шлёцера «заслуживают запоминания и повторения, поскольку в них заключен единственный универсальный и непреложный принцип текстологии, какой только был когда-либо сформулирован».

Роберт Ренехан в своей книге, которую он называет практическим руководством по текстуальной критике[371], выбирает из античных сочинений разного времени и жанра 82 отрывка, в которых «есть какая-то ошибка, которая должна быть исправлена критиком». Тем не менее, довольно часто Ренехану приходится признать, что добиться полной ясности невозможно, и ему остается лишь перечислить все возможные альтернативы среди рукописных разночтений и конъектур, предложенных филологами. Читатель довольно быстро понимает, что если один издатель счел какое-либо чтение производным от другого и в силу этого выбросил его из текста, то другой, проделав все те же манипуляции, счел производной ту или иную рукопись в целом.

II. Выступления против классического метода в текстологии

1. Жозеф Бедье

На протяжении XX столетия генеалогический метод в некоторых научных кругах подвергался критике; иные полностью от него отказывались, другие же резко сужали область его применения. К числу тех, кто не признавал метода как такового принадлежит Жозеф Бедье (Bédier), издатель нескольких средневековых документов. Во время подготовки очередного издания *Le lai de lòmbre par Jean Renart* (Paris, 1913) Бедье объявил, что перестал доверять генеалогическому методу по следующим причинам. Во-первых, применение этого метода на практике почти всегда приводило к тому, что генеалогия источников образовывала генеалогическое древо с двумя ветвями (это обстоятельство вызывало у Бедье подозрение, что издатели просто втискивают данные в заданную модель). Во-вторых, одни и те же доводы в классификации рукописей позволяли с равной степенью уверенности обосновать совершенно разные стеммы. Собственный метод Бедье состоял в том, чтобы, исходя из критериев грамматической целостности, связности смысла, простой и правильной орфографии, выбрать рукопись, которая кажется наиболее достоверной, а затем эклектично привлекать другие рукописи для исправления тех или иных разрозненных чтений в так называемой основной рукописи[372].

Среди исследователей Нового Завета, которые разделили скептическое отношение Бедье к генеалогическому методу, можно выделить Леона Ваганэ и Эрнста Кэдмана Колуэлла. Первый утверждал, что «применительно к новозаветным текстам этот [генеалогический] метод бесполезен»[373]. Второй высказывался осторожнее:

> генеалогический метод нельзя назвать наиболее важным в науке… При его помощи можно схематично выразить лишь историю передачи текстов в течение узкого периода на небольшой территории. Но в более широкой области, где ставятся более сложные вопросы, этому методу еще только предстоит доказать свою незаменимость для реконструкции подлинного текста греческого Нового Завета[374].

Оценивая справедливость критики Бедье, необходимо заметить, что существует вполне невинное объяснение того, почему почти все родословные образуют две ветви. Ведь с математической точки зрения, как заметил Маас, «нельзя забывать, что соотношение трех рукописей предполагает двадцать две возможные стеммы, из которых лишь одна образует три ветви»[375].

Второй довод Бедье против лахманновой методологии отдаленно напоминает справедливую критику лишь в том случае, мы сочтем, будто рукопись есть раз и навсегда зафиксированная сущность, неизменная как отпечатанная книга. Но выйдя из-под пера писца, она, напротив, продолжает жить и подвергаться изменениям — об этом свидетельствуют многочисленные вычеркивания, исправления, добавления, глоссы и читательские замечания на полях[376]. Следовательно, необходимо принимать во внимание то, что может быть названо последовательными «этапами образования рукописи»[377], а равно нельзя исключать и смешанное происхождения текста из нескольких источников.

Дезориентирующая неясность, которая возникает из-за того, что классификация одного

и того же набора рукописей может оказаться разной, но все варианты будут одинаково убедительными, не может стать причиной для полного отказа от разработанного Лахманном метода. Учитывая, что некоторые рукописи имеют более одного предка, текстолог вправе, не впадая ни в одну из крайностей, сочетать в своей работе элементы и эклектического метода Бедье, и генеалогического подхода классической текстологии. Предположим, что существует пять рукописей A, B, C, D и E, происхождение которых неясно. Мы не можем сказать, например, что A B C образуют одну семью с общим предком, а D E — другую семью. Сравнительный анализ покажет, тем не менее существуют определенные характерные чтения, обще для группы A B C, но отсутствующие в D и E. Результаты анализа показывают, что в той степени, в какой речь идет об этих чтениях, можно говорить о некоей рукописи с такими чтениями, которая была одним из предков для рукописей A, B и C в их общей родословной, хотя в остальных отношениях их происхождение может быть смешанным.

Следовательно, можно сделать вывод: несмотря на то, что новозаветные рукописи имеют во многом смешанное происхождение, предпочтительной задачей текстолога станет выявление среди рукописей более или менее близких групп[378]. Такая процедура ясно показывает, что тип текста Нового Завета, который носит название византийского текста или койне, является вторичным и характеризуется теми признаками, которые с классической наглядностью выделил Хорт (см. выше). Более того, наличие общих для меньших групп аномалий в расположении отрывков доказывают и существование таких групп, и из общее происхождение от общего архетипа, который на определенном этапе пережил подобное перемещение текста — например, расположение *pericope de adultera* после Лк 21:38 в сем. 13[379].

2. Альберт К. Кларк

Одна из аксиом классической текстологии формулируется так: *brevior lectio potior*, иными словами, из двух разночтений оригинальным с большей вероятностью окажется более короткое. Это правило, равно признававшееся и филологами-классиками и библеистами, оспорил в 1914 г. в своей инаугурационной лекции Альберт Кёртис Кларк, профессор латинского языка оксфордского колледжа Корпус Кристи[380]. Изучение рукописей, содержащих речи Цицерона, привели Кларка к мысли о том, что случайные потери текста при переписке были гораздо более распространены, нежели сознательные интерполяции. Четыре года спустя Кларк опубликовал обширное исследование о происхождении рукописей (*The Descent of Manuscripts*. Oxford, 1918), в котором показал, что многие пропуски в классических текстах кратны числу букв, помещавшихся в строке средней длины. В ситуации, когда имеется два варианта, более длинный и более короткий, появление второго почти всегда можно объяснить тем, что писец пропустил одну строку или несколько из экземпляра, с которого переписывал. Как объясняет Кларк, «текст подобен путешественнику, который переезжает с одного постоялого двора на другой, теряя при каждой стоянке что-нибудь из поклажи»[381].

Кларк применял сформулированный им принцип *longior lectio potior* («более длинное чтение вероятнее») к тексту Евангелий и Деяний Апостолов[382]. В результате более длинная

западная форма текста, заняла гораздо более важное место, нежели ей отводилось Весткоттом и Хортом. Если Хорт не видел никакой пользы в западном тексте, то для Кларка достоинств был лишен нейтральный текст как появившийся, по мнению ученого, в результате случайных пропусков многих строк средней длины.

Теорию Кларка о случайных допущенных писцами пропусках обильно критиковали многие известные текстологи, такие как Сэнди (Sanday), Сутер (Souter) и Кеньон[383], который, в частности, указывал, на несколько обстоятельств. Во-первых, вариативность в длине строк разных рукописей делает метод подсчета букв надежным лишь в очень коротких отрывках; во-вторых, тезис о случайных пропусках не принимает во внимание, что такие пропуски обычно приводили бы к нарушению смысла текста; в-третьих, большинство текстуальных вариантов подразумевает не пропуски, а различные формулировки одной и той же мысли; и наконец, очень узкие столбцы текста, которые являются необходимым условием для теории Кларка, крайне редко встречаются в ранних папирусах (этот аргумент приобретает все больший вес по мере того, как в оборот вводится все больше и больше папирусов с относительно широкими столбцами столбцах). Более того, условия передачи евангельских повествований во многом отличались от того, как и кем переписывались цицероновы речи против Верреса. Церковь сохранила много преданий о делах и высказываниях Христа, которые не получили отражения в Евангелиях (ср. Ин 21:25). Не стоит удивляться, что подобные тексты проникали в Евангелия двумя путями — либо в том случае, когда переписчик вносил в основной текст пометы на полях более старых рукописей, либо из устного церковного предания.

В изданной позднее книге о западном типе текста Деяний Кларк вновь вернулся к этому спору[384]. На сей раз он практически отказался от теории случайных пропусков и возродил в науке гипотезу выдвинутую еще в XVII в. Жаном Леклерком (Leclerc), о том, что сам Лука был автором двух вариантов Деяний Апостолов. Эта гипотеза поднимает проблему на уровень соотношения двух авторских редакций, выводя ее из области простой передачи текста, и проверка данного предположения базируется на ином основании, нежели принципы текстологической науки. Единственное, о чем здесь следует сказать: для текстолога-новозаветника будет весьма поучительно сравнить тенденции в развитии текстологии «Илиады» и «Махабхараты», двух великих национальных эпосов древности, чья текстуальная передача позволяет провести определенные параллели с передачей Евангелий. Текстологи, изучающие оба литературных корпуса, имевших почти религиозное значение, убеждены, что обе поэмы являются непрерывно растущими текстами, и ни один из писцов не стал бы сознательно вычеркивать сколько-нибудь значимую часть текста[385].

Относительно недавно тезис *brevior lectio potior* был вновь оспорен, по крайней мере, в том, что касается древнейших рукописей Нового Завета. Тщательно исследовав папирусы, Джеймс Ройс пришел к выводу о том, что на самом раннем этапе передачи текста действовала иная тенденция поведения писцов, иными словами, переписчики дошедших до нас папирусов с большей вероятностью выбрасывали часть текста, нежели дополняли его [386].

III. Местные тексты и древние издания: Бёрнетт Хиллман Стритер

Ученым-новозаветником, который в полной мере использовал методы классической текстологии, был Б. Х. Стритер (Streeter), выпустивший в 1924 г. книгу «Четвероевангелие: исследование его происхождения» (*The Four Gospels, A Study of Origins*), в которой прекрасно сочетаются основательность знаний, богатое воображение и изящный литературный стиль. Взяв за основу классический труд Весткотта и Хорта, Стритер усовершенствовал их методологию, опираясь на рукописные данные, введенные в оборот после 1881 г. Восприняв идею, впервые провозглашенную Й.-Л. Гугом (Hug), Стритер сделал акцент на том, сколь важно изолировать формы текста, бытовавшие в крупных центрах раннего христианства. Используя сведения, взятые из цитат в произведениях отцов церкви, он разграничил и идентифицировал характерные формы новозаветного текста, которые установились при основных епископских кафедрах древней церкви. Примерно к 200 г. эти местные тексты, как считал Стритер, далее всего отошли друг от друга и их различия отразились в древнейших версиях сирийского, латинского и коптского перевода. Весьма вероятно, что наиболее древние формы этих трех текстов были сделаны с греческих текстов, которыми пользовались, соответственно, в Антиохии, в Риме и в Александрии.

Помимо данных трех форм текста, анализ данных из кодекса Коридети (Θ) и некоторых произведений Оригена и Евсевия привел Стритера к необходимости постулировать существование так называемого кесарийского типа текста Евангелий, к которому также принадлежат семьи 1 и 13. Рукописи, которые Весткотт и Хорт относили к нейтральной и александрийской группе, Стритер объединил в один тип, назвав его александрийским. Переименовав сирийский тип текста в византийский, Стритер согласился с выводом Весткотта и Хорта о том, что этот извод появился в IV в. благодаря трудам Лукиана Антиохийского по проведению рецензии текста и был принят в Константинополе примерно около 380 г.; именно он стал основным Новым Заветом грекоязычных церквей и впоследствии лег в основу Textus Receptus. Следовательно, доказывал Стритер, можно пренебречь чтениями, появившимися позднее V в. практически во всех случаях, кроме тех, когда они отличаются от господствующего текста византийского типа. С другой стороны, поскольку древняя форма текста могла сохраняться даже до сравнительно позднего времени в местностях, отрезанных от остального христианского мира, приоритет в выборе рукописей зависит не столько от их возраста, сколько от происхождения.

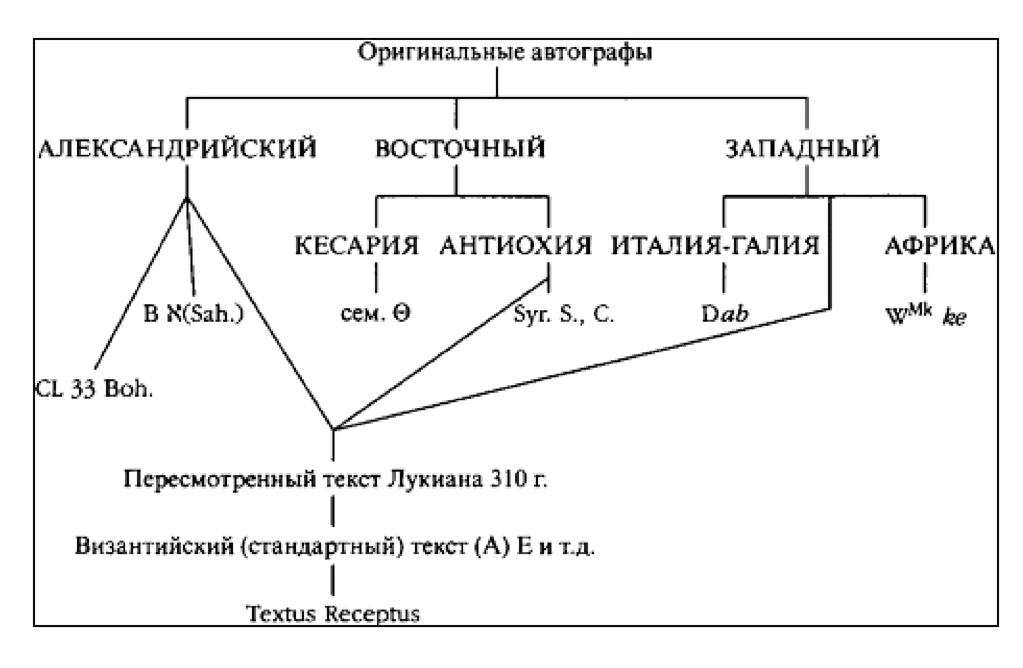

Схема 1. Стемма, иллюстрирующая теорию местных текстов Стритера (приводится по книге Streeter B. H., *The Four Gospels*, p. 26).

Отношения между местными текстами, употреблявшимися в пяти церквах: в Александрии, Кесарии, Антиохии, Италии и Галлии, а также Карфагене, могут быть представлены в виде ступенчатой схемы, организованной по принципу географической близости текстов в рамках восточного Средиземноморья. Стритер формулирует этот принцип следующим образом:

> Каждая рукопись, входящая в ту или иную последовательность, содержит чтения, характерные для нее одной, однако каждая рукопись при этом демонстрирует куда большую близость к своим непосредственным соседям, нежели к более отдаленным. Поэтому B (Александрия) имеет много общего *с семьей (Θ)* (Кесария); *семья (Θ)* имеет много общих характерных чтений с Syr. S. (Антиохия); Syr. S., в свою очередь, имеет определенную связь с D *b a* (Италия и Галлия); и наконец, возвращаясь обратно по кругу, мы видим, что *k* (Карфаген) в определенном смысле является промежуточным звеном между D *b a* и B (вновь Александрия)[387].

На схемах 1 и 2 буквально воспроизведены заимствованные из книги Стритера стемма и таблица, которые, соответственно, показывают соотношения между несколькими местными текстами и важнейшие источники каждого из этих типов. Некоторые практические выводы, которые вытекают из теории местных текстов Стритера, сам ученый формулировал так:

> 1. Текстолог, оценивая количество внешних данных для принятия того или иного разночтения, должен в первую очередь учитывать не количество или возраст рукописей, содержащих данный вариант, а количество и географическое распределение древних местных текстов, в которых он может прослеживаться.

	Александрия	**Антиохия**	**Кессария**	**Италия и Галлия**	**Карфаген**
Свидетельства первостепенного значения	B	Syr. S.	Θ565^{Mk}	D	*k*$^{Mk, Mt}$
Свидетельства второстепенного значения	א L Sah. Boh.	Syr. C.	1 &c. 13 &c. 28 700(W^{Mk}.) Old Georgian	*b a*	(W^{Mk}) *e*
Свидетельства третьестепенного значения	C, 33, W$^{Lk\ Jn}$ Δ^{Mk} Ψ^{Mk} *Frags.:* T$^{Lk\ Jn}$ *Z*^{Mt} Ξ^{Lk}	Syr. Pesh. (Arm.)	1424 &c. 544 N-Σ-O Φ 157	*ff*^{2} *b*^{Mt} *i r c* $^{Mt, Jn}$ *Frag.: n*	c$^{Mk, Lk}$ (cf. *a*)

Дополнительные свидетельства	$579^{Mk\ Lk\ Jn}$ 892 1241X	Syr. Hcl.Syr. Hier.	U Λ 1071 1604Old Arm.	*ff*, *g*, *l*, *q*(?) *f*	*m*
Патристические свидетельства	Ориген 230 Кирилл Александр. 430		Ориген 240 Евсевий 325	Татиан 170 Ириней 185	Киприан 250
1 &c. = 1—22—118–131—209—872^{Mk}—1278–1582—3193. **13 &c.** = 13–69—124–230—346—543–788—826—828–983—1689–1709. **1424 &c.** = 28 MSS., including M, cited by Soden as I^{Φ}. Byzantine Text: S V Ω; E F G H; (A, K Π, Y); (Γ); (W^{Mt}). ***Mixed Frags***. P Q R^{Lk} *N.B.* — **1 &c.** = *fam.* 1 = Sod. I^{η}; **13 &c.** = *fam.* 13 = Sod. I^{b}, Sod. I^{a} misleadingly includes D with Θ, 28, 544, 565, 700.					

Схема 2. Таблица источников местных текстов (Streeter B. H, *The Four Gospels*, p.108)

2. Следовательно, рукописи необходимо располагать не в алфавитном или количественном порядке, а по группам, соответствующим тем местным текстам, которые они представляют. В том случае, когда по крайней мере три основные рукописи любого местного текста поддерживают то или иное разночтение, весьма мало новой информации даст перечисление дополнительных свидетельств из рукописей, текст которых в тенденции совпадает с тем же самым местным изводом[388].

3. Хотя, как правило, нельзя добиться абсолютной ясности относительно второстепенных чтений, существует возможность восстановить евангельский текст, чья свобода от серьезных изменений или интерполяций гарантирована совпадением. Несмотря на то, что отдельные детали данного чтения не всегда обладают абсолютной достоверностью, выявить подлинный текст Евангелия можно, опираясь на то, как совпадают различные древние и независимые друг от друга версии текста[389].

Сегодня мало кто из критиков следует предложенному Стритером методу во всем. Большинство признает, например, что невозможно ни с уверенностью доказать существование кесарийского текста (см.), ни выделить ясно очерченные текстуальные

семьи, соотносящиеся с какими-либо центрами раннего христианства, кроме Александрии. В то же самое время, необходимо помнить, что Стритер сослужил науке ценную службу, показав, как классический метод классификации рукописей может быть использован для того, чтобы установить историю передачи текста — ибо выделить древнейшие формы текста можно только зная его историю.

IV. Альтернативные методы текстологии

1. Текст большинства

Конец двадцатого века принес с собой оживление интереса к византийскому типу текста. Его выказывали те, кто верил, что оригинальный текст лучше всего сохранен средневековыми рукописями, составляющими большинство всех дошедших до нас текстуальных источников[390]. Подобные взгляды есть отличительная черта небольшой, но весьма шумной группы критиков, которые, как и Дж. В. Бёргон столетием ранее (см.), отдают предпочтение «тексту большинства», отвергая мнение Хорта о том, что сирийский (или, иначе, византийский) тип текста представляет собой позднейшую рецензию, характеризующуюся менее ценными, вторичными чтениями, но напротив — веря в то, что Бог сохранил необходимую чистоту того типа текста, который стоит за Библией короля Иакова. Хиллс (Hills) пытался отстаивать даже подлинность *Comma Johanneum* (1 Ин 5:7–8)[391].

Другая группа ученых, также предпочитающих византийский текст, но признающих, что Textos Receptos представляет собой один из многих конкурирующих вариантов византийского текста, приводят аргументы на вид более утонченные[392]. Так, например, Морис Робинсон (Robinson) и Уильям Пирпонт (Pierpont) в своем издании «Новый Завет в его греческом оригинале согласно византийскому тексту или „Тексту большинства“» *(The New Testament in the Original Greek According to the Byzantine/Majority Textform)* провозглашают мнение, согласно которому «с точки зрения передачи текста, в отсутствии каких-либо радикальных и надежно зафиксированных сдвигов рукописной традиции, единая текстуальная форма должна была, как ожидается, господствовать в подавляющем большинстве рукописей»[393]. Отсюда они с уверенностью выводят, что с большей долей вероятности исходный текст должен был сохраниться именно в большинстве рукописей — а именно тех, которые «демонстрируют высокий уровень текстуального единообразия»[394].

Похожую позицию отстаивают Зейн Ходжес и Артур Фарстад, издатели «Греческого Нового Завета согласно тексту большинства». Аргументация их базируется на весьма схожих исходных теоретических предпосылках: «В любой [рукописной] традиции, которая не знала резких разрывов континуитета, индивидуальное чтение, возникшее ранее всего, скорее всего и окажется представленным в большинстве рукописей»[395].

Реальная история новозаветной рукописной традиции, однако же, была далека от нарисованной картины «непрерывной и ничем не потревоженной передачи текста». Во времена гонений на христиан императорскими указами прямо предписывалось отбирать и сжигать рукописи Нового Завета. К счастью, некоторые книжные собрания пережили

диоклетиановы попытки уничтожить христианскую литературу как таковую. Одним из таких собраний была богатейшая Кесарийская библиотека, которой пользовались Ориген, Евсевий и даже Иероним. Но и она была уничтожена мусульманами в 638 году. Дальнейшее распространение ислама в VII веке привело к тому, что под мусульманским господством оказались три из пяти древних патриархатов — Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский. Христианское население Северной Африки, Египта, Палестины, Сирии и Месопотамии резко сократилось. Все это, естественно, отразилось и на судьбе уже существующих и изготовлении новых библейских рукописей в данных регионах. Более того, хотя греческий язык и был некогда *lingua franca* Римской Империи, однако к шестому веку его едва понимали за пределами Византии. В силу этого верный вывод о том, что 90 % новозаветных рукописей содержат текст византийского извода, следует дополнять и другим, столь же верным — что созданы они были уже после того, как сфера употребления греческого языка сжалась до границ византийского государства.

Но и это еще не все. Существует эмпирическое доказательство того, что в новозаветной текстуальной традиции действительно происходили крупные переломы. Как было отмечено выше (см.), во многих случаях можно заметить, что отцы церкви цитируют варианты текста, которые некогда были весьма распространены, но до настоящего времени дошли в единичных рукописях или же полностью утрачены.[396] Подобное состояние дел совершенно исключает возможность решения текстологической проблемы простым перечислением количества рукописей, поддерживающих то или иное вариантное чтение. Вывод из всего сказанного таков: пусть даже и следует поблагодарить Пирпонта и Робинсона, с одной стороны, и Ходжеса и Фарстада, с другой, за то, что и те, и другие издали текст большинства в той его форме, какая гораздо более, нежели Textos Receptos, приближается к Новому Завету, которым по преимуществу пользовалась византийская церковь,[397] но их издания весьма далеки от того, чтобы воспроизвести оригинальный текст Нового Завета[398].

Промежуточную позицию в продолжающемся споре о византийском тексте занимает ныне покойный Гарри А. Стурз[399]. Этот ученый в своей книге отстаивал точку зрения, согласно которой византийский текст не является ни оригинальным, ни всецело вторичным; это ранняя независимая редакция, заслуживающая внимания и уважения в той же мере, что и александрийский или западный тип текста. Примерно треть книги Стурза представляет собой длинные списки, таблицы и схемы, позволяющие читателю проследить за тем, как в полутораста отрывках, взятых из всех книг Нового Завета, типично византийские чтения поддерживаются одним ранним папирусом или несколькими. Опираясь на подобные наблюдения, Стурз приходит к выводу о том, что византийский текст возникает как минимум во втором веке и представляет собой независимую текстуальную традицию.

К сожалению, среди примерно ста пятидесяти вариантов, приведенных Стурзом, весьма мало типично византийских. Большинство из них встречается и в невизантийских источниках текста. Далее, следует спросить себя: доказывает ли присутствие того или другого византийского чтения, что византийский текст существовал как текстуальный тип? Ведь последний подразумевает соединение определенных чтений в определенной характерной последовательности, в то время как ни об одном из изученных Стурзом папирусов нельзя сказать, что он содержит византийский текст как таковой. Существуют и другие серьезные доводы — например, почему каких-либо следов знакомства с данным

текстуальным типом не выказывает никто из отцов ранее Василия Великого и Иоанна Златоуста. Словом, вывод очевиден: Стурзу не удалось доказать, что византийский текст возник ранее IV века.

2. Последовательный эклектизм

Разочаровавшись в тех результатах, которые приносит в оценке разночтений опора на внешние свидетельства — поддержку со стороны отдельных рукописей, семейств рукописей и локальных текстов, — некоторые исследователи обратили свой взгляд на разночтения как таковые, надеясь отыскать среди каждого набора вариантов то чтение, из которого наиболее убедительным образом можно было бы объяснить появление всех прочих[400]. Для такого подхода придумывали разные определения, иногда называли «рациональной критикой»[401]. Прилагательное «рациональный» в данном контексте указывает не на иррационализм всех остальных подходов, а на то обстоятельство, что критик, пользующийся данным методом, занят по большей части отысканием рациональных причин, основанных на внутреннем значении каждого чтения, которые позволили бы доказать оригинальность одного чтения и вторичность всех остальных. Чаще такой подход назвали эклектичным[402], поскольку применяя его, текстолог уделяет меньше внимания тому, чтобы датировать рукопись и отнести ее к той или иной семье, вместо этого сосредотачиваясь на внутренних, или контекстуальных вопросах. Таким образом, издатель текста следует то одному, то другому набору свидетельств в соответствии с тем, что признается авторским стилем или случайностями переписывания. Доведенное до крайности пренебрежение внешними данными разночтений отчетливо проступает в осуществленных Полем Мазоном (Mazon) изданиях греческих классиков, где в аппарат включаются только разночтения сами по себе, без упоминания источников, из которых они заимствованы[403].

Ныне этот метод обычно называют «последовательным эклектицизмом» для того, чтобы отличать от «мотивированного эклектицизма» — наиболее распространенного метода текстологии, который предписывает выбирать наилучшее чтение, опираясь как на внешние, так и внутренние свидетельства. Последовательный эклектицизм, напротив, всецело озабочен авторским стилем и требованиями контекста. Такого метода, к примеру, придерживался Бернард Вайсс, готовя свое издание Нового Завета (см.). Сходным образом и К. Г. Тёрнер тщательно изучил словоупотребление Евангелия от Марка и реконструировал греческий текст 1 главы, исходя из стилистических признаков[404]. Среди прочего Тёрнер в результате своих исследований пришел к выводы о необходимости обращать больше внимания на чтения западной группы, даже в том случае, когда их поддерживают лишь немногие источники (например, *D* или одна из трех ведущих старолатинских рукописей, *k*, *e* или *a*)[405].

Некоторые ученые предпринимали схожие попытки проанализировать другие новозаветные книги с позиции последовательного эклектицизма. В том, что касается текстологии Павловых посланий, в особенности 1 Кор и Евр, интересующийся читатель многое может почерпнуть из фундаментальных, и вместе с тем ясно изложенных Швайхских лекций (Schweich Lectures) Гюнтера Цунца за 1946 год[406]. В отношении же Откр одним из

наиболее ценных разделов объемистой монографии Йозефа Шмида об истории греческого текста Апокалипсиса, является глава, которая рассматривает влияние особенностей его языка на текстологическую оценку разночтений[407].

Стилистический критерий, на который Тёрнер опирался, решая текстологические проблемы, получил новое признание в трудах Джорджа Д. Килпатрика, члена оксфордского Квинс-колледжа, и его ученика Дж. Кейта Эллиотта, преподавателя университета Лидса. Исследования Килпатрика по лексике и грамматике новозаветных книг были опубликованы частями в нескольких журналах[408], а его текстологические выводы нашли выражение в выпусках «Греко-английской двуязычной Библии для переводчика» (*A Greek-English Diglot for the Use of Translators*), выпущенной для частного использования Британским и Иностранным библейским обществом (*Mark*, 1958; *Matthew*, 1959; *John*, 1960; *The General Letters*, 1961; *Luke*, 1962; *The Pastoral Letters and Hebrews*, 1963; *Romans and 1 and 2 Corinthians*, 1964). Из двух или более разночтений Килпатрик обычно выбирал более соответствующее тому, что принято считать авторским стилем той или иной книги Нового Завета, независимо от датировки и характера внешних данных, поддерживающих данное чтение. В случае, когда об авторском стиле нельзя было сказать ничего определенного, ученый апеллировал к критерию аттицизма, ставшего одним из главных направлений в литературных кругах II в. Килпатрик утверждает, что переписчики во II в. внесли большое количество аттицизмов в новозаветный текст[409]. Следовательно, из двух чтений, одно из которых соответствует аттическим канонам, а другое — нет, Килпатрик был склонен предпочесть последнее, даже если в его пользу не было иных свидетельств. Чтобы обосновать свое безразличие к возрасту рукописи и другим внешним данным, Килпатрик заявлял, что примерно к 200 г. в текст было внесено значительное число сознательных изменений, а затем сформировавшиеся варианты текста воспроизводились переписчиками с большой точностью. Поэтому даже если какое-либо чтение сохраняется только в поздней минускульной рукописи, но соответствует авторскому стилю и не содержит аттицизма, Килпатрик был склонен признать его подлинным[410].

До какой степени Килпатрик был готов дойти в принятии чтений, внешние свидетельства в поддержку которых были весьма скудны, но в истинности которых ученый тем не менее не сомневался, поскольку считал, что их требуют внутренние причины, хорошо показывают следующие примеры из его греко-английского пособия для переводчиков Библии:

Мф 20:30 ἔκραζον подтверждается 118, 209, $Syr^{c\ pal}$.
Мф 22:1 опущено εἶπεν по E, Syr^{p}.
Мф 22:7 ἀκούσας δὲ ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος поддерживается 33.
Мк 5:11 τὰ ὄρη поддерживается 372, 485, Syr^{s}.
Мк 9:17 ἀποκριθεὶς αὐτῷ поддерживается C.
Мк 14:6 εἰς ἐμέ поддерживается 517, 579, *l*251, $Syr^{s,p}$, Eth.
Мк 14:31 ἐλάλει μᾶλλον поддерживается 574 и *k*.
Лк 9:51 ἐστήριζεν поддерживается 1241.
Ин 19:35 ἀληθής поддерживается ℵ,124, Chr.
Иак 2:18 ἔργων τὴν πίστιν μου поддерживается Syr^{h}.

1 Петр 2:11 ἀπέχεσθαι ὑμᾶς поддерживается Vulg, Сур.
2 Ин, стих 8 πλήρης поддерживается L, Dam.

Не вдаваясь в подробности можно сказать, что существует много доводов в поддержку благоразумного эклектицизма при занятиях текстологией, коль скоро ни одна рукопись и ни одна семья рукописей не сохранила оригинальный текст во всей его полноте. Бесспорно, текстолог должен обращать внимание на то, совпадает ли форма повествования со стилем данного автора или нет, поскольку, как однажды метко заметил Хаусмен: «Тот, кто влюбляется в одну рукопись и пренебрегает другой, со временем заражается безразличием к самому их автору»[411]. Вместе с тем нельзя проигнорировать неотъемлемые слабые стороны этого метода. Статистические данные, которые фиксируют особенности авторского стиля, иногда заимствуются из конкордансов, основанных на таких изданиях греческого Нового Завета, где правомерность многих чтений не выдерживает критики. Более того, даже если сведения об авторском стиле были изучены со всей научной основательностью, судить об их значимости для конкретного отрывка можно лишь с учетом того, что автор мог отступать от своего характерного стиля, а переписчик, знакомый с этим стилем — изменять отклоняющееся чтение, чтобы гармонизировать его с остальным текстом этого же писателя.

Вывод из сказанного выше будет таким: хотя текстологу может принести немало пользы рассмотрение особенностей литературного стиля у каждого из новозаветных авторов, стилистические критерии нельзя брать за основу оценки текстуальных разночтений, пренебрегая при этом внешними свидетельствами. Кроме того, придавать чрезмерное значение возрождению аттицизма в первые века нашей эры — значит, недооценивать то, как на койне этого периода влияли другие литературные и стилистические направления, некоторые из которых сознательно противопоставляли себя аттицизму[412].

V. Конъектурные исправления

Как мы уже говорили в начале главы, классический метод текстологии часто подразумевает применение в тексте конъектурных исправлений. Если имеющееся в нашем распоряжении единственное текстуальное чтение, или все те варианты, что дошли до нас в рукописной традиции, являются невозможными с той или иной точки зрения или дают неприемлемый смысл, то издателю остается лишь строить предположения о том, каким мог быть первоначальный текст. Такие предположения называются конъектурами.

Как правило, конъектура устраняет аномалию в тексте, но не надо забывать, что хотя одни аномалии появились в результате ошибок и искажений при рукописной передаче, а другие автор мог внести в текст намеренно или махнуть на них рукой[413]. Перед тем, как приступить к конъектурной правке, текстолог должен самым тщательным образом изучить стиль и образ мысли автора, чтобы выделить те из аномалий, которые совершенно чужды авторскому замыслу.

Конъектурное исправление текста временами доходило до абсурда. В одной из своих поздних работ Ричард Бентли, например, почти полностью отвергал значение рукописных свидетельств при выборе чтений, полагаясь в основном на собственную интуицию, которая должна была подсказать ему, что в данном месте должен был написать автор. Свой метод он

сформулировал так: *nobis et ratio et res ipsa centum codicibus potiores sunt*, что в переводе означает: «для меня и здравый смысл, и самый предмет изучения значат больше, чем сто рукописей». Следуя этому дерзкому принципу, Бентли внес немало поспешных исправлений, не выдерживающих никакой критики, но, с другой стороны, предложил немало ярких и убедительных конъектур. *Reductio ad absurdum* этого субъективного подхода можно найти в подготовленном Бентли издании мильтоновского «Потерянного рая», куда было внесено более 800 исправлений. Всякий раз Бентли был уверен: он восстанавливает то, что Мильтон на самом деле говорил (или намеревался сказать) когда диктовал поэму своим дочерям[414].

Чтобы конъектуру можно было признать хотя бы имеющей право на существование, она должна прежде выдержать двойную проверку, суть которой сходна с тем, как текстолог оценивает текстуальные разночтения в рукописях. Конъектура должна, во-первых, по своему внутреннему содержанию соответствовать контексту, а, во-вторых, должна объяснять появление неправильных или испорченных рукописных чтений в данном месте. Тем не менее, процедура оценки разночтений существенно отличается от оценки конъектур: из дошедших до нас вариантов мы выбираем тот, что лучше других выдерживает проверку, а от конъектуры требуется полностью соответствовать заявленным выше требованиям. Конъектура не поднимется выше определенного уровня правдоподобия («счастливая догадка»), не станет возможной или вероятно возможной, если она хотя бы немного не удовлетворяет требуемым условиям. Единственный критерий, по которому можно судить об удачной конъектуре состоит в том, что ее подтверждает только невозможность предложить никакой другой вариант исправления текста. Однако, если конъектура не является единственно возможной, она остается сомнительной.

Хорошей иллюстрацией того, насколько разной степенью правдоподобия могут обладать предложенные конъектуры к одному и тому же тексту, послужит нижеследующий пример из английской литературы[415]. Поскольку первыми печатниками в Англии зачастую были иностранцы, которые допускали в процессе своей работы иногда столь же грубые ошибки, как и их предшественники переписчики, по количеству трудных мест в своих сочинениях Шекспир вполне может конкурировать с Эсхилом. Издания in folio исторической драмы «Генрих V» (2 акт, 3 сцена) содержат такие слова хозяйки об умирающем Фальстафе: «his nose was as sharp as a pen and a table of Green Fields» («его нос был таким же острым, как перо и стол из Зеленых Полей»). Слова «стол из Зеленых Полей» («a table of Green Fields»), которые печатались с незначительной разницей в орфографии в изданиях инфолио, но были выброшены в изданиях in quarto, стали предметом многочисленных конъектурных исправлений. Поуп (Pope) предположил, возможно, с иронией, что это была сценическая ремарка, требующая принести один из столов Гринфилда (Greenfield), а сам Гринфилд был продавцом мебели, поставлявшим реквизит шекспировскому театру. Коллиер (Collier) предложил свой вариант: «on a table of green frieze» («на столе из зеленой ворсистой ткани»). Другой текстолог подумал, что самым подходящим вариантом будет — «as stubble on shorn fields» («как стерня на сжатых полях»). На сегодняшний день в изданиях принята конъектура «and a’ babbled of green fields» («шум зеленых полей»), которая, в свою очередь, является видоизменением предложенной Теобальдом (Theobald) очень удачной конъектуры, предложенной неизвестным

комментатором, который вместо слова «table» («стол») написал «talked» («говорил»)[416].

Делая конъектурное исправление, исследователи чаще всего грешат поспешностью. Наличие порченого текста у многих греческих и латинских классиков (а равно и в Новом Завете) часто постулировали, не имея для этого достаточных оснований, словно бы просто для того, чтобы очередной филолог мог блеснуть умом, предложив альтернативное чтение. Эта «жажда к исправлению» *(pruritus emendandi)* привела к тому, что текст Нового Завета было предложено изменить в буквальном смысле слова тысячами конъектур. Собранная Уильямом Бойером в XVIII в. коллекция таких исправлений (см.) во второй половине XIX в. была значительно пополнена целым потоком новых конъектур, которые в своих статьях и книгах обосновывали голландские ученые — В.-Х. ван Манен (van Manen), В.-Х. ван дер Санде Бакхёйзен (van der Sande Bakhuyzen), Д. Хартинг (Harting), С.-С. де Ку (de Koe), Х. Франссен (Franssen), Й.-М.-С. Бальон (Baljon), Й.-Х.-А. Михельсен (Michelsen), И. Крамер (Cramer) и другие[417].

В своем греческом тексте Нового Завета Весткотт и Хорт отметили около 60 мест, в которых оба издателя или один из них подозревали наличие «изначальной ошибки» («primitive error»), иными словами, ошибки, возраст которой превышает возраст сохранившихся источников; чтобы устранить ее, необходимо прибегнуть к конъектурному исправлению[418]. Как указывает Шмидель (Schmiedel)[419], издания Трегелльса, Тишендорфа и Вайсса содержат всего лишь по одному конъектурному исправлению: у Трегелльса в 1 Петр 3:7 на полях; у Тишендорфа в Евр 11:37; у Вайсса в Откр 18:14. Аппарат 24-го издания Греческого Нового Завета Нестле включает около 200 конъектур из различных источников, 90 из которых названы по имени ученых, первыми их предложивших. В 27-м издании присутствует 129 конъектур, из которых только одна не названа именем ученого, который ее предложил[420].

Следует признать теоретически правомерным применение по отношению к Новому Завету того метода, который многократно доказал свою необходимость для восстановления первоначального текста классических авторов. С другой стороны, количество данных для новозаветного текста — будь то рукописи, ранние переводы или цитаты из отцов церкви — настолько превосходит объем сведений о любом древнем авторе, что необходимость использования конъектурных исправлений сокращается до ничтожно малых величин[421]. Поэтому, хоть некоторые ученые на протяжении XVIII и XIX вв. и проводили время, изобретая тысячи возможных исправлений для различных мест Нового Завета, в современный период возобладала крайняя осторожность как в создании новых конъектур, так и в принятии уже имеющихся[422]. В самом деле, из всех предложенных разными учеными конъектур, содержащихся в издании Нестле-Аланда, лишь весьма немногие получили отражение в тексте или примечаниях к тексту различных современных новозаветных переводов и версий на английском, французском и немецком языках[423].

VI. Способы определить родственные отношения между рукописями[424]

С 1725 года, когда Иоганн-Альбрехт Бенгель впервые предположил, что существующие рукописи Нового Завета могут быть классифицированы «по сообществам, семьям, племенам

и народам» (см.), ученые признают необходимость установления родственных связей между дошедшими до нас рукописями. Во-первых, в ситуации, когда нам нужно сравнить несколько разночтений и определить древнейшее, совершенно невозможно исследовать каждую из тысяч имеющихся рукописей. Но делать этого и не нужно: поскольку рукописи объединяются в группы, можно сравнить лишь основных представителей каждой группы, чтобы установить, какое именно чтение будет общим для всех представителей этой семьи. Во-вторых, коль скоро мы объединяем рукописи в группы, исходя из их текста, возникает возможность сравнивать сами эти группы между собой в том случае, если чтение, общее для какой-либо одной группы, отличается от чтения, содержащегося в рукописях других групп. Опираясь на эти сопоставления, можно сделать вывод о том, что та или иная группа стоит ближе к оригинальному тексту, нежели другие. Так, например, если одна группа обычно содержит чтения, которые гармонизированы с параллельными местами или же является результатом конфляции разных других ветвей текстуальной традиции, то ценность такого семейства для установления оригинального текста будет, как правило, невелика. Поэтому, с точки зрения традиционного подхода к классификации, с того момента, как мы устанавливаем категории рукописей на основе их текстуального родства, эти группы могут уже учитываться и оцениваться как самостоятельные единицы и в этом качестве использоваться для принятия текстуальных решений.

Другой метод, которым пользуются текстуальные критики в работе с группами рукописей, состоит в том, чтобы рассматривать не превосходство одной группы над другой, а устанавливать то, в каком сочетании группы поддерживают или, напротив, отвергают какое-либо чтение. Например, вариация, присутствующая только в ранних александрийском и западном типах текста, обычно признается подлинной, поскольку эти две текстуальные группы относятся к раннему времени и не зависят друг от друга.

Хотя ученые широко признают, сколь ценным оказывается установление групповых связей между рукописями, научные критерии методы для данного разделения были установлены относительно недавно. В период, когда текстология только зарождалась, ученые устанавливали для рукописей классификацию ad hoc, сравнивая несколько ключевых чтений той или иной рукописи с чтениями отдельных других текстуальных свидетелей, которые, как считалось, представляли другие семейства или типы текста. Гораздо чаще колляции для той или иной рукописи были основаны на противопоставлении ее Textus Receptus; полученные разночтения затем сравнивались с другими рукописями, разночтения которых попали в различные *apparatus critici*. Подобная процедура была осмыслена для тех ученых, кто считал Textus Receptus оригинальным новозаветным текстом, ибо в этом случае все отступления от него окажутся «согласием в ошибке» и будут указывать на генеалогические связи между рукописями, в которых подобные отступления встречаются. После низвержения Textus Receptus в конце XIX века метод не утратил своего смысла. Ведь теперь вариации стали восприниматься как свидетельства о более древних формах текста, и рукописи стало можно группировать, опираясь на присутствующие в них разночтения.

В итоге же ученым пришлось признать, что подобная классификация рукописей изначально порочна, так как она не рассматривает большую часть доступной информации, оставляет вне поля рассмотрения значительную часть информации. Для исследователя было бы весьма обманчиво знать, что в одной из глав данная рукопись, допустим, в десяти местах

отличается от Textus Receptus, совпадая с B и א; ибо в в том случае, если B и א в той же самой главе отступают от Textus Receptus еще в 90 местах, то рассматриваемая нами рукопись будет демонстрировать весьма и весьма слабое сходство с александрийским типом.

Для того, чтобы ввести более точный метод анализа рукописей, Эдвард Хаттон в 1911 г. предложил опираться на то, что он назвал «тройными чтениями»[425]. Отобрав список вариантов, в которых расходятся рукописи трех типов текста — александрийского, западного и сирийского (византийского), Хаттон настаивал на том, чтобы впредь в основу анализа всех рукописей было положено выявление количества совпадений с каждым из этих трех типов текста.

С увеличением числа идентифицируемых групп текста исследователи пожелали достичь большей точности, нежели позволял им метод Хаттона. Э. К. Колуэлл при помощи М. М. Парвиса (Parvis) разработал свою собственную методику для определения отношений между рукописями, которая получила название метода множественных чтений. *Множественное чтение* определяется как такое чтение, у которого каждый из самое меньшее трех вариантов текста опирается как минимум на одну из главных ветвей традиции, либо на одну из ранее установленных групп (такой как семья 1, семья π, группа Феррара, K^l, K^i, K^r), либо на один из древних переводов (таких как af, it, sy^s, sy^c, bo или sa), или же на отдельную рукопись, которая по общему признанию, стоит особняком среди других (например, D)[426].

Колуэлл применил данные характеристики множественного чтения к пробному отрывку текста (Ин 1:1–4:40) и обнаружил 22 примера таких множественных чтений. Сводя в одну таблицу все примеры, в которых мы делаем колляцию вновь найденной рукописи с другими источниками в местах, содержащих множественные чтения, можно многое узнать о степени сложности данной рукописи в текстологическом отношении.

Ограниченность этого метода (по крайней мере, если взять названный выше отрывок из Евангелия от Иоанна), состоит в том, что число исследованных примеров относительно невелико по сравнению с объемом изучаемого текста. Вполне вероятно, что та или иная рукопись может последовательно согласовываться с тем или иным типом текста в большинстве из 22 отрывков, взятых из 152 стихов Ин 1:1–4:40, но ничто не мешает ей отклоняться от него в куда большем числе мест из оставшихся 130 стихов, которые не представлены множественными чтениями.

В конечном счете, более продуктивным в деле классификации рукописей оказался другой вариант решения этой задачи, также сформулированный Колуэллом и получивший название «квантитативный метод текстуального анализа»[427]. Колуэлл указывал, что классификация новозаветных рукописей по признаку того, насколько далеко они отходят от Textus Receptus, явно однобока, ибо она не учитывает тех примеров, в которых рукописи согласуются друг с другом в чтениях, не отклоняясь при этом от Textus Receptus. Ученый утверждал, что «текстуальные типы» (т. е., текстуальные группы в широком смысле слова) можно установить, сопоставив рукописи с каким-либо базовым текстом (им мог быть и Textus Receptus, и любой другой) и затем сравнив, сколько раз каждая конкретная рукопись совпадает или не совпадает с остальными в генетически важных местах, т. е. тех, которые признаются ключевыми для отнесения того или иного источника к конкретному текстуальному типу (иными словами, из полученного результата надо исключить такие

несущественные детали, как подвижное *ν* или замена *ουτω* на *ουτως* и наоборот). По мнению Колуэлла, для того, чтобы группа источников была признана текстуальным типом, они должны были совпадать примерно в 70 % генетически важных вариаций; один тип от другого при этом отделяет граница из примерно 10 % несовпадений в тех же генетически важных местах.

Для того, чтобы решить связанный с этим вопрос о том, по каким критериям следует отнести новооткрытую рукопись к одной из уже известных текстуальных семей, Колуэлл предложил сходную процедуру. Следует произвести полную колляцию нового источника с набором старых рукописей, групповая принадлежность которых уже известна. Учет всех совпадений и расхождений позволит причислить вновь открытую рукопись к той семье, с текстом которой она выказывает признаки наибольшего сходства.

Таким образом можно идентифицировать текстуальные группы и находить внутри них место для отдельных рукописей, опираясь на то, как последние соотносятся друг с другом, а не с неким установленным внешним образцом (например, Textus Receptus). Квантитативный метод также многократно доказал свою полезность в исследованиях второй половины XX века, когда исследователи, применявшие его, добивались замечательных результатов[428].

В дополнение к квантитативному методу Колуэлла[429] учеными, которых интересовала классификация новозаветные рукописей, были разработаны три других метода[430]. Каждый из них имеет свою отдельную сферу применения, так что они скорее дополняют друг друга, нежели конкурируют между собой.

1. Клермонтский метод профиля

Клермонтский метод профиля (Claremont profile method) был разработан в Университете Клермонта (штат Калифорния) двумя учениками Колуэлла, Полом Мак-Рейнольдсом (McReynolds) и Фредриком Виссе[431]. Они были сотрудниками Международного проекта греческого Нового Завета (International Greek New Testament Project), получившими задачу подготовить аппарат для Евангелия от Луки. Мак-Рейнольдсу и Виссе предстояло классифицировать приблизительно 1400 рукописей Лк, чтобы установить, ссылки на какие именно текстуальные свидетельства более всего были уместны в аппарате при цитировании разночтений — работа, поистине достойная Гаргантюа. Выполнить ее с опорой на квантитативный метод, который требовал провести полные колляции и детальные сравнения рукописей, было невозможно. Более того, коль скоро подавляющее большинство рукописей заведомо принадлежало к византийскому типу (группа k по классификации фон Зодена), то полные колляции подтвердили бы высокую степень совпадения текста этих рукописей, показывая общую близость разных источников, но не выявляя подгруппы византийского текста, которые нужно было установить для того, чтобы процитировать по важнейшему представителю от каждой.

В процессе производства колляций Мак-Рейнольдс и Виссе все чаще замечали, что византийские рукописи содержат общие чтения в определенных комбинациях, иными словами, в распределении засвидетельствованных чтений появляются отчетливо различимые схемы, которые вполне могут быть представлены графически. Ученые

предположили, что соотношение подгрупп может быть установлено по установлению того, какой профиль чтений обычно поддерживается данной группой, т. е., какие из рассматриваемых чтений присутствуют в двух третях рукописей данной группы. Как только для каждой подгруппы устанавливается своя схема распределения засвидетельствованных чтений, уже нет нужды сравнивать рукописи in toto, отныне достаточно лишь сопоставить лишь те чтения, по которым определяется принадлежность к той или иной подгруппе. Если же впервые исследуемый текстуальный свидетель согласен с профилем чтений той или иной установленной подгруппы, его можно отнести к ней.

Без сомнения, клермонтский метод профиля позволяет ускорить долгий и трудный процесс классификации новозаветных рукописей. Виссе утверждал, что с помощью этого метода он мог классифицировать ранее неизученную рукопись Лк всего за 30 минут. Однако нельзя забывать, что данный метод не является заменой для полного квантитативного анализа. Лучшей областью для его применения остается та, для которой он и был исходно разработан — а именно, быстрая черновая классификация подгрупп византийского текста.

2. Аланды и использование «проверочных отрывков» (Teststellen)

Совершенно иной подход к классификации рукописей Нового Завета был разработан в мюнстерском Институте новозаветной текстологии (Institut für neutestamentliche Textforschung) Куртом и Барбарой Аланд. В отличие от квантитативного метода, он не ставит своей целью создание окончательной и однозначной классификации новозаветных рукописей, построенной на их текстуальной близости; в отличие от клермонтского метода профиля он не предназначен для выявления подгрупп внутри византийской традиции. Этот метод был создан для того, чтобы установить, какие именно рукописи наиболее важны для реконструкции новозаветного текста, какие — для истории его передачи, и наконец, какие именно рукописи, не относящиеся ни к одной из двух названных выше категорий можно с уверенностью отнести к текстуальным семьям (западной или византийской). Метод основывается на колляции определенных «проверочных отрывков» (*Teststellen*), отобранных Куртом Аландом на всем протяжении Нового Завета. Рукопись исследуется в каждом из проверочных мест с тем, чтобы установить:

1) насколько она совпадает с тем, что, по мнению Аланда, является «оригинальным текстом»;

2) насколько она совпадает с византийским типом текста;

3) насколько она совпадает с византийским текстом в тех случаях, когда он не отличается от так называемого «оригинального»;

4) присутствуют ли в ней какие-либо иные разночтения;

5) наконец, совпадает ли она с текстом D, обычно называемым «западным».

В результате проведенных колляций, рукопись относят к одной из пяти категорий:

I. свидетели, содержащие по преимуществу «оригинальный текст»;

II. свидетели, в тенденции содержащие «оригинальный текст»;

III. свидетели, важные для истории текста;
IV. свидетели текста D;
V. свидетели византийского текста[432].

Очевидно, что первые три категории не основаны на какой-либо строгой текстологической общности. В группу III, скажем, рукописи попадают не потому, что демонстрируют систематическое совпадение разночтений, но потому лишь, что Аланды находят их текст, отличающийся от византийского, западного и «оригинального», важным для восстановления текстуальной традиции. Поэтому выделенные выше пять групп не помогают исследователям понять, какие же именно категории были установлены на основе изучения *Textstellen*. Более того, сама логика подобного разделения идет по замкнутому кругу: если классификация совершается, в том числе, ради того, чтобы, использовать ее результаты, для восстановления оригинального текста, то не забегает ли вперед положенное в основу классификации суждение о том, насколько хорошо те или иные рукописи сохранили оригинальное чтение? Предложенный Аландами метод вполне успешен для достижения именно тех целей, ради которых он создан — а именно, для того, чтобы определить, какие рукописи можно с уверенностью отставить в сторону как представителей византийского текста и какие рукописи других типов должны цитироваться в аппарате всякий раз, как они дают какое-либо разночтение[433].

3. Метод полного профиля

В то время как клермонтский метод профиля предназначен для для выявления подгрупп внутри византийской традиции, а аландовский метод «проверочных отрывков» определяет рукописи, которые необходимо упомянуть в текстуальном аппарате, третий подход к решению проблемы, получивший название «метод полного профиля» (Comprehensive Profile Method), стремится выполнить программу Колуэлла и классифицировать рукописи по группам и семьям, опираясь на их текстуальную близость[434]. В отличие от клермонтского метода профиля, рассматривающего лишь те чтения, которые широко представлены в рукописях одного семейства (вне зависимости от того, поддерживают их рукописи какой-либо другой группы или нет), метод полного профиля рассматривает весь спектр разночтений — как те, что часто или всегда присутствуют в одной группе (не обращая внимания на то, где они могут встречаться еще), так и те, что исключительно или преимущественно появляются в одной группе и отсутствуют в других.

Этот подход работает особенно хорошо после применения более старого метода квантитативного анализа и призван исправить один из его ключевых недостатков: любой член текстуальной группы должен содержать не только высокий процент общих для группы чтений в тех местах, где присутствует принципиальное для группы разночтение, но также и те чтения, которыми группа характеризуется либо потому, что при прочих равных они присутствуют в большинстве ее членов (или даже во всех), либо же потому, что отмечаются некоторыми (или всеми) рукописями данной группы, но отсутствуют в других.

Метод полного профиля предлагает для уточнения результатов квантитативного анализа

прибегнуть к использованию трех базовых профилей. Первый («межгрупповой», *intergroup*) определяет, в какой мере вновь найденный свидетель содержит чтения, присутствующие только (или исключительно) в рукописях какой-либо одной группы. Второй («внутригрупповой», *intra-group*) устанавливает, в какой степени свидетель содержит чтения, встречающиеся во всех остальных рукописях данной группы или среди большинства ее членов (вне зависимости от того, поддерживают ли это чтение рукописи других групп). Третий профиль соединяет сведения, полученные из первых двух, и показывает, в какой мере вновь исследуемая рукопись содержит чтения, которые присутствуют во всех или во многих рукописях какой-либо одной группы, но не других.

Выполнив подобную полную оценку разночтений группы, можно перейти к уточнению результатов колуэлловского квантитативного анализа и сделать итоговые выводы о текстуальных связях изучаемой рукописи. Этим методом в особенности успешно пользовались при исследовании важнейших патристических источников[435].

VII. Использование компьютеров в новозаветной текстологии

Компьютер начинает революционизировать поле новозаветной науки. С одной стороны, в то время как тексты Нового Завета на протяжении полутора тысячелетий передавались рукописным путем, а затем без малого пять веков зависели от печатного станка, ныне они оказываются всё более доступны в электронном формате[436]. С другой стороны, гораздо более важный вклад компьютерная техника внесла в углубление традиционных задач текстологии, в установление оригинального новозаветного текста и создание истории его передачи. В особенности же следует сказать о том, что формы и способы поиска, сохранения и обработки данных, немыслимые еще полвека назад, в наши дни стали обыденными и привычными.

Текстологи медленно и неохотно признали важность использования компьютеров в своей дисциплине[437]. Некоторых, вероятно, пугали новые технологии; другие с пренебрежением относились к самой идее того, что вычислительная машина станет выносить решение об «оригинальном» чтении на месте вариации, — ведь в их представлении подобные суждения требовали человеческой мысли и человеческой же логики. Однако многие из подготовительных задач, решением которых текстологи занимаются до вынесения вердикта о подлинности тех или иных разночтений, подразумевают сбор и сопоставление информации. В силу этого критикам не оставалось ничего иного, кроме как со временем признать огромный потенциал компьютеров для текстологической работы, причем не в качестве замены для человеческой интуиции и логики, но лишь в качестве вспомогательного инструмента, облегчающему выполнение основной задачи.

Первые попытки поставить вычислительную технику на службу текстологии относятся к 1950-м гг. и присутствуют в гарвардской диссертации Джона Эллисона (Ellison)[438]. Систематические же шаги в этом направлении были предприняты лишь в 1970-е гг. в мюнстерском Институте новозаветной текстологии под руководством Вильгельма Отта и бейренском проекте Старолатинской Библии (Vetus Latina project) под руководством Бонифация Фишера (Fischer)[439]. Это были времена перфокарт и магнитной ленты, и все

тогдашние достижения оказались не более чем подготовкой к следующему этапу, который начался в 1980-1990-х гг. и был вызван взрывообразным развитием технологии.

Но даже после того, как компьютер стал привычным рабочим инструментом для ученого-гуманитария, использование компьютерных технологий в 1990-е гг. получило признание далеко не сразу. Об этом свидетельствует статья «о текущем положении дел», написанная в 1995 г. Робертом Крафтом (Kraft), одним из ведущих специалистов в этой области, который жаловался на общий застой и отсутствие развития[440]. Однако вполне понятный пессимистический тон Крафта устарел почти сразу же после выхода его статьи из печати, поскольку вскоре широкое распространение и применение получило несколько компьютерных инициатив (в особенности, в области программного обеспечения), а ныне всякий большой проект, подразумевающий текстологическое исследование — например, Международный проект греческого нового Завета (International Greek New Testament Project, IGNTP) и уже упоминавшийся выше Институт новозаветной текстологии (INTF) широко использует достижения компьютерной техники, добиваясь при этом впечатляющих результатов[441].

Среди новых методов и путей подобной работы два заслуживают особого внимания. Они включают в себя те элементы научной работы, которые необходимы в той же степени, в какой и трудоемки — колляцию рукописей и анализ результатов колляции.

Первым достижением на этом пути является программа COLLATE, разработанная Питером Робинсоном (Robinson) для его исследования по текстуальной традиции Чосера. Эта программа позволяет колляторам вводить данные отдельных источников (т. е., разночтения) таким образом, что текст каждой рукописи физически сохраняется в базе данных, что позволяет компьютеру рассчитать место каждого разночтения в текстуальной традиции. Программа позволяет работать одновременно с сотней рукописей. Будучи адаптированной к нуждам новозаветной науки, эта программа существенно ускорила работу как IGNTP, так и INTF.

Вторым достижением следует считать программу, разработанную для IGNTP Джерри Льюисом (Lewis) и Брюсом Морриллом (Morrill) — последний при этом являлся североамериканским участником проекта. Эта программа была специально создана для того, чтобы облегчить колляцию рукописей Ин. Она позволяет вносить разночтения каждой рукописи непосредственно в существующую базу данных, которая включает в себя базовый текст и многочисленные случаи ранее замеченных расхождений. Затем компьютер просчитывает все различия между всеми рукописями и суммирует результат своей работы в той форме, какую сочтет необходимой пользователь.

Едва ли стоит здесь подробно останавливаться на том, как работает та и другая программа. Обе они постоянно развиваются и скоро, вне всякого сомнения, будут вытеснены новыми, более совершенными программными продуктами. В силу этого разумнее будет обсудить вопрос о том, чем и как компьютерные программы могут помочь текстологу[442]. Можно выделить четыре тесно связанных и взаимодополняющих сюжета.

1. Сбор, запись и хранение информации

До пришествия компьютеров текстологу приходилось собирать и записывать информацию вручную. Если возникала необходимость сделать колляцию, рукопись тщательно сравнивалась, буква за буквой, с другой рукописью или базовым текстом (например, Textus Receptus), всякое расхождение, как важное, так и пустяковое, записывалось на листе бумаги. Колляция затем публиковалась в виде списка текстуальных вариаций по отношению к базовому тексту. Если ученый предполагал затем использовать ее для *текстуального аппарата*, то ему нужно было конвертировать эту колляцию — иными словами, отступлениям от одного текста (скажем, базового Textus Receptus) требовалось придать тот вид, который требовался для сопоставления его с другим изданием (например, готовящимся критическим). На каждом этапе процесса — при чтении рукописи, при переписывании от руки ее разночтений, при конвертации полученных данных в разночтения к другому базовому тексту, при создании аппарата — открывались широкие возможности для ошибок.

С появлением новых компьютерных программ, таких, как MANUSCRIPT и COLLATE, методика сбора и сохранения данных видоизменилась. В базе данных уже содержится и базовый текст, и все те разночтения, что были учтены в более ранних колляциях. Ученый движется, буква за буквой, по исследуемой рукописи, и вводит в программу всякое найденное разночтение. Если обнаруженная вариация уже была ранее известна, то пользователь добавляет свидетельство новой рукописи к списку свидетелей, поддерживающих данное чтение. Если же вариация отмечается впервые, коллятор вносит ее в базу данных, отмечая сиглу той рукописи, которая ее содержит.

Такой метод сопоставления рукописей позволяет добиться нескольких основных улучшений.

1. Гораздо проще стало проверять аккуратность колляций. Если двое ученых независимо друг от друга делали колляцию одной и той же рукописи с использованием этой программы, то компьютер может сравнить полученные ими результаты, и в случае несходства двух вариантов (допустим, там, где один исследователь видит разночтение, а другой нет) можно вернуться обратно к рукописи и проверить точность колляции.

2. Результат работы коллятора отныне не выглядит как список отклонений от базового текста; программа позволяет воссоздать текст каждой рукописи во всей целостности, иными словами, компьютер вносит требуемые разночтения (и лакуны, если таковые присутствуют) в базовый текст, и тем самым дает в руки ученого не список разночтений, а полную копию всей рукописи.

3. Далее, становится возможным сравнивать сразу все сделанные колляции, чьи электронные копии хранятся в базе данных. Для этого достаточно задать в программе другой базовый текст — назначить в этой качестве какую-либо из рукописей — и провести поиск всех его расхождений с другими свидетелями.

Подобный метод работы не только быстрее, точнее и практичнее всего, что было раньше. Он еще и долговечнее: результаты сделанных колляций ныне хранятся на постоянной основе. Однажды со всем тщанием исследовав текстуальный памятник, ученым никогда более не придется возвращаться к этой задаче снова.

2. Представление данных

До появления электронных текстов издателям приходилось принимать ответственные и необратимые решения о формате, подаче и объеме текста и аппарата. Например, если ставилась задача создать критический текст, то его нужно было реконструировать (например, следуя эклектическому методу), а затем подготовить аппарат, куда были внесены одни разночтения, но не другие, и где какие-то рукописи присутствовали, а какие-то отсутствовали. Все вариации, разумеется, указывались по печатному тексту, поэтому аппарат издания, использующего в качестве базового текста Textus Receptus, будет цитировать иной набор разночтений и рукописей, нежели аппарат к тексту, базой для которого стало 27-е издание Нестле-Аланда.

Ныне же электронные тексты и базы данных радикально изменили эту практику. Текстуальный аппарат теперь составляется компьютером из всего корпуса внесенных в программу разночтений, и в качестве базового текста можно выбирать любое издание или рукопись по выбору пользователя. Например, если он желает получить список разночтений к 18 главе Евангелия от Иоанна, программе можно задать следующие параметры — (1) выбрать в качестве базового текста любое печатное издание (например, Нестле-Аланда, Весткотта-Хорта, Textus Receptus) или любую из рукописей; (2) представить список отклонений от базового текста, которые присутствуют в некоторых других свидетелях или же во всех. Так, если по какой-то причине базовым текстом нужно назначить Синайский, или Ватиканский, или Вашингтонский кодекс, потребуется нажать всего несколько кнопок, чтобы увидеть его на экране. С изменением же базового текста изменится и аппарат. Более того, можно выбирать, разночтения каких именно рукописей будут в нем указаны — только ли александрийских, или только семейства 13, или же сразу всех введенных в базу данных. При необходимости пользователь волен выбрать какой-то определенный тип разночтений — например, слова, опущенные из базового текста, транспозиции или добавления к тексту. Но это еще не всё: пользователь вправе заказать и вид, в котором ему будет представлен список разночтений. Это может быть обычный перечень вариантов, соответствующий аппарату большинства печатных изданий, или полный текст каждого свидетеля (скажем, целый стих), с выделенными вариациями.

Все эти опции освобождают исследователя от необходимости полагаться на мнение издателя в отборе и публикации текстуальных вариаций. Компьютер способен быстро и аккуратно воспроизвести все необходимые данные в том виде, какой необходим пользователю.

3. Статистический анализ

Как известно, компьютеры стоят вне конкуренции в проведении сложных статистических подсчетов с головокружительной скоростью. Еще не так давно, в начале 1990-х гг., если ученому требовалось высчитать процент согласия и расхождения между свидетелями текста (этого требовал, например, квантитативный анализ)[443], все вычисления приходилось делать вручную, внося все данные в таблицу и подсчитывая результат на

калькуляторе. Излишне говорить, сколь трудоемкой и кропотливой была эта работа.

С развитием компьютерных технологий, все это стало ненужным. Компьютер способен выдать полный или сокращенный список всех совпадений и расхождений между любыми двумя рукописями или изданиями, или даже между неограниченным числом рукописей или изданий. Для составления таблиц можно задать параметры, ограничивающие учитываемые категории разночтений (например, часто признается излишним учитывать подвижное *ν* или замену *ουτω* на *ουτως* и наоборот), и почти мгновенно получить числовые значения и процентное выражение для соотношения любых внесенных в программу источников. Более сложные модели анализа (такие, как клермонтский метод профиля) также можно осуществлять автоматически[444].

Все эти автоматизированные операции, разумеется, не решат основных текстуальных проблем. Они не укажут ни на более раннее, ни на более «оригинальное» чтение; им не под силу определить, каким образом из одного чтения в процессе рукописной передачи текста могло произойти другое. Но решение этих задач немыслимо без учета и анализа огромного корпуса данных, — а эти операции несравнимо быстрее и аккуратнее проделает компьютер.

4. Возможности гипертекста

Прежде, чем появился интернет и другие средства электронной связи, доступ ученых к рукописям, факсимильным их изданиям, опубликованным колляциям, текстам различных переводов, собраниям патристических сочинений и прочим ресурсам был весьма ограничен. Только те из ученых, кто жил поблизости от первоклассной библиотеки, могли при первой возможности лично ознакомиться с рукописями или любыми необходимыми для текстологической работы материалами.

Эта ситуация тоже претерпела изменения с приходом в нашу жизнь компьютерных технологий; более того, их развитие и внедрение сулит нам новые полезные перемены. Ныне стало возможным оцифровывать рукописи, помещать на один небольшой диск целые библиотеки патристических трудов в оригинале или пересылать информацию по Всемирной сети.

Это расширяет возможности для создания электронного критического аппарата. Можно себе представить, что в не столь далеком будущем будет создан интернет-аппарат, который позволит любому желающему, кликнув по ссылке, увидеть транскрибированный текст той или иной рукописи, а кликнув по другой — получить факсимильное воспроизведение соответствующего рукописного листа. То же будет возможно и с трудами отцов церкви. Одна из постоянных проблем, связанных с использованием патристических свидетельств, заключается в том, что издателю необходимо всякий раз решать, цитируется ли новозаветный текст тем или иным отцом или же только парафразируется, надежно ли данное свидетельство или нет. Гипертекстовые ссылки позволяют, кликнув по имени отца церкви в аппарате, увидеть обсуждаемые места из его трудов, цитаты при этом могут быть даны как в оригинале, так и в переводе на английский язык. Более того, станет возможным увидеть эту фразу в ее непосредственном контексте и самостоятельно решить для себя, насколько ее свидетельство релевантно соответствующему новозаветному пассажу.

Дэвид Паркер справедливо заметил, что с созданием нового электронного аппарата «изучение первичного материала будет демократизировано»[445].

VIII. Важнейшие продолжающиеся проекты

В настоящее время осуществляется несколько текстологических проектов. Среди наиболее важных следует назвать уже упоминавшиеся выше INTF и IGNTP, возглавляемый Британским и Североамериканским комитетами.

1. Institut für neutestamentliche Textforschung (INTF)

В процессе подготовки собственной *editio critica maior* (см.), мюнстерский Институт новозаветной текстологии запустил несколько вспомогательных проектов, которые, в свою очередь, позволили ввести в широкий оборот целый пласт первичного материала. Первый из этих проектов — многотомное издание «Текст и текстуальное значение греческих рукописей Нового Завета» (*Text und Textwert der griechischen Handschriften des Neuen Testaments*)[446]. Тома этой серии содержат результаты многочисленных колляций, сделанных сотрудниками Института. Цель этой работы состояла в том, чтобы отделить рукописи византийского типа от рукописей, которые содержат иные, более ранние формы текста; проводилась она для того, чтобы понять, какие свидетели должны цитироваться в аппарате будущего большого критического издания, а какие могут быть обозначены общей сиглой *Byz*. Соответственно, опубликованные материалы позволяют оценить объем и состав рукописной традиции, и тем самым дать ответ на поставленный вопрос.

Ко времени, когда пишутся эти строки (2004 г.), завершена серия, посвященная Соборным посланиям, посланиям Павла, Деяниям Апостолов и синоптическим Евангелиям. Для каждого из этих текстов даются следующие сведения: (1) описание всех имеющихся греческих рукописей; (2) колляции всех рукописей в «проверочных отрывках» (*Teststellen*), избранных институтом для выявления того, какие рукописи содержат византийский текст, какие поддерживают «старую форму» текста (под ним понимают текст в изданиях Объединенных библейских обществ и Нестле-Аланда), а какие дают некую иную форму текста; и (3) таблицу, в которой для каждой рукописи указывается, сколько раз она согласуется с каждой из форм текста. После изложения этих сведений предлагается следующая таблица, в которой указаны рукописи, содержащие относительно высокий процент совпадения со «старой формой» текста; для каждой из них показано абсолютное и относительное число текстуальных совпадений с теми 33 рукописями, которые демонстрируют наивысший процент сходства в *Textstellen*.

Поскольку выводы о близости или расхождении рукописей основаны на исследовании «проверочных отрывков», а не полных колляциях текста, эти тома не смогут ответить на все вопросы, которые волнуют ученых, исследующих взаимоотношение греческих новозаветных рукописей. Для посланий Павла, к примеру, выводы делаются на основе анализа 251 отрывков, просмотренного по 742 рукописям. Это означает, что хотя сами по себе материалы предложены весьма пространные (одни только Павловы послания занимают четыре

объемистых тома, первый из которых, например, имеет 625 страниц), тем не менее, они по необходимости неполны, так как не учитывают сотни других мест и отрывков, разночтения в которых изучены не были. Но даже и в таком качестве эта серия весьма полезна, ибо она снимает покров тайны с того, по какому принципу институт станет отделять рукописи, которые будут внесены в *критический аппарат*, от тех, которые будут отнесены к числу византийских.

Второй, более важный издательский проект института — это «Новый Завет на папирусе» (*Das Neue Testament auf Papyrus*)[447]. Как свидетельствует само заглавие, целью этого проекта (масштабного как по замыслу, так и по осуществлению) является публикация всего новозаветного текста в том его виде, как его сохранили дошедшие до нас папирусы. Каждый том содержит полный текст всех папирусных рукописей каждой новозаветной книги (до сих пор опубликованы тома, посвященные Соборным и Павловым посланиям). Издатели предлагают полное кодикологическое и текстологическое описание каждого папируса, библиографию его изданий и посвященной ему литературы. Далее текст рукописи (в тех местах, где он сохранился) дается построчно бок о бок с текстом Нестле-Аланда (напечатанным *in extenso*, т. е. даже в тех отрывках, где в папирусе лакуны). Для каждого папируса указаны все текстуальные расхождения с этим текстом, включая орфографию и сокращения; полный аппарат содержит ссылки на корректоров, лакуны и предшествующие реконструкции текста. Второй аппарат выявляет все расхождения, выявленные новыми и выверенными колляциями греческих маюскулов для каждого стиха, включая и те, где папирусный текст не сохранился. В смысле вариантных чтений этот аппарат гораздо подробнее, нежели *критический аппарат* в издании Нестле-Аланда; сопоставляя текст и аппарат, можно полностью проследить всю сложную историю новозаветной рукописной традиции в первые десять веков.

2. The International Greek New Testament Project (IGNTP)

Среди побочных плодов, которые принесла деятельность Международного проекта греческого Нового Завета по изданию Четвертого евангелия с расширенным аппаратом[448], особого упоминания заслуживают два.

Первое — это двухтомное исследование Дэвида Паркера (Parker) и Уильяма Эллиотта (Elliott), которое в исчерпывающе подробном виде дает следующие материалы: (1) тексты всех 23 сохранившихся папирусов Ин[449] и (2) тексты 28 полных и 36 фрагментированных маюскульных рукописей Ин[450]. Каждый том состоит из четырех главных частей: (1) описание свидетелей, включающее в себя библиографию вторичной литературы и изложение дискуссии о датировке; (2) полную транскрипцию каждой рукописи[451]; (3) *критический аппарат*, который указывает для *все* разночтения всех рукописей, с базовым текстом (в качестве которого выбрано оксфордское издание Textus Receptus 1873 года); и (4) альбом фототаблиц для каждой рукописи[452]. Сочетая для каждого текстуального источника его транскрипцию, *критический аппарат* и фотографическое воспроизведение, издатели дают в руки ученых полный и надежный доступ к этим важнейшим свидетелям евангельского текста.

Вторым побочным продуктом усилий, которые IGNTP прилагает для того, чтобы установить всеобъемлющий аппарат для Евангелия от Иоанна, стал проект «Византийский текст» (Byzantine Text Project), возглавляемый Дэвидом Паркером и руководимый Родом Малленом (Mullen). Это научное предприятие началось как ответ на просьбу, прозвучавшую во время встречи православных ученых в испанском Эскуриале в 1999 году. Участники встречи обратились к Объединенным библейским обществам с просьбой «подумать о критическом издании византийского греческого текста». В отличие от других современных изданий «Текста большинства» (таких, как издания Ходжеса-Фарстада и Пирпонта-Робинсона[453]), проект «Византийский текст» не предполагает восстановить сколько-нибудь близкую форму «оригинального» текста; его задача состоит в том, чтобы показать богатую вариативность византийской текстуальной традиции, составив такой критический аппарат, который включал бы рукописи из всех важных подгрупп и семейств этого типа. Этот аппарат поможет читателю самостоятельно разобраться в том, какие именно формы византийского текста были доступны в разное время и в разных местах. То же касается и Евангелия от Луки. В посвященных ему томах IGNTP основной акцент будет сделан не на печатном тексте (в его основу будет положена минускул 35), а на аппарате. Выпуск тома, посвященный Евангелию от Иоанна, планировался в конце 2004 года.

ГЛАВА 7
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОШИБОК ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ТЕКСТА НОВОГО ЗАВЕТА

Подобно врачу, который, прежде чем начать лечение, должен точно диагностировать болезнь, текстологу, прежде чем он сможет приступить к исправлению ошибок, необходимо знать о различных видах повреждения текста и тех опасностях, которым текст подвергается при переписывании. Важно видеть не только то, что *могло бы* случиться с текстом, но и то, что *уже случилось* при переписывании рукописи. В данной главе не предпринимаются попытки определить относительную ценность того или иного варианта чтения; ее цель — описание и классификация явлений, а отнюдь не точные методологические указания[454].

I. Непреднамеренные замены

1. Ошибки зрительного восприятия[455]

Писцу, страдавшему астигматизмом, было нелегко различить схожие по написанию греческие буквы, особенно если предыдущий переписчик работал небрежно. Так, в маюскуле часто смешивались сигма (которая обычно изображалась как лунарная сигма в виде полумесяца), эпсилон, тэта и омикрон (С, Е, Θ, О). Например, в Деян 20:35 три минускульных рукописи (614, 1611 и 2138) дают чтение κοπιῶντα ἔδει вместо κοπιῶντας δεῖ, — ошибка, восходящая к маюскульному предшественнику, не имевшему пробелов между словами *(scriptio continua)*. В 1 Тим 3:16 ранние рукописи имеют чтение ΟС («тот, кто»), в то время как многие поздние — ΘС̅ (обычное сокращение для θεός, «Бог»). Достаточно легко можно было спутать друг с другом буквы гамма, пи и тау (Г, П, Т), особенно в случае, если перекладины первой и последней были неаккуратно написаны или если правая ножка буквы пи была слишком коротка. Так, например, во 2 Петр 2:13 некоторые рукописи содержат чтение АГАПАIС («на вечерях/пиршествах любви»), а другие — АПАТАIС («обманами»). Две лямбды, написанные близко друг к другу, могли быть приняты за букву мю, как это случилось в Рим 6:5, где в большинстве рукописей стоит АΛΛА («но»), в отличие от АМА («вместе») некоторых других манускриптов. Комбинация из лямбды с вплотную к ней написанной йотой может выглядеть как буква ню (ΛI и N). Так, в рукописях 2 Петр 2:18 ΟΛΙΓΩΣ («мало») чередуется с ΟΝΤΩΣ («действительно»), причем в этом случае также перепутаны тау и гамма. Иногда Δ могли принять за Λ и наоборот, как, например, в Деян 15:40, где ΕΠΙΛΕΞΑΜΕΝΟΣ («избрав себе») в Кодексе Безы читается как ΕΠΙΔΕΞΑΜΕΝΟΣ («приняв»).

В общепринятом тексте 1 Кор 12:13 Павел пишет: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело… и все напоены одним Духом». Однако в некоторых свидетелях текста это предложение заканчивается так «… и все напоены одним питием». Такой вариант возник из-за того, что переписчик ошибочного прочитал сочетание букв ΠΝ̅Α̅ (обычное сокращение слова πνεῦμα) как ΠΟΜΑ («питие»). Из-за того, что вместо слова καί иногда

применялось сокращение каппа с большой чернильной точкой на конце нижней диагональной черты могла быть прочитана как слог καὶ. Именно это произошло в Рим 12:11, где достаточно странный вариант чтения «времени служите» (τῷ καιρῷ δουλεύτες) происходит от правильного варианта «Господу служите» (τῷ κυρίῳ δουλεύτες), в котором переписчик принял сокращение слова κυρίῳ (ΚΩ) за РΩ.

Как уже было отмечено в главе 1 (см.), для составления повседневных документов нелитературного содержания в древности обычно использовалось курсивное письмо, характерная черта которого состоит в том, что большинство букв пишется без отрыва пера и широкое используются лигатуры и сокращения. На вопрос о том, использовалось ли для рукописей греческой Библии курсивное или полукурсивное письмо, отвечали по-разному. Викенхаузер вслед за Роллером (Roller) доказывал, что едва ли оригинальные тексты книг Нового Завета могли быть написаны курсивом[456]. Спустя два десятка лет в посмертном переиздании книги Викенхаузера, подготовленном Йозефом Шмидом (Schmid) последний замечает, что авторы Нового завета «бесспорно» (zweifellos) пользовались курсивом[457]. В поддержку этого взгляда можно привести и наблюдения Но (Nau), который отмечал, что книги Паралипоменон в Ватиканском кодексе иногда содержат метатезы букв мю, ню и бета; эти перестановки нельзя объяснить ошибками восприятия маюскульного письма, где три эти буквы существенно отличаются одна от другой; однако в курсивном письме, где они очень похожи, эта ошибка вполне естественна. В качестве примера можно привести перестановки ß и υ в 2 Пар 16:7, Αναμει вместо Ανανει; 17:8, Μανθανιας и Ιωραν вместо Νανθανιας и Ιωραμ; 31:12–13, Χωμενιας и Μαεθ вместо Χωνενιας и Ναεθ; перестановки b и n в 2 Пар 17:8, Τωβαδωβεια вместо Τωβαδωνεια; или перестановки β и μ в 2 Пар 21:10, Λομνα вместо Λοβνα; 36:2, Αβειταλ вместо Αμειταλ.

Другим примером библейских рукописей, несомненно восходящих к курсивному предшественнику, является Берлинский фрагмент Книги Бытия, папирусная копия, выполненная полукурсивным письмом и датируемая III в. н. э. Его издатели, изучив широкий спектр ошибок переписчиков текста, пришли к заключению, что один или более предшественников этого текста были написаны с использованием типичного курсивного письма[458].

Если переписчик копирует рукопись, где две строки оканчиваются на одни и те же слова или группу слов, а иногда всего лишь на одинаковый слог, то его взгляд может перескочить с верхней строки на нижнюю, случайно пропустив лежащий между ними отрывок текста. Этим объясняется, например, курьезный вариант чтения Ин 17:15 в Ватиканском кодексе, где опущены слова, заключенные в квадратные скобки: «не молю, чтобы Ты взял их от [мира, но чтобы сохранил их от] зла». Можно предположить, что экземпляр, с которого переписчик делал копию этой рукописи, содержал текст расположенный следующим образом:

………αὐτοὺς ἐκ τοῦ
κόσμου ………
……… αὐτοὺς ἐκ τοῦ
πονηροῦ ………

После того, как переписчик скопировал первую строку, его взгляд возвратился к началу не строки 2, а строки 4. Такого рода ошибка носит название *параблепсис* (небрежность,

дословно: взгляд в сторону)[459] и возникает вследствие *гомеотелевтонии* (одинакового окончания строк).

В самых разных рукописях можно найти примеры пропусков иного рода. Они называются *гаплографией*. Так, в Синайском кодексе (א) полностью опущен стих Лк 10:32 из-за того, что это предложение оканчивается тем же самым глаголом ἀντιπαρῆλθεν, что и предыдущее (стих 31). В Александрийском кодексе пропущен целый стих 1 Кор 9:2, оканчивавшийся четырьмя словами, которые совпадали с окончанием предыдущего стиха (ὑμεῖς ἐστε ἐν κυρίῳ). Из-за абсолютной идентичности последних пяти слов в Лк 14:26 и 27 (οὐ δύναται εἶναί μου μαθητίς) легко насчитать более десятка различных манускриптов, где выпал стих 27. Слова 1 Ин 2:23 «… исповедующий Сына, имеет Отца» были пропущены в поздних рукописях (на которых, например, основан перевод Библии короля Иакова) из-за присутствия словосочетания τὸν πατέρα ἔχει в соседних предложениях. Другие интересные примеры ошибок, вызванных гомеотелевтонией, можно найти в различных рукописях Лк 5:26, 11:32, 12:9 и Откр 9:2–3.

Иногда взгляд переписчика возвращался к какому-либо слову или группе слов, в результате он дважды записывал то, что следовало написать один раз. Такой вид ошибок называется *диттографией*. В Деян 19:34 крик толпы «Велика Артемида Эфесская» повторяется два раза в Ватиканском кодексе. Аналогичным образом вместо общепринятого текста Деян 27:37: «Было же всех нас на корабле (ἐν τῷ πλοίῳ) двести семьдесят шесть (σος)[460] душ», в Ватиканском кодексе и саидском переводе содержится чтение «… около семидесяти шести (ὡς ος)». В греческом тексте в этом случае разница, как можно видеть, невелика: ΠΛΟΙΩCΟΣ и ΠΛΟΙΩΩCΟΣ.

2. Ошибки слухового восприятия

При переписывании под диктовку, даже если писец в своей келье сам диктовал себе, ошибки иногда могли возникать в словах, имеющих сходное произношение, но разное написание (как например, английские слова «there» и «their» или «grate» и «great»). В первые века нашей эры некоторые гласные и дифтонги греческого языка утратили свое характерное звучание и стали произноситься одинаково, как и в современном греческом. Распространенным была взаимозамена букв ω и ο, что объясняет такие разночтения, как ἔχωμεν и ἔχομεν в Рим 5:1, а также ὧδε и ὅδε в Лк 16:25.

Дифтонг αι и гласная ε стали произноситься одинаково — как краткий звук ĕ. В результате этого окончание 2 лица единственного числа — σθε звучало так же, как окончание медиального и пассивного инфинитива — σθαι, что объясняет варианты ἔρχεσθαι и ἔρχεσθε в Лк 14:17, ζηλοῦσθε и ζηλοῦσθαι в Гал 4:18 и другие подобные случаи. Иногда замена этих гласных приводила к появлению совершенно другого слова. Так, например, в Мф 11:16 на месте ἑτέροις («другим») в некоторых рукописях возникло чтение ἑταίροις («друзьям»).

Иногда не делалось различий в произношении ου и υ, что объясняет разночтение в Откр 1:5. Переводчики Библии короля Иакова следовали чтению λούσαντι («Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею»)[461], в то время как текст,

используемый современными переводчиками, дает чтение λύσαντι («… освободившему нас от…»), присутствующее в ранних греческих рукописях.

В койне гласные η, ι и υ и дифтонги ει и υι, а также несобственный дифтонг ῃ стали произноситься одинаково, как долгое «и» в английском «feet». Поэтому неудивительно, что одна из наиболее частых ошибок состояла во взаимозамене этих семи гласных и дифтонгов. Данное явление, обычно называемое *итацизмом*, объясняет некоторые очень странные ошибки, присутствующие в рукописях, которые во всех прочих отношениях надежны. Например, 1 Кор 15:54 «Поглощена смерть победою (νῖκος)» в p[46] и B читается «Поглощена смерть раздором (νεῖκος)». Согласно видению Тайнозрителя на Патмосе, вокруг престола Бога на небе была «радуга (ἶρις), видом подобная смарагду» (Откр 4:3). Однако в א, A и других источниках в этом месте мы находим слово «священники» (ἱερεῖς), имеющее сходное звучание.

При постоянной опасности впасть в итацизм отнюдь не кажется удивительным, что в новозаветных рукописях мы все время видим взаимозамены греческих личных местоимений (таких, как ἡμεῖς/ ὑμεῖς, ἡμῖν/ὑμῖν, и ἡμᾶς/ὑμᾶς). Это особенно характерно для эпистолярных произведений. Написал ли Иоанн свое Первое послание, «чтобы наша (ἡμῶν) радость была полна» или «чтобы ваша (ὑμῶν) радость была полна»? Подразумевал ли Павел себя вместе с читателями его послания, написав ἡμεῖς в Гал 5:28, или он написал ὑμεῖς? Каждое такое чтение может оказаться оригинальным, и нетрудно показать, как из него мог получиться другой вариант. Рукописи Первого послания апостола Петра в пяти главах содержат минимум семь случаев подобных замен личных местоимений (1:3,12; 2:21 [дважды]; 3:18,21; 5:10). Иногда встречаются случаи взаимных перестановок личных местоимений, дающие в контексте фактически бессмыслицу: например, важное заявление Павла в 2 Фес 2:14 «Он призвал вас (ὑμᾶς) через благовествование наше, чтобы вы достигли славы Господа нашего Иисуса Христа», в рукописях A B D* 1881 и др. читается как «Он призвал нас (ἡμᾶς) через благовествование наше…». Такого рода ошибки переписывания настолько широко распространены, что даже свидетельства лучших рукописей относительно личных местоимений подлежат сомнению, и единственное решение в пользу того или иного чтения должно приниматься при рассмотрении его соответствия контексту.

Помимо исчезновения различий в произношении некоторых гласных звуков для позднего греческого языка характерна утрата густого придыхания. Знаки густого и легкого придыхания в рукописях использовались достаточно произвольно: αὑτοῦ чередуется с αὐτοῦ, ἕστηκεν (перфект от ἵστημι) чередуется с ἔστηκεν (имперфект от στήκω), εἷς с εἰς и т. д.[462].

Взаимозаменяли друг друга не только сходно звучащие гласные, но иногда некоторые согласные, как например в Мф 2:6 ἐκ σοῦ («от тебя») стало ἐξ οὗ («от кого») в א[c] (ср. также Мф 21:19 и Мк 11:14). Подобные замещения происходили и при использовании глагольных форм с одиночными или двойными согласными (например, основы настоящего времени и второго аориста ἔμελλεν и ἔμελεν в Ин 12:6), а также при употреблении совершенно различных, но одинаково звучащих слов (например, ἐγεννήθησαν и ἐγενήθησαν в Ин 1:13). Подобное присутствует и в чтениях 1 Фес 2:7, где звучание фразы ἐγενήθημεν ἤπιοι («мы были тихие») практически не отличается от ἐγενήθημεν νήπιοι («мы были детьми», см. ниже).

Курьезную замену согласных можно наблюдать в Откр 15:6, где семь ангелов,

описанные как «одетые в чистый блестящий лен» (λίνον), в некоторых ранних рукописях (включая A, C и кодексы Вульгаты) оказались одеты «в чистый блестящий камень» (λίθον). В Клермонтском кодексе переписчик в Евр 4:11 вместо ἀπειθείας («непокорности») написал ἀληθείας («истины»), что совершенно исказило смысл!

3. Ошибки памяти

Данная категория ошибок включает разночтения, которые возникли, когда в промежутке между чтением отрывка из копируемой рукописи и воспроизведением его на письме переписчик должен был держать в своей памяти (иногда весьма ненадежной) предложение или последовательность букв. Этим можно объяснить происхождение многих ошибок, заключающихся в подстановке синонимов, изменении порядка слов и перестановке букв.

1. Подстановка синонимов может быть показана на следующих примерах: εἶπεν вместо ἔφη; ἐκ вместо ἀπό, и наоборот, εὐθύς взамен εὐθέως, и наоборот, ὅτι вместо διότι; περί вместо ὑπέρ, и наоборот, ὀμμάτων взамен ὀφθαλμῶν.

2. Обычным явлением представляется изменение порядка слов; так, например, три слова πάντες καὶ ἐβαπτίζοντο в Мк 1:5 встречаются в виде καὶ ἐβαπτίζοντο πάντες, равно как и καὶ πάντες ἐβαπτίζοντο.

3. Перестановка букв в слове иногда приводит к появлению совершенно другого слова, так, ἔλαβον в Мк 14:65 стало в некоторых рукописях ἔβαλον (ἔβαλλον в других списках). Такие перестановки в отдельных случаях приводят к совершенной нелепице; так, в Ин 5:39 Иисус говорит о Писаниях: «они свидетельствуют (αἱ μαρτυροῦσαι) обо Мне», что переписчиком Кодекса Безы было записано как «они согрешают (ἁμαρτάνουσαι) обо Мне»!

4. Формулировки некоторых фраз заменялись формулировками из параллельных мест, которые были лучше знакомы переписчику, что может служить объяснением многих изменений в синоптических Евангелиях. Так, в Мф 19:17 ранние рукописи дают чтение «Почему ты спрашиваешь Меня, что есть благое? Есть только Один, Кто благ», в более поздних списках эта фраза была приведена в соответствие со словами Иисуса в Мк 10:17 и Лк 18:18 «Почему ты называешь Меня благим? Никто не благ, кроме одного Бога». (Переводчики Библии короля Иакова следовали поздней форме текста Мф). Неоднократно в посланиях к Колоссянам и к Ефесянам переписчики вводят в одно из этих посланий слова и фразы, принадлежащие, на самом деле к параллельному месту другого послания. Так, например, в Кол 1:14 к предложению «в Котором мы имеем искупление, отпущение грехов», отдельные поздние греческие рукописи добавляют слова «кровью Его», фразу из параллельного места в Еф 1:7. (Здесь Библия короля Иакова вновь следует вторичной форме текста.)

4. Ошибки суждения

Хотя некоторые приведенные ниже примеры могут быть отнесены к категории умышленных изменений, вызванных доктринальными соображениями, их можно

рассматривать и как непреднамеренные ошибки, совершенные действовавшими из лучших побуждений, но порой бестолковыми или ленивыми писцами.

Слова и пометки на полях старых копий иногда включались в текст новых рукописей. Так как поля использовались для заметок (например, для синонимов трудных слов в тексте) и исправлений, переписчику, должно быть, было трудно решить, что делать с этими надписями на полях. Самым простым решением было поместить их в переписываемый текст. Так, например, текст, объясняющий причину движения воды в купальне Вифезда (Ин 5:7) первоначально, возможно, представлял собой комментарий на полях, который был затем вставлен в текст Ин 5:3b-4 (эта добавка присутствует в Библии короля Иакова). Соответственно можно допустить, что предложение, наличествующее в поздних рукописях Рим 8:1, — «кто живет не по плоти, но по духу», первоначально являлось объясняющим примечанием на полях, возможно, опирающейся на текст ст. 4 и определяющей «тех, кто во Христе Иисусе». Как уже отмечалось в главе I, некоторые рукописи содержали специальные пометки на полях, помогавшие при чтении отрывков Писания, определенных церковным календарем (лекционарием). В результате лекционарные формулировки, такие как εἶπεν ὁ κύριος, иногда попадали в текст нелекционарных рукописей (см., например, Мф 25:31 и Лк 7:31)[463].

Другие ошибки вызваны не неправильным суждением, а его полным отсутствием. Только крайней степенью непонимания объясняются некоторые нелепости, допущенные иными переписчиками. Например, довольно большое количество минускульных рукописей после слов εἰς τοῦς ἁγίους в 2 Кор 8:4 содержат дополнительную глоссу δέξασθαι ἡμᾶς. По-видимому, переписчик одной из этих рукописей поместил на полях возле слов δέξασθαι ἡμᾶς комментарий — ἐν πολλοῖς τῶν ἀντιγράφων οὕτως ὕρηται («такое можно найти во многих списках»). Позднее переписчик следующей рукописи (цитируемой Бенгелем, ad loc.) включил этот комментарий непосредственно в текст послания, словно это было частью указаний Павла коринфянам![464]

Но, может быть, самая вопиющая из всех ошибок содержится в кодексе 109 (XIV в.). Эта рукопись Четвероевангелия, находящаяся сейчас в Британском музее, была сделана со списка, содержащего родословную Иисуса в Евангелии от Луки (3:23–38), в виде двух колонок по 28 строк каждая. Вместо того чтобы переписывать текст последовательно по колонкам, переписчик этого кодекса стал копировать родословную построчно — одно имя из одной колонки, другое из другой[465]. В результате каждому отцу достался неправильный сын, а сын получил чужого отца. Вероятно, имена не до конца заполняли последнюю колонку оригинала, поэтому имя Бога оказалось внутри перечня, а не в его конце (концовка, разумеется, должна быть: «… Адамов, Божий»). А в этой рукописи Бог оказался сыном Арама, а источником всего рода человеческого назван не Бог, а Фарес!

II. Преднамеренные изменения[466]

Может показаться странным, но порой переписчики, которые вдумчиво относились к своей работе, были для текста опаснее тех, чьей единственной целью было точно воспроизвести лежавший перед ними текст. Многочисленные разночтения, которые можно классифицировать как преднамеренные, без сомнения, обязаны своим появлением

добросовестным намерениям переписчиков, уверенных в том, что таким образом ошибки или неудачные выражения, которые вкрались в священный текст, было необходимо устранить[467]. Впоследствии другой писец мог снова ввести в текст исправленное ранее неправильное чтение. Например, на полях Ватиканского кодекса против Евр 1:3 присутствует полное возмущения замечание, сделанное более поздним переписчиком[468], восстановившим оригинальное чтение кодекса, φανερῶν, которому исправлявший предпочел обычное чтение, φέρων: «Глупец и негодяй, оставь старое! не переменяй ничего!» (ἀμαθέστατε καὶ κακὲ, ἄφες τὸν παλαιόν, μὴ μεταποίει).

Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской, в своем комментарии на Апокалипсис[469], созданном около 600 г., прямо переадресовал проклятие, содержащееся в Откр 22:18–19, тем *litterati*, кто считал, что аттический стиль[470] и строго логический образ мысли возбуждают больше доверия и уважения (ἀξιοπιστότερα καὶ σεμνότερα), нежели самобытный библейский язык. То, на что указывал Андрей, иллюстрируется забавной историей, которую рассказывает Созомен — константинопольский юрист, живший в V в. и написавший историю церкви. Он сообщает, что на соборе кипрских епископов около 350 г. некий Трифиллий из Ледры, человек культурный и красноречивый, в своей речи к собору цитировал текст Ин 5:8 «Встань, возьми постель свою и ходи», заменяя при этом разговорное словечко из койне κράββατος (соломенный тюфяк, соломенная циновка), изысканным аттическим термином σκίμπους. В этот момент другой епископ, Спиридон, вскочил со своего места и возмущенно закричал ему перед всем собором: «Уж не лучше ли ты Того (Иисуса), Кто произнес слово κράββατος, раз стесняешься сказать его?[471]» К неудовольствию бдительных и темпераментных читателей, подобных епископу Спиридону, самый беглый просмотр критического аппарата показывает, что переписчики, возмущенные действительными или мнимыми ошибками в написании, грамматике или изложении исторического факта, сознательно изменяли то, что переписывали.

1. Изменения, связанные с правописанием и грамматикой

Книга Откровения с ее многочисленными семитизмами и солецизмами часто могла ввести в соблазн переписчика, привыкшего думать о красоте греческого стиля. Вполне понятно, что греческий переписчик должен был воспринимать использование именительного падежа после предлога ἀπὸ (в стереотипном выражении ἀπὸ ὁ ὢν καὶ ὁ ἦν καὶ ὁ ἐρχόμενος, Откр 1:4) едва ли не как личное оскорбление; отсюда нетрудно понять, почему они для облегчения синтаксиса вставляли τοῦ, или θεοῦ, или κυρίου после ἀπὸ. Фактически все три варианта, исправляющих (или лучше сказать, латающих) грамматику текста, на сегодняшний день представлены в одной или более рукописях.

Использование союза καὶ, присоединяющего в Откр 1:6 личную форму глагола ἐποίησεν к причастиям предыдущего стиха, выглядит как прямое поругание правил греческого языка; переписчики исправили синтаксис, заменив глагол в изъявительном наклонении на причастие (ποιήσαντι). Родительный падеж πεπυρωμένης в Откр 1:15, которого ничто в этом предложении не требует, заменялся некоторыми писцами на дательный или именительный падеж, которые грамматически хорошо сочетаются с остальным предложением. В Откр 2:20

повисший именительный падеж ἡ λέγουσα был заменен на винительный τήν λέγουσαν, ставший приложением к предыдущим словам τήν γυναῖκα Ἰεζάβελ.

2. Гармонизирующие изменения

Некоторые гармонизирующие изменения, как уже было сказано выше (см. примеры), делались непреднамеренно, другие вносились совершенно осознано. Поскольку монахи знали большие отрывки Священного Писания наизусть (см. выше), соблазн устранить несоответствия в параллельных местах или цитатах был тем сильнее, чем лучше переписчик знал другие части Библии. Слова из Ин 19:20: «и написано было по-еврейски, по-римски, по-гречески» были внесены в текст многих рукописей Лк 23:38. Краткая форма молитвы Господней из Лк 11:2–4 («Отче! Да святится Твое имя. Да придет Твое Царство. Наш ежедневный хлеб подавай нам каждый день. И прости нам наши грехи, потому что и мы сами прощаем всякому, кто нам должен. И не введи нас во искушение.») была во многих списках Евангелия от Луки приведена в соответствие с более известным пространным текстом из Мф 6:9-13. В Деян 9:5–6 слова, сказанные Павлу при его обращении, в некоторых рукописях изменены для согласования с параллельным местом в 26:14–15.

Зачастую ветхозаветные цитаты расширялись за счет внесения соседствующих с ними в оригинале слов или приводились в соответствие с Септуагинтой. Например, в Библии короля Иакова слова «[Эти люди] приближаются ко Мне своими устами» (Мф 15:8), отсутствующие в ранних рукописях Евангелия от Матфея, были внесены в поздние рукописи добросовестными писцами, сравнившими эту цитату с более полной формой Ис 29:13 в Септуагинте. Ранние рукописи Ин 2:17 цитируют Пс 69(68): 9(10) следующим образом: «Ревность о доме Твоем съест (καταφάγεται) Меня». Однако текст этого псалма в Септуагинте дает здесь аорист (κατέφαγε), и потому поздние переписчики согласовали цитату Иоанна с Септуагинтой. В Рим 13:9 ссылка Павла на четыре заповеди Декалога расширена в некоторых рукописях добавлением еще одной — «не лжесвидетельствуй». В Евр 12:20 некоторые источники расширяют цитату из Исх 19:13, «если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями», добавлением следующих за ними в Книге Исход слов «или поражен стрелою» (как это и переведено в Библии короля Иакова).

3. Добавление естественно дополняющего материала

Во многих местах текста ясно видны усилия переписчиков, стремившихся улучшить фразу или сгладить ее неровности. Немало писцов считали, что в Мф 9:13: «Я пришел призвать не праведных, но грешных» утрачено окончание, и добавляли слова «…к покаянию» (из Лк 5:32). Аналогичным образом для многих переписчиков естественным побуждением было добавить к слову «первосвященники» — «книжники» (например, Мф 26:3), или к слову «книжники» — «фарисеи» (например, Мф 27:41), или переписать фразу «и Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе» (Мф 4:4,6), добавляя слово «явно».

Кол 1:23 содержит интересный пример того, как переписчик не устоял перед искушением возвысить достоинство апостола Павла. В этом стихе автор предостерегает

колоссян против уклонения от надежды Евангелия, которое «проповедано всякой твари поднебесной, которого я, Павел, сделался служителем». Слово διάκονος, буквально означающее «тот, кто служит», «служитель» со временем стало использоваться и как название низшей ступени церковного служения («диакон»). Возможно поэтому, решив, что такой ранг мало подходит для великого апостола язычников, переписчики ℵ* и P изменили слово διάκονος на κῆρυξ καὶ ἀπόστολος, в то же время A и Syr^h mg приводят все три варианта («которого я, Павел, сделался провозвестником, апостолом и служителем»). Рукопись 81 здесь дает чтение διάκονος καὶ ἀπόστολος, а в эфиопском переводе отдается предпочтение κῆρυξ καὶ διάκονος. В этом случае первоначальным, очевидно, является краткое, менее импозантное чтение.

Убедительный пример разрастания текста можно найти в Гал 6:17, ранняя форма текста которого зафиксирована в p⁴⁶, B, A, C*, f: «я ношу на моем теле раны Иисуса». Благочестивые переписчики не могли устоять перед желанием снабдить простое и неукрашенное Ἰησοῦ различными дополнениями, в результате чего получилось: κυρίου Ἰησοῦ (в C³, Dᶜ, E, K, L и многих других свидетелях текста), κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ (в ℵ, d, e и у Августина), и κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (в D^gr*, F, G, старолатинском, Syr^p, готском, у Златоуста, Викторина и Епифания).

4. Устранение исторических и географических трудностей

В ранних рукописях составная цитата из Книги пророка Малахии (3:1) и Книги пророка Исайи (40:3) в Мк 1:2 вводилась формулой «Как написано у Исайи пророка». Последующие переписчики, чувствуя, что это вызывает трудности, заменили ἐν τῷ Ἠσαΐα τῷ προθήτη на более общее ἐν τοῖς προθήταις. Поскольку цитата, которую Матфей (27:9) приписывает Иеремии, на самом деле принадлежит Захарии (11:12 сл.), не вызывает удивления и то, что писцы исправляли ошибку, либо заменяя имя пророка на правильное, либо же и вовсе опуская его. Некоторые писцы пытались гармонизировать хронологию страстей по Иоанну с хронологией Марка, заменяя «шестой час» в Ин 19:14 на «третий час» (как указано в Мк 15:25). В Ин 1:28 Ориген[472] изменил Βηθανίᾳ на Βηθαβαρᾳ для того, чтобы, как он считал, устранить трудности географического порядка; эта вариация дошла до нас в рукописях Cᶜ, K, T^vid, Ψᶜ, семействе 13 и многих других, включая те, которые были положены в основу перевода Библии короля Иакова[473]. Утверждение из Мк 8:31 о том, что «надлежит Сыну Человеческому много претерпеть… и быть убитым, и через три дня (μετά τρεῖς ἡμέρας) воскреснуть», вызывало хронологические трудности, и некоторые переписчики заменили его более привычным выражением «на третий день» (τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ).

Автор Послания к Евреям помещает золотой кадильный жертвенник в Святая святых (Евр 9:4), что противоречит описанию скинии в Ветхом Завете (Исх 30:1–6). Переписчик Ватиканского кодекса и создатель эфиопского перевода внесли исправления, перенеся слова об этом жертвеннике в 9:2, где перечисляются предметы, находящиеся в Святом.

5. Объединение чтений

Как должен был поступить добросовестный переписчик, обнаружив, что один и тот же отрывок изложен по-разному в двух или более лежащих перед ним рукописях? Большинство переписчиков были склонны объединить в новой рукописи при переписывании оба чтения, нежели выбрать только одно, рискуя утратить подлинное. В результате происходила так называемая *конфляция* или *объединение чтений*, характерная для позднего, византийского типа текста. Например, в некоторых ранних рукописях Евангелие от Луки завершается указанием на то, что ученики «были постоянно в храме, благословляя Бога», в то время как другие рукописи дают чтение «были постоянно в храме, прославляя Бога». Чтобы избежать выбора между этими двумя чтениями, последующие переписчики решили, что наиболее безопасным будет соединить их вместе — таким образом, изобретено чтение «были постоянно в храме, прославляя и благословляя Бога».

В ранних рукописях в Мк 13:11 Иисус советует Своим последователям «не беспокойтесь заранее» (προμεριμνᾶτε) о том, что нужно говорить, когда их станут преследовать. Другие рукописи Марка дают чтение «не обдумывайте заранее» (προμελετᾶτε) выражение используемое также в параллельном месте Евангелия от Луки (Лк 21:14). Избегая необходимости выбирать между одним из двух глаголов, многие из переписчиков Евангелия от Марка предложили своим читателям оба слова. В Деян 20:28 два ранних чтения, «Церковь Бога» и «Церковь Господа» были объединены в поздних рукописях в чтение «Церковь Господа и Бога». Иногда объединенные чтения встречаются и в ранних рукописях. Например, только в Ватиканском кодексе имеется чтение καλέσαντι καὶ ἱκανώσαντι в Кол 1:12, в то время как другие рукописи содержат лишь одно из этих причастий.

6. Изменения, внесенные по доктринальным соображениям

Трудно точно определить, сколько раз текст Нового Завета изменялся в угоду богословию[474]. Ириней, Климент Александрийский, Тертуллиан, Евсевий и многие другие христианские авторы обвиняли еретиков в умышленном искажении Священного Писания[475]. В середине II в. Маркион выбросил из своего текста Евангелия от Луки все указания на иудейское происхождение Иисуса. Евангельская гармония Татиана содержит несколько текстуальных правок, поддерживающих аскетические и энкратические взгляды.

Даже внутри кафолической церкви одна группировка иногда обвиняла другую в искажении текста Священного Писания. Амврозиастер, римский комментатор посланий Павла, живший в IV в., был уверен, что в тех местах, где греческие рукописи отличаются по какому-нибудь важному пункту от привычных ему латинских, ответственность лежала на греках, которые «с их самонадеянным легкомыслием» внесли в рукопись искажения. При пересмотре старолатинского текста Евангелий бл. Иероним боялся подвергнуться порицанию даже за малейшие изменения текста в целях уточнения — страх, который, как показали последующие события, был вполне обоснован.

Рукописи Нового Завета хранят следы двух видов догматической правки: во-первых, основанной на изъятии или изменении того, что с точки зрения богословия воспринималось неприемлемым или неудобным, и во-вторых, вносившей в Священное Писание

доказательства для того или иного популярного богословского положения или варианта сложившейся практики.

При переписывании пролога третьего Евангелия писцы некоторых старолатинских рукописей и готского перевода очевидно решили, что евангелист должен был упомянуть о Божественном одобрении своего Евангелия, и в высказывание Луки (1:3), «рассудилось и мне… по порядку описать тебе», вставили после «мне» слова «и Святому Духу». Это добавление подражало тексту Деян 15:28, где сказано: «ибо угодно было Духу Святому и нам…».

Несоответствие между словами Иисуса в Ин 7:8: «Я не пойду на этот праздник, потому что Мое время еще не исполнилось», и утверждением, содержащимся двумя стихами ниже: «когда же Его братья пошли на праздник, тогда и Он Сам пошел: не явно, а как бы втайне» (за это несоответствие ухватился Порфирий[476], чтобы обвинить Иисуса в «inconstantia ac mutatio» [непостоянстве и переменчивости]), дало повод некоторым переписчикам заменить οὐκ на οὔπω («Я еще не пойду…»). Высказывание Иисуса: «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только один Отец» (Мф 24:36 и Мк 13:32), показалось неприемлемым некоторым переписчикам, которые не могли согласовать неведение Иисуса с Его достоинством, и они спасли ситуацию, просто опустив слова οὐδὲ ὁ υἱός.

Текст Лк 23:32 в рукописях p^{75} K дает чтение ἤγοντο δὲ και ἕτεροι κακοῦργοι δύο σὺν αὐτῷ ἀναιρεθῆναι («вели и других двух злодеев на смерть вместе с Ним»). Чтобы обойти возможность такого прочтения, которое подразумевало бы, что Иисус тоже был злодеем, во многих греческих свидетелях текста эта фраза записана с измененным порядком слов… ἕτεροι δύο κακοῦργοι… что меняет подчинение слова κακοῦργοι («вели и двух других, злодеев, на смерть вместе с Ним»). Две старолатинские рукописи (*c* и *e*), сирийский синайский и саидский переводы представляют другое решение этой проблемы — там слово ἕτεροι не переведено.

Интересное разночтение, отражающее весьма утонченное понимание того, что могло восприниматься в качестве более подходящего выражения, можно найти в одной из рукописей сирийского палестинского лекционария в Мф 12:36. Здесь, вместо общеизвестного изречения Иисуса: «Говорю же вам, что за всякое слово праздное, какое скажут люди, дадут они отчет в день суда», переписчик кодекса с написал «… за всякое доброе слово, какое не скажут люди…».

Упоминаний об Иосифе и Марии, присутствующие в Лк 2, некоторым благочестивым людям в ранней церкви, вне всякого сомнения, могли внушить желание защитить тезис о рождении Иисуса от Девы при помощи изменения текста. Так, в 2:41 и 43 вместо слов «Его родители» (οἱ γονεῖς αὐτοῦ) некоторые рукописи содержат чтение «Иосиф и Мария». В 2:33 и 48 некоторые свидетели изменяют указание на отца Иисуса, или подставляя имя Иосифа в ст. 33, или опуская его в ст. 48.

Усиление аскетических тенденций в древней церкви и связанное с ним настойчивое требование о соблюдении поста всеми христианами делает неудивительным тот факт, что монахи, переписывавшие рукописи, ввели несколько предписаний о посте, в особенности, связанном с молитвой. Так, например, произошло во многих рукописях Мк 9:29, Деян 10:30 и 1 Кор 7:5. В Рим 14:17, где о Царстве Божьем сказано, что оно не пища и питье, «но

праведность и мир и радость в Духе Святом», кодекс 4 после слова «праведность» имеет вставку — «и аскеза» (καὶ ἄσκησις). Подобного рода интерполяции можно найти и в 7-й главе Первого послания к Коринфянам[477].

7. Добавление различных подробностей

В Кодексе Безы и сирийском кьюртоновском переводе в Мф 1:8 вставлены дополнительные ветхозаветные имена в генеалогию Иисуса, что разрушает предлагаемую евангелистом схему групп по 14 поколений (1:17). Кроме примеров аграфы, которые содержат некоторые рукописи в Лк 6:4 и Мф 20:28 (см. выше), курьезное дополнение слов Иисуса, обращенных к Петру, можно встретить в минускульном кодексе Евангелий XII–XIII вв. (№ 713), где в Мф 17:26 диалог происходит следующим образом (добавление выделено курсивом):

> Иисус сказал ему: «Как тебе кажется, Симон? Цари земные с кого берут пошлину или подать? Со своих ли сынов, или с чужих?» И когда он ответил: «С чужих», Иисус сказал ему: «Значит, сыны свободны?» *Симон сказал: «Да». Иисус сказал ему: «Тогда ты тоже должен дать, как чужой им*, но чтобы нам не соблазнить их, пойди, на море, закинь уду, и…» (далее по тексту).

Примечательно, что такое дополнение, сохраненное в поздних греческих рукописях, очевидно было известно и в II–III вв., что засвидетельствовано комментарием Ефрема на «Диатессарон» Татиана, а также арабской редакцией «Диатессарона»[478].

Две поздних минускульных рукописи Книги Деяний (614 и 2147) называют филиппийского тюремщика πιστὸς Στεφανᾶς (Деян 16:27). Кодексы 181 и 460 в соответствии с апокрифом «Деяния Павла и Феклы» перечисляют по имени людей из «дома Онисифора», которым автор 2 Тим 4:19 посылает приветствия; это «Лектра, его жена, и Симмия и Зинон, его сыновья».

В Вульгате слова из Флп 4:3 γνήσιε σύζυγε («истинный соработник») переданы на латыни как *germane compar*. Интересно, однако, что в греческом тексте двуязычных рукописей F и G прилагательное *germane* стало именем собственным, поскольку здесь находим чтение γνήσιε Γέρμανε σύζυγε!

Троекратное славословие, ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος которое поют четверо животных перед престолом Бога (Откр 4:8), дополнено во многих рукописях. Так, согласно изысканиям Хоскиера (Hoskier), одна или более рукописей содержат повторение ἅγιος четыре, шесть, семь и восемь раз (א*), девять раз (B и 80 других рукописей) и даже тринадцать раз (рукопись 2000).

Согласно заметке переписчика на полях кодекса S, спутника Клеопы по дороге в Еммаус (Лк 24:18) звали Симон (ὁ μετὰ τοῦ Κλεωπᾶ πορευόμενος Σίμων ἦν οὐχ ὁ Πέτρος ἀλλ᾽ ὁ ἕτερος). Кодекс V на полях содержит заметку: «С Клеопой был Нафанаил, как сказано в „Панарионе“ у великого Епифания. Клеопа был двоюродным братом Спасителя и вторым епископом Иерусалима».

Много любопытных дополнений представлены в рукописях ранних переводов.

Апокрифическая вставка в двух старолатинских рукописях (a и g^1) повествует о том, что, когда Иисус «крестился, сильный свет исшел от воды, так, что все ужасались» (Мф 3:15). Другая рукопись старолатинского перевода (*k*) усиливает описание воскресения Христа, данное Марком, добавляя к Мк 16:3:

> Неожиданно, в третий час дня тьма покрыла всю окрестную землю, и ангелы сошли с небес, и Он восстал в сиянии Бога живого, [и] тотчас же они вознеслись с Ним, и немедленно стало светло. Позже они [женщины] появились около гроба[479].

Естественное любопытство читателей относительно личностей тех людей, которые упомянуты в Новом Завете, но остались безымянными, побуждало переписчиков снабжать таковых личными именами[480]. Так, например, саидский перевод называет Ниневией богатого человека из Лк 16:19. Так же он назван и в бодмеровском p^{75} (см.). Два преступника, распятых по обе стороны от Христа, получают в старолатинских рукописях следующие имена[481]:

	по правую руку	*по левую руку*	
Кодекс *c*	Мф 27:38	Зоафам	Камма
Мк 15:27	Зоафан	Хаммафа	
	? по правую руку	*? по левую руку*	
Кодекс *1*	Лк 23:32	Иоафас	Маггатрас
Кодекс *r*	Лк 23:32	—	Капнатас

Названия новозаветных книг также становились объектом постоянных усовершенствований, вносимых переписчиками. Например, очевидно, что послания Павла не нуждались в заголовках до тех пор, пока не были собраны вместе. Ранние варианты названий были краткими и четкими. Позже, однако, переписчики, не довольствуясь простыми и незамысловатыми названиями, разукрасили заглавия в соответствии со своими взглядами на положение и репутацию автора. Так, в א и C Книга Откровения озаглавлена просто Ἀποκάλυψις Ἰωάννου. Более поздние рукописи описывают Иоанна как Богослова (Ἀποκάλυψις Ἰωάννου τοῦ θεολόγου, рукописи 35, 69, 498, 1957). В других к имени прибавлено слово «святой» (ἁγίου Ἰωάννου, рукописи 1, 2015, 2020 и др.), иные же добавляют «Евангелист» и (или) «апостол». Самое длинное и полное название можно найти в рукописи горы Афон (236 по Хоскиеру; Greg. 1775): «Откровение всеславного Евангелиста, лучшего друга [Иисуса], девственника, возлюбленного Христа, Иоанна Богослова, сына Саломии и Зеведея, приемного же сына Богородицы Марии, и сына грома». (Ἡ ἀποκάλυψις τοῦ πανενδόξου εὐαγγελιστοῦ, ἐπιστηθίου φίλου, παρθένου, ἠγαπημένου τῷ Χριστῷ, Ἰωάννου τοῦ θεολόγου, υἱοῦ Σαλώμης καὶ Ζεβεδαίου, θετοῦ δὲ υἱοῦ τῆς θεοτόκου Μαρίας, καὶ υἱοῦ βροντῆς). В этом названии недостает только эпитета «апостол», да и то, скорее всего, по оплошности!

Другими вносимыми переписчиками дополнениями, в конце концов попавшими и в перевод Библии короля Иакова, являются подписи, добавленные к посланиям Павла, дающие информацию о месте, откуда, согласно традиции, каждое из них было послано, и в

некоторых случаях предполагаемое имя секретаря или человека, который это послание доставил.

Чтобы приведенные выше примеры разночтений не создали впечатление, что переписчики древних списков Нового Завета были своенравными и склонными к произволу, необходимо отметить, что другие примеры, наоборот, указывают на внимательную и кропотливую работу добросовестных переписчиков. Таковы трудные места текста, переданные со скрупулезной точностью. Например, ἦλθεν в Гал 2:12 не дает никакого удовлетворительного смысла и едва ли является той формой, которую предполагал автор. Тем не менее, переписчики ранних рукописей (включая p^{46}, א, B, D*, G) воздержались от исправления ее на ἦλθον. Другим случаем явно неверного чтения является εἴ τις σπλάγχα καὶ οἰκτιρμοί в Флп 2:1, который, возможно, восходит к ошибке секретаря, неправильно расслышавшего произнесенную Павлом фразу εἴ τι σπλάγχα… Однако, каким бы путем ни возник этот солецизм, он, несомненно, оригинален, так как все унциальные и большинство минускульных рукописей передают его с завидной точностью.

Даже случайные детали позволяют убедиться в добросовестности переписчиков. Например, переписчик Ватиканского кодекса чисто механически скопировал сквозную нумерацию разделов Павловых посланий, несмотря на то, что эта нумерация располагала послания в необычном порядке, так что Послание к Евреям стояло между Посланием к Галатам и Посланием к Ефесянам и, следовательно, была неприменима к существующей последовательности посланий в Ватиканском кодексе[482]. Примеры чрезмерной точности отдельных переписчиков можно продолжить, создавая в некоторой степени противовес тому впечатлению, которое эта глава может, пожалуй, произвести на начинающего текстолога-новозаветника[483].

ГЛАВА 8
ИСТОРИЯ ПЕРЕДАЧИ ТЕКСТА НОВОГО ЗАВЕТА

Для текстолога, которого интересует восстановление оригинального новозаветного текста, важно изучить историю текстуальной традиции начиная с древнейших времен и до конца средневековья. Среди прочего, это означает, что ему нужно знать о появлении и развитии текстуальных групп — иными словами, различных типов текста, представленных среди рукописей. И хотя многие детали окутаны тайной, все же возможно как установить общую канву этой истории, так и оценить характер главных типов текста, представленных в дошедших до нас рукописях.

I. Сложности в установлении оригинального текста

История текста каждой новозаветной книги до известной степени индивидуальна. О каждой можно сказать, что автор или авторы выпустили ее как отдельную публикацию или серию публикаций[484]. Установить происхождение некоторых текстов относительно просто — например, послание Павла к Галатам было написано в определенном месте, в определенное время и адресовалось определенной аудитории. Другие сочинения ставят исследователей в тупик. Так, многие ученые считали, что 2 Кор представляет собой соединение двух (или более) Павловых писем, написанных в разное время по разному поводу, лишь впоследствии слитых воедино и давших тот текст, который и дошел до нас. Более того, во 2 Кор есть отрывок (6:14-7:1), который в состав этих исходных писем не входил, но был интерполирован позднее и другой рукой. То же может быть сказано и о других частях Павлова корпуса. Ученые и сегодня спорят о том, какие вставки и интерполяции могли быть внесены в текст на этапе, предшествовавшем созданию древнейших сохранившихся рукописей[485].

Эти примеры показывают, насколько сложно — а подчас и едва ли возможно — говорить об оригинальном тексте Павловых посланий. Что следует счесть оригинальной формой 2 Кор? Будет ли это текстом двух самостоятельных посланий, существовавших до объединения? Но, как представляется, разделить их обратно почти невозможно, поскольку имеющееся послание — результат редактуры, при которой части первичных писем были видоизменены или сокращены. Значит, оригинал 2 Кор будет иметь тот вид, в каком он вышел из-под пера редактора — но это означает, что из него следует исключить позднейшую интерполяцию 6:14-7:1, которой во 2 Кор изначально не было. Более того, мы знаем, что Павел диктовал свои письма. Как быть, если писец не расслышал слов апостола или ошибся на письме? Что считать в этом случае оригиналом — то, что с ошибкой записал секретарь, то, что Павел сказал, или то, что он хотел сказать? В последнем случае, как мы можем прорваться сквозь письменный текст к устной, неверно записанной со слуха, речи?

Но эти проблемы — ничто по сравнению с Евангелиями, где ситуация еще сложнее. Ведь Евангелия основаны на устной традиции и письменных источниках, ставших ныне для нас недоступными. Что значит, в этом случае, восстановление оригинального текста для Евангелия от Иоанна? Станет ли текстолог реконструировать древнейшую версию, которая

не включала бы в себя главу 21? Скорее всего, нет, ведь все наши рукописи, сохранившие текст Евангелия полностью, содержат и эту главу. Значит, будем восстанавливать текст в окончательном авторском виде со включением 21 главы. Но нужно ли будет нам в этом случае выбросить эпизод с женщиной, взятой в прелюбодеянии (7:53-8:1)? Сочтем мы эту перикопу составной частью оригинального текста или же позднейшей вставкой, которая к нему не относится?[486]

Перечисленные выше вопросы принадлежат к числу тех теоретических проблем, которые встают перед текстологом. Фундаментальный вопрос науки, решить который необходимо всякому исследователю, формулируется так: что представляет собой само понятие оригинального текста и его восстановления?[487] Ответить на него не так-то просто, но невзирая на подобные затруднения, большинство ученых признают, что рукописи всех библейских книг (будь то Гал, 2 Кор или Ин) в том или ином виде восходят к тексту, который был создан (или получил окончательную редакцию) и опубликован в определенный момент в определенном месте. Именно этот «окончательно опубликованный» вариант текста, ставший основой для всех позднейших рукописей, текстология и стремится восстановить[488].

II. Распространение раннехристианской литературы

Каждая из новозаветных книг с момента своего создания начинала обращаться в среде, которую составляли христианские общины. Именно это и называлось в античности публикацией — изготовление вручную одной или нескольких копий, которые затем передавались другим для чтения[489].

Древнейшие экземпляры каждой книги, несомненно, были созданы либо в общине, где тот или иной текст появился (скажем, если Павел оставлял себе копию продиктованного письма перед тем, как его отправить), либо же в общине, к которой он был адресован. Поскольку другие христиане хотели иметь эти книги либо для личного чтения, либо для использования в своих общинах, они переписывали нужные тексты от руки. Древнейшими переписчиками новозаветных книг, вероятно, были не профессиональные писцы, зарабатывавшие себе на жизнь копированием литературных сочинений, а просто образованные члены церкви, которые имели время и силы для подобной работы. Поскольку большинство из них, если не все, были в писцовом ремесле дилетантами, можно не сомневаться, что при переписывании в тексте появилось довольно много ошибок. Оригинал текста мог быть потерян или уничтожен вскоре после его публикации, и все имевшиеся рукописи воспроизводили текст какой-то одной копии, переписанной с ошибками на раннем этапе существования текста.

По мере того, как христианство распространялось в Средиземноморье, новые общины появлялись в тех или иных больших городах или поблизости от них. Новым общинам требовались новые экземпляры писаний, христианские тексты активно распространялась, и с более старых списков делали все новые и новые любительские копии. К началу II века практически все книги, впоследствии вошедшие в состав Нового Завета, уже существовали — то есть были написаны, отредактированы и изданы — и в разных местностях уже существовали многочисленные их копии. В каждом регионе тексты переписывали снова и

снова по мере того, как в них появлялась необходимость. Поскольку основывались новые церкви и расширялись старые, подобных копий требовалось все больше и больше. К тому же в христианство обращалось все больше образованных людей, которым хотелось изготовить экземпляр апостольских сочинений либо для частного чтения, либо для передачи его той церкви, в которой они состояли. Новые списки можно было сделать только с имеющихся в данной общине, а последние могли отличаться от того, чем располагали христиане других городов и провинций — поэтому неудивительно, что со временем новозаветный текст каждого региона приобрел собственную уникальную форму, в тех или иных деталях отличную от текста, которым пользовались другие церкви.

Мы располагаем свидетельствами, указывающими на то, что на раннем этапе передачи текста в него вносились многочисленные изменения — отдельные слова и целые строки при переписке неизбежно опускали или, напротив, могли скопировать дважды; переписчики правили стиль, заменяли одни слова другими, исправляли погрешности или очевидные ошибки. (Подробнее о таких изменениях сказано в Главе 7). Поразительная черта текстуальной традиции заключается в том, что разница между древнейшими рукописями каждой из книг будущего Нового Завета оказывается существенно большей, нежели между средневековыми, которые переписывались в иных, более регламентированных условиях. Цитаты из Нового Завета у ранних отцов церкви также свидетельствуют о том, что на древнейших этапах передачи текста он мог варьироваться в весьма широких пределах.

III. Появление и развитие текстуальных типов

К середине II в. существовало уже достаточно много рукописей для того, чтобы начался процесс их перекрестного влияния друг на друга. Ведь переписчик отныне в определенных отрывках мог сравнивать имеющиеся списки и самостоятельно выбирать, какой именно текст ему копировать. С одной стороны, подобное смешение усложняет историю текста: линии текстуальной близости становятся настолько переплетенными и запутанными, что почти не позволяют проследить, от каких именно предшественников произошла каждая конкретная рукопись. С другой стороны, подобная ситуация предполагает, что изменения определенного рода — гармонизация, свободный парафраз, замена необычных слов более распространенными — становились более систематическими, так что изменения в рукописях оказывались не только похожими, но и совершенно одинаковыми.

1. Западный текст

Большинство ученых согласны в том, что западный текст обязан своим появлением тому, как во II веке у писцов было принято копировать рукописи[490]. Название этому текстуальному типу дано не вполне удачно, так как он обнаруживается и за пределами западных провинций Римской империи. Более того, некоторые исследователи поставили под вопрос само существование его как самостоятельного текстуального типа, указывая на то, что существующие свидетели не содержат текста, характеризующегося строго последовательным набором признаков или гомогенностью, отличающей другие

текстуальные типы. Тем не менее, памятники западного типа демонстрируют и характерные изменения текста, и общий для всех рукописей набор характерных чтений (хотя он и меньше, чем у других типов). Поскольку различные западные свидетели весьма слабо связаны между собой, большинство исследователей не склонно считать, что этот тип возник в результате ревизии более раннего текста, проведенной одним или несколькими справщиками; скорее его признают продуктом неконтролируемого и мало регламентированного роста рукописной традиции во II веке.

Историю западного текста можно проследить, начиная с очень раннего времени, поскольку им пользовались Маркион, Юстин, Гераклеон, Ириней, Тертуллиан и другие церковные авторы II века[491]. Среди папирусов его содержат p^{48} (конец III века) и p^{38} (около 300 г.). Наиболее важными свидетелями этого типа являются Кодекс Безы и старолатинские рукописи, характеризующиеся более или менее длинными добавлениями текста или, в некоторых случаях, поразительными пропусками. Так называемый западный текст Евангелий, Деяний и посланий Павла был широко распространен[492], причем не только в Северной Африке, Италии и Галлии (которые относятся к западной части Империи), но также и в Египте[493] и, в слегка измененном виде, на Востоке. Обращавшиеся там варианты текста представлены в Синайской и Кьюртоновской рукописях старосирийского перевода, в маргиналиях гераклийской, и, возможно, в палестинской сирийской версии.

Главная черта западного текста — его страсть к парафразу. Отдельные слова, словосочетания, придаточные предложения, а иногда и целые фразы свободно изменяются, добавляются или выбрасываются вовсе. Иногда целью подобной правки оказывается гармонизация, но в ряде других случаев текст явно редактировали, желая обогатить его подробностями, взятыми из традиции или апокрифов.

2. Александрийский текст

Было бы ошибкой считать, что везде и всюду в Римской империи господствовала манера бесконтрольного копирования текстов, подобная той, что привела к появлению западного типа. У нас есть все основания полагать, что, по крайней мере, в одном центре раннего христианства — а именно в Александрии — были предприняты осознанные и последовательные попытки поставить переписку текстов Нового Завета под должный контроль.

Александрия, в древнем мире славившаяся как главный центр науки и культуры, была местом, где процветали давние традиции классической филологии. Их средоточием были знаменитый Мусейон и Александрийская библиотека, но и основная масса горожан тоже, по-видимому, находилась в поле влияния этой культуры[494]. Неудивительно, что связанные с Александрией рукописи новозаветного текста с самого начала демонстрируют высокую аккуратность в передаче текста. Именно здесь древнейшая его форма сохранялась и переписывалась, и о том свидетельствуют труды церковных писателей III–IV вв. — Оригена, Афанасия, Дидима Слепца, а также такие замечательные рукописи, как p^{66}, p^{75}, Ватиканский и Синайский кодексы, а также коптские переводы. Поразительное совпадение текста p^{75}, относящегося к началу III в., и Ватиканского кодекса, относящегося к IV в., ясно доказывает

стремление христианских ученых в Александрии со всем прилежанием и аккуратностью сохранить текст Нового Завета свободным от искажений.

Конечно, даже в Александрии писцы при постоянном копировании текстов понемногу изменяли их. Поэтому среди александрийских свидетелей ныне выделяют две подгруппы. К первичным относятся те, что сохранили верность прекрасному тексту p^{75} — B (это в первую очередь p^{66}, датируемый примерно 200 г., и Ориген), ко вторичным — те, кто выказывает признаки характерно александрийской правки, сглаживающей грамматику и стиль (C, L, 33, Дидим Слепец).

Во II–III вв., таким образом, мы констатируем существование двух основных текстуальных типов: склонный к парафразу, неконтролируемый западный и тщательно сохраняемый, близкий к оригиналу александрийский. Вне всякого сомнения, наряду с ними формировались и существовали также и другие характерные типы текста, однако от этих локальных типов сохранилось весьма немногое[495].

3. Византийский текст

Третьим основным типом текста, дошедшим до нас, является византийский, известный под разными названиями. Весткотт и Хорт окрестили его сирийским, фон Зоден (von Soden) — типом койне, Лейк (Lake) — церковным, а Роупс (Ropes) — антиохийским типом текста. Если оставить в стороне тех немногих исследователей, кто в принятии текстологических решений продолжает апеллировать к «тексту большинства»[496], практически все ученые ныне видят в византийском типе позднюю редакцию текста. Недавние исследования показывают, что в зачаточном виде его можно найти уже у таких отцов IV века, как Василий Великий и Иоанн Златоуст[497], однако окончательная форма византийского текста стала результатом медленного развития традиции, которое нельзя локализовать в каком-либо одном регионе или точно датировать[498]. Иными словами, византийский текст не был создан одним человеком или одной общиной. Напротив, представляется, что его редакторы заимствовали варианты из более ранних типов текста и делали выбор между уже существующими чтениями, вместо того, чтобы создавать собственные, которые соответствовали бы их представлениям об улучшении текста[499].

Византийский текст характеризуется ясностью и полнотой. Те, кто на протяжении многих лет заботился о его внешнем виде, стремились убрать любые шероховатости стиля, соединить конкурирующие разночтения в один пространный вариант (этот процесс носит название *конфляции*), и гармонизировать не вполне согласующиеся параллельные места. Несомненно, такие достоинства обеспечили этому текстуальному типу столь высокую популярность, что к началу средневековья именно его стали предпочитать копиисты. Древнейшим памятником этого типа является Александрийский кодекс (в Евангелиях, но не Деяниях, посланиях или Откровении); его мы находим во многих поздних маюскулах и подавляющем большинстве минускулов.

Успеху византийского текста способствовали и исторические причины. Этот тип был принят в Константинополе, откуда затем широко распространился по всей Византийской империи, где сохранялся греческий язык. Не приходится удивляться, что именно этот текст

стал господствовать в рукописной традиции греческого Нового Завета начиная с VII века и сохранился в абсолютном большинстве сохранившихся рукописей. Однако последнее обстоятельство, как мы уже видели выше, отнюдь не дает византийскому типу какого-либо преимущества при реконструкции оригинального текста. Для этих целей избираются более ранние варианты — западный и, в большей степени, александрийский, которые, по мнению весьма многих критиков, далеко превосходят византийский текст.

IV. Текстология и социальная история раннего христианства[500]

Если конечной целью текстологии мы сочтем реконструкцию оригинала Нового Завета, критика приобретет отчетливо негативные черты и сведется к вычеркиванию всех ошибочных чтений, что в итоге приведет к восстановлению первоначального текста. По словам Хорта, эта задача требует «не более чем выявить ошибку и отбросить ее»[501].

Напротив, в последние десятилетия многие текстологи пришли к выводу о том, что чрезмерная концентрация на автографах приводит исследователя к своеобразной близорукости, поскольку она не учитывает, что текстуальные вариации могут оказаться полезным материалом для историка, который занимается не только экзегетикой новозаветного текста. Поэтому одним из наиболее значительных прорывов в текстологии в последнее время стало понимание того, что история передачи текста может стать источником по истории его интерпретации: раннехристианские экзегеты часто расходились в понимании того или иного пассажа потому, что цитировали его в разных видах[502].

Более того, некоторые ученые признали, что текстуальные варианты могут пролить свет на социальную историю раннего христианства, особенно в первые три века, когда и появилось наибольшее число искажений[503]. Ведь изменения, которые вносились писцами в текст, иногда были вызваны социально-историческими условиями, в котором работал переписчик. Исследуя эти разночтения, можно реконструировать контекст, в котором они были созданы, причем других сведений об этом контексте мы почти не имеем. Если мы смотрим на вещи так, то текстуальные вариации перестают быть сорняками, которые должны быть повыдерганы на пути к восстановленному оригиналу, как считал Хорт; наоборот, они превращаются в ценные исторические свидетельства о древнейшем христианстве.

В социальной истории раннего христианства можно выделить шесть основных сюжетов, разработке которых может способствовать анализ расхождений в рукописях Нового Завета.

1. Доктринальные дискуссии

В 1934 г. увидела свет новаторская работа Вальтера Бауэра (Bauer), в которой он доказывал, что в II–III вв. ортодоксия не была ни исходной, ни повсеместно господствующей формой христианства, а ересь (во всех ее многообразных проявлениях) не была вторичным и далеким производным от ортодоксии. Напротив, раннее христианство состояло из конкурирующих вариантов веры и практики; один из этих вариантов по ряду причин

социального, экономического и политического характера в итоге одержал верх и затем переписал церковную историю в духе собственного триумфа. Ортодоксией стала та форма религии, которую приняли христиане Рима[504].

Хотя по поводу многих деталей подобной реконструкции продолжаются дискуссии[505], предложенная Бауэром всеобъемлющая концепция сохраняет свою популярность, точно так же, как и его акцент на том, что богословские дискуссии имели ключевое значение для истории раннего христианства[506]. Тем не менее, многие ученые прошлого века доказывали, что эти споры не оказывали никакого влияния на текстуальную традицию Нового Завета. Частично это мнение было основано на авторитетном суждении Хорта, который писал: «Будет уместным прямо добавить здесь, сколь глубоко верим мы в то, что даже среди многих бесспорно подложных разночтений в Новом Завете нет и намека на сознательную подделку его текста ради догматических причин»[507]. Вполне созвучной мнению Хорта была позиция А. Блудау, который подробно исследовал обвинение, выдвигавшееся против еретиков и состоявшее в том, что они целенаправленно подделывали Писание. Прослеживая это обвинение с апостольских времен до периода монофизитских споров[508], Блудау доказывал, что во многих случаях направлено оно не столько против еретических изменений текста, сколько против его еретической интерпретации, а в тех случаях, когда имелось в виду именно искажение текста, обвинение оказывалось безосновательным. Вывод Блудау заключался в том, что рукописи Нового Завета были вполне защищены от прямой фальсификации текста, поскольку все заинтересованные партии зорко следили за процессом их переписки[509].

Вопреки своей популярности, это мнение так и не стало господствующим. Еще до Второй мировой войны некоторые ученые — и среди них такие выдающиеся исследователи, как Кирсопп Лейк, Дж. Рендел Харрис, Адольф фон Гарнак, Дональд Риддл и особенно сам Вальтер Бауэр (в другой своей, гораздо менее читаемой, но столь же внушительной монографии)[510] — выявили примеры богословски мотивированной порчи текста. Тем не менее, всего четыре десятилетия назад ученые подошли к тому, чтобы в полной мере признать, сколь сильно раннехристианские идеологические распри повлияли на состояние текста Нового Завета. Основной движущей силой стала новаторская работа Элдона Джея Эппа о богословской тенденциозности Кодекса Безы[511]. Хотя его выводы относились скорее к сфере иудео-христианских взаимоотношений (см.), нежели ко внутренней раннехристианской полемике, Эпп, тем не менее, атаковал позицию Хорта, доказывая, что некоторые богословские тенденции так называемого западного текста в том виде, в каком он сохранен для нас Кодексом Безы, объясняются богословскими склонностями писца[512]. Проделав детальный анализ, Эпп убедительно показал, что около 40 % разночтений Кодекса Безы в Деяниях демонстрируют отчетливую антииудейскую тенденцию. Рациональный вывод из этого наблюдения состоит в том, что сам писец, или традиция, которую он воспринял, имели в той или иной степени антииудейский характер, и это предубеждение было внесено в текст при его переписывании[513].

Дальнейшие исследования богословских тенденций перешли от изучения отдельных рукописей к панорамному обзору всех сохранившихся текстуальных свидетелей[514]. Пусть даже богословские споры и не стали причиной появления сотен тысяч разночтений, но

несколько сотен они бесспорно породили, причем в совокупности своей эти текстуальные варианты значат довольно много, а многие чувствительно влияют на решение серьезных вопросов новозаветной экзегезы и теологии[515].

Явный пример подобного богословски мотивированного изменения можно найти в рассказе о детстве Иисуса (Лк 2). В двух случаях древнейший текст называет Иосифа отцом Иисуса, что должно было озадачить писцов, веривших в то, что Иисус был рожден от девы (эта идея встречается и у самого Луки). В Лк 2:33 мы читаем, что «отец и мать» Иисуса начали удивляться тому, что говорилось о нем. Однако большинство греческих рукописей вместе со старолатинскими, сирийскими и коптскими, во избежание затруднения изменяют текст на «Иосиф и мать Его». Точно так же, несколькими стихами ниже, в 2:48 мать Иисуса укоряет его за то, что он после праздника остался в Иерусалиме, когда все остальные отправились домой, и говорит «Отец твой и я с великой скорбью искали тебя». Здесь текст видоизменен в гораздо меньшем числе свидетелей — только одна греческая рукопись V века и две старолатинских читают в этом месте «Твои родственники и я огорчены», а одна сирийская и несколько старолатинских — «Мы огорчились».

В этих вариациях об Иосифе перестают говорить как об отце Иисуса. Подобная перемена звучит осмысленно в контексте раннехристианских споров, когда некоторые группы (иудео-христиане и адопционалисты) утверждали, что Иисус был человеком из плоти и крови, сыном Иосифа и Марии[516].

Тот же полемический контекст предполагается и изменениями, внесенными в Евангелие от Луки главой ниже — в рассказе о крещении Иисуса. Глас с неба в большинстве рукописей содержит отсылку к Ис 42: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение» (Лк 3:22). Однако широкий круг патристических свидетельств, датируемых II–III вв., говорят, что голос процитировал Пс 2:7: «Ты сын Мой возлюбленный, ныне я родил тебя». Подобная форма текста, разумеется, звучала весьма на руку тем, кто придерживался адопционистских взглядов, поскольку она позволяла утверждать, что Иисус стал сыном Бога только во время крещения. Соответственно, весьма велика вероятность, что вариант текста, обнаруживаемый в большинстве рукописей, содержит антиадопционалистское искажение оригинала[517].

Некоторые пассажи в Новом Завете были видоизменены, чтобы более явно подчеркивать божественность Иисуса. Один из самых интригующих вариантов в первой части Евангелия от Иоанна присутствует в последнем стихе пролога, где, если судить по большинству рукописей, Иисус назван «единственным сыном на лоне Отца». Поразительно, что некоторые свидетели, в основном александрийские, в этом месте называют Иисуса «единственным Богом на лоне Отца». Хотя многие ученые по-прежнему считают это чтение оригинальным, вполне может быть, что на самом деле оно было внесено александрийскими писцами, желавшими подчеркнуть божественность Иисуса в противовес тем, кто утверждал, что он был всего лишь человеком[518].

Существовали и другие христианские группы, включавшие в себя маркионитов и некоторых гностиков, придерживавшиеся прямо противоположной христологии. Для них Иисус ни в коем случае не был человеком, — он был полностью божественной фигурой. Полемизируя с этим мнением, некоторые протоортодоксальные писцы II–III вв. иногда изменяли свой текст, чтобы подчеркнуть, что Иисус на самом деле был во всех своих

проявлениях человеком. Один их важных примеров такого рода мы находим в Евангелии от Луки в сцене ареста, где содержится упоминание о «кровавом поте» — «явился же Ему ангел с небес и укреплял Его. И находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк 22:43–44). Этих строк нет в древнейших и лучших рукописях, в том числе — в большинстве александрийских. Поразительно, но древнейшими свидетелями текста оказываются трое церковных писателей — Юстин, Ириней и Ипполит, каждый из которых опирается на эти стихи, чтобы оспорить еретическую христологию, считающую, что Иисус не был полностью человеком, испытывающим весь спектр человеческих страданий. Вполне возможно, что эти строки были добавлены в текст Евангелия именно по этой причине — ради борьбы со сторонниками докетических воззрений[519].

Наиболее подробные исследования такого рода ограничиваются в основном христологией. Будущая разработка вопроса может продуктивно исследовать другие области доктринальных споров.

2. Иудео-христианские отношения

Одним из наиболее плодотворных направлений в последние 60 лет стало исследование ранних иудео-христианских отношений и причин появления христианского антииудаизма. У истоков этого направления стоят фундаментальные работы Жюля Исаака и Марселя Симона (Simon). В немалой степени разработку этой темы стимулировал провокативный тезис Розмари Рютер о том, что христианство по самой природе своей всегда было антииудейским, и ученые — как новозаветники, так и занимающиеся более поздним периодом истории раннего христианства — создали немало работ, в которых обсуждалось отношение христианства к его иудейской матрице[520].

В какой мере конфликт с иудеями, явно ощущаемый на протяжении первых трех веков, повлиял на писцов, копировавших тексты Писания? К сожалению, этот вопрос пока не получил должной разработки. Ясно одно — еще до Второй мировой войны ученые замечали, что некоторые рукописи содержат вариации, подразумевающие связь с этим конфликтом. Особо следует упомянуть Генриха-Йозефа Фогельса (Vogels) и Дж. Рендела Харриса. Оба они доказывали, что антииудейские черты Татианова «Диатессарона» повлияли на несколько дошедших до нас рукописей[521]. Кьюртоновский сирийский текст, например, видоизменяет слова о том, что Иисус спасет «свой народ» от грехов (Мф 1:21) и заставляет Иисуса сказать, что он спасет «мир». Точно так же некоторые сирийские и латинские рукописи Евангелия от Иоанна переменяют слова, обращенные к самарянке (4:22) таким образом, чтобы спасение приходило «из Иудеи» а не «от иудеев». Среди наиболее любопытных изменений такого рода из примерно двух дюжин, выявленных учеными, следует назвать вариацию в Лк 23:34. Некоторые рукописи меняют слова, сказанные Иисусом на кресте, выбрасывая «Отец, прости им, ибо не ведают, что творят» — подобное опущение осмысленно в том случае, если текст в данном месте понимается как просьба простить иудеев, виновных в его казни[522].

Выше уже говорилось, что наиболее важной работой, посвященной антиеврейскому

влиянию на текст Нового Завета, является монография Эппа о Деяниях в Кодексе Безы. Следуя высказанному ранее мнению о том, что западный текст может содержать антиеврейские тенденции, Эпп весьма убедительно показал, что многие западные добавления к тексту Деяний направлены против иудеев, не признающих Христа[523]. Пусть даже Эпп и не стремился выявить *Sitz im Leben* для подобной деятельности писцов, ее социальный контекст очевиден — это полемика ранних христиан против иудеев. Будущие исследования смогут во всех деталях продуктивно изучить этот полемический фон текстуальной новозаветной традиции[524].

3. Подавление женщины в раннем христианстве

Одно из наиболее важных направлений в новозаветной науке, возникшее немногим более 30 лет назад, интенсивно занимается изучением роли женщин в раннем христианстве. Исследователи, работающие в этой области, отнюдь не едины ни в применяемых методах, ни в полученных результатах: одни доказывают, что христианская традиция неистребимо патриархальна настолько, что ее нужно выбросить за борт[525], в то время как другие стремятся преодолеть тенденциозность наших источников, чтобы сохранить для себя традицию[526].

Историку, занимающемуся ролью женщин в раннехристианских общинах, невозможно пройти мимо извечного вопроса о статусе 1 Кор 14:34–35. Этот отрывок требует от женщин в церквах молчать и подчиняться. Многие доказывали, что эти слова не принадлежат Павлу, но являются интерполяцией, внесенной, возможно, составителем (псевдэпиграфического?) 1 Тим (ср. 2:1-10)[527]. В то время как слабым местом теории об интерполяции была слишком надежная текстуальная база — пассаж встречается во всех свидетелях текста — Гордон Фи (Fee) привлек в поддержку тезиса о позднейшей вставке доказательство текстологического характера. Он заметил, что стихи, о которых идет речь, в западном тексте находятся в ином месте, из чего вывел, что это могла быть маргиналия, внесенная в текст примерно там, где она подходила по смыслу)[528]. Если Фи прав в своей догадке об апокрифическом характере 1 Кор 14:34–35, его наблюдение может означать, что на более позднем этапе Павловой традиции (возможно, ближе к рубежу I–II вв.) женщины оказались объектом более систематического подавления, нежели при ее рождении[529].

Своей удачной попыткой шире забросить сети Бен Уидерингтон (Witherington) суммировал некоторые данные в пользу того, что писец Кодекса Безы стремится затушевать выдающуюся роль, которую женщины играли в ранней церкви, как о том свидетельствует рассказ Деяний[530]. Несколько неудачно назвав такие изменения «антифеминистскими»[531], Уидерингтон указывает на то, что в Кодексе Безы фессалоникские обращенные Павла (Деян 17:4) названы не «знатными женщинами», а «женами знатных мужей», или что роль женщин отчасти смягчена упоминанием об их детях (Деян 1:14) или мужчинах высокого положения (Деян 17:12), или что имя Акилы регулярно предшествует имени Прискиллы — все это могло указывать на неудовольствие, которое у переписчика вызывало откровенное свидетельство о выдающемся положении женщин в раннехристианских общинах.

Некоторые исследователи уже обсудили, в сжатом виде, вопрос о значении

текстуальных вариаций для оценки роли ранней церкви в подавлении женщины, но нам остается ждать подробного и строгого анализа этой проблемы.

4. Христианская апология

Четвертая область, в которой социальное окружение переписчиков влияло на их работу — это конфликт между христианством и Империей. Христианские интеллектуалы, называемые апологетами, стремились защитить новую религию от нападок, с которыми выступали презирающие ее образованные или политически мыслящие оппоненты. Как показал недавно Уэйн Кэннедей, эти конфликты также влияли на текст Нового Завета[532].

Примерно около 180 г. некоторые хорошо информированные языческие критики христианства, такие, как сторонник среднего платонизма Цельс, уже прочли Евангелия и использовали содержащиеся в них портреты Иисуса в спорах с христианами. Это привело к возникновению — по крайней мере, среди людей образованных — яростного спора о том, в какой мере слова и дела Иисуса подобали тому, кто почитался как Сын Бога. Фоном этих споров была распространенная в Средиземноморье вера в то, что божественные мужи иногда спускаются на землю. Существовали многочисленные истории о том, как божественные персонажи, подобные Иисусу, рождались сверхъестественным образом, творили чудеса (например, исцеляя больных, изгоняя демонов, воскрешая мертвых), а затем были вознесены на небо, где присоединились к богам. Такие деятели часто назывались «сынами богов»[533].

Насколько можно судить по дошедшим до нас отрывочным свидетельствам, в греко-римском мире как будто бы существовали общие идеи о том, как такой божественный муж должен будет себя вести. Часть споров между язычниками и христианами, по крайней мере, в усложненном контексте апологетической литературы, вращалась вокруг вопроса о том, обладал ли Иисус манерами и выправкой, которых ожидали от подлинного Сына Бога. Языческие критики, подобные Цельсу, доказывали, что Иисус был обманщиком, который не принес роду человеческому никакого блага, и следовательно, не являлся подлинным Сыном Божьим, а наоборот, был обманщиком, мастером темных дел и магом[534].

Эти дебаты о личности Иисуса и уместности или неуместности для него титула «Сын Божий» иногда влияли на передачу текста Нового Завета. Один из наиболее интересных случаев содержится в Мк 6:3, где, согласно большинству рукописей, жители Назарета называют Иисуса «плотником, сыном Марии». Нам известно, что сам Цельс придавал этому сообщению большой вес, вероятно, потому что он мог считать, что такая профессия помещает Иисуса в низшую социальную группу и одно это отнимает у него божественный статус. Ориген мог, вероятно, солгать, утверждая в ответ, что ни одно из Евангелий церкви подобного известия не содержит; а могло быть и так, что все доступные Оригену рукописи Евангелия от Марка были согласны с рукописями p^{45}, f^{13} и 33, которые меняли в 6:2 слово «плотник» на «сын плотника», наконец, Оригена могла просто подвести память. В любом случае, учитывая, что модификация относится ко II веку — иными словами, в точности к тому времени, когда социальный статус Иисуса оказался предметом обсуждения — можно предположить, что перемена текста была обусловлена именно апологетическими

причинами[535].

Другой пример — видоизменение Мк 1:41[536]. Во всех греческих рукописях за исключением Кодекса Безы, Иисус с симпатией откликается на просьбу прокаженного: «Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его». В Кодексе же D и еще нескольких старолатинских рукописях симпатия Иисуса заменена на гнев: «и рассердившись на него, он простер руку…»

Это чтение, разумеется, не принадлежит к числу надежно зафиксированных, и по этой причине его год за годом исключают из критических изданий и комммментариев[537]. Но в этом случае нужно решить сложный вопрос, связанный с передачей текста. Если древнейший вариант говорил, что Иисус исцелил беднягу, будучи движим состраданием, то с какой стати писцу было менять милость на гнев? Но если в Евангелии исходно было упоминание о том, что Иисус рассердился, переписчики могли счесть это оскорбительным и изменить текст. Более того, сделать это они могли не столько из общих соображений, сколько из страха, как бы языческие критики, подобно Цельсу, читавшие и перечитывавшие Евангелия в поисках того, что можно было вменить в вину божественному основателю христианской религии, не нашли в Мк 1:41 дополнительного яда для смазывания своих стрел.

Есть и другой довод в пользу того, что текст исходно содержал упоминание о том, что Иисус впал в раздражение, когда к нему обратился прокаженный. Здесь уместно будет вспомнить, что переписчики дошедших до нас рукописей не копировали Евангелие от Марка с оригинала. Строго говоря, древнейшие дошедшие до нас копии этого текста были сделаны Матфеем и Лукой (пусть даже в процессе переписывания оба они допустили редакторские вольности, которых себе не позволял никто из позднейших переписчиков). Если мы сохраняем приоритет Марка, как это делает большинство ученых вопреки участившимся в последние годы атакам на эту концепцию, полезно будет взглянуть на то, как поступают с этим местом двое других синоптиков.

Поразителен тот факт, что и Матфей, и Лука, сохраняя этот эпизод для своих целей почти дословно, опускают причастие, которое вызывает проблему в тексте Марка (σπλαγχισθείς или ὀργισθείς). Нужно, конечно, сделать скидку на то, что оба они свободно изменяют любой текст Марка в зависимости от своих нужд, однако крайне редко они изменяют его *одинаковым* образом. Так называемые «малые согласования» между Матфеем и Лукой всегда оказывались величайшей проблемой для сторонников первенства Марка. Замечательнее всего, что эти согласования, как правило, совпадают сокращениями в тексте Мк, и за редким исключением их можно объяснить тем, что в оригинале стоит нечто, могущее вызвать недоумение или непонимание читателя, — иными словами, то, что может показаться таковым более чем одному редактору[538].

В связи с этим следует отметить еще одно обстоятельство. Более нет ни одного примера того, что Матфей и Лука опускают упоминание о том, что Иисус проявил симпатию (σπλαγχισθείς), если оно присутствует у Марка[539]. Почему в данном случае понадобилось бы опустить причастие? Подобное сокращение было бы осмысленным только в том случае, если бы текст Марка, в том виде как он был доступен Матфею и Луке, содержал указание не на то, что Иисус умилостивился (σπλαγχισθείς), а на его гнев (ὀργισθείς). Но осмыслено ли раздражение Иисуса перед исцелением, если на него взглянуть в контексте Евангелия от

Марка?[540] Иисус у Марка раздражается и в других случаях (3:5, 10:41; оба раза раздражение Матфеем и Лукой опущено!). Относительно данного контекста некоторые комментаторы заметили, было бы трудно истолковать строгость Иисуса в Мк 5:45 в отрыве от какого-либо похожего сообщения выше по тексту: «и запретив ему, немедленно изгнал его» (καὶ ἐμβριμησάμενος αὐτῷ εὐθὺς ἐξέβαλεν αὐτόν)[541]. Наконец, перемена текста от раздраженного Иисуса к сострадающему осмыслена в свете апологетических попыток, предпринимавшихся более поздними авторами, такими как Ориген. Одна из его задач состояла в том, чтобы показать, что Иисус не только не совершал никаких преступлений, но и самое его присутствие среди людей приносило великую пользу. Акцент на проявленном сострадании существенно помогал в отражении нападок на Иисуса со стороны оппонентов вроде Цельса.

Другие текстуальные варианты также, при ближайшем рассмотрении, оказываются апологетическими. Именно таким, без сомнения, был импульс, заставивший изменить порядок слов в Лк 23:32, где оригинальное утверждение, что Иисус был распят «с двумя другими преступниками» в большинстве рукописей видоизменено на «…с двумя другими, которые были преступниками». Еще более эффективную замену мы встречаем в рукописях некоторых переводов (c, e, sy^{s}), где оскорбительный намек убран вовсе, так что Иисус теперь оказывается распятым рядом «с двумя преступниками».

Апология может стоять и за некоторыми изменениями в тексте Евангелий в тех местах, где Иисус, всезнающий Сын Бога, допускает фактическую ошибку, и изменение в тексте позволяет ее исправить. Возможно, в этом и состоит причина исключения проблематичного утверждения в Мк 2:26, гласящего, что Давид вошел в Храм, чтобы есть хлебы предложения, «при Авиафаре первосвященнике» (в то время как на самом деле в это время первосвященником был его отец Ахимелех, см. 1 Цар 21:1–7) и обещание Иисуса в Мк 14:62, обращенное к первосвященнику и гласящее, что тот не умрет, пока не увидит Сына Человеческого, «грядущего на облаках небесных» (тогда как на самом деле он умер задолго до этих событий). Оба пассажа были изменены переписчиками, возможно, чтобы читатель не подумал, что Иисус может ошибаться.

5. Христианская аскетика

Пятая область включает в себя примеры того, как на переписчиков влияли интересы христианского аскетизма. Их воздействие было сравнительно слабым, но тем не менее заметным. Самый известный пример изменения, вызванного аскетической ориентацией переписчика[542] — это слова Иисуса ученикам, не сумевшим изгнать особенно трудного демона: «Сей род изгоняется только молитвой» (Мк 9:29). Многие рукописи добавляют к словам Иисуса одну важную деталь: «сей род изгоняется молитвой и постом». Так становится понятным, что аскетическая жизнь есть непременное условие для победы над сатанинскими силами выпущенного в наш мир зла.

Два других примера содержатся в чтениях, чье присутствие в наших сирийских свидетелях ранее объяснялось энкратическими тенденциями Татианова «Диатессарона». Первый появляется в Лк 2:36, где Синайская сирийская рукопись гласит, что пророчица Анна наслаждалась благами брачной жизни не «семь лет», а всего «семь дней». Второй

пример, в той же рукописи, исключает быков и откормленных тельцов из меню брачного пира в Мф 22:4. О диете Иоанна Крестителя напоминает автор Евангелия Эвионитов — изменив одну букву и добавив другую, этот сторонник вегетарианской пищи накормил Крестителя медовыми лепешками в масле (ἐγκρίδες) вместо саранчи (ἀκρίδες)[543]. Писцы, менявшие таким образом текст, явно стремились к жизни, полной самоотречения.

6. Магия и предсказание будущего в раннем христианстве

Один из интереснейших сюжетов библеистики — это роль магии в ранней церкви. Далеко не все ученые, работающие в этой области, согласны друг с другом даже в наиболее фундаментальных вопросах — таких, как определение *магии* и *религии* или вопрос о том, в какой степени они могут быть четко отделены друг от друга[544]. Тем не менее в последние годы появилось довольно много творческих и проницательных работ, некоторые из которых исследуют роль магии в жизни Иисуса, другие — ее изображение в новозаветных повествованиях, третьи — ее популярность среди ранних христиан[545].

Примеров того, как магические раннехристианские практики меняли текст Нового Завета, либо крайне мало, либо не существует вовсе. Но из литературных источников IV и последующего веков, что сами по себе новозаветные рукописи использовались для нужд апотропической магии — например, их носили на шее или подкладывали под подушку для отгнания бесов[546]. Среди папирусов, обнаруженных и исследованных в последние 50 лет, есть те, что, вне всякого сомнения, использовались в качестве амулетов: они невелики по размеру, обычно представляют собой один сложенный лист, иногда к нему может быть привязан шнурок для ношения на шее. Содержание таких амулетов соответствует тому, ради которых их создавали — отпугивать бесов или излечивать от болезней; обычно это молитва «Отче наш» или рассказ об исцелении[547]. Христианские амулеты еще ждут своего исследователя[548].

Близко примыкает к амулетам и магии практика античного гадания, которой также посвящено немало интересных работ. В особенности это касается так называемых «Жребиев Астрампсиха» *(Sortes Astrampsychi)* и других из «Книги Судьбы»[549]. Об использовании гадания в раннем христианстве работ написано мало; возможно объясняется это недостатком свидетельств[550]. Но самый интересный источник по данной теме происходит из рукописной традиции Нового Завета.

Среди новозаветных рукописей (помимо тех, что рассмотрены выше (см.)) заслуживают особого внимания несколько ранних греческих рукописей, содержащих Евангелие от Иоанна в форме ἑρμηνεῖα или гадательного приспособления. Переписчики, создавшие эти восемь папирусных или пергаменных текстов, датируемых временем от III или IV до VIII вв. (а именно, p^{55}, p^{59}, p^{63}, p^{76}, p^{80}, 0145[551], 0210 и 2056)[552], следовали более или менее стандартной схеме. Текст на каждой странице не занимает всей ее площади. Под текстом написано слово ἑρμηνεῖα, расположенное посередине строки наподобие заголовка, за которым следует короткая или развернутая фраза. Что представляют собой эти «объяснения»?

Общее мнение, опиравшееся на наиболее очевидное понимание заголовка, гласило, что

это какая-то разновидность комментария в его зачаточной форме. Однако при ближайшем рассмотрении скоро оказалось, что эти «комментарии» совершенно не имеют отношения к тексту, рядом с которым находятся. Чем же они могут быть? В поисках ответа на этот вопрос нужно обратить внимание на то, что эти так называемые «комментарии» близки по форме, а в ряде случаев и по смыслу, к 69 коротким апофтегмам, которые в Кодексе Безы (V в.) написаны по одной на нижнем поле каждой страницы в той его части, которая содержит Мк 1:1-10:22 (листы 285b-321a). Эти небрежно и криво нацарапанные почерком примерно IX-X века пометки начинаются словом ἑρμηνεῖα или его сокращением[553]. Фразам, найденным в восьми фрагментированных списках Ин, маргиналии на страницах 29lb — 293b Кодекса Безы весьма близки — «Жди большого чуда!», «Получишь от Бога радость!», «От скорби к радости!», «Случится через десять дней», «Найдешь, что ищешь» и т. д.

В античности и средневековье существовали пособия по технике гадания[554], некоторые из которых вполне близки упомянутым выше рукописям (в частности, тем, что используют вводное ἑρμηνεῖα). Это позволяет предположить, что поля Кодекса Безы и переписанный текст Евангелия от Иоанна использовались для дивинации (*Sortes sanctorum*), иными словами — для предсказания будущего[555]. Чтобы узнать судьбу выбирали какое-либо число (возможно, бросая жребий), а затем листали кодекс Евангелий до тех пор, пока не находили нужное предзнаменование, на которое указывало выпавшее число.

Очевидный вывод заключается в том, что некоторые христиане верили в особую магическую силу, которой обладали сами рукописи Нового Завета. Ими можно было пользоваться не только для нужд апотропической магии, но и для того, чтобы изменять или по меньшей мере, предсказывать судьбу. Свидетельство рукописей оказывается в данном случае уникальным — оно говорит о том, какую роль святые тексты играли в жизни простонародья, в то время как все прочие дошедшие до нас известия повествуют об образованной христианской элите. Впрочем, и этот сюжет раннехристианской истории еще только ждет своего исследователя.

ГЛАВА 9
ПРАКТИКУМ НОВОЗАВЕТНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

I. Основные критерии в оценке разночтений

Вероятно, наиболее простым критерием в оценке вариантных чтений, является правило «выбирай то чтение, которое лучше всего объясняет происхождение других». Мы следуем этому очевидному критерию, когда встречаемся с ошибками или «вариантными чтениями» в современных книгах. Например, два издания классического произведения Джона Беньяна «Путь паломника» (*The Pilgrim's Progress*) отличаются друг от друга в описании истории о том, как Христианин нашел и использовал ключ, с помощью которого он бежал из Замка Сомнения. В одном из этих изданий можно прочитать, что «замок проворачивался отчаянно туго» («The lock went desperately hard»), в то время как в другом — «замок проворачивался чертовски туго» («The lock went damnable hard»). Какое из этих чтений было первоначальным, а какое — исправленным? Написал ли Беньян «отчаянно» («desperately»), а современный редактор по непонятным причинам заменил его на «чертовски» («damnable»)? Или Беньян написал «чертовски» («damnable»), используя это слово в его исходном значении — «подлежащий проклятию», и затем кто-то изменил это выражение, найдя его слишком грубым? Нет сомнений в том, какой из двух ответов верен[556].

Другой критерий, который мы инстинктивно признаем в качестве базового, состоит в том, что реконструкция истории вариантного чтения есть необходимое условие для формирования нашего представления о тексте. Например, в ранних выпусках полного второго издания словаря *Webster's New International Dictionary of the English Language* (Springfield, MA, 1934) имеется статья:

dord (dôrd), n. *Physics & Chem*. Density.

Однако в английском языке слова *dord не* существует, и его наличие в столь уважаемом словаре является результатом того, что можно назвать случайной «ошибкой переписчика». Как позже разъяснили издатели, такая статья появилась из-за ошибки в сокращении слова *density* (плотность), где были использованы одновременно строчные и прописные буквы. Фактически статья должна была выглядеть так:

d. or **D.**, *Physics 8c Chem*. Density.

Кто-то, не обратив внимания на точки, воспринял эти буквы как одно слово и назвал его существительным. Примечательно, что эта ошибка оставалась необнаруженной на протяжении почти десяти лет, в течение которых книга переиздавалась несколько раз.

Другой пример подобной «ошибки клерка», появившейся из-за некомпетентного суждения, можно найти в очень уважаемом издании «Кто есть кто в Америке» (*Who's Who in America*). Когда в этой известной энциклопедии знаменитостей впервые появилась биография Томаса Манна, он был назван очень торжественно, с использованием среднего (второго) имени. В издании 1939 г. статья начиналась полужирной надписью «Mann, Thomas

Schriftst», однако в последующих выпусках слова «Schriftst» уже не было. Возникает вопрос: какая из форм имени правильная? Обратившись к германскому справочнику «Кто есть кто» — «Wer Ist's», понимаешь, что слово «Schriftst» является принятым в этом издании сокращением немецкого слова «писатель» (*Schriftsteller*). Очевидно, тот, кто готовил биографический очерк для американского издания, ошибочно принял сокращенное название профессии Манна за его среднее имя.

Описанные выше два критерия могут широко использоваться и дополняться путем включения многих частных критериев. Однако полезно было бы более детально рассмотреть различные аспекты, принимаемые исследователями во внимание при оценке вариантных чтений в новозаветных рукописях. Такие критерии принято классифицировать в терминах (1) внешних признаков и (2) внутренних признаков, последние из которых включают в себя то, что Хорт называл вероятностью передачи текста и объективной вероятностью. (Здесь необходимо перечитать приведенные выше материалы о принципах издания Весткотта и Хорта, см., а также обзор более поздних работ Б. Х. Стритера по теории текста, см.). Вот перечень основных положений, которые текстолог должен иметь ввиду при оценке вариантных чтений новозаветного текста.

1. Внешние признаки основываются на исследовании следующих данных:

a. Датировка свидетеля текста. (Здесь гораздо большее значение имеет не возраст самого документа, а датировка того типа текста, который он содержит. Свидетельства некоторых минускульных рукописей, таких, например, как 33, 81 и 1739, имеют большее значение, чем некоторые из более поздних или вторичных маюскулов.)

b. Географическое распределение свидетелей текста, поддерживающих данный вариант чтения. (Важно определить, являются ли географически удаленные свидетели текста действительно независимыми друг от друга. Например, совпадение между старолатинскими и сирийскими свидетелями текста может быть результатом влияния на них Татианова «Диатессарона».)

c. Генеалогические связи текстов и семейств текстов данных свидетелей. (Свидетели текста должны в первую очередь оцениваться качественно, а не количественно. Более того, здесь недопустимы чисто механические способы оценки, так как существует разница в относительной значимости отдельных факторов для различных типов разночтений.)

2. Внутренние признаки включают в себя два вида вероятностей:

a. Вероятность передачи текста, зависящая от палеографических особенностей и привычек писцов[557]

i. Обычно предпочтение должно отдаваться более трудному варианту чтения, особенно, когда смысл его внешне ошибочен, но при более глубокое рассмотрение оказывается правильным. (Здесь «более трудный» значит «более трудный на взгляд писца», желающего внести исправления. Большинство таких исправлений, вносимых переписчиками, как

правило, поверхностны и зачастую сочетают «видимость улучшения с его реальным отсутствием»[558]. Очевидно, что понятие «более трудное чтение» является относительным, и порой его суть постигается тогда, когда оно должно классифицироваться как настолько трудное, что, кажется, его появление могло произойти только вследствие случайной ошибки при переписывании.)

ii. Обычно предпочтение отдается наиболее краткому чтению, за исключением случаев когда может иметь место параблепсис, вызванный гомеотелевтонией, или когда переписчик мог опустить отрывок, полагая, что он избыточен, груб или противоречит благочестивому поверью, литургическому обычаю или аскетической практике. (Ср. более полное выражение этого критерия Грисбахом, см.)

iii. Поскольку переписчики часто гармонизировали отрывки, которые в параллельных местах расходятся друг с другом, то чтение (в цитатах ли из Ветхого Завета или же в различных евангельских повествованиях, описывающих одни и те же события), содержащее буквальное несогласие, обычно предпочтительнее того, которое согласуется буквально.

iv. Переписчики иногда могли заменять непривычное слово более знакомым синонимом, приводить менее изысканную грамматическую конструкцию или менее изящное выражение в соответствие с аттицизирующими нормами, или добавлять местоимения, союзы и вводные слова, делая текст более гладким.

b. Внутренние вероятности, зависящие от предположений о том, что автор скорее всего мог написать

Здесь учитываются:

i. стиль, словоупотребление и теология автора на протяжении всей книги,

ii. ближайший контекст,

iii. согласование с другими отрывками того же автора и с Евангелиями,

iv. арамейский фон учения Иисуса,

v. приоритет Евангелия от Марка,

vi. влияние христианской среды на формулировку и текстуальную передачу данного отрывка.

Не все вышеуказанные критерии применимы к каждому отдельному случаю[559]. Текстолог должен знать, когда можно отдать приоритет какому-то одному признаку в ущерб другому. Поскольку текстология является в той же степени искусством, как и наукой, становится понятным, почему иногда разные ученые придают различное значение тому или иному признаку. Такая разноголосица неизбежна, например, если признаки распределены так, что более трудное чтение находится только в поздних свидетелях текста.

Одной из опасностей, которая постоянно подстерегает представителей любой науки, является тенденция к одностороннему чрезмерно упрощенному анализу и решению тех или иных вопросов при помощи заведомо не работающих в данном случае методов. В текстологии эта тенденция может наблюдаться тогда, когда ученый, вооружившись каким-либо одним методом или критерием анализа текста, вполне неразборчиво применяет его к более широкому спектру задач. Например, в начале XX в. Адальберт Меркс в трехтомном труде пытался доказать, что западный тип текста является более близким к оригиналу, чем тот, что представлен в Синайском сирийском палимпсесте[560]. Около полувека назад

Адольф фон Гарнак, убежденный в том, что принципы новозаветной критики нуждаются в пересмотре, предложил пересмотреть умаленное, на его взгляд, значение латинской Вульгаты среди свидетелей новозаветного текста[561]. Несмотря на то некоторые ученые вполне могли недооценивать вклад Иеронима в текстологию, предложение Гарнака усвоить свидетельству Вульгаты превалирующее значение при оценке вариантов чтений встретило многочисленные враждебные отклики, в том числе и со стороны некоторых католических ученых[562]. Сходным образом и экстравагантное предположение фон Зодена о влиянии, которое оказали на текст Нового Завета Маркион и Татиан, а также настойчивое обращение А. К. Кларка к пространному тексту ныне могут рассматриваться как предостережения против одностороннего и неоправданно упрощенного подхода[563].

II. Процедура оценки вариантных чтений

Объяснить человеку, как стать текстологом, — все равно, что научить его, как стать поэтом. Можно сформулировать основополагающие принципы и критерии и описать некие процедуры, но корректное их применение в каждом конкретном случае остается уделом сообразительности и проницательности самого ученика. Имея это в виду, начинающий текстолог и должен воспринимать все изложенное ниже лишь как самое общее описание методов, которыми пользуется наука.

В качестве предварительного шага при анализе и оценке признака, найденного в критическом аппарате, должен быть составлен список нескольких вариантных чтений с их источниками. Это поможет яснее увидеть исходное состояние проблемы, особенно если документ имеет два или более значимых разночтения.

1. Внешние свидетельства

При оценке признака следует начинать с внешних факторов, задаваясь вопросом — поддерживается ли какой-нибудь вариант чтения наиболее древними рукописями или ранним типом текста. Определенное преимущество отдается наиболее ранним чтениям и чтениям, которые поддерживаются источниками из удаленных друг от друга географических точек. Напротив, чтения, поддерживаемые только койне, или византийским типом текста (сирийской группой по Хорту), могут быть отложены в сторону как в большинстве своем вторичные[564]. Причина, по которой с вариантами койне обращаются столь сурово, заключена в том, что этот тип текста является поздним и основанным на тексте других типов. Несмотря на то, что он представлен подавляющим большинством греческих рукописей (ибо он, со всеми его позднейшими изменениями, был принят Греческой православной церковью в качестве официального текста), численный перевес свидетельств не имеет никакого значения ввиду вторичного происхождения данного типа текста[565].

Для того, чтобы облегчить себе процесс определения типов текста, которые поддерживают те или иные вариантные чтения, надо свободно владеть информацией, содержащейся в приведенных ниже таблицах свидетелей текста. Однако при этом необходимо помнить, что описанные типы текста не являются статичными и строго

определенными категориями; напротив, каждый тип текста вовлечен в процесс развития[566], который, несмотря на присущие ему отличия и характерные черты как единого целого, не может быть изолирован в строгих и точно очерченных границах.

Койне или византийские свидетели текста

Евангелия: A, E, F, G, H, K, P, S, V, W (в Мф и Лк 8:13–24:53) П, Ψ (в Лк и Ин) Ω и большинство минускулов.

Деяния: H^a, L^{ap}, P^a, 049 и большинство минускулов.

Послания: L^{ap}, 049 и большинство минускулов.

Откровение: 046, 051, 052 и многие минускулы[567].

Типы текста, предшествовавшие койне

Формы текста, предшествовавшие койне, или византийскому типу текста, включают в себя западную группу текстов, так называемый кесарийский и александрийский (по классификации Хорта «нейтральный») типы текстов[568].

ЗАПАДНАЯ ГРУППА ТЕКСТОВ

Это тип новозаветного текста, отмеченный характерным сочетанием вариантов, был назван «Западным» по той причине, что основные его свидетели, как полагали тогда, имели западное происхождение. Ими были, например, некоторые греко-латинские билингвы (Кодекс Безы), старолатинский текст и новозаветные цитаты у латинских отцов. Ныне принято считать, что сфера обращения данного текста не сводилась только к западным провинциям; некоторые его разночтения присутствуют и в восточных вариантах, таких, как синайский сирийский и коптский. Следовательно, сохраняющееся название текстуального типа является скорее традиционным обозначением, подобному личному имени, нежели географически точным термином.

Хотя некоторые исследователи придерживаются мнения, что западный тип текста — это своеобразное произведение одного или нескольких человек, пересмотревших ранний вариант текста[569], большинство ученых не находят этот тип однородным, что позволяло бы говорить о текстуальной рецензии. Скорее можно заключить, что данный вид текста явился результатом ненаправленного и естественного роста рукописной традиции и переводческой деятельности[570]. Яркая черта данного текстуального типа — любовь к парафразу, которая ведет к очевидно вторичному характеру добавлений, опущений, перемен, и «улучшений» того или иного свойства.

Поскольку западный тип текста использовался такими авторами II — начала III в., как Маркион, Юстин (и, возможно, Татиан), Гераклеон, Ириней и Тертуллиан, большинство ученых датирует появление Западного текста серединой или второй половиной II века[571], тем не менее, как замечает Мартини, «не захлопывайте дверь идее о том, что существуют те или иные чтения, для которых D или любой другой „западный“ свидетель сохранил наиболее раннюю форму»[572].

Были предложены разные теории о происхождении западного текста. Весткотт и Хорт полагали, что он возник в результате целенаправленной ревизии во II в. Другие пытались объяснить его появление обратным переводом на греческий язык с сирийской или со

старолатинской версии, и возможно, желанием унифицировать греческий текст с латинской или сирийской частью в какой-либо билингве. Поскольку наиболее характерные элементы западного текста встречаются в Евангелии от Луки и Деяниях, некоторые ученые предложили теорию о том, что сам Лука издал два варианта этих книг — более краткий и более пространный. (Относительно того, какой из них может быть более ранним, единого мнения нет).

Наиболее важными свидетелями этого типа текста являются Кодекс Безы и старолатинские рукописи[573]; все они характеризуются длинными и краткими добавлениями и некоторыми заметными пропусками. Так называемый западный текст Евангелий, Деяний и Павловых посланий был широко распространен[574] не только в Северной Африке, Италии и Галлии (которые географически являются «западными» территориями), но также в Египте[575] и, в немного видоизмененных формах, на Востоке. Последние указанные формы текста представлены древнесирийскими рукописями: Синайской и Кьюртоновской, а также множеством маргиналий в Гераклийской сирийской версии и, возможно, в Палестино-сирийской.

Наконец, следует заметить, что Весткотт и Хорт рассматривают западный тип текста в основном как полностью поврежденный и считают в нем оригинальным только то, что они называют «западными не-интерполяциями». Как указывалось ранее, последующие исследователи (например, Меркс и Кларк) отвечали на этот односторонний взгляд таким же односторонним предпочтением западного типа текста. Теперь такие крайние позиции за и против западного типа текста получают мало поддержки, так как большинство специалистов-текстологов придерживаются мнения, что все типы текста, предшествовавшие редакции койне, заслуживают внимания, и что любой из них может сохранять оригинальные чтения, утраченные в других типах текста.

Изучение западного текста продвигается без помех. Хотя новейшие попытки создать всеобъемлющую теорию западного текста, как правило, приводят к появлению гипотез, мало друг с другом схожих, сравнение их отправных точек, методологии и результатов может приблизить решение этой загадки. Среди обзорных работ по данной проблеме внимания заслуживает статья Джоэля Делобеля (Joël Delobel «Focus on the ‘Western’ Text in Recent Studies» *Ephemerides theologicae Lovanienses*, 73 (1997) 401–410), где обсуждается более сорока книг и статей, а также сборник *Codex Bezae: Studies from the Lunel Colloquium, June 1994*, ed. by D. C. Parker and C. B. Amphoux (Leiden, 1996), в котором освещены три сюжета, обсуждение которых постоянно возобновляется: можно ли считать Кодекс Безы частью западного текста; вероятность того, что Кодекс Безы сохранил для нас оригинальный текст; место появления кодекса.

Западные свидетели

Евангелия: א (в Ин 1:1–8:38), D, W (в Мк 1:1–5:30), 0171, старолатинские переводы, Syr^{s} и Syr^{c} (частично), ранние латинские отцы, «Диатессарон» Татиана.

Деяния: p^{29}, p^{38}, p^{48}, D, 383, 614, $Syr^{h\ mg}$, ранние греческие и латинские отцы, комментарий Ефрема (сохранившийся на армянском языке).

Павловы послания: греко-латинские билингвы D^{p}, E^{p}, F^{p}, G^{p}; греческие отцы конца III в.; старолатинские переводы и ранние латинские отцы; сирийские отцы примерно до 450 г.

КЕСАРИЙСКИЙ ТИП ТЕКСТА И ЕГО СВИДЕТЕЛИ

Б. Х. Стритер идентифицировал текст, которым Ориген пользовался в Кесарии, и соотнес его с текстом Θ, семьи l, семьи 13, и некоторых других свидетелей. Последующие исследования Лейка (Lake), Блейка (Blake) и Нью (New) показали, что кесарийский тип текст, возможно, возник в Египте и был затем принесен Оригеном в Кесарию, откуда попал в Иерусалим (некоторые свидетели кесарийского типа текста содержат так называемый «иерусалимский колофон»; см. описание кодекса 157, выше глава II), к армянам (чья колония была основана в Иерусалиме весьма рано), и от них в Грузию (кодекс Коридети написан в Грузии).

Отличительной особенностью кесарийского типа текста является своеобразное смешение западных и александрийских чтений. Согласно Лагранжу, составитель текста, возможно, знал оба этих типа и шел на определенный компромисс; в основном он следовал александрийскому типу тексту, но одновременно сохранял те западные чтения, которые не казались ему невозможными, так как последний текст более распространен, хотя первый был лучше. Можно также заметить, что создатель этого текстуального типа прилагал усилия, чтобы сделать его более изящным, имея в виду нужды церкви[576]. Похожая точка зрения провозглашается Глоубом (Globe), который утверждает, что в своей наиболее ранней форме «кесарийские варианты напоминают о сознательной гармонизации, парафразировании и сглаживании грамматических деталей, присутствующих также в западных свидетелях»[577]. Опираясь на свое статистический анализ, Уртадо (Hurtado) приходит к похожему заключению, доказывая, что «это разновидность западного текста, которая получила свою форму на востоке»[578].

Согласно новым исследованиям Аюсо (Ayuso) и других[579], необходимо различать две стадии развития кесарийского типа текста (по крайней мере применительно к Евангелию от Марка). Староегипетский тип текста, принесенный Оригеном в Кесарию, может быть назван докесарийским текстом. Он сохранился в p^{45}, W (в Мк 5:31–14:20), семье 1, семьях 13, 28, и многих греческих лекционариях. В Кесарии, а затем при последующем своем развитии кесарийский тип текста приобрел форму, которую можно проследить по общим признакам в Θ, 565 и 700, во многих цитатах у Оригена и Евсевия, а также в староармянских и старогрузинских переводах (это формы собственно кесарийского типа). Очевидна также некоторая степень сходства между старосирийскими ($Syr^{s, c}$) переводами и кесарийским типом текста. Наиболее свежее исследование Амфу (Amphoux) также доказывает, что формирование кесарийского типа прошло две стадии, но при этом, по мнению ученого, первую стадию следует связать с Антиохией, а не Кесарией[580]. Работа Уртадо подтверждая близкую связь W с p^{45}, показывает, что семейство 13 является вторичным свидетелем для текста W-p^{45} и что все три рукописных источника не связаны с кесарийским текстом 565, 700 и Θ. Следовательно, «„докесарийские“ свидетели оказываются совершенно некесарийскими»[581]. В итоге, кесарийский тип текста представляется наиболее смешанным и наименее однородным из всех тех групп, которые можно классифицировать в качестве отличающихся друг от друга типов текста.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ТЕКСТ

Общепринято мнение, что александрийский тип текста подготовлен опытными редакторами, воспитанными на научных традициях Александрии[582]. Текст, на который они опирались, был древним во всех важных аспектах. Еще недавно главными свидетелями этого типа были B и א, датируемые примерно серединой IV в. Однако с открытием p^{66} и p^{75}, которые датируются примерно концом II — началом III вв., было получено доказательство того, что «нейтральный» текст Хорта восходит к архетипу, который должен быть отнесен ко II в.[583]. Эта более ранняя форма текста, которая может быть названа «первичным» александрийским текстом, в основном короче, чем текст любой другой формы, в то время как западный тип текста наиболее пространен. Более того, представляется, что «первичный» александрийский тип текста не подвергся систематической грамматической или стилистической обработке, как другие типы, включая и поздние формы собственно александрийского типа текста[584].

Хотя многие ученые отвергают оптимистическое мнение Хорта, что Ватиканский кодекс (B) содержит оригинальный текст почти без изменений (если не считать помарок), оригинальный текст, они все же склонны рассматривать александрийский тип текста в целом как наилучший древний вариант текста, наиболее приближающийся к оригиналу.

Свидетели александрийского типа текста

Первичные александрийские: p^{45} (в Деян), p^{46}, p^{66}, p^{75}, א (за исключением Ин 1:1–8:38), B, Sah (частично), Климент Александрийский, Ориген и основная часть папирусов с фрагментами Павловых посланий.

Вторичные александрийские: (C), L, T, W (в Лк 1:1–8:12 и Ин) (X), Z, Δ (в Мк), Ξ, Ψ (в Мк, частично в Лк и Ин), 33, 579, 892, 1241, Boh, Дидим, Афанасий.

Деяния: p^{50}, A, (C), Ψ, 33, 81, 104, 326.

Павловы послания: A, (C), H^{p}, I, Ψ, 33, 81, 104, 326, 1739

Соборные послания: p^{20}, p^{23} A, (C), Ψ, 33, 81, 104, 326,1739

Откровение: A, (C), 1006, 1611, 1854, 2053, 2344; несколько хуже — p^{47}, א

После установления того, какие текстуальные типы поддерживают каждое из разночтений, в ходе исследования необходимо сделать предварительные выводы о предпочитаемом чтении, опираясь на то, что мы знаем о датировке рукописей, географическом распространении источников, поддерживающих данное чтение, и типах текста, к которым они принадлежат. В должной мере понимая значение генеалогических связей между рукописями, мы не сможем предпочесть чтение только потому, что оно встречается в большом числе свидетелей.

2. Внутреннее свидетельство

Следующим шагом в процессе оценки вариантных чтений является обращение к внутренним признакам, и в первую очередь — к тому, что называется вероятностью передачи текста. Какое из чтений наиболее трудно — иными словами, трудно с точки зрения писца? При прочих равных условиях чтение, которое поставило переписчика в тупик, с

большей вероятностью является правильным. С другой стороны, в какой-то момент то, что ранее представляло относительное затруднение, становится абсолютно трудным, и это чтение уже невозможно рассматривать в качестве оригинального.

Некоторые чтения были особенно дороги переписчикам, ибо они подтверждали поверья и обычаи, которые в тот момент существовали в той или иной части христианского мира. Поэтому текстолог должен быть хорошо осведомлен о развитии христианского богословия и богослужебной практики, равно как и о еретических движениях в Древней церкви. Само собой разумеется, знакомство с палеографией маюскула и минускула, подкрепленное знаниями об особенностях орфографии и синтаксиса в разных диалектах греческого языка, часто будет способствовать правильной оценке разночтений. При рассмотрении отрывка из синоптических Евангелий необходимо проверить свидетельства параллельных мест. Гармонизация Евангелий есть по определению вторичная процедура, поэтому главным правилом для редакторов текста является придание тексту каждого из евангелистов его характерного вида. Это означает, что нужно предпочесть чтения, отличающиеся в параллельных местах (особенно в том случае, если чтение параллельного места установлено достоверно). Соответственно встречающиеся цитаты из Ветхого Завета должны сопоставляться с текстом и аппаратом Септуагинты. Поскольку переписчики старались приблизить ветхозаветные цитаты в Новом Завете к тексту Септуагинты, чтения, отличающиеся от принятых в Ветхом Завете, не должны исключаться без тщательного рассмотрения.

И, наконец, следует обратиться к объективной вероятности. Чтение, претендующее на оригинальность, должно гармонировать со стилем и словоупотреблением того же автора в других местах. Однако необходимо понимать, что этому требованию могут удовлетворять сразу несколько вариантных чтений, и потому текстолог должен, исходя из внутренних признаков, руководствоваться суждениями скорее отрицательного, нежели положительного, характера: прежде всего не противоречат ли имеющиеся внутренние свидетельства тому выводу, который был получен на основе данных о происхождении, географическом распространении источников и вероятности передачи текста.

Иногда случается так, что только одно чтение, на первый взгляд, соответствует словоупотреблению автора в других местах, и в то же время оно слабее всего поддерживается внешними свидетельствами. В таких случаях текстолог должен принять решение, опираясь на общие соображения текстологической науки. Для начинающего текстолога, вероятно, будет наиболее безопасным выходом положиться на внешние признаки, нежели на свои знания об авторском замысле и словоупотреблении, которые всегда могут оказаться неполными.

Со временем станет очевидно, что, как правило, чтения, поддерживаемые александрийскими и западными свидетелями, превосходят любые другие чтения. Из этого вывода, однако, есть одно исключение: применительно к Павловым посланиям сочетание B, D и G обычно не имеет большого значения. Причиной этому служит тот факт, что, хотя B и является чисто александрийским свидетелем в тексте Евангелий, Павловы послания в нем содержат явный западный элемент. В этом смысле сочетание B с одним или несколькими западными источниками Павловых посланий является всего лишь дополнительным западным свидетельством[585].

Комбинация западных и кесарийских свидетелей обычно не обладает исключительной важностью, так как кесарийский тип текста, возможно, формировался на основе, имеющей западные включения.

При оценке чтений, поддерживаемых только одним классом свидетелей, начинающий текстолог, вероятно, обнаружит, что подлинные чтения часто сохраняются только в одном александрийском тексте, реже — только западной группе, и гораздо реже — только в кесарийской. В качестве практического правила можно рутинно следовать александрийскому типу текста во всех случаях, за исключением тех, когда в дело вмешиваются какие-либо общие соображения, мешающие отдать ему предпочтение. Такая процедура, однако, не должна вырождаться в слепое принятие чтений, поддерживаемым B и א (или даже только B, как это, по несправедливому утверждению критиков, делал Хорт). В каждом случае должна быть проведена полная и тщательная оценка всех вариантных чтений с точки зрения как вероятностей передачи текста, так и внутренней вероятности. Нельзя также совсем исключать, что оригинальное чтение могло сохраниться только в одной какой-то группе рукописей, которая в крайне редких случаях может принадлежать койне (или византийскому) типу текста.

Теперь эти принципы осталось применить на практике, но чтобы не создалось впечатления, будто текстологические процедуры стереотипны и схоластичны, в заключение данного раздела следует процитировать отрывок из блестящей статьи А. Е. Хаусмена по текстологии:

> Текстология — не раздел математики и вообще не точная наука. Она имеет дело с материалом не твердым или постоянным, как числа и линии, но текучим и изменчивым; а именно — со слабостью и изменчивостью человеческого ума и с его непослушными слугами, человеческими пальцами. Поэтому жесткие и быстрые меры здесь недопустимы. Было бы намного легче, если бы таковые были; по этой причине многие люди пытаются сделать вид, что правила такого рода действительно существуют, или как минимум поступают так, как если бы они существовали. Конечно, если вы того пожелаете, то сможете создать себе такие жесткие и быстрые правила, но тогда они окажутся ложными и доведут вас до неправильных результатов, потому что их простота не позволит применить их к непростым задачам, осложненным личностным фактором. Текстолог, занятый своим делом, совсем не похож на Ньютона, изучающего движение планет: он более походит на собаку, выискивающую блох. Если собака начнет ловить блох согласно построенной заранее математической модели, учитывающей статистику ареала и популяции, то никогда не сможет поймать ни одной, разве что случайно. Блохи требуют к себе индивидуального подхода; точно так же любая задача, стоящая перед текстологом, должна рассматриваться им как, возможно, единственная в своем роде[586].

III. Текстологический анализ избранных фрагментов[587]

Нижеследующие фрагменты были выбраны в качестве примеров, иллюстрирующих

различные виды текстологических задач. Во избежание монотонности изложения и для того, чтобы подчеркнуть, что один и тот же стереотипный метод текстологического анализа не может быть применен ко всем задачам, в процессе рассмотрения представленные факторы будут варьироваться по их характеру и видам. Обсуждение начинается с относительно простых задач, для которых обычно можно найти ясные и недвусмысленные решения, и завершается более сложными, где вероятность свидетельствует в основном поровну за и против и где текстолог должен иногда довольствоваться выбором неудовлетворительного чтения или даже и вовсе признаться в отсутствии достаточно ясного основания для какого бы то ни было выбора.

В критическом аппарате принято использовать сокращения некоторых латинских слов в качестве компактного международного рабочего языка. Общеупотребительными являются следующие:

pc (*pauci*)	=	немногие другие рукописи
al (*alii*)	=	другие рукописи
pm (*permulti*)	=	многочисленные другие рукописи
pl (*plerique*)	=	большинство других рукописей
rell (*reliqui*)	=	оставшиеся свидетели
vid (*videtur*)	=	видимо, явно, очевидно
omn (*omnes*)	=	все рукописи
codd (*codices*)	=	рукописи переводов или отцов церкви (для отличия от редакций)
ap (*apud*)	=	в произведениях, на основании мнения (напр. Папия или Евсевия)
pt (*partim*)	=	частичный признак (напр. Orig^{pt} означает, что Ориген непостоянен в своих цитатах одного и того же места)
2/4	=	частичный признак (напр. $\text{Orig}^{2/4}$ означает, что Ориген при цитировании одного и того же места в двух случаях из четырех поддерживает данное чтение)

Астериск (*), помещенный после обозначения рукописи, показывает, что рукопись в данном месте была исправлена, и что цитируется начальное чтение; надстрочная буква (например, ^{c}) после обозначения рукописи указывает на цитирование исправленного чтения. В некоторых случаях можно различать работу более чем одного корректора (о различных подходах к цитированию такой информации см. описания Синайского кодекса, и кодекса Ефрема, см.). Если обозначение рукописи заключено в скобки, это означает, что рукопись в основном поддерживает данное вариантное чтение, но имеет отличия в мелких деталях.

В связи с этим необходимо сделать следующее предупреждение: некоторые *apparatus critici* Нового Завета используют обозначения маюскульных рукописей без надстрочных значков (или подстрочной нумерации), помогающих различать некоторые рукописи, имеющие сходное обозначение. Так, например, одиночная буква D (так называемый D

simpliciter) часто используется для обозначения Клермонтского кодекса (вместо D^p или D_2), равно как и для Кодекса Безы. В таких случаях необходимо быть внимательным при различении рукописей и учитывать, входит ли данный вариант в Евангелия или Деяния (в этом случае D = Кодекс Безы) или в Павловы послания (в этом случае D = Клермонтский кодекс). В следующих примерах текстологического анализа обозначения источников с надстрочными знаками (где они присутствуют) будут использоваться в соответствии с описаниями рукописей, данными в главе II: это значит, что надстрочная буква ^{a} после обозначения рукописи показывает, что манускрипт содержит Деяния и Соборные послания, ^{p} обозначает Павловы послания, и ^{r} — Апокалипсис.

Библия короля Иакова в Деян 6:8 описывает Стефана как «исполненного веры и силы» (πλήρης καὶ πίστεως καὶ δυνάμεως), в то время как Пересмотренный Стандартный перевод (Revised Standard Version) и Новая английская Библия (New English Bible) о нем говорят как об «исполненном благодати и силы» (πλήρης χάριτο καὶ δυνάμεως). Различие между этими английскими переводами подразумевает не варианты перевода одного и того же греческого слова, а наличие разночтений в исходном греческом тексте. Текстуальные свидетельства, включающие четыре вариантных чтения, таковы:

1. «благодати» (χάριτος) — это чтение дают $p^{8.\ 45vid.\ 74}$, ℵ, A, B, D, более 20 минускульных рукописей, Вульгата, саидский, бохейрский, Syr^p, армянский и эфиопский переводы (последний дает чтение χάριτος θεοῦ).

2. «веры» (πίστεως) — имеется в H^a, P^a, многих минускульных рукописях, Syr^h, у Григория Нисского и у Златоуста.

3. «благодати и веры» (χάριτος καὶ πίστεως) — чтение из E^a.

4. «веры и благодати Духа» (πίστεως καὶ χάριτος πνεύματος) — чтение из Ψ.

Очевидно, что из этих четырех вариантов либо первые два являются усеченными вариантами пространных чтений, либо третье и четвертое происходят из комбинации первых двух.

Рассмотрение внешних признаков и внутренней вероятности однозначно показывают, что чтения (3) и (4) — вторичны и построены на конфляции двух первых чтений. Чтение (3) поддерживается маюскулом E^a, который датируется VI в. и является одним из представителей койне, или византийского типа текста Деяний. Чтение (4) поддерживается датируемой VIII–IX вв. маюскульной рукописью Ψ, содержащей смешанный текст Деяний. Принимая во внимание передачу текста, можно заключить, что чтения (3) и (4) уступают двум другим, ибо легче предположить, что переписчик, знающий о существовании (1) и (2), решит соединить их так, чтобы копия, которую он делает, содержала оба варианта, нежели постулировать наличие двух переписчиков, которые независимо друг от друга споткнулись о пространное чтение и каждый переписал из него по половине. Таким образом, внешние признаки, недостаточные по количеству и относительно поздние по датировке, а также вероятности переписывания согласно свидетельствуют против оригинальности чтений (3) и (4).

Вариантное чтение (2) поддерживается двумя маюскульными рукописями, H^a (IX в.) и P^a (X в.), принадлежащими к койне, или византийскому типу текста, а также большинством

минускульных рукописей. Самым ранним источником (2) является Григорий Нисский (умер в 395 г.).

Вариант чтения (1) поддерживается разнообразными свидетелями, включая представителей главных типов текста, предшествующих койне. Синайский и Ватиканский кодексы (оба IV в.) являются лучшими и наиболее ранними представителями александрийского типа текста Деяний. Главным греческим представителем западной группы свидетелей является Кодекс Безы (V или VI в.). Смешанный тип текста имеют Александрийский кодекс (V в.) и папирус p^{74}, датируемый примерно VII в. Данные ранних переводов, включая латинские, сирийские, коптские и армянский, отражают широту географического пространства, на котором было принято данное чтение. Внешние признаки в поддержку чтения (1), таким образом, имеют существенное преимущество по датировке и разнообразию типов текста над аналогичными, поддерживающими чтение (2).

Аналогичным образом внутренняя вероятность также склоняет к принятию чтения (1). Если считать, что Стефан первоначально назван «исполненным веры», то причина, по которой переписчик изменил эти слова на «исполненный благодати», не ясна. С другой стороны, учитывая, что тремя стихами ранее Стефан был назван мужем, «исполненным веры и Святого Духа» (ст. 5), становится понятным, что при копировании ст. 8 переписчикам хотелось, вольно или невольно, поставить слово πίστεως, которое они встретили в предыдущем отрывке, вместо правильного чтения χάριτος. Этим же объясняется и наличие слова πνεύματος в чтении (4).

Таким образом, сопоставление нескольких типов признаков, внешних и внутренних, приводит к твердому заключению о том, что автор Деян 6:8 написал πλήρις χάριτος καὶ δυνάμεως.

Многие новозаветные рукописи в различных местах содержат разнообразные интересные детали, которые могут быть исторически верными. Например, история с женщиной, взятой в прелюбодеянии, по всем признакам исторически достоверна. Невозможно представить себе, что аскетически настроенный монах, сочинит рассказ, заканчивающийся столь мягким замечанием со стороны Иисуса: «И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши». И в то же время эту перикопу, обычно находящуюся в Ин 7:53-8:11, следует счесть вставкой в четвертое Евангелие[588].

Этот рассказ отсутствует в лучших греческих рукописях: p^{66}, p^{75}, א, B, L, N, T, W, X, Δ, Θ Ψ, 33, 157, 565, 892, 1241, в семье 1424 и т. д. Кодексы A и C имеют в этом месте лакуну, но высока вероятность, что этой перикопы они не содержали, так как на утраченных листах для нее не хватило бы места. Старосирийский ($Syr^{s,c}$) перевод и арабская редакция «Диатессарона» Татиана не обнаруживают знания этого отрывка, равно как его не содержит его и Пешитта. Древние коптские церкви также не включали этот рассказ в свои варианты Библии, поскольку он отсутствует в саидских, субахмимских и более старых бохейрских рукописях. Некоторые армянские рукописи и старогрузинские переводы тоже опускают это место. На Западе этот рассказ отсутствует в готском переводе и некоторых старолатинских рукописях (*a*, *f*, *l**, *q*).

Но гораздо более значимым фактом является то, что ни один из греческих отцов церкви на протяжении первой тысячи лет не ссылался на эту перикопу. Это относится даже к тем отцам и авторам, кто в своих трудах процитировал все Евангелие, стих за стихом, как

например, Ориген, Иоанн Златоуст и Нонн (в стихотворном парафразе). Евфимий Зигабен, живший в первой половине XII в., был первым греческим автором, прокомментировавшим этот рассказ, но заявившим при этом, что точные списки Евангелия его не содержат[589].

Далее, к столь впечатляющему и разнообразному списку внешних признаков добавляются соображения о том, что стиль и словоупотребление в данной перикопе сильно отличаются от остального текста четвертого Евангелия и что этот рассказ прерывает последовательность повествования в 7:52 и 8:12 сл.; в результате отрицание авторства Иоанна получает убедительнейшее подтверждение.

Самой древней известной греческой рукописью, содержащей данный отрывок, является Кодекс Безы (V или VI в.), а также некоторыми старолатинскими манускриптами (*aur, c, e, f, f^2, j, r^l*)· Перикопа явно представляет собой часть свободной традиции, имевшей хождение в некоторых частях Западной церкви[590]. Этот рассказ последовательно вставлялся в различные места разных рукописей. Большинство переписчиков вставляли его после 7:52 (D, E, F, G, H, K, M, S, U, Г, Λ, П, 28, 579, 700, 1579), считая, что таким образом в меньшей степени прерывается рассказ Иисуса. Другие помещали его после 7:36 (рукопись 255) или после 21:24 (семья 1, 1076, 1570, 1582). Ревизия старогрузинского перевода, сделанная в XI в. Георгием Афонским, содержит этот отрывок после 7:44. Переписчик рукописи, лежащей в основе семейства 13, поместил данный рассказ в другое Евангелие, после Лк 21:38. Показательно также, что во многих рукописях, содержащих этот отрывок, он помечен обелом (как, например, в S) или астериском (как, например, в E, M, Λ), показывающими, что хотя переписчики и включили его в рукопись, они отдавали себе отчет, что у данного рассказа нет надежного текстуального подтверждения.

Некоторые рукописи, содержащие данный эпизод, представляют несколько расширенный вариант концовки в 8:8. Наверное, многие люди, прочитав предложение «Иисус же, низко наклонившись, писал пальцем на земле», задавали себе вопрос: что же Господь там написал? Неизвестный переписчик удовлетворил это естественное любопытство, добавив слова «грехи каждого из них»[591].

Несомненно, наилучшим решением здесь представляется печатать эту перикопу целиком в конце четвертого Евангелия, делая сноску, информирующую читателя о том, что данная перикопа не имела определенного места в древних источниках[592].

В Ин 7:37–39 можно найти интересный пример другого комментария, в котором, как полагали писцы, мог быть неправильно интерпретирован.

> В последний же, в великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: если кто жаждет, да идет ко Мне и да пьет. Кто верует в Меня, как говорит Писание, «из чрева его потекут реки воды живой». Это сказал Он о Духе, Которого должны были получить верующие в Него; ибо еще не был дан Дух, потому, что Иисус еще не был прославлен.

В последнем предложении фраза «ибо еще не был дан Дух» (οὔπω γαρ ἦν πνεῦμα) встречается в семи различных видах:

1) πνεῦμα — p^{66c}, p^{75}, א, N*, T, Θ, П, Ψ, 1079,1546, $Cop^{bo\ (pt)}$, Arm, Geo, Orig

2) πνεῦμα ἅγιον — p^{66*}, L, W, X, Γ, Δ, Λ, сем. 1, 13, 28, 33, 565, 579, 700, 892, Byz.
3) πνεῦμα ἅγιον ἐπ' αὐτοῖς — D, f, Goth.
4) πνεῦμα δεδομένον — a, aur, b, c, ff^2, 1, r^l, Vulg, Syr^{scp}, Eus, Jerome, Aug.
5) πνεῦμα ἅγιον δεδομένον — B, 053, 1230, e, q, $Syr^{pal\ h}$.
6) «ибо они еще не получили Духа» — $Cop^{sah\ sub\text{-}ach}$.
7) «ибо Дух Святой еще не пришел» — Eth.

Размышление показывает, что чтением, объясняющим происхождение всех остальных вариантов, здесь является (1) πνεῦμα. Многие переписчики несомненно были озадачены простой и двусмысленной фразой «ибо еще не было Духа, потому, что Иисус еще не был прославлен». Чтобы это не было использовано для подтверждение того, что Дух еще не существовал до прославления Иисуса, в текст были внесены изменения, чтобы избавиться от трудного места. Некоторые западные свидетели текста (D, f, Goth) дают чтение (3) «ибо еще не было на них Святого Духа». Другие свидетели добавляют причастие «дан» (как в чтениях 4 и 5) или глагольные формы «получили» (чтение 6), или «пришел» (чтение 7).

Добавление прилагательного ἅγιον (в чтениях 2, 3 и 5) представляет собой наиболее естественный пример вставки, которую переписчики могли сделать независимо друг от друга. (Исправление, найденное в p^{66}, исключающее слово ἅγιον, вполне согласуется с обычной внимательностью переписчика, тут же исправляющего собственную случайную ошибку.) Примечательно, что в этом случае Ватиканский кодекс содержит двойную ошибку (5) — добавлены одновременно и ἅγιον, и глагольный предикат.

Текстуальные свидетельства для чтения (2) можно соединить со свидетельствами в пользу чтения (1); общим критерием для них будет сопротивление соблазну добавить глагольный предикат. Таким образом, здесь мы имеем большое количество разнообразных текстуальных свидетелей, поддерживающих наиболее трудное и короткое чтение. Следовательно, трудно сомневаться в том, что исходный текст содержал просто οὔπω γαρ ἦν πνεῦμα[593].

Как Марк закончил свое Евангелие?[594] К сожалению, этого мы не знаем. Максимум, что нам известно — в рукописях есть четыре различные концовки, но, вероятно, ни одна из них не представляет собой то, чем Марк намеревался завершить свой текст. Эти четыре чтения могут быть названы кратким окончанием, промежуточным окончанием, пространным окончанием и расширенным пространным окончанием. Данные о каждом из них следующие.

1. Последние двенадцать стихов Мк 16:9-20 отсутствуют в двух ранних пергаменных кодексах, B и א, в старолатинской рукописи *k*, сирийском синайском переводе, во многих рукописях староармянского перевода, в Адишской и Опизанской рукописях старогрузинского перевода и в некоторых списках эфиопского перевода. Климент Александрийский, Ориген и Аммоний не знали о существовании этих стихов. Другие греческие отцы указывают, что эта часть отсутствует в известных им греческих рукописях Евангелия от Марка (см. напр. Иероним, *Epist*. cxx. 3, *ad Hedibiam*, «Почти все греческие списки не содержат этой заключительной части»). Первоначальная форма канонов Евсевия не содержит нумерованных частей после 16:8. Многие рукописи, содержащие этот отрывок,

имеют указание на то, что он отсутствует в старых греческих списках (так, например, в рукописях 1, 20, 22 и т. д.); другие свидетели текста помечают этот отрывок астериском или обелом, которым обычно пользовались переписчики для обозначения поддельного добавления к литературному произведению.

2. Промежуточное окончание («Но они вкратце пересказали Петру и бывшим с ним все, что им было сказано. После этого сам Иисус послал их проповедовать от востока до запада священную и бессмертную весть о вечном спасении») присутствует в некоторых маюскульных рукописях VII, VIII и IX вв. (L, Ψ, 099, 0112), равно как и в нескольких минускульных манускриптах (274^{mg} [рис. 25], 579) и некоторых древних переводах (k, Syr$^{h\ mg}$, Cop^{pt}, Eth^{codd})[595].

3. Пространное окончание, известное по Библии короля Иакова и другим переводам, сделанным с Textus Receptus, присутствует в многочисленных свидетелях (включая даже некоторые из тех, где есть промежуточное окончание), а именно в A, C, D, L, W, Θ, в большинстве поздних маюскулов, в большом количестве минускулов, в большинстве старолатинских переводов, Вульгате, Syr$^{c,\ p}$ и Cop^{pt}. Возможно, что Иустин Мученик в середине II в. знал это окончание; во всяком случае, его ученик Татиан включил его в свой «Диатессарон».

4. Расширенное пространное окончание существовало, как указывает Иероним, в его время в греческих списках. После открытия W в начале XX века в нашем распоряжении оказался греческий текст этого расширенного отрывка (перевод добавленного после 14 стиха текста см. выше).

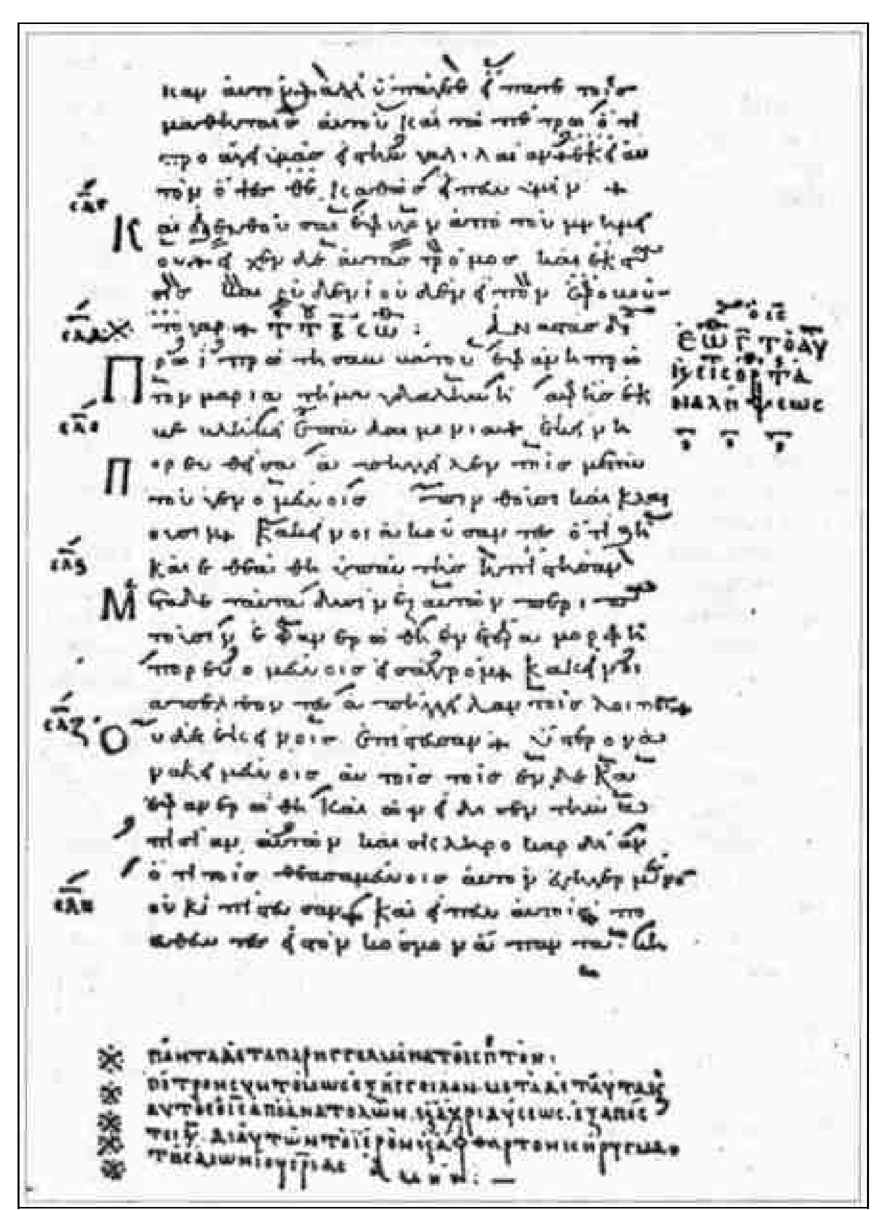

Рис. 25. Греческая рукопись 274 (X в.). Национальная библиотека, Париж. Мк 16:6-20 и промежуточное окончание Мк (см. п. 2). Размер оригинала 23,8×16,5 см.

Ни одно из этих окончаний не представляется оригинальным. Отчетливый и характерный апокрифический дух расширения в (4), а также резко ограниченный базис поддерживающих его данных отчетливо свидетельствуют о вторичности данного добавления.

Пространное окончание (3), хотя и присутствует в большом количестве свидетелей текста, в том числе древних, по своим внутренним признакам тоже должно рассматриваться как вторичное[596]. Например, наличие 17 нехарактерных для Марка слов или слов, использованных в не вполне марковом значении; отсутствие плавного перехода между стихами 8 и 9 (субъект ст. 8 — женщины, в то время как в ст. 9 подразумевается Иисус); и способ, которым Мария называется в ст. 9, несмотря на наличие более раннего упоминания о ней в ст. 1, — все эти особенности указывают на то, что данная часть была добавлена кем-то, кто знал вариант Евангелия от Марка, резко обрывающийся на ст. 8, и желал снабдить его более уместной концовкой. В армянской рукописи Евангелий, переписанной в 989 г. (см. рис. 21), содержится короткий заголовок из двух слов, стоящий между последней строкой ст. 8 и перед двенадцатью последними стихами, гласящий *Ariston eritsou* («от пресвитера

Аристона»). Многие видят в этом ссылку на Аристиона, современника Папия, жившего в начале II в. и традиционно считающегося учеником апостола Иоанна. Тем не менее, вероятность того, что армянский писец, расставлявший заголовки в рукописи, мог иметь доступ к подлинной традиции об авторстве этой концовки, равен практически нулю, особенно в том случае, если, как указывалось, заголовок был добавлен в XIII или XIV в.[597].

Внутренние признаки так называемого промежуточного окончания (2), бесспорно, свидетельствуют против его подлинности. Помимо содержащихся в этом отрывке многочисленных «не-Марковых» слов, его риторический тон сильно отличается от простого стиля Евангелия от Марка. Напыщенная фраза, стоящая в конце («священную и бессмертную весть о вечном спасении»), выдает позднейшего греческого богослова.

Таким образом, у нас осталось краткое окончание, засвидетельствованное ранними греческими, переводными и патристическими источниками. Внешние и внутренние признаки позволяют однозначно заключить, что оригинальный текст второго Евангелия, насколько это известно сегодня, заканчивался фразой 16:8. Но хотел ли Марк завершить свое Евангелие грустным сообщением о том, что женщины испугались (ἐφοβοῦντο γάρ)? Несмотря на аргументы некоторых современных ученых, упорно отстаивающих такой взгляд[598], трудно поверить в то, что упоминание о страхе могло быть уместной концовкой для произведения, называемого Евангелием, то есть Благой Вестью. Кроме того, с точки зрения стилистики, греческая фраза, оканчивающаяся словом γάρ, крайне неестественна и встречается чрезвычайно редко — в многообразии греческой литературы можно найти сравнительно мало примеров такого явления, причем ни в одном случае γάρ не стоит в конце произведения. Более того, возможно, что Марк в ст. 8 использует глагол ἐφοβοῦντα в значении «они были испуганы кем-то или чем-то» (как он это делает в четырех других местах в своем Евангелии). Очевидно, в данном случае указание на того, кто испугал, должно было бы завершать предложение.

В связи с этим представляется, что ἐφοβοῦντο γάρ в Мк 16:8 — вовсе не те слова, которыми Марк намеревался завершить свое Евангелие. Прервали ли его во время работы, к которой он не смог вернуться (возможно, по причине смерти), или последний лист оригинала случайно был потерян прежде, чем с него сделали списки[599], мы не знаем. Общеизвестно только то, что многие в Древней церкви чувствовали, что это не полный текст Евангелия и пытались разными способами добавить более или менее подходящее окончание[600].

Нельзя недооценивать тот факт, что текстологический анализ окончаний Евангелия от Марка имеет важную связь с исторической и литературной критикой Евангелий. Так как Марк не имел отношения к составлению последних 12 стихов в принятой сегодня форме этого Евангелия, и так как они, несомненно, были присоединены к Евангелию до того, как церковь выработала канон Четвероевангелия, можно сделать вывод, что Новый Завет содержит не четыре, а пять евангельских рассказов о событиях, следовавших за воскресением Христа.

В противоположность приведенной выше текстологической задаче, охватывавшей 12 стихов, рассмотрим теперь одно или два вариантных чтения, различающиеся только наличием или отсутствием одной лишь буквы.

Греческий текст, лежащий в основе традиционного ангельского песнопения во время

рождества Христова («Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение», Лк 2:14, Библия короля Иакова), отличается только одной буквой сигма от греческого текста, положенного в основу перевода того же стиха в Пересмотренном Стандартном переводе (Revised Standard Version) («Слава в вышних Богу, и на земле мир в людях благоволения»). В первом случае переводчики Библии короля Иакова следовали Textus Receptus, который давал чтение εὐδοκία, поддержанное E, F, G, H, L, S, U, V, Θ, Ξ, Ω, многими минускульными рукописями, сирийским, бохейрским и грузинскими переводами, Татианом и Евсевием. Во втором случае переводчики следовали греческому тексту, содержащему родительный падеж εὐδοκίας, что поддерживается B*, א*, A, D, W, 28, старолатинскими переводами, Вульгатой Иеронима, готским, саидским переводами, Иринеем, Кириллом Иерусалимским и латинскими отцами.

Следует отметить, что самые ранние греческие рукописи александрийской и западной групп объединены важными свидетельствами переводов и отцов церкви в поддержку εὐδοκίας, доказывающими, что это чтение было широко распространено на Западе и хорошо известно в Верхнем Египте и Палестине. С другой стороны, форма именительного падежа данного слова также широко представлена свидетелями из Сирии, Египта (район дельты), Кесарии (Θ, Евсевий) и датируется также II столетием (Татиан). В целом, внешние свидетельства (сочетание B, א, W с D и старолатинских переводов) склоняют в пользу родительного падежа. Внутренние соображения поддерживают это суждение, потому что в контексте родительный падеж более труден с точки зрения управления и, следовательно, легче заменяется именительным падежом, чем наоборот. Кроме того, дополнительный довод мы получим, приняв во внимание внутреннее значение фразы — выражение «люди [его, то есть Бога] благоволения» представляет собой совершенно очевидную семитическую конструкцию, многократно присутствующую в еврейских гимнах, открытых в Кумране[601] и, таким образом, полностью соответствующую семитизмам первых двух глав Евангелия от Луки.

Следовательно, стих 14 второй главы Евангелия от Луки включает строфу с двойным параллелизмом («слава…мир»), а не тройным («слава…мир…благоволение» в именительном падеже). Таким образом, здесь выражено сознание, что рождение Мессии, Господа (ст. 11) — основание для славы в вышних Богу и мира на земле в людях благоволения, то есть в тех людях, которые суть Его благоволимый остаток, избранный для принятия дара Его Мессии.

Другой интересный вариант чтения проистекает из наличия или отсутствия одной греческой буквы в 1 Фес 2:7. Здесь можно прочесть «мы были тихи (ἤπιοι) между вами, подобно как кормилица лелеет своих детей» либо «мы были младенцы (νήπιοι) между вами, как кормилица лелеет своих детей». Слово ἤπιοι поддерживается א^{c}, A, C^{b}, D$^{p(c)}$, K^{p}, L^{p}, P^{p}, 33, Syr$^{p, h}$, переводами — саидским, армянским, а также Климентом, Оригеном 2/3, Златоустом, Феодором Мопсуэстийским; слово νήπιοι поддерживается p^{65}, א*, B, C*, D^{p}*, F^{p}, G^{p}, I, старолатинским переводом, Вульгатой, бохейрским, эфиопским переводами, Оригеном (в латинском переводе), Ефремом, Кириллом, Иеронимом, Августином и Амброзиастером.

Легко увидеть, как могли появиться данные разночтения, порождаемые предшествующим словом ἐγενήθημεν. Когда текст переписывался под диктовку, произношение ἐγενήθημεν ἤπιοι неразличимо от ἐγενήθημεν νήπιοι и наоборот. Также, когда

слова написаны маюскулом, ΕΓΕΝΗΘΗΜΕΝΝΗΠΙΟΙ очень похоже на ΕΓΕΝΗΘΗΜΕΝΗΠΙΟΙ и наоборот. Следует также помнить, что N в конце строки часто обозначалось всего лишь штрихом над предыдущей буквой: ΕΓΕΝΘΗΜΕ.

Однако менее просто определить, в каком направлении шло изменение. С одной стороны, весомость и многообразие внешних подтверждений явно отдают предпочтение νήπιοι, которое поддерживается наиболее древними представителями александрийского типа текста (p[65] [III в.], א* и B), западного типа текста (D* и старолатинские переводы), а также разнообразными переводами и многими отцами. Такое созвездие свидетелей побудило Весткотта и Хорта, Циммера[602] и Бовера давать νήπιοι в их текстах, предпочтение ему отдают также такие комментаторы, как Лайтфут (Lightfoot), Финдли (Findlay) (с сомнением), Воленберг (Wohlenberg), Фрейм (Frame) и Миллиган (Milligan) (с сомнением).

С другой стороны, то, что Павел в одном предложении отождествляет себя с ребенком и обозначает свое служение как функцию кормилицы, кажется большинству публикаторов и комментаторов попросту абсурдным, и поэтому Трегелльс, Тишендорф, Олфорд (Alford), Вайсс, фон Зоден, Мерк и Фогельс следуют Textus Receptus и дают ἤπιοι, чтение, которое поддерживают Борнеман (Bornemann), фон Добшютц (Dobschütz), Моффатт (Moffatt), Дибелиус, Лемонье (Lemonnyer), Восте (Vosté), Нейл (Neil) и Риго (Rigaux) и принимают переводчики Пересмотренного Стандартного перевода (Revised Standard Version) и Новой английской Библии (New English Bible).

Те, кто, основываясь на внешних признаках, поддерживает νήπιοι, пытаются смягчить смысловые трудности, которые привносит это слово при учете предыдущего контекста (ст. 3–6), где Павел говорит не о своей мягкости (тихости), а о бескорыстной любви. Он защищается от обвинений не в том, что он резок, а в том, что использовал лесть ради того, чтобы несправедливо приобрести преимущество. Он намекает на свою бесхитростность и детскую невинность, убеждая в этом, называет себя «младенцем». Слово «младенец» по ассоциации приводит к идее «кормления», и с характерной для него быстротой мысли Павел переворачивает метафору и тотчас обращает себя в кормилицу. Такая инверсия метафоры — христианский учитель вначале сравнивает себя с ребенком и затем с матерью — присуща апостолу; например, в Гал 4:19 внезапный переход к метафоре даже более удивителен («Дети мои, которых я снова в муках рожаю, пока не будет изображен Христос в вас!»). Также примечательно, что 12 из 16 случаев употребления νήπιος в Новом Завете принадлежат Павлу (включая Еф 4:14), в то время как ἤπιος встречается в греческой Библии лишь однажды, в 2 Тим 2:24.

Не все в этой аргументации за νήπιοι тем не менее столь существенно, как может показаться на первый взгляд. Что бы ни говорилось о более отдаленном контексте, в непосредственном контексте «тихи» несомненно соответствует антитезе стиха 6b, где Павел отказывается от притязаний на свое апостольское достоинство или власть. Поэтому в связке с последующими предложениями «тихи» несомненно предпочтительнее «младенцев». К тому же, хотя и верно, что Павел часто использует слово νήπιος, но не следует забывать, что он так лишь обращается к новообращенным, никогда не относя к числу младенцев себя самого. Кроме того, не менее важно, что 2 Тим 2:24 некоторые переписчики поддались искушению заменить более фамильярным словом νήπιοι соответствующее тексту ἤπιος (так в греческом тексте четырех рукописей D^p*, E^p*, F^p, G^p и в эфиопском переводе)[603].

Подытоживая аргументацию *за* и *против*, следует прийти к выводу, что внутренним соображениям здесь нужно отдать предпочтение над внешними признаками. Так как νήπιοι намного более употребительное слово в Новом Завете, то при переносе легко было вставить над строкой конечное *ν* предшествующего слова, и с тех пор, вопреки смыслу, читали νήπιοι, представлявшееся совершенно недопустимым, что дало право Даниелю Мейсу (Mace) решительно заявить, что нет рукописей старше здравого смысла, и решить вопрос в пользу ἤπιοι[604].

Знание еврейского и особенно арамейского языка подчас проливает свет на вариантные чтения в Евангелиях. Так, например, слова Иисуса в Евангелии от Марка (14:25): «Истинно говорю вам, что не буду больше пить от плода лозы виноградной до того, когда буду пить его новым в царстве Божием», передаются в трех различных формах. Текст, лежащий в основе английских переводов (1) οὐκέτι οὐ μὴ πίω, поддерживается A, B, Δ, семействами 1 и 13, большинством минускульных рукописей, aur, b, ff², i, l, q, Вульгатой, Syr$^{s, p, h}$, переводами саидским, грузинским и, с некоторыми незначительными отличиями, армянским. Два других чтения: (2) οὐ μή πίω, поддерживается ℵ, C, L, W, 47, Ψ, l, 892, 1342, *c*, *k*, Вульгатой (в одной рукописи), переводами бохейрским и эфиопским; и (3) οὐ μὴ προσθῶ πιεῖν (πεῖν), поддерживается D, Θ, 565, *a*, *f* и армянским переводом (кодекс Θ дает чтение οὐκέτι οὐ μὴ προσθῶμεν πιεῖν).

Третье чтение, обнаруживаемое в западных и кесарийских свидетелях, подразумевает семитскую идиому, буквально означающую «я не добавлю к тому, чтобы пить…». Эта идиома встречается часто в Септуагинте, которая дает более сотни примеров προστιθέναι (προστιθέσθαι) для замещения еврейского הוֹסִיף (с инфинитивом), в смысле πάλιν («вновь» или «снова»). Складывается впечатление, что евхаристические слова Иисуса, которые, несомненно, были сказаны на арамейском или еврейском языке, сохранились в буквальном виде в третьем варианте чтения, а два других чтения представляют собой альтернативные переводы смысла, выраженные на более идиоматическом греческом. (Второе чтение можно, на самом деле, назвать и неверным истолкованием, так как опущена идея, выражаемая словом «больше».) Вне зависимости от того, соответствует ли идиома, сохранившаяся в третьем варианте чтения, оригиналу Евангелия от Марка, как предполагал Велльгаузен[605], или представляет собой вторичный библеизм, имитирующий Септуагинту (как доказывает Шюрман)[606], или обнаруживает влияние неканонического рассказа о евхаристических словах Иисуса (мнение Иеремиаса[607], следующего Блэку[608]), она в любом случае представляет собой вариант чтения, более заслуживающий внимания и чрезвычайно подходящий по контексту.

Многие ученые[609] уделили внимание текстологической Деян 20:28, где рассказывается о прощании Павла, обращающегося к старейшинам Эфесской церкви: «Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями пасти церковь… которую Он приобрел Себе кровию Своею». Что должно стоять на месте пропуска — «Господа» или «Бога»?

Внешние факторы распределяются следующим образом:

1. θεοῦ: ℵ, B, 218, 257, 383, 459, 614, 917, 1175, 1522, 1611, 1758, 2138, 2298, *al*, *ar*, *c*, *dem*, *ph*, *ro*, *w*, Vulg., Syr$^{p, h}$, Афанасий, Василий, Амвросий, Епифаний, Кирилл

Александрийский;

2. κυρίου: p[74], A, C*, D, E[a], Ψ, 33, 181, 209, 307, 337, 429, 431, 436, 610, 623, 1739, 1891, e, gig, p, Sah, Boh, Syr[h mg], Arm, латинский Ириней, Дидим, Люцифер, Иероним, Пелагий;

3. κυρίου καὶ θεοῦ: C[3], H[a], L[a], P[a], более 100 минускульных рукописей, старославянский перевод, Феофилакт;

4. θεοῦ καὶ κυρίου: 47.

5. κυρίου θεοῦ: 3, 95**.

6. Χριστοῦ: Syr[codd], Пост. Апост., некоторые рукописи Афанасия.

7. Ἰησοῦ Χριστοῦ: *m*.

Из указанных семи чтений очевидно лишь первые два заслуживают определенного внимания, так как (6) и (7) поддерживаются недостаточно, а остальные представляют собой объединение κυρίου и θεοῦ в различных комбинациях и сохранились лишь в византийских рукописях.

На основании внешних признаков трудно определить, какое из двух первых чтений является оригинальным. Палеографическое различие состоит лишь в одной букве: $\overline{\text{ΚΥ}}$ и $\overline{\text{ΘΥ}}$. Каждое поддерживается ранними и разнообразными свидетелями. Самое большее, что можно сказать: θεοῦ — александрийское чтение, а κυρίου поддерживается типичными западными документами. Для решения вопроса о том, какое чтение является исходным, надо положиться на внутренние свидетельства текста.

Выражение ἐκκλησία κυρίου встречается семь раз в Септуагинте, но отсутствует в Новом Завете. С другой стороны, ἐκκλησία τοῦ θεοῦ появляется с умеренной частотой (одиннадцать раз) в посланиях, традиционно приписываемых Павлу, и нигде больше в Новом Завете. (Выражение αἱ ἐκκλησίαι πᾶσαι τοῦ Χριστοῦ встречается однажды в Рим 16:16.) Следовательно, представляется возможным, что переписчик, найдя в копируемом экземпляре θεοῦ, под влиянием словоупотребления Ветхого Завета заменил его на κυρίου. С другой стороны, столь же возможно, что писец, находясь под влиянием словоупотребления Павла, заменил κυρίου своего экземпляра на θεοῦ.

В сторону принятия варианта θεοῦ как оригинального чтения чашу весов склоняет то обстоятельство, что θεοῦ является чтением более трудным. Следующее за ним придаточное предложение говорит о церкви, «которую Он приобрел διὰ τοῦ αἵματος τοῦ ἰδίου». Если понимать это выражение в обычном смысле («…кровию Своею»), то возникший у переписчика вопрос: «Есть ли у Бога кровь?» мог привести к замене θεοῦ на κυρίου. С другой стороны, если бы κυρίου было оригинальным чтением, то в контексте нет ничего необычного, что побудило бы переписчика ввести более трудное θεοῦ). Этот аргумент в пользу θεοῦ как чтения более раннего становится еще более убедительным, если его изменение произошло в контексте патрипассианистских (савеллианских) споров, потрясавших раннюю церковь, когда некоторые еретические толкования изображали Христа Самим Богом (а это приводило к выводу о том, что его смерть была смертью Бога)[610].

В связи с этим надо отметить, что διὰ τοῦ αἵματος τοῦ ἰδίου может значить не «…кровию Своею», а нечто иное; автор Деяний мог подразумевать в данном случае — «…кровью Своего». (Нет необходимости предполагать, вслед за Хортом, что после ἰδίου могло стоять υἱοῦ, которое было утрачено на каком-то этапе, хотя палеографически обосновать такую

утрату очень просто.) Подобное абсолютное использование единственного числа ἰδίος, которое более в Новом Завете не засвидетельствовано, изредка встречается в греческих папирусах как ласковое выражение для близкого родственника[611]. Следовательно, вполне можно предположить, что «Свой» (ὁ ἰδίος) было титулом, который ранние христиане присваивали Иисусу. Этот титул можно сопоставить с эпитетом «Возлюбленный» (ὁ ἀγαπητός): вспомним, что в Рим 8:32 Павел говорит о Боге — «Тот, Кто τοῦ ἰδίου υἱοῦ не пощадил» в контексте, явно указывающем на Быт 22:16, где Септуагинта дает τοῦ ἀγαπητοῦ υἱοῦ.

Подводя итог, можно признать: какое бы значение мы ни придавали слабой возможности того, что του ἰδίου могло быть использовано здесь как эквивалент του ἰδίου υἱοῦ, как кажется, более вероятна замена θεοῦ на κυρίου, нежели наоборот и, следовательно, чтение θεοῦ может считаться оригинальным[612].

Среди посланий, автором которых назван апостол Павел, более всего текстологических проблем содержит Послание к Колоссянам. В завершении стиха Кол 2:2 присутствует то, что на первый взгляд кажется диким набором вариаций; рукописи насчитывают 15 различных завершений выражения εἰς ἐπίγνωσιν τοῦ μυστηρίου… («к познанию тайны»):

A

1. τοῦ θεοῦ Χριστοῦ: p^{46}, B, Vulg^{ms}, Иларий, Пелагий;
2. τοῦ θεοῦ: H^{p}, P^{p}, 69, 424^{c}, 436, 462, 1912, Sah^{MS};
3. τοῦ Χριστοῦ: 81, 1241, 1462, (1739), *b*;
4. τοῦ θεοῦ ὅ ἐστιν Χριστὸς: D^{p}*, *ar, d, o*, Vulg^{mss}, Августин;
5. τοῦ θεοῦ ὅ ἐστιν περὶ Χριστοῦ: Eth;
6. τοῦ θεοῦ τοῦ ἐν Χριστῷ: 33, (Климент), Амвросиастер;
7. τοῦ θεοῦ τοῦ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ: Arm;
8. τοῦ θεοῦ καὶ Χριστοῦ: Кирилл Александрийский;

B

9. τοῦ θεοῦ πατρὸς Χριστοῦ: **א***, 048, 216, 440;
10. τοῦ θεοῦ πατρὸς τοῦ Χριστοῦ: A, C, 0150, 4, 1175, Sah, Boh;
11. τοῦ θεοῦ καὶ πατρὸς τοῦ Χριστοῦ: א^{c}, L, Ψ, 256, 263, pc, Vulg^{ms}, Slav;
12. τοῦ θεοῦ πατρὸς καὶ τοῦ Χριστοῦ: 075, 0208, 441, 1908, Syr^{p}, Златоуст.
13. τοῦ θεοῦ πατρὸς καὶ τοῦ Χριστοῦ Ἰησοῦ: Vulg, Boh^{codd}, Пелагий.
14. τοῦ θεοῦ πατρὸς καὶ τοῦ κυρίου ἡμῶν Χριστοῦ Ἰησοῦ: l, Vulg^{MS}.
15. τοῦ θεοῦ καὶ πατρὸς καὶ τοῦ Χριστοῦ: D$^{p(c)}$, E^{p}, R^{p}, L^{p}, Syr^{h}, большинство минускульных рукописей, Феодорит и т. д.

Из всех этих чтений предпочтительно то, которое в приведенном списке помещено на первое место. С внешней стороны его поддерживают наиболее древние и надежные греческие рукописи; с внутренней стороны, трудность выражения τοῦ μυστηρίου τοῦ θεοῦ Χριστοῦ побуждало переписчиков к попыткам объяснить его смысл. Очевидно, наиболее популярным способом интерпретации стало введение слова πατρὸς. Это дополнение присутствует в семи вариантных чтениях, сгруппированных под индексом B. Артикль перед Χριστοῦ (чтения 10–15) введен, разумеется, для того, чтобы создать параллелизм с τοῦ θεοῦ.

Наконец, последнее из чтений лежит в основе перевода Библии короля Иакова «The mystery of God, and the Father, and the Christ», но, хотя оно и поддерживается большим количеством свидетелей, его текстуальная база самая слабая, поскольку по характеру оно представляет собой конфляцию чтений 11 и 12.

Если бы чтение 9 было первоначальным, то появление восьми чтений, сгруппированных под индексом А, оказалось бы необъяснимым, поскольку мы не смогли бы объяснить причины, по которым оно выпало из рукописей. И напротив, внесение слова πατρός вносит ясность в синтаксическое отношение θεοῦ и Χριστοῦ, (чтение 1 можно понимать как «познание тайны Бога Христа» или «познание тайны Христа Божьего» или «познание Божьей тайны, Христа»). Помимо введения слова πατρὸς (чтения 9-15) было сделано несколько других попыток объяснить отношение Χριστοῦ; к θεοῦ (чтения 4–8). Переписчики, ответственные за появление вариантов 2 и 3, нашли выход из трудного положения. Они опустили, соответственно, один из родительных падежей, и в поддержку чтения 3 переписчик мог сослаться на пример словоупотребления в Еф 3:4 (τῷ μυστηρίῳ τοῦ Χριστοῦ). Чтение 4 содержит смысл, который должен быть правильным, и подсказывает, что в чтении 1 слово «Христос» объясняет содержание слов τοῦ μυστηρίου τοῦ θεοῦ. Возможно, при диктовке послания автор отделил слово Χριστοῦ от предыдущего выражения небольшой паузой для вдоха, которая в современном письме может обозначаться запятой. Таким образом, можно назвать все остальные чтения толкованиями оригинала, под которым предположительно рассматривается 1. При этом данное чтение не может быть выведено из других и имеет существенно более надежную (как с точки зрения датировки, так и характера рукописей) внешнюю поддержку. Соответственно, следует признать, что τοῦ θεοῦ Χριστοῦ представляет собой самую раннюю форму текста, из тех, что дошли до нас в рукописях[613].

Как было замечено ранее, сознательная или бессознательная гармонизация евангелий переписчиками есть процесс по определению вторичный. Поэтому для издателей текста непреложным правилом является восстановление специфических черт каждого отдельного евангелия при публикации его текста. Из многочисленных примеров того, как на практике применяют этот базовый принцип, выберем лишь немногие, которые показывают, что в крайне редких случаях правильное чтение может быть сохранено только в тексте койне или византийском типе.

Предположим, что нам нужно оценить внешнюю поддержку для чтения ἀρχιερεῖς в Лк 20:1 («приступили первосвященники и книжники со старейшинами…»). В этом случае не возникает ни малейшего сомнения, что это чтение оригинальное: его поддерживают древние и разнообразные свидетели, а чтение ἱερεῖς опирается на весьма незначительную поддержку:

1) ἀρχιερεῖς: א, B, C, D, L, M, N, Q, R, Θ, Ψ, семейство 1, (семейство 13), семейство 1424, 33, 157, 579, 892, 1071, 1241, 1604, старолатинский перевод, Vulg, Syr, Boh, Arm, Geo, Eth, DiateSS$^{\text{Arab' Ital (ven)' Dutch (Liege)}}$

2) ἱερεῖς: A, E, G, H, K, S, U, V, W, Γ, Δ, Λ, Π, многие минускульные рукописи, Goth.

Синопсис трех Евангелий, тем не менее, показывает, что параллельные рассказы об этом эпизоде (Мф 21:23 и Мк 11:27) содержат упоминание «первосвященников» вместе с

книжниками и/или старейшинами не имеют колебаний в рукописях. С этим хорошо согласуется то обстоятельство, эта стереотипная формула встречается около 50 раз в Евангелиях и Деяниях, но никогда не содержит ἱερεῖς на месте ἀρχιερεῖς.

В рассматриваемом отрывке нет видимых мотивов для замены «первосвященников» на «священников», в то время как давление стереотипного выражения с ἀρχιερεῖς, вероятно, должно было ощущаться переписчиками рукописей во всех традициях передачи текста. Поэтому следует сделать вывод, что Тишендорф и фон Зоден правы, печатая ἱερεῖς в Лк 20:1, а Весткотт и Хорт, Вайсс, Фогельс, Мерк, Бовер, Нестле и текст Британского и Иностранного библейского общества ошибаются, отдавая предпочтение ἀρχιερεῖς[614].

Кроме Лк 20:1 существуют и другие отрывки, где почти все «хорошие» рукописи содержат ошибочное чтение, а правильное сохраняют лишь «плохие» свидетели. Так, в Мф 12:47 лучшие александрийские свидетели (B, ℵ*) и согласующиеся с ними представители западной группы (ff^{l}, k, Syr$^{s, c}$) виновны в утрате целого стиха. Стих 47 заканчивается тем же словом, что и 46, и взгляд переписчиков случайно перескакивал с конца одного на конец другого стиха.

В Евр 7:1 относительное местоимение ὅς, которое не соответствует синтаксису предложения, поддерживается ℵ, A, B, C^{c}, D^{p}, I, K^{p}, 33 и др. Грамматически корректное ο засвидетельствовано p^{46} C*, Ψ, 1739 и группой рукописей койне. В этом случае можно видеть, как элементарная ошибка проникает в обе традиции, и александрийскую, и западную, — из-за того, что следующее слово начинается с буквы сигма (συναντήσας) правильное ο произносилось как ὅς.

Иногда соображения, относящиеся к внутренним признакам подлинности, окажутся настолько важными, что смогут перевесить внешние показания, которые на вид подавляющими. Общепринятый текст Мф 22:34–35 гласит: «Фарисеи же, услышав что Он [Иисус] заградил уста саддукеям, собрались вокруг Него. И спросил один из них, законник, искушая Его». Случай кажется вполне простым и не возбуждающим подозрений. Однако некоторые текстуальные свидетели опускают в ст. 35 νομικός («законник») — семья 1, e, Syr^{s}, Arm, Geo, и Ориген, если верить латинскому переводу Руфина. В нормальной ситуации свидетельство, которое содержится только в части рукописей кесарийского типа и поддерживается некоторыми переводами, не должно рассматриваться в качестве весомого. Но в данном случае внутренние соображения значительно важнее консенсуса всех маюскульных и почти всех минускульные рукописей, дающих неверное чтение νομικός. Во-первых, если отвлечься от этого отрывка, среди четырех евангелистов лишь Лука употребляет слово νομικός; для Матфея названием для знатоков Моисеева закона является слово γραμματεύς, часто встречающееся во всех трех синоптических Евангелиях. Во-вторых, проверка по синопсису Евангелий обнаруживает, что в параллельном фрагменте Лк 10:25 сказано: «И вот встал некий законник, искушая Его [Иисуса]…» Не существует доводов, объясняющих причину, по которой переписчик мог бы опустить νομικός в Мф 22:35, но очевидно сильное искушение дополнить при переписывании рассказ такой подробностью из параллельного места у Луки. Поэтому, несмотря на довольно ограниченную поддержку более краткого текста, представляется вероятным, что νομικός в Мф 22:35 является вставкой.

В 1 Фес 3:2 («И послали Тимофея, брата нашего и… в Евангелии Христовом, чтобы утвердить вас и ободрить для укрепления веры вашей») слово или слова, стоящие после

«брата нашего и…», передаются пятью различными способами:

1. «сотрудника Божия» (συνεργὸν τοῦ θεοῦ: D^{p*}, 33, *b, d, mon, o*, Пелагий, псевдо-Амвросий, псевдо-Иероним).

2. «сотрудника» (συνεργὸν: B, по-видимому, Ефрем)[615].

3. «слугу Божьего» (διάκονον τοῦ θεοῦ: ℵ, A, P^{p}, 424^{c}, Goth, Cop, Arm, Василий, Феодор Мопсуэстийский в латинском переводе).

4. «слугу и сотрудника Божия» (διάκονον καὶ συνεργὸν του θεοῦ: F^{p},G^{p}).

5. «слугу Божия и нашего сотрудника» (διάκονον τοῦ θεοῦ καὶ συνεργὸν ἡμῶν: $D^{p(c)}$, K^{p}, L^{p}, $Syr^{p,\,h}$, Eth, большинство минускульных рукописей, Златоуст, Феодорит).

Чтение, занимающее последнее место в перечне и поддерживаемое наибольшим количеством свидетелей, является очевидно вторичным; оно сформировано путем объединения чтений 3 и 2 с добавлением ἡμῶν. Это чтение, объединяющее два варианта, типично для текстов типа койне и лежит в основе того, как данный стих переведен в Библии короля Иакова[616].

Четвертое — также представляет собой конфляцию: справщик механически соединил чтения 3 и 1, что видно из написания уточняющего родительного τοῦ θεοῦ лишь раз. Внешняя поддержка этого варианта небольшая, так как две билингвы F и G настолько близки друг к другу, что могут рассматриваться как один источник, относящийся к вторичному слою западного типа текста. Следовательно, остаются чтения 1, 2 и 3. Какому же из них следует отдать предпочтение? Трудно ответить на этот вопрос с уверенностью, ведь можно найти более или менее убедительные аргументы, которые смогут обосновать первоначальный характер каждого из этих трех чтений. Бовер и переводчики Новой английской Библии (New English Bible) принимают чтение 1, Вайсс — чтение 2, а Тишендорф, Весткотт и Хорт, фон Зоден, Фогельс, Мерк и Пересмотренный Стандартный перевод (Revised Standard Version) — чтение 3. Аргументы в пользу каждого выбора сводятся к следующему.

Второе чтение — συνεργόν — едва ли может быть подлинным, поскольку в этом случае невозможно будет дать удовлетворительное объяснение как добавлению τοῦ θεοῦ для образования чтения 1, так и замене данного чтения на διάκονον с добавлением τοῦ θεοῦ для чтения 3.

Не подлежит сомнению, что третье чтение «слугу Божьего» представлено несколькими превосходными александрийскими свидетелями, а также разнообразными переводами. Но это выражение столь ясно и содержательно по своему характеру, что, будь оно оригинальным, оно не нуждалось бы в изменении. Этого нельзя сказать о чтении 1, где используемое в отношении Тимофея выражение «сотрудник Божий» оскорбить щепетильного читателя: как, спрашивается, кто-то посмел присвоить столь высокий титул человеку, притом еще молодому новообращенному, который просто помогал Павлу? Тому, кто хочет смягчить этот текст, открыты две возможности — либо изъять τοῦ θεοῦ, и тогда Тимофей станет соработником Павла (чтение 2) в согласии с Рим 16:21; либо же, сохраняя τοῦ θεοῦ заменить συνεργόν на διάκονον. Тимофей в этом случае (чтение 3) вновь будет описан типично Павловым языком (Рим 13:4; 2 Кор 6:4).

Таким образом, чтение 1 (συνεργὸν τοῦ θεοῦ) является первоначальным, так как объясняет происхождение других чтений.

Но с другой стороны, доверие к предшествующей аргументации может быть ослаблено при вторичной проверке свидетельств. Тем исследователям, кто опирается в основном на рассмотрение внешних факторов, несомненно не покажется впечатляющей подборка из D^{p}*, 33, *b*, *mon*, *o*, Пелагия, Амвросия и псевдо-Иеронима. Далее, довод, с помощью которого выше было обосновано чтение συνεργὸν τοῦ θεοῦ, — а именно, что оно могло ввести щепетильного переписчика в искушение, — теряет силу, если заметить, что подобное выражение в 1 Кор 3:9 (θεοῦ γάρ ἐσμεν συνεργοί) не имеет текстологических вариаций в известных свидетелях. К тому же общепризнанная тенденция западного типа текста везде подставлять синонимы и приблизительно соответствующие слова подсказывает, что чтение 1 могло возникнуть как искажение переписчиком чтения 3.

Тем не менее главная слабость аргумента в пользу предпочтения чтения 3 как первоначального — отсутствие сколько-нибудь обоснованного аргумента, который потребовал бы исключить τοῦ θεοῦ для образования чтения 2. Вайсс поэтому доказывает, что самое простое объяснение появления различных форм текста — принятие συνεργόν, присутствующего в B, как оригинального и признание остальных чтений его модификациями[617].

При оценке весомости аргументов, поддерживающих вариантные чтения, следует проявлять большую осторожность. По Лахманну степень уверенности критика при принятии какого-либо чтения, или, иными словами, его вероятность, может определяться как очевидная, почти очевидная, возможная, сомнительная, весьма сомнительная или ничтожная. В данном случае, какой бы выбор не был сделан между тремя основными вариантами, любой беспристрастный критик должен признать силу аргументов, поддерживающих два других чтения.

Другой пример того, как острое противоречие между внутренними и внешними показаниями не дает возможности сделать окончательный выбор между разночтениями, мы находим в Деян 12:25. Действительно, при чтении отрывка от 11:27 до 13:1 возникает впечатление, что 11:30 имеет отношение к прибытию Павла и Варнавы в Иерусалим, а 12:25 должно указывать на их отъезд из Иерусалима. Однако имеется ранняя и широко распространенная поддержка для практически невероятного чтения εις Ἰερουσαλήμ (א, B, H^{a}, L^{a}, P^{a}, 81, $Syr^{h\ mg}$, Sah^{mss})[618]. Другие чтения в данном месте — ἐξ Ἰερουσαλήμ (p^{74}, A, 33, 547, 913, 1739, 1891, Sah, Arm, Eth) и ἀπὸ Ἰερουσαλήμ (D, [E], Ψ, 181, 431, 614 *ar*, *c*, *d*, *dem*, *gig*, *ph*, *ro*, Vulg; Syr^{p} может свидетельствовать и в пользу ἐζ, и в пользу ἀπὸ).

По всем канонам текстологической критики предпочтительнее наиболее трудное чтение εἰς, поддерживаемое к тому же наиболее древними и надежными рукописями, но смысл контекста вопиет в защиту предлога, означающего «из»[619]. Было ли εἰς ранним искажением текста, которое позднейшие переписчики пытались исправить, заменяя на ἐξ или ἀπό? В данном случае, следует признать, что они просто не знали, что написал автор[620].

Сколько учеников, по словам Луки (Лк 10:1,17), послал Иисус — семьдесят или семьдесят два? Свидетельства таковы:

ἑβδομήκοντα поддерживается p^{45} (сохранился лишь стих 17)[621], ℵ, A, C, L, W, Δ, Θ, Λ, Ξ, Ψ, семейство 1, семейство 13, большинство минускулов, *f*, *q*, *i* (сохранился только стих 1), $Syr^{c(vs.17),\ p,\ h,\ pal}$, Cop^{boh}, Goth, Ириней, Тертуллиан, Климент, Ориген, Евсевий, Амвросий, Иероним.

ἑβδομήκοντα δύο поддерживается p^{75}, B, D, M, (сохранился лишь стих 1), 0181 (сохранился лишь стих 1), *a*, *b*, *c*, *d*, *l*, $r^{2,}$, Vulg, $Syr^{s,\ c(vs\ 1),\ h,\ mg}$, Cop^{sah}, Arm, $Georg^{1,\ 2}$, $Diatess^{Dutch\ Pers\ Ital}$, Ориген, Ефрем, Августин, Амврозиатер.

Внешние показатели распределяются почти поровну: главные представители александрийской и западной групп, большинство старолатинских рукописей и сирийский синайский перевод поддерживают число 72. Напротив, другие александрийские свидетели, имеющие относительно больший вес (ℵ, L, Δ, Λ, Ξ), так же как и кесарийские (p^{45}, семейство 1, семейство 13) едины в поддержке числа 70.

Факторы, определяющие оценку внутренних показаний, будь то вероятность передачи текста или внутренняя вероятность, в данном случае исключительно неуловимы. Вероятно, что в большинстве ранних рукописей (как в p^{45} или p^{75}) число было написано буквами греческого алфавита (οβ или ο). Поэтому одно число легко могло превратиться в другое. Если изменение было сделано умышленно, можно предположить, что александрийский переписчик с математическими наклонностями заменил семьдесят на семьдесят два ради того, что он считал научной симметрией. С другой стороны, если замена была неумышленной, то, конечно, значительно более вероятно, что точное число семьдесят два было трансформировано в круглое число семьдесят, нежели наоборот — что торжественно звучащее число семьдесят превращено в семьдесят два.

Те, благодаря кому это известие сохранялось в устной традиции, прежде чем попало в текст Евангелия от Луки, быть может, желали придать числу учеников символическое значение. Параллели в еврейских текстах можно было найти и для семидесяти, и для семидесяти двух. Семьдесят старейшин были избраны для помощи Моисею (Чис 11:16–17,24-25); у Иероваала (Суд 9:2) и Ахава (4 Цар 10:1) было по семьдесят сыновей, и семьдесят служителей у Вила (Вил и Дракон ст. 10).

С другой стороны, в соответствии с письмом Аристея (параграфы 46–50) семьдесят два старейшины (по шесть от каждого колена) были избраны для подготовки греческого перевода Торы — Септуагинты, и в третьей книге Еноха число князей царств достигает семидесяти двух, соотносясь с семьюдесятью двумя языками мира (18:8; ср. 18:2 и далее, 30:2)[622].

Однако чрезвычайно трудно установить, какой именно символизм вложен в этой число у Луки. С одной стороны, если для этой группы учеников была усвоена миссия к Израилю, то должно было быть выбрано число, кратное двенадцати коленам Израилевым. С другой стороны, ввиду параллелей между Иисусом и Моисеем, которые предполагались некоторыми исследователями[623], может статься, что эта группа учеников Иисуса соответствует семидесяти старейшинам, помогавшим Моисею. Столь одинаково распределены доказательства двух возможностей, что опасно утверждать с уверенностью, какая из них более вероятна.

Общая оценка внешних и внутренних показаний, поддерживающих то и другое чтение, не позволяет вынести решающее суждение. Чтение «семьдесят два» поддерживается таким

сочетанием ранних свидетелей, которое обычно ведет к признанию чтения подлинным, но и распределение свидетелей, дающих чтение «семьдесят», столь же весомо, а внутренние соображения настолько сбалансированы, что текстолог должен признать, что он не в силах сделать уверенный выбор между двумя чтениями.

Обсуждавшиеся выше отрывки вполне ярко иллюстрируют, как много факторов следует принимать в расчет при оценке вариантных чтений. Помимо того, чтобы решать эти задачи поодиночке, по мере их появления в тексте, издатель греческого Нового Завета обречен столкнуться с другими проблемами, которые порождаются разнообразием словоупотребления и авторского стиля в Новом Завете как корпусе текстов. В какой степени, например, издателю следует стандартизовать присутствие окончаний первого аориста, присоединенных к основе аориста второго? Следует ли ему воспроизводить в своем издании различие между авторами в написании одного и того же имени собственного? Если подобная флуктуация встречается в пределах одной книги, следует ли ее воспроизводить? Например, следует ли печатать название послания Павла к Колоссянам ΠΡΟΣ ΚΟΛΑΣΣΑΕΙΣ (по p^{46}, A, B*, I, K^{p} и другим рукописям), как делают Textus Receptus, Лахманн, Весткотт и Хорт, но указывать наименование города в 1 Кол. 1, 2 Κολοσσαῖς (по p^{46}, א [A имеет лакуну], B, D^{p}, E^{p}, F^{p}, G^{p}, L^{p} и т. д.)? Поставить вопрос легче, чем ответить на него.

В заключение следует подчеркнуть, что не существует ни таких рукописей, ни таких их групп, которым текстолог может механически следовать. Все известные нам свидетели Нового Завета содержат более или менее смешанный текст, и даже самые древние рукописи не свободны от грубейших ошибок. Хотя очень часто текстолог вполне в состоянии установить без малейших сомнений, какое чтение должно было стоять в оригинале, имеется немало других случаев, когда вопрос можно решить лишь предположительно, и подобное решение будет покоиться на сомнительном основании — балансе возможного. Бывает и так, что отсутствует чтение, которое можно было бы счесть подлинным, и текстологу остается выбирать наименее неприемлемый вариант или довольствоваться предположительной конъектурой. В текстологии, как и в других областях исторических исследований, следует стремиться не только к тому, чтобы узнать то, что можно узнать, но также и к тому, чтобы понять, что именно останется неизвестным из-за противоречия в источниках.

Библиография

Ниже представлен в хронологическом порядке список литературы по введению в Новый Завет и в научную текстологию Нового Завета, а также книги по истории Английской Библии и библейские словари. Помимо монографий Брюса М. Мецгера по текстологии Нового Завета, ссылки на которые есть в соответствующих разделах этой книги, упомянем еще две его работы: Annotated Bibliography of the Textual Criticism of the New Testament, *1914–1939* (Copenhagen, 1955) and Chapters in the History of New Testament Textual Criticism (Grand Rapids, MI, 1963).

J. I. Doedes, *Verhandeling over de tekstkritiek des Nieuwen Verbonds* (Teyler's godgeleerd Genootschap, deel xxxiv), Haarlem, 1844,481 pp.

J. Scott Porter, *Principles of Textual Criticism with their Application to Old and New Testaments, London,* 1848, 515 pp.

Thomas Sheldon Green, *A Course of Developed Criticism on Passages of the New Testament Materially Affected by Various Readings*, London, 1856, 192 pp.

Samuel Prideaux Tregelles, *Introduction to the Textual Criticism of the New Testament*; being vol. iv of Thomas Hartwell Home's *An Introduction to the Critical Study and Knowledge of the Holy Scriptures*, 10th ed., London, 1856; 13th ed., London, 1872,402 pp.

F. H. A. Scrivener, *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament,* London, 1861, 490 pp.; 2nd ed., Cambridge, 1874, 607 pp.; 3rd ed., Cambridge, 1883, 712 pp.; 4th ed., 2 vols., ed. by Edward Miller, London, 1894, vol. 1, 418 pp., vol. 2, 428 pp.

C. E. Hammond, *Outlines of Textual Criticism Applied to the New Testament,* Oxford, 1872,138 pp.; 6th ed., revised, Oxford, 1902, 179 pp.

William Milligan and Alexander Roberts, *The Words of the New Testament, as Altered by Transmission and Ascertained by Modem Criticism*, Edinburgh, 1873, 262 pp.

Frederic Gardiner, *Principles of Textual Criticism; with a Graphic Table of Uncials,* reprinted from *Bibliotheca Sacra*, xxxii (1875), pp. 209–265.

F. H. Scrivener, *Six Lectures on the Text of the New Testament and the Ancient Manuscripts Which Contain It, Chiefly Addressed to Those Who do not Read Greek*, London, 1875, 216 pp.

Thomas Rawson Birks, *Essay on the Right Estimation of Manuscript Evidence in the Text of the New Testament*, London, 1878, 128 pp.

Brooke Foss Westcott and Fenton John Anthony Hort, Introduction, Appendix, in *The New Testament in the Original Greek*, ii, London, 1881, 324, 188 pp.; 2nd ed., 1896, 330,180 pp.

J. R P. Martin, *Introduction à la critique textuelle du Nouveau Testament: Partie theorique,* Paris, c. 1883, 712 pp.; *Partie pratique,* 5 vols., Paris, c. 1883–1886, pp. 327, 554, 512, 549, 248.

Philip Schaff, *A Companion to the Greek Testament and the English Version,* New York, 1883, 616 pp.; 3rd ed., revised, New York, 1889, 618 pp.

Fr. schjøtt, «Det ny Testamentes Texthistorie i de tre første Aarhundreder», *Teologisk Tidsskrift for den danske Folkekirke*, i (1884), pp. 343–392; «De nytestamentlige Uncialhaandskrifter», *Teologisk Tidssknft for den danske Folkekirke,* vi (1889), pp. 432–457, 500–555.

Caspar René Gregory, *Prolegomena*, being vol. iii of Tischendorf's *Novum Testamentum Graece*, ed. octava critica maior, Leipzig, 1884–1894, 1426 pp.

Edward Miller, *A Guide to the Textual Criticism of the New Testament,* London, 1886,147 pp.,

reprinted 1979.

Benjamin B. Warfield, *An Introduction to the Textual Criticism of the New Testament*, London, 1886, 225 pp.

Arnold Rüegg, *Die neutestamentlicke Textkritik seit Lachmann; ein Versuch zur Orientierung*; Zurich, 1892, 97 pp. (with a list of N. T. MSS., their editors, and collators).

Berhard Nestle, *Einführung in das griechische Neue Testament*, Göttingen, 1897,129 pp.; 2te Aufl., Göttingen, 1899, 288 pp.; 3te Aufl., Göttingen, 1909, 298 pp.; Eng. trans, from 2nd German ed. by William Eadie, *Introduction to the Textual Criticism of the Greek New Testament*, London, 1901, 351 pp.

Charles F. Sitterly, *Praxis in Manuscripts of the Greek Testament*, New York, 1898; 4th ed. is part 3 of *The Canon, Text and Manuscripts of the New Testament*, New York, 1914, 126 pp.

Matheus Lundborg, *Nya Testamentets text, dess historia och kritiska behandling i allmänna grunddrag*, Lund, 1899,406 pp.

Marvin R. Vincent, *A History of the Textual Criticism of the New Testament*, New York, 1899,185 pp.

Kirsopp Lake, *The Text of the New Testament*, Oxford, 1900, 104 pp.; 6th ed., revised by Silva New, Oxford, 1928, 104 pp.

Frederic G. Kenyon, *Handbook to the Textual Criticism of the New Testament*, London, 1901, 321 pp.; 2nd ed., London, 1912, 381 pp.

Rudolf Knopf, *Der Text des Neuen Testaments*, Giessen, 1906,48 pp.

August Pott, *Der Text des Neuen Testaments nach seiner geschichtlichen Entwicklung*,Leipzig, 1906, 108 pp.; 2te Aufl., Leipzig, 1919, 116 pp.

Caspar Rene Gregory, *Canon and Text of the Nezv Testament*, New York, 1907, pp. 297–539.

______, *Textkritik des Neuen Testamentes*, 3 vols., Leipzig, 1900–1909, 1486 pp.

Hermann Freiherr von Soden, *Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt*, I. Teil, *Untersuchungen*, i. Abteilung, *Die Textzeugen*, Berlin, 1902, 704 pp.; ii. Abteilung, *Die Textformen*, A. *Die Evangelien*, 1907, pp. 705-1520; iii. Abteilung, *Die Textformen*, в. *Der Apostolos mit Apokalypse*, 1910, pp. 1521–2203.

Jens Stub Irgens, *De trykte græske Nye Testamenters historie tilligemed en indledning dertil og et anhang*, Kristiania, 1907, 196 pp.

Ernest Jacquier, *Le Nouveau Testament dans l'église chrétienne*. II. *he Texte du Nouveau Testament*, Paris, 1913, 535 pp.

Alexander Souter, *The Text and Canon of the New Testament*, London, 1913, pp. 1-145; revised by C. S. C. Williams, London, 1954, pp. 1-133.

P. G. Groenen, *Algemeene inleiding tot de Heilige Schrift*. II. *Geschiedenis van den tekst*, Leiden, 1917, 375 pp.

Ernst von Dobschütz, *Eberhard Nestle's Einführung in das griechische Neue Testament*, 4te Aufl. völlig umgearbeitet, Göttingen, 1923, 160 pp.

Heinrich Joseph Vogels, *Handbuch der Textkritik des Neuen Testaments*, Münster, 1923, 255 pp.; 2et Aufl., Bonn, 1955, 236 pp.

A. T. Robertson, *An Introduction to the Textual Criticism of the New Testament*, New York, 1925, 300 pp.; 2nd ed., New York, 1928, 300 pp.

Giuseppe Sacco, *La Koinè del Nuovo Testamento e la trasmissione del sacro testo*, Rome,

1928, pp. 151–327.

Ernst Nachmanson, *Nya Testamentet, en översikt av 347 dess yttre historia,* Stockholm, 1931,164 pp.

Léon Vaganay, *Initiation à la critique textuelle néotestamentaire,* Paris, 1934, 188 pp.; English trans., London, 1937, 208 pp; 2nd ed. by Christian-Bernard Amphoux, Paris, 1986, 300 pp.; English trans, by Jenny Heimerdinger, Cambridge, 1991, xxiv + 227 pp.

M.-J. Lagrange, *Introduction à l'étude du Nouveau Testament;* 2nd part, *Critique textuelle.* II. *La critique rationnelle,* Paris, 1935, 685 pp.

Eugène Mercier, *Le Texte du Nouveau Testament*, Lausanne, 1935, 127 pp.

Auguste Hollard, *Histoire du texte du Nouveau Testament*, Paris, 1936, 80 pp.

Frederic G. Kenyon, *The Text of the Greek Bible:* A *Students' Handbook,* London, 1937, 264 pp.; 2nd ed., London, 1949, 264 pp.; German trans, by Hans Bolewski, *Der Text der griechischen Bibel: ein Lehrbuch,* Göttingen, 1952, 166 pp.; 2te Aufl., überarbeitet und ergänzt von A. W. Adams, 1961, 200 pp.; 3rd English ed., revised by A. W. Adams, London, 1975, 275 pp.

R. Wehner, *Nya Testamentets grundtext genom seklema,* Stockholm, 1943, 34 pp.

Johannes Sundwall, *Nya Testaments urtext,* Abo, 1946, 104 pp.

Ernest Cadman Colwell, *What Is the Best Neiv Testament?* Chicago, 1952, 127 pp.

Paolo Sacchi, *Alle origini del Nuovo Testamento: Saggio per la storia della tradizione e la critica del testo,* Florence, 1956, 178 pp.

L. D. Twilley, *The Origin and Transmission of the New Testament: A Short Introduction,* Edinburgh, 1957, pp. 36–63.

Jean Duplacy, *Où en est la critique textuelle du Nouveau Testament?* Paris, 1959, 103 pp.

A. Ivanov, «Tekstual'nye pamyatniki svyashchennykh novozavetnykh pisaniĭ», *Bogoslovskie trudy,* i (1959 [I960]), pp. 53–83.

Vincent Taylor, *The Text of the New Testament: A Short Introduction,* New York, 1961, 113 pp.

Toshio Hirunuma, *New Testament Textual Criticism* [in Japanese], Tokyo, 1962, 192 pp.

J. Harold Greenlee, *An Introduction to New Testament Textual Criticism*, Grand Rapids, MI, 1964,160 pp.; London, 1976; 2nd ed., Peabody, MA, 1995.

Bruce M. Metzger, *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration,* Oxford, 1964, xii + 270 pp.; German trans., Stuttgart, 1966; Japanese trans., Tokyo, 1973, 2nd ed., 1999; Chinese trans., Taipei, 1981; Korean trans., Seoul, 1984; Italian trans., Brescia, 1996; Russian trans., Moscow, 1996.

Harold K. Moulton, *Papyrus, Parchment and Print; the Story of how the New Testament Text has Reached Us* (World Christian Books 57), London, 1967, 77 pp.

Jack Finegan, *Encountering New Testament Manuscripts: A Working Introduction to Textual Criticism,* Grand Rapids, MI, 1974, 203 pp.

J. J. Thierry, *Korte geschiedenis van tekst van het Nieuwe Testament,* Kampen, 1982, 132 pp.

Kurt Aland and Barbara Aland, *Der Text des Neuen Testament,* Stuttgart, Grand Rapids, MI, 1982; English trans, by E. F. Rhodes, Grand Rapids, MI, 1987, 338 pp.: 2nd ed., Grand Rapids, MI, 1989, 366 pp.

Kobus (i.e., J. H.) Petzer, *Die teks van die Nuwe Testament (Hervormde Teolo- giese Studies, Supplementum 2),* Pretoria, 1990, xviii + 353 pp.

Wilson Paroschi, *Critica Textual do Novo Testamento,* Sao Paulo, 1993, 248 pp.

David Alan Black, *New Testament Textual Criticism, a Concise Guide,* Grand Rapids, MI, 1994, 79 pp.

Keith Elliott and Ian Moir, *Manuscripts and the Text of the New Testament, An Introduction for English Readers,* Edinburgh, 1995, x + 111 pp.

---

notes

Примечания

1

Ск. 13 февраля 2007 г.

2

Глубоковский Н. Н. *Замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея.* Рукопись. СПб., 1892–1893. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, фонд 194, опись 1, единица хранения 57, с. 91, 112.

3

См., напр., Иванов А. И. *Текстуальные памятники священных новозаветных писаний.* — Богословские труды. Вып. 1. М., 1959, с. 53–83.

4

Рекомендуемый список работ по греческой палеографии обычно включает в себя следующие книги: Viktor Gardthausen, *Griechische Palaeographie*, 2 vols., 2te Aufl. (Leipzig, 1911-13); E. M. Thompson, *An Introduction to Greek and Latin Palaeography* (Oxford, 1912, repr. 1975); Alfonse Dain, *Les manuscrits* (Paris, 1949; 3rd ed. 1975); N. G. Wilson, *Mediaeval Greek Bookhands* (Oxford, 1972–1973); Ruth Barbour, *Greek Literary Hands A. D. 400-1600* (Oxford, 1981); K. and S. Lake, *Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200*, 10 vols. *(Monumenta Palaeographica Vetera*, First Series, Parts I–X; Boston, 1934–1939); Alexander Turyn, *Codices Graeci Vaticani saeculis xiii et xiv scripti annorumque notis instructi* (Vatican, 1964); idem, *Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy*, 2 vols. (Urbana, IL, 1972); D. Harlfinger, *Specimina griechischer Kopisten und Schriftstilen des 15. und 16. Jahrhunderts* (Berlin, 1974); Herbert Hunger, *Repertorium der griechischen Kopisten 800-1600* (Vienna, 1981); G. Cavallo and H. Muehler, *Greek Book-hands of the Early Byzantine Periods A. D. 300–800* (University of London Institute of Classical Studies Bulletin, Supplement Papers 47, 1987). Особо выделим издание: E. G. Turner, *Greek Manuscripts of the Ancient World*, 2nd ed., revised by P. J. Parsons (London, 1987) с превосходной библиографией, хорошо подобранным альбомом факсимиле и комментарием.

5

См. Jaroslav Černý, *Paper and Books in Ancient Egypt, an inaugural lecture delivered at University College London 29 May 1947* (published for the college by H. K. Lewis *8c* Co., London); A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials and Industries*, 4th ed. (London, 1962), revised by J. R. Harris; Eric G. Turner, *The Papyrologist at Work* (Durham, NC, 1973); J. Vergotte, «L'étymologie du mot 'papyrus'», *Chronique d'Égypte*, lx (1977), pp. 393-7; E. G. Turner, *Greek Papyri: An Introduction* (Oxford, 1968; enlarged reproduction, 1980); Richard Parkinson and Stephen Quirke, with contributions by Ute Wartenberg and Bridget Leach, *Egyptian Bookshelf Papyrus* (Austin, TX, 1995).

6

Перевод и обсуждение см: Naphtali Lewis, *Papyrus in Classical Antiquity* (Oxford, 1974), pp. 34–69, к которому затем Льюис выпустил небольшое добавление (Papyrologica Bruxellensia 23, 1989); дальнейшая разработка темы: I. H. M. Hendricks, «Pliny, Historia Naturalis XIII, 74–82, and The Manufacture of Papyrus», *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, xxxvii (1980), pp. 121–136; Harry Y. Gamble, *Books and Readers in the Early Church* (New Haven, 1995), pp. 44–45.

7

Norman de Garis Davies, *The Tomb of Puyemrê at Thebes*, 2 vols. (*The Metropolitan Museum of Art;* New York, 1922-3), vol. i, «The Hall of Memories», pp. 61–66 и илл. xviii и xix.

8

Cм.: Karl J. Lüthi, *Das Pergament, seine Geschichte, seine Anwendung (Bibliothek des Schweizerischen Gutenberg-Museums*, vol. vi; Bern, 1938); R. Reed, *Ancient Skins, Parchments, and Leathers* (New York, 1972); Christopher de Hamel, *Medieval Craftsmen; Scribes and Illuminators* (Toronto, 1992); M. L. Ryder, «The Biology and History of Parchment», *Pergament: Geschichte, Struktur, Restaurierung, Herstellung*, ed. by P. Ruck (Sigmaringen, 1991), pp. 25–33; and Gamble, *Books and Readers*, pp. 45–46.

9

de Hamel, op. cit., pp. 8-16.

10

В знаменитом письме к Евстохию Иероним ополчается против столь нелепой расточительности: «Пергамен красят в пурпур, буквы пишут золотом, рукописи покрывают драгоценными камнями в то время, когда обнаженный Христос лежит у дверей и умирает» (*Послания*. 22. 32); ср. предисловие Иеронима к его переводу Книги Иова, а также см. Evaristo Arns, *La Technique du livre d'après Saint Jérôme* [Paris, 1953]). В письме к женщине по имени Лета, которая спрашивала, как ей следует воспитывать свою юную дочь, Иероним советует следующее: «Пусть ее сокровищем будут не драгоценные камни или шелка, но рукописи Священного Писания; и в этих рукописях пусть ее не столько интересует позолота, вавилонский пергамен или причудливые орнаменты, сколько правильность и грамотная пунктуация» (*Послания*. 107, 12).

11

О пурпурных рукописях см.: Courtney M. Booker, «The ‘Codex Purpureus’ and Its Role as ‘imago regis’ in Late Antiquity», in *Studies in Latin Literature and Roman History,* viii, ed. by Carl Deroux (*Collection Latomus*, 239; Brussels, 1997), pp. 441–477; Italo Furlan, «Introduzione a codici purpurei», in *La porpora: realtà e immaginano di un colore simbolico,* ed. by Oddone Longo (Venice, 1998), pp. 317–337. О специальных профессиональных навыках, необходимых для того, чтобы изготовить *codex aureus purpureus* (кодекс пурпурный с золотом), см. работу E. A. Lowe, *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene,* ed. by Dorothy Miner (Princeton, 1954), pp. 266–268.

12

Каллимах, ученый хранитель великой Александрийской библиотеки, говаривал: «Большая книга — большое зло» (μέγα βιβλίον μέγα κακόν, fr. 465). В Египте были найдены церемониальные списки «Книги Мертвых», длина которых превышает 30 м, однако данные экземпляры предназначались не для чтения, а для того, чтобы их положили в богатую могилу.

13

J. D. Beazley, *American Journal of Archaeology,* lii (1948), pp. 336-40; H. R. Immerwahr, *American Journal of Archaeology*, lxix (1965), pp. 152 ff.; idem, «Book Rolls on Attic Vases», *Studies in Honor of B. L. Ullman*, ed. by H. R. Immerwahr (Rome, 1964), pp. 17–48.

14

См. Peter Katz, «The Early Christians' Use of Codices Instead of Rolls», *Journal of Theological Studies,* xliv (1945), pp. 63-5. Иной взгляд предлагает Сол Либерман: Saul Lieberman, «Jewish and Christian Codices», *Hellenism in Jewish Palestine* (New York, 1950), pp. 203 ff., который считает, что «первые иудеохристиане, такие как Матфей и Марк, должны были следовать обычной еврейской практике и записывать свои υπομνήματα в кодексах», ибо именно записные книжки в форме кодекса считались «наиболее удобным способом показать, что Устная Тора записывается не ради публикации, но для частного неофициального изучения и толкования» (p. 205) См. также C. H. Roberts, «P Yale 1 and the Early Christian Book», in *Essays in Honor of C. Bradford Welles (American Studies in Papyrology*, vol. 1; New Haven, 1966), pp. 25–29.

15

Например, C. H. Roberts, «The Codex», *Proceedings of the British Academy*, xl (1954), pp. 169–204; T. C. Skeat, «The Origin of the Christian Codex», *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik*, cii (1994), pp. 263–268 (все четыре Евангелия); Gamble, *Books and Readers*, pp. 49–66 (раннее собрание писем ап. Павла).

16

Статистику см. C. H. Roberts and T. C. Skeat, *The Birth of the Codex* (London, 1983), pp. 37–43 (расширенное издание упомянутого выше труда Робертса «The Codex»). Эти авторы предполагают, что принятие папирусного кодекса христианами произошло, по всей видимости, в Антиохии не позднее рубежа II в. Дискуссию о том, предшествовал ли пергаменный кодекс папирусному или нет, см. в: E. C. Turner, *The Typology of the Early Codex* (Philadelphia, 1977), pp. 35–42; оба, вероятно, развивались параллельно. См. также Gamble, *Books and Readers*, pp. 49–66, и доклады коллоквиума *Les débats du codex* ed. by Alain Blanchard (Turnhout, 1989).

17

T. C. Skeat, «The Length of the Standard Papyrus Roll and the Cost-Advantage of the Codex», *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, xlv (1982), pp. 169–175. О культивации и сборе папирусного тростника, а также о всех возможностях его коммерческого использования см.: Lewis, *Papyrus in Classical Antiquity*. По мнению Уильяма Харриса, достаточно высокая стоимость папируса как писчего материала существенно ограничивала его использование беднейшими классами греко-римского мира (William V. Harris, *Ancient Literacy* [Cambridge, MA, 1989], pp. 194 f., 239).

18

Евсевий, *Жизнь Константина*, 4. 36.

19

Греческий текст последней фразы (έν πολυτελώς ήσκημένοις τεύχεσιν τρισσά και τετρασσά διαπεμψάντων ημών) истолковать довольно трудно, и для слов τρισσά και τετρασσά предлагались самые различные переводы. Так, было высказано предположение, что они обозначают рукописи, сброшюрованные по три или четыре двойных листа; что это были многоязычные Библии (полиглотты) на трех или четырех языках; что это были гармонизации трех или четырех Евангелий; что рукописи посылались Константину партиями по три или четыре экземпляра; что каждая Библия состояла из трех или четырех частей; наконец, что на страницах было по три или четыре колонки текста. Принятие любого из вышеприведенных истолкований связано с определенными трудностями. Пожалуй, лишь последнее из них наименее уязвимо. Связанные с этим текстом проблемы рассматриваются в следующих исследованиях: Kirsopp Lake, «The Sinaitic and Vatican Manuscripts and the Copies Sent by Eusebius to Constantinople», *Harvard Theological Review*, xi (1918), pp. 32-5; J. H. Ropes, *The Text of Acts (The Beginnings of Christianity*, part I, vol. iii; London, 1926), pp. xxxvi ff.; Carl Wendel, «Der Bibel-Auftrag Kaiser Konstantins», *Zentralblatt für Bibliothekswesen*, lvi (1939), pp. 165-75; T. C. Skeat, «The Use of Dictation in Ancient Book-Production», *Proceedings of the Britisk Academy*, xlii (1956), pp. 196 f.

* Б. Мецгер добросовестно излагает давно сложившиеся мнения ученых относительно данного отрывка из сочинения Евсевия. Однако чтобы уяснить смысл приведенных слов, следовало бы процитировать отрывок более полно: император ничего не говорит о Библии, то есть полном своде текстов Священного Писания, признаваемого церковью. «В этих кодексах, — обращается Константин к Евсевию, — должны содержаться Божественные Писания, которые, по твоему разумению, особенно нужны для переписывания и употребления церковью» *(De vita Constantini*, IV. 36—PG 24, col. 1185). Из этого следует, что речь шла об *избранном круге чтений* из Ветхого и Нового Заветов, который к тому времени установился в местной церковной практике. Что же касается предположения, будто Константин просил изготовить именно Библии, то есть полные своды книг Писания в трех или четырех томах, то оно весьма уязвимо, ибо Библия не была характерной формой хранения и передачи текста Писания на греческом Востоке. — *(Здесь и далее звездочкой обозначены примечания редактора 1-го русского издания иг. Иннокентия (Павлова))*.

21

Термины *recto* и *verso* имеют двоякое толкование. У папирологов они означают, соответственно, стороны папируса, на которых волокна расположены горизонтально и вертикально. В описании кодексов recto обозначает правую страницу разворота, а verso — левую.

22

Существует целое искусство прокалывания! См. E. K. Rand, «Prickings in a Manuscript of Orleans», *Transactions and Proceedings of the American Philological Association,* lxx (1939), pp. 327-41; L. W. Jones, «‘Pin Pricks’ at the Morgan Library», *Transactions and Proceedings of theAmencan Philological Association,* lxx (1939), pp. 318–326; idem, «Where are the Prickings?» *Transactions and Proceedings of the Amencan Philological Association,* lxxii (1944), pp. 71–86; idem, «Pricking Manuscripts: The Instruments and Their Significance», *Speculum, a foumal of Mediaeval Studies,* xxi (1946), pp. 389–403; idem, «Prickings as Clues to Date and Origin: The Eighth Century», *Medievalia et humanistica*, xiv (1962), pp. 15–22. Ренд ранее исследовал различные методы разлиновки рукописей, употреблявшиеся в Средние века. См. его работу: «How Many Leaves at a Time?» *Palaeographica Latina*, V, 1927, pp. 52–78.

23

Свод нескольких сотен различных вариантов разлиновки дан в работе: K. and S. Lake, *Dated Greek Minuscule Manuscripts*, index vol. ed. by Silva Lake (Boston, 1945). К ней приложен альбом из 757 фототаблиц, на которых воспроизведено более тысячи страниц из 401 рукописи, принадлежащей 30 разным библиотекам. Отдельный том указателей содержит индексы, систематизированные по 14 категориям, в том числе по именам писцов.

24

Этот характерный признак пергаменных кодексов был обнаружен в конце прошлого столетия Каспаром Рене Грегори, см. Caspar R. Gregory «The Quires in Greek Manuscripts», *American Journal of Philology*, vii (1886), pp. 27–32.

25

См. Kathleen McNamee, «Abbreviations in Greek Literary Papyri and Ostraca» (Bulletin of the American Society of Papyrologists, Supplement 3; Chico, CA, 1981).

26

Слова «унциал», «унциальный» происходят от латинского *uncia* («двенадцатая часть чего-либо»). Вероятно, к начертанию букв это понятие было отнесено по той причине, что каждая из них занимала в рукописи приблизительно двенадцатую часть стандартной строчки. См. W. H. P. Hatch, «The Origin and Meaning of the Term ‘Uncial’», *Classical Philology*, xxx (1935), pp. 247–254; Paul Mayvaert, «‘Uncial Letters’: Jerome’s Meaning of the Term», *Journal of Theological Studies*, n.s., xxxiv (1983), pp. 185–188.

27

Начало реформы греческого письма многие связывали с деятельностью ученых монахов Студийского монастыря в Константинополе (см. например: G. Zereteli, «Wo ist das Tetraevangelium von Porphyrius Uspenskij aus dem Jahre 835 entstanden?» *Byzantinische Zeitschrift*, ix [1900], pp. 649-53; T. W. Allen, «The Origin of the Greek Minuscule Hand», *Journal of Hellenic Studies*, xl [1920], pp. 1-12), однако высказывались доводы и в пользу того, что усовершенствование минускульного письма для использования в книжном деле принадлежит кругу ученых-гуманистов, занимавшихся культурным возрождением в Константинополе во время второго иконоборческого периода (см. Bertrand Hemmerdinger, *Essai sur l'histoire du texte de Thucydide* [Paris, 1955], pp. 33–39). Можно отметить, что древнейшей из сохранившихся датированных минускульных рукописей является Четвероевангелие (Порфирия Успенского) из собрания Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге [ныне Российская национальная библиотека — *Прим. ред.*]. Его чрезвычайно важный по своему значению колофон, написанный монахом Николаем, впоследствии настоятелем Студийского монастыря, датирован 7 мая 6343 г. (835 г. от Р.Х.). Эта рукопись доставила исследователям множество проблем. С точки зрения палеографии почерк рукописи представляется слишком зрелым и хорошо развитым, чтобы относиться к началу минускульного периода. Тем не менее, среди сохранившихся памятников эта рукопись не имеет каких бы то ни было предшественников. Изложение проблемы см. в работе Aubrey Diller, «A Companion to the Uspenski Gospels», *Byzantinische Zeitschrift*, xlix (1956), pp. 332–335. См. также Barbara Aland and Klaus Wachtel, «The Greek Minuscule Manuscripts of the New Testament», in *The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the* Status Quaestionis, ed. by Bart D. Ehrman and Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 43–60.

28

L. D. Reynolds and D. W. G. Wilson, *Scribes and Scholars; A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature,* 3rd ed. (Oxford, 1991), p. 60.

29

Помимо кодекса Ефрема к их числу относятся: p^{e} (=024), ρ^{apr} (=025), Q (=026), R (=027), Z (=035), Ξ (=040), 048, 062, 064, 065, 066, 067, 068, 072, 078, 079, 086, 088, 093, 094, 096, 097, 098, 0103, 0104, 0116, 0120, 0130, 0132, 0133, 0134, 0135, 0158, 0159, 0161, 0168, 0196, 0197, 0208, 0209, 0225, 0229, 0233, 0240, 0245, 0246, 0247, 0248, 0249, 0250, 0254, 0257, 0269, 0271, 0272, 0273, 0274, 0279, 0280, 0281, 0282, 0284, 0288, 0289, 0297, 0306, 0307. Список маюскульных палимпсестов, систематизированных по столетиям, см.: David C. Parker «The Majuscule Manuscripts of the New Testament», *The Text of the New Testament in Contemporary Research,* ed. by Ehrman and Holmes, pp. 24–25.

30

Тем не менее, словоразделение иногда встречается в рукописях учебного и богослужебного характера, а некоторые знаки пунктуации (точка, пробел или их сочетание) используется в папирусах начиная с III в. до н. э.

31

Новозаветные примеры этого явления таковы: в большинстве редакций греческого текста Мк 10:40 приводятся следующие слова Иисуса: «но кому уготовано» (ἀλλ' οἷς ἡτοίμασται). Данный греческий текст можно прочитать и как ἄλλοις ἡτοίμασται, что означает «другим уготовано». В Рим 7:14 форму οἲδαμεν можно разделить на οἶδα μεν. Текст 1 Тим 3:16 καὶ ὁμολογουμένως μέγα ἐστίν («и признанно велика есть…» [тайна благочестия]) можно прочитать и как καὶ ὁμολογοῦμεν ὡς μέγα ἐστίν («и мы признаем, что велика есть…»).

32

Кроме отдельных свидетельств у античных авторов (подборку их см. в работе Josef Balogh, «Voces paginarum», *Philologus,* lxxxii [1927], pp. 84-109, 202–231; статья была опубликована и отдельным изданием), необходимо принять во внимание Деян 8:30: Филипп услышал, как эфиопский евнух читает пророка Исайю — а следовательно, тот читал вслух для самого себя. Ср. также заключение 2 Макк: «я и кончу здесь мое слово. Если я изложил его хорошо и удовлетворительно, то я сего желал; если же слабо и посредственно, то я сделал то, что было по силам моим. Неприятно пить особо вино и тотчас же особо воду, между тем вино, смешанное с водою, сладко и доставляет удовольствие: так и состав сочинения приятно занимает слух читателя при соразмерности» (15:37–39). См. также: G. L. Hendrickson, «Ancient Reading», *Classical Journal,* xxv (1929), pp. 182–196; H. J. Chaytor, «The Medieval Reader and Textual Criticism», *Bulletin of the John Rylands Library,* xxvi (1941-2), pp. 49–56; Eugene S. McCartney, «Notes on Reading and Praying Audibly», *Classical Philology,* lxiii (1948), pp. 184–187; B. M. W. Knox, «Silent Reading in Antiquity», *Greek, Roman and Byzantine Studies,* ix (1968), pp. 421–435; Paul Saenger, «Silent Reading: Its Impact on Late Medieval Script and Society», *Viator. Medieval and Renaissance Studies,* xiii (1982), pp. 369–414; P. J. Achtemeier, *«Omne verbum sonat:* The New Testament and the Oral Environment of Late Western Antiquity», *Journal of Biblical Literature,* cix (1990), pp. 3-27; F D. Gilliard, «More Silent Reading in Antiquity: *non omne verbum sonabat», Journal of Biblical Literature,* cxii (1993), pp. 689–694 (с выводом: «то обстоятельство, что господствовала практика произнесения вслух, отнюдь не означает, что произнесения про себя не существовало — как в процессе письма, так и при чтении», p. 694); D. M. Schenkeveld, «Prose Usages of ἀκούειν ‘to Read’», *Classical Quarterly,* xlii (1992), pp. 129-41. [К сказанному Мецгером и Эрманом следует добавить, что среди комментаторов Деяний нет единого мнения о том, как следует понимать Деян 8:30 и знаменитое свидетельство Августина *(Исповедь*, 6.3), привлекаемое обычно для доказательства тезиса о том, что греки и римляне будто бы не умели читать про себя, уже Кирсопп Лейк и Г. Дж. Кэдбери предлагали понимать иначе (подробнее см.: И. А. Левинская. *Деяния Апостолов. Главы I–VIII. Историко-филологический комментарий.* М.: ББИ, 1999. С. 272–273). Убедительное доказательстве того, что техника чтения про себя в древности существовала, см.: А. К. Гаврилов. «О технике чтения в классической древности», в *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 20. Л., 1989. С. 243 слл.; Он же. «Чтение про себя в древности (обзор античных свидетельств)», *Hyperboreus.* Vol. 1:2. 1994/1995. С. 17–33; A. K. Gavrilov. «Techniques of Reading in Classical Antiquity». *Classical Quarterly*. 47:1 (1997) p. 56–73. M. Burnyeat. «Postscript on Silent Reading». *Classical Quarterly.* 47:1 (1997) p. 74–76. — *Прим.* ред.]

33

Слова Гермы о том, что он переписал небольшой свиток, явленный с небес, «буква за буквой, поскольку не находил слогов» (Пастырь Гермы, *Видения* 2.1.4), предполагают, что обычной практикой было переписывание книг по слогам.

34

Классическое исследование по этому вопросу: Ludwig Traube, *Nomina Sacra: Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung* (Munich, 1907). Дополнительные сведения приведены в следующих работах: A. H. R. E. Paap, *Nomina Sacra in the Greek Papyri of the First Five Centuries A. D.: The Sources and Some Deductions* (Leiden, 1959). Траубе были доступны менее 40 греческих папирусов; Паап цитирует уже 421 папирус первых пяти веков. См. также более позднее исследование: R. C. Nevius «Papyrus Witnesses to the Text of the ‘Nomina Sacra’ in the Apocalypse», *Akten des 21. Intemationalen Papyrologenkongresses*, ed. by Barbel Kramer et al. (Stuttgart, 1997), pp. 750–755. Согласно Робертсу (C. H. Roberts), христианская практика сокращать *nomina sacra* берет начало уже в I в. н. э. (его исследование опубликовано в *The [London] Times Literary Supplement*, 10 March, 1961, p. 160). См. также его же работу: C. H. Roberts, *Manuscript, Society and Belief in Early Christian Egypt* (London, 1979), pp. 26–48; Gamble, *Books and Readers*, pp. 74–78; Kim Haines-Eitzen, *Guardians of Letters: Literacy, Power, and the Transmitters of Early Christian Literature* (New York, 2000), pp. 91–96.

35

The Cambridge History of the Bible. Vol. 2. The West from the Fathers to the Reformation, ed. by G. W. H. Lampe (Cambridge, 1969), p. 73.

36

C. H. Roberts, *Manuscript, Society and Belief*, pp. 26–48.

37

Некоторые ученые отстаивали точку зрения, согласно которой христианский скрипторий в Александрии существовал уже во второй половине II века, см. например, G. Zuntz, *The Text of the Epistles: A Disquisition upon the* Corpus Paulinum (London, 1953), p. 273. Убедительные контраргументы против нее приводит Хайнс-Эйцен, указывая, что самые ранние свидетельства о христианских скрипториях относятся к IV веку: см. Haines-Etzen, *Guardians of Letters*, pp. 83–91.

38

См. прежде всего: T. C. Skeat, «The Use of Dictation in Ancient Book-Production», *Proceedings of the British Academy, x*lii (1956), pp. 179–208.

39

De pretiis rerum venalium («О ценах на продаваемые вещи»), vii., 39 сл. Опубликовано в *Corpus Inscriptionum Latinarum* III.831; см. статью Грейзер (E. R. Graser) в книге: Tenney Frank, *An Economic Survey of Ancient Rome*, v (Baltimore, 1940), p. 342.

40

См. *New Testament Autographs*, a supplement to the *Americanfoumal of Philology*, 12 (Baltimore, 1882), р. 23. Современный эквивалент этой суммы определить трудно. В качестве некоторого сравнения можно вспомнить, что в предыдущем, III в., при Каракалле (211–217) легионеру выплачивалось годовое *stipendium* в 750 денариев помимо основного содержания.

41

Ср. рис. 11, где заметно чередование более светлых и более темных букв, вызванное необходимостью окунать перо в чернила через каждые 4–6 букв.

См. P. M. Head and M. Warren, «Re-inking the Pen: Evidence from P. Oxy. 657 (p^{13}) Concerning Unintentional Scribal Errors», *New Testament Studies*, xliii (1997), pp. 466–473.

43

Довольно интересное свидетельство содержится в колофоне рукописи, который датируется III в. н. э. и находится в папирусном свитке, содержащем 3 и 4 песни «Илиады» (см.: *Catalogue of the Literary Papyri in the British Museum*, ed. by H. J. M. Milne [London, 1927], pp. 21–22). Согласно интерпретации Вифштранда первые две строчки читаются следующим образом: Ἐγώ κορωνίς εἰμι γραμμἀτων φύλαξ κἀλαμός μ’ἔγραψε δεξιὰ χεὶρ καὶ γόνυ, т. е. поскольку писец держал лист папируса на коленях, можно было сказать, что в работе над текстом участвовали перо, правая рука и колено; ср. Albert Wifstrand, «Ein metrischer Kolophon in einem Homerus-papyrus», *Hermes*, lxviii (1933), pp. 468–472. Дальнейшая разработка гипотезы Вифштранда: G. M. Parássoglou, «ΔΕΞΙΑ ΧΕΙΡ ΚΑΙ ΓΟΝΥ. Some Thoughts on the Postures of the Ancient Greeks and Romans when Writing on Papyrus Rolls», *Scrittura e Civiltà*, iii (1979), pp. 5-21; idem, «A Roll upon His Knees», *Yale Classical Studies*, xxxviii (1985), pp. 273–275.

44

Разнообразные живописные произведения, изображающие позы писцов при работе, см. на иллюстрациях в A. M. Friend, Jr., «The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts», *Art Studies*, v (1927), pp. 115–147, and vii (1929), pp. 3-29; W. H. P. Hatch, *Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem* (Cambridge, MA, 1931); также см. B. M. Metzger, «When Did Scribes Begin to Use Writing Desks?» *Historical and Literary Studies, Pagan, Jewish, and Christian* (Grand Rapids, MI, 1968), chap. xii. Согласно миниатюре Россанского Евангелия, на которой изображен суд над Иисусом (см. рис. 14), судебный стенографист работал стоя за столом оставалось свободное место; анализ этого изображения см. в работе: William C. Loerke, «The Miniatures of the Trial in the Rossano Gospels», *Art Bulletin*, xliii (1961), pp. 171–195.

45

Так называемые письменные столы, найденные в Кумране и восстановленные археологами до высоты современных столов, в древности имели высоту всего лишь около полуметра, т. е. были слишком низки, чтобы использоваться в качестве письменного стола, см.: Bruce M. Metzger, «The Furniture of the Scriptorium at Qumran», *Revue de Qumrân*, i (1958-9), pp. 509–515.

46

Ср. жалобу одного писца, жившего, вероятно, в IX в.: *Ardua scriptorum prae cunctis artibus ars est: \ Difficilis labor est, durus quoque flectere colla, | Et membranas bis ternas sulcare per horas* (см. Falconer Madan, *Books in Manuscript* (London, 1893), p. 37.).

47

Cassiodori Senatoris Institutiones, ed by R. A. B. Mynors (Oxford, 1937), 1. xxx. 1. См. также глубокое исследование вопроса о том, как христиане относились к своим рукописям, создавали их и воспринимали их использование: Claudia Rapp, «Christians and Their Manuscripts in the Greek East in the Fourth Century», in *Scritture, libri e testi nelle aree provinciali di Bisanzio*, ed. by Guglielmo Cavallo et al. (Spoleto, 1991), pp. 127-148.

48

См. текст устава в издании Migne, *Patrologia Graeca*, xcix, pp. 1739 сл. О Феодоре Студите см.: Alice Gardner, *Theodore of Studium, His Life and Times* (London, 1905).

49

Известные палеографам имена писцов приводятся в работе: Marie Vogel and Viktor Gardthausen, *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance* (Leipzig, 1909). Кристофер де Амель ссылается на публикуемый монахами-бенедиктинцами аббатства Ле-Бувере (Le Bouveret) огромный указатель подписанных колофонов в средневековых рукописях разного рода (всего учтено более 19000 колофонов), говоря: «некоторые писцы называют себя Иоанном (Johannes) или Рогерием (Rogerius), из чего мы можем извлечь весьма мало для себя полезного; приятным и совершенно неожиданным открытием стало то обстоятельство, что большое число писцов оказалось женщинами» *(Medieval Craftsmen: Scribes and Illuminators* [Toronto, 1992], p. 43).

50

[George Horner,] *The Coptic Version of the New Testament in the Northern Dialect, otherwise called Memphitic and Bohairic,* i (Oxford, 1898), pp. cxlvi f.

51

Примеры других колофонов, содержащих проклятия, см. в интересной статье: Lawrence S. Thomson, «A Cursory Survey of Maledictions», *Bulletin of the New York Public Library*, lvi (1952), pp. 55–74.

52

Ирландский текст с немецким переводом см.: Kuno Meyer, «Neu aufgefundene altirische Glossen», *Zeitschrift für celtische Philologie*, viii (1912), pp. 173–177. Тексты многих других колофонов и маргиналий, встречающихся в греческих и латинских рукописях, см.: W. Wattenbach, *Das Schriftwesen im Mittelalter*, 3te Aufl. (Leipzig, 1896), pp. 491–534; Gardthausen, *Griechische Palaeographie*, pp. 424 ff.

53

Другие примеры того, как писцы обменивались мнениями на полях рукописей см. W. M. Lindsay, *Early Irish Minuscule Script* (Oxford, 1910), p. 42.

Евсевий, *Церковная история* 5.20.2. Ср. предупреждение в Откр 22:18 и см. также: W. C. van Unnik, «De la règle Μήτε προσθεῖναι μήτε ἀφελεῖν dans l'histoire du canon», *Vigiliae Christianae*, iii (1949), pp. 1-36.

55

Описание вспомогательных средств в латинских рукописях Библии см.: [Donatien De Bruyne,] *Sommaires, divisions et rubriques de la Bible latine* (Namur, 1914); idem, *Préfaces de la Bible latine* (Namur, 1920); Patrick McGurk, *Latin Gospel Books from A.D. 400 to A.D. 800* (Brussels, 1961). Юрген Регул, опираясь результаты масштабной работы, проведенной Институтом старолатинской Библии (Vetus-Latina-Institut), существенно расширяет латинскую текстуальную основу для евангельских прологов и цитирует в своем аппарате более 70 рукописей. Полемизируя с де Брюном, Регул приходит к выводу, что так называемые антимаркионитские прологи были созданы разными авторами и исходно не были направлены против Маркиона. Тем не менее, ему пришлось сохранить в своей монографии привычное название этих прологов. См. Jürgen Regul, *Die Antimarcionitischen Evangelienpmloge (Aus der Geschichte der Lateinischen Bibel* 6; Freiburg, 1969).

56

W. H. P. Hatch, «Euthalius», in *The Twentieth Century Encyclopedia of Religious Knowledge*, i (Grand Rapids, MI, 1955), p. 400.

57

О количестве таких разделов в каждом из посланий см.: W. H. P. Hatch, *Facsimiles and Descriptions of Minuscule Manuscripts of the New Testament* (Cambridge, MA, 1951), p. 25. См. также H. K. McArthur, «The Earliest Divisions of the Gospels», *Studia Evangelica*, iii, ed. by F L. Cross (*Texte und Untersuchungen*, lxxxviii; Berlin, 1964), pp. 266–272.

58

Полный перечень τίτλοι см. в работе: H. von Soden, *Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt*, l.i (Berlin, 1902), pp. 405 ff.

59

См.: C. Nordenfalk, «The Eusebian Canon-Tables: Some Textual Problems», *Journal of Theological Studies*, xxxv (1984), pp. 96-104.

60

Однако в этой системе нет таблиц для параллельных мест из Марка, Луки и Иоанна, а также Марка и Иоанна.

61

Унылые столбцы цифр вскоре привлекли внимание художников, оформлявших рукописи, и пробелы между столбцами стали украшать различными узорами: изображениями колонн, арок, архитравов, птиц, цветов и т. п. См. рис. 20, а также Carl Nordenfalk, *Die spätantiken Kanontafeln: Kunstgeschichtliche Studien über die Eusebianische Evangelien-Konkordanz in den vier ersten Jahrhunderten ihrer Geschichte*, 2 vols. (Göteborg, 1938). Дополнительно см.: «The Apostolic Canon Tables», *Gazette des beaux-arts*, lxii (1963), pp. 17–34; H. K. McArthur, «The Eusebian Sections and Canons», *Catholic Biblical (Quarterly*, xxvii (1965), pp. 250–256.

62

См. перевод письма Евсевия на английский язык, выполненный Гарольдом Оливером (Oliver) и опубликованный в журнале «Novum Testamentum», 3, 1959, pp. 138–145.

63

Обзор исследований по маркионитским прологам см. статью Б. Мецгера в книге *The Text, Canon, and Principal Versions of the Bible,* ed. by E. E. Flack and B. M. Metzger (Grand Rapids, MI, 1956), pp. 24–26; а также работу Ю. Регула об антимаркионитских прологах (см. прим. 55).

64

Ученые не имеют единого мнения о том, кто был этот Евфалий или Евагрий и когда он жил. См. J. A. Robinson, *Euthaliana* (Cambridge, 1895); E. von Dobschütz, «Euthaliusstudien», *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, xxix (1899), pp. 107–154; von Soden, op. cit., pp. 637–682; C. H. Turner in Hastings' *Dictionary of the Bible*, extra vol. (1904), pp. 524–529; G. Bardy in *Supplement au Dictionnaire de la Bible*, ii (1934), cols. 1215–1218; G. Zuntz, «Euthalius = Euzoius?» *Vigiliae Christianae*, vii (1953), pp. 16–22; J. W. Marchand, «The Gothic Evidence for 'Euthalian' Matter», *Harvard Theological Review,* xli (1956), pp. 159–167; Sebastian Brock, «The Syriac Euthalian Material and the Philoxenian Version of the New Testament», *Oriens Christianus*, lxviii (1984), pp. 170–195; Hatch; and S. Döpp and W. Geerlings, eds., *Dictionary of Early Christian Literature* (New York, 2000), pp. 222–223.

65

Перечень папирусов, в которых употребляются пунктуационные знаки, см. в работе: Guilelmus Flock, «De graecorum interpunctionibus» (Diss., Bonn, 1908), pp. 14 f.

* О датировке VI в. См. W. H. P. Hatch, A *Redating of Two Important Uncial Manuscripts of the Gospels — Codex Zacynthius and Codex Cyprius*, in Lake F/S, pp. 333–338).

67

Репродукции наиболее интересных миниатюр см.: W. H. P. Hatch, *Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem* (Cambridge, MA, 1931); E. J. Goodspeed, D. W. Riddle, and H. R. Willoughby, *The Rockefeller McCormick New Testament* (Chicago, 1932); E. C. Colwell and H. R. Willoughby, *The Four Gospels of Karahissar* (Chicago, 1936); H. R. Willoughby and E. C. Colwell, *The Elizabeth Day McCormick Apocalypse* (Chicago, 1940); Carl Nordenfalk, *Die spatantiken Zierbuchshaben* (Stockholm, 1970); Kurt Weitzmann, *Late Antique and Early Christian Book Illumination* (New York, 1977); J. J. G. Alexander, *The Decorated Letter* (London, 1978); Carl Nordenfalk, *Early Book Illumination*, 2nd ed. (Stockholm, 1988);J.J. G. Alexander, *Medieval Illuminators and Their Methods* (London, 1994); Christopher de Hamel, *Scribes and Illuminators* (London, 1992); idem, *A History of Illuminated Manuscripts*, 2nd ed. (London, 1994); idem, *The British Library Guide to Manuscript Illumination*, *History and Techniques* (London, 2001).

A. M. Friend. Jr. «The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts», *Art Studies*, v (1927), pp. 115-46, and vii (1929), pp. 3-29. Выводы Френда были поддержаны и развиты последующими исследователями: Kurt Weitzmann, *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts* (Berlin, 1935), pp. 23–46; D. T. Tselos, «Unique Portraits of the Evangelists in an English Gospel-book of the Twelfth Century», *Art Bulletin*, xxxiv (1952), pp. 257–277; E. Rosenbaum, «Evangelist Portraits of the Ada School and Their Models», *Art Bulletin*, xxxviii (1956), pp. 81–90; K. Weitzmann, «Book Illustration of the Fourth Century: Tradition and Innovation», *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*, ed. By Herbert L. Kessler (Chicago, 1971), pp. 112-13, 115; Joyce Kibiski, «The Medieval 'Home Office': Evangelist Portraits in the Mount Athos Gospel Book, Stravronika Monastery, Ms. 43», *Studies in Iconography*, xxii (2001), pp. 21–53.

69

См.: *Manuel d'iconographie chrétienne*. Ed. by Athanasios Papadopoulos-Kérameus, (St. Petersburg, 1909).

70

Размышления о взаимосвязи между исследованиями изображений и текстологией см.: Kurt Weitzmann, *Illustrations in Roll and Codex, a Study of the Origin and Method of Text Illustration* (Princeton, 1947), pp. 182–192.

71

Одним из древнейших примеров написания текста Септуагинты по колонам является фрагмент Бодлеянской рукописи Псалтири, датирующейся II или III в. См. J. W. B. Barns and G. D. Kilpatrick *(Proceedings of the British Academy*, xliii [1957], pp. 229–232).

72

Иероним. *Предисловие к Книге пророка Исайи*. (Migne, *Patrologia Latina*, xxviii, p. 825).

73

Античные риторы определяли комму как любое словосочетание, состоящее не более чем из восьми слогов, в то время как колон насчитывал не менее девяти, но не более шестнадцати слогов. См. также мнение Клейста: «эти цифры не покажутся нам произвольными, если учесть, что средняя длина строки гекзаметра составляет шестнадцать слогов и что, как правило, говорящему будет непросто произнести более длинную фразу, не переводя дыхание. Главная цель колометрического составления текста, как признают все авторы античных риторических пособий, состоит в том, чтобы помочь чтецу с пониманием произнести вслух данный текст и равномерно распределить его дыхание во время чтения. Важно, что и колон, и комма, взятые сами по себе, является то, что они представляют собой самостоятельные смысловые единицы и задают правильное дыхание. Но сколь бы ни были важны эти свойства колона и коммы, они же оказываются источником произвольной интерпретации: в конце концов, насколько длинна или коротка должна быть фраза, чтобы составить собой отдельную смысловую единицу? Здесь, как и в других случаях, действует принцип: *quot capita, tot sententiae,* а также *unusquisque in suo sensu abundat*» (James A. Kleist, «Colometry and the New Testament», *Classical Bulletin,* iv (1928), pp. 26 f.) См. рис. 11, в качестве примера рукописи с необычно короткими строками.

74

См.: B. M. Metzger, «Bilingualism and Polylingualism in Antiquity with a Check-List of New Testament MSS Written in More than One Language», in *The New Testament Age: Essays in Honor of Bo Reicke*, ed. By William C. Weinrich (Macon, GA, 1984), pp. 327–334.

75

Список из 94 небиблейских и 25 новозаветных греко-латинских билингв см. David C. Parker, *Codex Bezae: An Early Christian Manuscript and Its Text* (Cambridge, 1992), pp. 52–54, 60.

76

См. в особенности: H. J. W. Tillyard, *Handbook of the Middle Byzantine Musical Notation (Monumenta Musicae Byzantinae*, Subsidia, l.i; Copenhagen, 1935); Carsten Höeg, *La Notation ekphonétique (Monumenta Musicae Byzantinae*, Subsidia, l.ii; Copenhagen, 1935); и E. G. Wellesz, *A History of Byzantine Music and Hymnography*, 2nd ed. (Oxford, 1961).

77

См. Ewald Jammers, *Tafeln zur Neumenschrift, mit einer Einführung* (Tutzing, 1965).

* Речь идет о подвижных праздниках, таких как Вознесение Господне и Пятидесятница, дата которых обусловлена датой празднования христианской Пасхи в данном году.

79

* *Менологий* — букв. «месячник» — содержит библейские чтения к неподвижным праздникам и дням памяти святых.

80

См. введение в изучение новозаветных греческих лекционариев: Ernest C. Colwell and Donald W. Riddle, *Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels* (Chicago, 1933). Более новые работы: Klaus Junack, «Lectionaries», *Anchor Bible Dictionary*, vol. 4 (New York, 1992), pp. 271–273, and Carroll D. Osburn, «Greek Lectionaries of the New Testament», *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 61–74. См. также прим. 84.

81

Так, вплоть до 1928 года англиканская «Книга общественного богослужения» *(The Anglican Book of Common Prayer)* содержала Псалтырь и молитвы из Евангелия от Луки в переводе Великой Библии 1539 г., несмотря на многочисленные предложения привести их в соответствие с Библией короля Иакова 1611 г.

82

См.: Kurt Aland, *Kurzgefaßte Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments*, zweite, neubearbeitate und engänzte Auflage (Berlin, 1994). Постоянно обновляемый список можно найти на сайте Института новозаветной текстологии *(Institut für neutestamentliche Textforschung*): http://www.uni-muenster.de/NTTextforschung.

83

Информацию о происхождении и жизни Грегори, а также его портрет в зрелые годы содержит статья, опубликованная в журнале *Biblical World*, NS 38, no. 5 (December 1911), pp. 350–354 (портрет находится на фронтисписе).

84

См. серию монографий, изданных Чикагским университетом в серии *Studies in the Lectionary Text of the Greek New Testament*, основанной Э. К. Колуэллом (E. C. Colwell) и Д. У. Риддлом (D. W. Riddle): J. R. Branton, *The Common Text of the Greek Lectionary in the Lenten Lections* (1934); Morgan Ward Redus, *The Text of the Major Festivals of the Monologion in the Greek Gospel Lectionary* (1936); Bruce M. Metzger, *The Saturday and Sunday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary* (1944); Harry M. Buck, Jr., *The Johannine Lessons in the Greek Gospel Lectionary* (1958); William D. Bray, *The Weekday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary* (1959); Ray Harms, *The Matthean Weekday Lessons in the Greek Gospel Lectionary* (1966).

85

Так, помимо увещаний, которые произносили Евсевий и Августин, Лаодикийский собор издал особое правило, запрещающее изготовление и использование амулетов: «…а те, кто носит таковые, должны быть отлучены от церкви». Эти и другие свидетельства см. в издании папирусного амулета от лихорадки, опубликованного Брюсом Мецгером: *Papyri in the Princeton University Collections*, iii (Princeton, 1942), pp. 78 сл. (расширенное издание этого амулета см.: Metzger's *Literary and Historical Studies* [Leiden, 1968], pp. 104–110). См. также S. R. Pickering, «The Significance of Non-Continuous New Testament Textual Materials in Papyri», *Studies in the Early Text of the Gospels and Acts*, ed. by D. G. K. Taylor (Atlanta, 1999), pp. 121–140.

86

См. также полезный библиографический обзор: J. Hellegouare'L, «État présent des travaux sur l’Histoire Romaine de Velléius Paterculus», *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, 11.32.1 (Berlin, 1984), pp. 404-36.

87

Впрочем, чтобы приведенная выше статистика не исказила наше представление об источниках новозаветного текста, необходимо учесть, что большинство новозаветных папирусов довольно фрагментарны и что имеется всего лишь шестьдесят рукописей (из которых Синайский кодекс является единственным маюскулом), содержащих полный текст Нового Завета. Подавляющее большинство остальных рукописей содержат только четвероевангелия или только послания. Книга Откровения — хуже всего засвидетельствованная часть Нового Завета; она сохранилась примерно в 300 греческих списках. Из этого числа списков только десять рукописей — маюскулы (א, A, C, P, 046, 051, 052, 0163, 0169, 0207), и три из этих десяти представляют собой лишь одиночные листы (три последние рукописи). Значительное число рукописей Откровения (не менее 35) объединены с теми или иными внебиблейскими документами, см.: B. M. Metzger, «The Future of New Testament Studies», in *The Bible as Book: The Transmission of the Greek Text*, ed. by Scott McKendrick and Orlaith O'Sullivan (London, 2003), pp. 205–206.

Полезное издание, включающее в себя греческий текст 65 папирусов и 4 пергаменных фрагментов, датируемых до 300 г., со многими палеографическими аннотациями: *The Text of the Earliest New Testament Greek Manuscripts*, ed. by Philip W. Comfort and David P. Barnet (Wheaton, IL, 2001). Полезен также обзор: Eldon Jay Epp, «The Papyrus Manuscripts of the New Testament», in *The New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status (Quaestionis* ed. by Bart D. Ehrman and Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 3-21.

89

T. C. Skeat, «The Oldest Manuscript of the Four Gospels?» *New Testament Studies*, xliii (1997), pp. 1-34.

The Chester Beatty Biblical Papyri, *Descriptions and Texts* (London, 1933-7).

91

Издание: Hans Gerstinger «Ein Fragment des Chester Beatty-Evangelienkodex in der Papyrussammlung der Nationalbibliothek in Wien», *Aegyptus*, xiii (1933), pp. 67–72. Дальнейшее исследование венских фрагментов с кодикологической точки зрения см.: T. C. Skeat and B. C. McGing in *Hermathena*, cl (1991), pp. 21–25; Skeat, *Hermathena*, civ (1993), pp. 27–43; T. J. Kraus, *Biblica*, lxxxii (2001), pp. 1-15.

92

Три или, возможно, четыре папируса Честера Битти представляют собой кодексы, состоящие из одной тетради. Анализ этой формы кодекса см. в предисловии к изданию: Campbell Bonner, *Papyrus Codex of the Shepherd of Hermas* (Ann Arbor, MI, 1934), pp. 7-12. В последнее время было обнаружено еще несколько однотетрадных кодексов, в том числе мичиганское Евангелие от Иоанна в файюмском коптском переводе и 12 (из 13-ти) гностических рукописей, обнаруженных в Наг-Хаммади.

93

Издание под редакцией Генри Сандерса (Sanders), *A Third-Century Papyrus Codex of the Epistles of Paul* (Ann Arbor, MI, 1935). Фр. Дж. Кеньон переиздал 30 листов этого папируса из коллекции Мичиганского университета в дополнение к 10 листам, которые были изданы им ранее; к этому были позднее добавлены 46 вновь приобретенных листов того же кодекса, см. Fasciculus iii Supplement Pauline Epistles, of *The Chester Beatty Biblical Papyri* (London, 1936).

94

Тем не менее, вопреки распространенному мнению, этот папирус является не единственной рукописью, в которой Послание к Евреям следует непосредственно за Посланием к Римлянам. Подобное расположение мы встречаем еще в шести минускульных рукописях, а также в сирийском каноне, составленном около 400 г. См. W. H. P. Hatch, «The Position of Hebrews in the Canon of the New Testament», *Harvard Theological Review*, xxix (1936), pp. 133–151.

95

C. H. Roberts, *An Unpublished Fragment of the Fourth Gospel in the John Rylands Library* (Manchester, 1935). Эта работа была вначале переиздана с небольшими изменениями в журнале *Bulletin of the John Rylands Library*, xx (1936), pp. 45–55, а затем, с критическими замечаниями, библиографическим указателем рецензий и обзором мнений, высказанных другими исследователями: *Catalogue of the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Library*, iii (Manchester, 1938), pp. 1–3.

96

А. Дейссман был убежден в том, что p^{52} был написан в первые годы правления Адриана (117–138 г.), а возможно даже, и при Траяне (98—117 гг.); см. его статью: «Ein Evangelienblatt aus den Tagen Hadrians», *Deutsche allgemeine Zeitung*, 564 (3 Dec. 1935); Английский перевод опубликован в *British Weekly* (12 Dec. 1935), p. 219.

97

Герберт Хунгер, хранитель собрания папирусов в Национальной Венской библиотеке, предлагает более раннюю датировку p^{66} серединой, если не первой половиной II в.; см.: P. Hunger «Zur Datierung des Papyrus Bodmer II (p^{66})», *Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften*, phil.-hist. Kl., 4 (1960), pp. 12–33.

98

Дж. Барнс в 1962 г. выпустил в Оксфорде новое, исправленное и дополненное издание этого приложения с фотографическим воспроизведением всей рукописи (гл. 1—21). Последующие исправления см.: J. W. B. Barns, «Papyrus Bodmer II, Some Corrections and Remarks», *Muséon*, lxxv (1962), pp. 327–329; E. F. Rhodes, «The Corrections of Papyrus Bodmer II», *New Testament Studies*, xiv (1967–1968), pp. 271–281.

99

Дальнейшие исследования p[66] см.: J. N. Birdsall, *The Bodmer Papyrus of the Gospel of John* (London, 1960); M.-E. Boismard in *Revue Biblique*, lxx (1963), pp. 120–137; G. D. Fee, «The Corrections of Papyrus Bodmer II and Early Textual Transmission», *Novum Testamentum*, vii (1965), pp. 247–257; idem, *Papyrus Bodmer II (p 66): Its Textual Relationships and Scribal Characteristics (Studies and Documents* 34; Salt Lake City, UT, 1968); Miguel Balgué in *Studia papyrologica*, iv (1965), pp. 76–89; E. C. Colwell, «Scribal Habits in Early Papyri; A Study in the Corruption of the Text», *The Bible in Modern Scholarship*, ed. by J. Philip Hyatt (Nashville, TN, 1965), pp. 370–389.

100

Филипп-Анри Мену обнаружил, что в Деяниях p^{66} согласуется с א и A более, нежели с B, особенно в том, что касается порядка слов. Ни одного подлинно западного чтения этот папирус не содержит. См.: P.-H. Menoud, «Papyrus Bodmer XVII», *Revue de théologe et de philosophie*, 3rd ser., xii [1962], pp. 112–116.

101

Дальнейшие исследования p^{66} см.: C. L. Porter, «Papyrus Bodmer XV (p^{75}) and the Text of Codex Vaticanus», *Journal of Biblical Literature*, lxxxi (1962), pp. 363–376; Kurt Aland, «Neue neutestamentliche Papyri», *New Testament Studies*, xi (1964–1965), pp. 5-21; idem, *New Testament Studies*, xii (1965-6), pp. 195–210 (переизданное с дополнениями Аландом в *Studien zur Überlieferung des Neuen Testaments und seines Textes* [Berlin, 1967], pp. 155–172); Gordon D. Fee, «p^{75}, p^{66}, and Origen: The Myth of Early Textual Recension in Alexandria», *New Dimensions in New Testament Study* ed. by R. N. Longenecker and M. C. Tenney (Grand Rapids, MI, 1974), pp. 17–45; and especially Carlo M. Martini, *Il problema della recensionalità del codice B alla luce del papiro Bodmer XIV* (Rome, 1966).

102

Возможно, именно *horror vacui* был той самой причиной, которая неоднократно побуждала читателей добавлять в рукописи имя неизвестного богача. В конце IV в. Присциллиан, высокоученый мирянин, до некоторой степени возродивший в южной Испании манихейскую ересь, дал богачу имя Финеес. Причиной этому послужил тот факт, что в Ветхом Завете Елезар (ср. Лазарь) и Пинхас тесно связаны друг с другом. (Единственная сохранившаяся рукопись Присциллиана *Tract*, xi [ed. by G. Schepps, p. 91] содержит имя Финеет, в котором над зачеркнутой буквой *т* написана *с*.).

Частое употребление имени Дивес для богача можно объяснить переводом соответствующего места из латинской Вульгаты: «Homo quidam erat dives et…». Литература по этому вопросу см. A. Harnack, «Der Name des reichen Mannes in Luc 16, 19», *Texte und Untersuchungen*, xiii (1) (1895), pp. 75-8; J. Rendel Harris «On Certain Obscure Names in the New Testament», *Expositor*, 6th ser., i (1900), pp. 161-77, 304–308, особенно pp. 175-7; Hugo Gressmann, *Vom reichen Mann und armen Lazarus: eine literargeschichtliche Studie (Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften*, phil.-hist. Kl., 1918): A. Meyer, «Namen der Namenlosen», in E. Hennecke, *Neutestamentliche Apokryphen*, 2te Aufl. (Tübingen, 1924), pp. 78–81; L. Th. Lefort, «Le Nom du mauvais riche (Lc 16. 19) et la tradition copte», *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xxxvii (1938), pp. 65–72; Henry J. Cadbury, «A Proper Name for Dives», *Journal of Biblical Literature*, lxxxi (1962), pp. 399–402; Bruce M. Metzger, «Names for the Nameless: A Study in the Growth of Christian Tradition», in *Kyriakon: Festschrift Johannes Quasten*, ed. by Patrick Granfield and Josef A. Jungmann (Münster, 1970), pp. 79–99.

103

N. Gonis, et al. *The Oxyrhynchus Papyri*, lxvi (London, 1999), pp. 10–35 and Plates III–VIII, XI–XII. См. также: David C. Parker, «A New Oxyrhynchus Papyrus of Revelation: p^{115} (P. Oxy. 4499)», *New Testament Studies*, xlvi (2000), pp. 159-74.

104

Parker, op. cit., p. 174.

105

Некоторые обстоятельства событий, приведших к передаче рукописи русскому царю, вновь поднимают вопрос о том, действительно ли Тишендорф был искренен с монахами монастыря св. Екатерины, заставляют подозревать в его действиях наличие недоброго умысла. Доказательства невиновности Тишендорфа, см. Erhard Lauch, «Nichts gegen Tischendorf», *Bekenntnis zur Kirche: Festgabe für Ernst Sommerlath zum 70. Geburtstag* (Berlin, c. 1961), pp. 15–24. Публикацию одной неизвестной ранее расписки Тишендорфа, данной им руководству монастыря, согласно которой он обещал вернуть рукопись из С.-Петербурга «святому Синайскому братству по первой же просьбе», см. в статье: Ihor Ševčenko «New Documents on Tischendorf and the Codex Sinaiticus», *Scriptorium*, xviii (1964), pp. 55–80. [Исследование А. В. Захаровой восстанавливает репутацию Тишендорфа и подтверждает традиционную версию рассказа о том, каким путем и на каких условиях кодекс был приобретен Россией: История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Т.1. М.-СПб., 2007. С. 209–266 — *Прим. ред.*].

106

Британская библиотека (The British Library), в которой ныне хранится кодекс, отделилась от Британского Музея (The British Museum) в 1973 году.

107

См. также: Christian Tindall, *Contributions to the Statistical Study of the Codex Sinaiticus* (Edinburgh, 1961); A. Q. Morton, «Codex Sinaiticus Revisited», *Irish Biblical Studies,* xxiv (2002), pp. 14–31.

108

См.: T. C. Skeat, «The Last Chapter in the History of Codex Sinaiticus», *Novum Testamentum*, xlii (2000), pp. 313-15. Это исследование, среди прочего, основано на Linos Politis, «Nouveaux manuscripts grecs découverts au Mount Sinai», *Scriptorium*, xxxiv (1980), pp. 5-17.

109

Популярное изложение см.: Bentley, op. cit., pp. 187–202.

110

В особенности в Ин 1:1–8:39, где этот кодекс оказывается главным свидетелем западного текста. См.: Gordon D. Fee, «Codex Sinaiticus in the Gospel of John: A Contribution to Methodology in Establishing Textual Relationships», *New Testament Studies* 15 (1968-9), pp. 23–44.

111

Памфил Кесарийский, уроженец Берита (совр. Бейрут), посвятил много лет жизни розыску и приобретению книг Священного Писания из разных концов земли. Его библиотека, особенно богатая библейскими кодексами, была собственноручно описана Евсевием (Церк. ист, 6, 32). Среди ее бесценных сокровищ хранились автографы Гекзапл и Тетрапл Оригена.

112

Х. Нордберг обнаружил, что Александрийский кодекс согласуется с тем типом текста, который господствует в библейский цитатах у св. Афанасия (H. Nordberg, «The Bible Text of St. Athanasius», *Arctos, acta philologica Fennica*, n.s. iii [1962], pp. 119–141).

113

В 1965 г. по распоряжению папы Павла VI новозаветная часть Ватиканского кодекса была фотографически репродуцирована, и экземпляры этого издания подарены участникам и наблюдателям Второго Ватиканского собора. Надпись на титульном листе была такой: τα ιεράά βιβλία | Codex Vaticanus graecus | 1209. | Phototypice expressus | iussu | Pauli PP VI | Pontificis Maximi | Η ΚΑΙΝΗ ΔΙΑΘΗΚΗ. | In Civitate Vaticana | 1965. Некоторая часть тиража содержит дополнительный титульный лист и введение на английском, французском, немецком, итальянском и испанском языках, занимающее 21 страницу и подписанное монсиньором Полем Канаром (Canart) и иезуитом Карло Мартини (Martini, S.J.).

25 декабря 1999 года Итальянский государственный монетный двор *(Instituto poligrafico e zecca della stato)* выпустил полное цифровое воспроизведение рукописи, к которому прилагались отпечатанные отдельными тетрадями исследования палеографических и кодикологических особенностей рукописи (Paul Canart), ветхозаветного (P.-M. Bogaert) и новозаветного (Stephen Pisano) текста.

114

В Ватиканском кодексе Послание к Галатам заканчивается 58 главой, тогда как следующее послание, т. е. Послание к Ефесянам начинается с 70 главы, и затем нумерация последовательно продолжается в Флп, Кол, 1 и 2 Фес, оканчиваясь 93 главой. За 2 Фес следует Послание к Евреям, которое начинается с 59 главы, далее следуют 60, 61, 62, 63 и 64 главы (до Евр 9:14), а затем рукопись обрывается — оставшаяся часть текста утрачена, Судя по делению на главы, рукопись, с которой переписывался Ватиканский кодекс, Послание к Евреям следовало за Посланием к Галатам; очевидно, писец механически воспроизвел ее нумерацию глав, которая уже не соответствовала тому расположению посланий в новой рукописи.

115

Список исправлений к изданию Тишендорфа (Лейпциг, 1843), составленный на основе недавнего изучения рукописи: Robert W. Lyon in *New Testament Studies*, v (1958–1959), pp. 266–272.

116

В 1978 г. издательство Pickwick Press (город Питтсбург) выпустило репринт издания Скривенера.

117

D. C. Parker, *Codex Bezae: An Early Christian Manuscript and Its Text* (Cambridge, 1992).

118

Обсуждение того, как этот аграфон соотносится с контекстом Кодекса Безы см.: T. Niklas («Das Agraphon vom ‘Sabbatarbeiter’ und sein Kontext», *Novum Testamentum,* xliv [2002], pp. 160–175.

119

Английские переводы Кодекса Безы: William Whiston (*The Primitive New Testament* [London, 1745]); Johannes Greber *(The New Testament: A New Translation and Explanation Based on the Oldest Manuscripts* [New York, 1937]). Также см.: J. M. Wilson, *The Acts of the Apostles, Translated from the Codex Bezae with an Introduction on its Lucan Origin and Importance* (London, 1923).

120

Историю изучения Кодекса Безы, исследовал Кеннет Пантен (Panten), уделив особое внимание тексту Деяний. До сих пор не опубликованная диссертация Пантена («A History of Research on Codex Bezae, with Special Reference to the Acts of the Apostles: Evaluation and Future Directions») была защищена в Университете Мёрдока в австралийском городе Перт (Murdoch University, Perth) в 1995 году. Экземпляр диссертации хранится также в Австралийском Университете в Канберре.

121

См., например, A. F. J. Klijn, *A Survey of the Researches into the Western Text of the Gospels and Acts* (Utrecht, 1949). Исследование продолжено в Novum Testamentum, iii (1959), pp. 1-27, 161–174. К счастью, был выпущен и полный конкорданс: J. D. Yoder, *Concordance to the Distinctive Greek Text of Codex Bezae* (Grand Rapids, MI, 1961).

122

См. статьи в сборнике: Christian-Bernhard Amphoux and David C. Parker, eds., *Codex Bezae: Studies from the Lunel Colloquium, June 1994* (Leiden, 1996).

123

О Кодексе E см.: Russell Champlin, *Family E and Its Allies in Matthew (Studies and Documents*, xxviii; Salt Lake City, UT, 1967), и Jacob Geerlings, *Family E and Its Allies in Mark (Studies and Documents*, xxxi; Salt Lake City, UT, 1968).

124

См.: W. H. P. Hatch, «On the Relationship of Codex Augiensis and Codex Boernerianus of the Pauline Epistles», *Harvard Studies in Classical Philology*, lx (1951), pp. 187–199.

125

Полный текст см.: F. H. A. Scrivener, *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament*, 4th ed., i (1894), p. 180, n. 2.

* Ныне Российская национальная библиотека.

127

Эти два листа, содержащие Мф 14:22–31; 15:38–16:7 впервые были изданы С. Райпинсом (Rypins), *Journal of Biblical Literature*, lxxv (1956), pp. 27–39.

128

B. H. Streeter, «Codices 157, 1071 and the Caesarean Text», *Quantulacumque, Studies Presented to Kirsopp Lake* (London, 1937), pp. 149–150.

129

Текст фрагмента из Евангелия от Иоанна опубликован в работе: A. A. Giorgi, *Fragmentum Evangelii S. Johannis Graecum Copto-Sahidicum*… (Rome, 1789).

* В 1654 г. Арсений Суханов доставил его в Москву вместе с другими греческими рукописями, полученными на Афоне по просьбе патриарха Никона и вошедшими затем в состав Патриаршей (Синодальной) библиотеки. В настоящее время Московский кодекс хранится в Синодальном собрании Государственного исторического музея.

131

Полный анализ текста Мк в кодексе W см.: Larry Hurtado, *Text-Critical Methodology and the Pre-Caesarean Text: Codex W in the Gospel of Mark* (Grand Rapids, MI, 1981).

132

Или «не допускает, чтобы то, что находится под властью нечистых сил, постигало истину и могущество Господа».

133

Текст этого отрывка с замечаниями и комментариями: Caspar René Gregory *Das Freer-Logion* (Leipzig, 1908). См. также: Jörg Frey, «Zu Text und Sinn des Freer-Logion», *Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft*, xciii (2002), pp. 13–34.

134

См: J. H. Greenlee, «The Catena of Codex Zacynthius,» *Biblica*, xl (1959), pp. 992-1001. See also D. C. Parker and J. Neville Birdsall, «The Date of Codex Zacynthius», *Journal of Theobgical Studies*, n.s., lv (2004), pp. 115-31 («около 700 года»).

135

О текстуальных сходствах *Codex Petropolitanus* см.: Silva Lake, *Family* Π *and the Codex Alexandrinus; The Text According to Mark (Studies and Documents*, v; London, 1937); Jacob Geerlings, *Family* Π *in Luke (Studies and Documents*, xxii; Salt Lake City, UT, 1962); idem, *Family Π in John (Studies and Documents*, xxiii; Salt Lake City, UT, 1963); Russell Champlin, *Family* Π *in Matthew (Studies and Documents*, xxiv; Salt Lake City, UT, 1964).

136

Исследования художественных аспектов манускрипта с фотографиями репродукций всех миниатюр см.: A. Haseloff, *Codex Purpureus Rossanensis* (Leipzig, 1898). Другое издание с цветными иллюстрациями A. Muñoz, *Il codice purpureo di Rossano* (Rome, 1907). Комментарии к миниатюрам (на англ. и ит. языках) см.: G. Cavallo, J. Gribomont, and W. C. Loerke, *Codex Purpureus Rossanensis, Commentarium* (Rome, 1987), pp. 45-171.

137

Текст Марка, колляция Луки, Иоанна и Послания Колоссянам были опубликованы Лейком в *Studia Biblica et Ecclesiastica*, v (Oxford, 1903), pp. 94-131.

138

Kirsopp Lake and Silva New, *Six Collations of New Testament Manuscripts (Harvard Theological Studies*, xvii; Cambridge, MA, 1932), pp. 3-25.

139

Текст издан в *Pubblicazioni della Società Italiana*, *Papin Greci e Latini*, i (Florence, 1912), pp. 2–4, и ii (1913), pp. 22–25.

140

Лист был опубликован У. Хэтчем (Hatch) в *Harvard Theological Review*, xlv (1952), pp. 81–85.

141

См.: *Texts and Studies*, vii (2) (Cambridge, 1902).

142

Cм.: Robert Devreesse, *Les Manuscrits grecs de l'Italie méridionale (histoire, classement, paléographie) (Studi e testi*, clxxxiii; Città del Vaticano, 1955).

143

Kirsopp and Silva Lake, *Family 13* (*The Ferrar Group*) (*Studies and Documents*, xi; Philadelphia, 1941). See also Jacob Geerlings, *The Lectionary Text of Family 13 According to Cod Vat Gr 1217 (Gregory 547) (Studies and Documents*, xv; Salt Lake City, UT, 1959); idem, *Family 13. The Ferrar Group. The Text According to Matthew (Studies and Documents*, xix; Salt Lake City, UT, 1964); idem, *Family 13 (The Ferrar Group)*. *The Text According to Luke* (*Studies and Documents*, xx; Salt Lake City, UT, 1961); idem, *Family 13* (*The Ferrar Group). The Text According to John (Studies and Documents*, xxi; Salt Lake City, UT, 1962).

144

См. их монографию *Family 13*, pp. 117–154.

145

M. R. James, *Journal of Theological Studies*, v (1904), pp. 445-7; xi (1910), pp. 291–292; and xii (1911), pp. 465–466. См. его же, *The Wanderings and Homes of Manuscripts* (London, 1919), pp. 17 f. О переписчике по имени Эммануил см. H. L. Gray, «Greek Visitors to England 1455–1456», *Anniversary Essays in Mediaeval History*, by students of Charles Homer Haskins (New York, 1919), pp. 81-116, особенно 105 ff.

146

F. H. Scrivener, *An Exact Transcript of the Codex Augiensis… to which Is Added a Full Collation of Fifty Manuscripts* (Cambridge, 1859).

147

Streeter, op. cit., pp. 149–150.

148

H. C. Hoskier, *Journal of Theological Studies*, xiv (1913), pp. 78 ff., 242 ff., 359 ff.

* Ныне Российская национальная библиотека.

Текст Марка и колляция Матфея, Луки и Иоанна были опубликованы Белсхеймом (Belsheim) в *Christiania Videnskabs-Selskabs Forhandlinger,* 1885, no. 9. Исправления Белсхеймовой редакции включены Кронином (Cronin) в *Texts and Studies*, v (4) (Cambridge, 1899), pp. 106–108.

151

Альфред Шмидке (Schmidtke) опубликовал тексты Марка, Луки и Иоанна в *Die Evangelien eines alten Uncial codex (Ba-Text) nach drier Abschrift des drdzehnten Jahrhunderts* (Leipzig, 1903)

152

Издание, подготовленное Валентин-Ричардсом (Valentine-Richards) было опубликовано посмертно, с вводной статьей Крида (J. M. Creed, Cambridge, 1934).

153

Колляция издана Хоскиером: L. C. Hoskier, *A Full Account and Collation of the Greek Cursive Codex Evangelium 604* (London, 1890).

154

В поддержку мнения, что данное разночтение находилось в подлинном тексте Евангелия от Луки, см. Robert Leaney, *Novum Testamentum*, i (1956), pp. 103–111; о том, что такая форма молитвы Господней является видоизмененной (для совершения специальных церковных служб, например, рукоположения) общеупотребимой формой, см. обсуждение B. M. Metzger в *Twentieth Century Encyclopedia of Religious Knowledge*, ii (Grand Rapids, MI, 1955), pp. 673 f.

155

Колляция была опубликована J. R. Harris в *Journal of Biblical Literature*, ix (1890), pp. 31–59.

156

Колляция к Евангелию от Марка и некоторым главам из других Евангелий была издана Кирсоппом Лейком в *Studia Biblica et Ecclesiastica*, v (Oxford, 1903), pp. 140–148.

157

Колляция к Евангелиям, изданная Кирсоппом Лейком, *Six Collations*.

158

Amy Anderson, The Textual Tradition of the Gospels; Family One in Matthew (Leiden, 2004), Chapter 6, «Codex 1582 and Codex 1», pp. 84-102.

159

Колляция, сделанная Мортоном С. Энслином (Morton S. Enslin) издана в *Six Collations* Лейка.

160

Josef Schmid, *Studien zur Geschichle des griechischen Apokalypse-Textes: 2. Teil, Die alten Stämme* (Munich, 1955), p. 24.

161

Ее описание см.: B. M. Metzger, Manuscripts of the Greek Bible: An Introduction to Palaeography (New York, 1981), p. 99.

162

Наиболее ранний из известных библейских манускриптов, имеющий точную дату, по-видимому представляется палимпсест с фраментом Исаии на сирийском языке, написанный ок. 459-60, сейчас находится в Британском Музее; описание см. E. Tisserant, «Le plus ancien manuscrit biblique date», *Revue biblique*, viii (1911), pp. 85–92. О ранней греческой маюскульной рукописи см. описание кодекса S.

163

Одна из самых маленьких латинских рукописей евангельского текста (размером 5 на 4 дюйма), содержащая миниатюры, описывается в работе Франсуазы Анри: Françoise Henry, «An Irish Manuscript in the British Museum (Add. 40618)», *Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland*, lxxxvii (1957), pp. 147-66. Еще восемь примеров таких рукописей приводятся см.: Patrick McGurk, «The Irish Pocket Gospel Book», *Sacris Erudiri*, viii (1956), pp. 249-70. Все эти рукописи датирующиеся VII–IX веками, написаны очень мелким почерком с большим количеством сокращений. Они также отличаются прихотливым и произвольным расположением текста в один, два или три столбца на одном листе одного и того же манускрипта и другими необычными способами расположения текста на странице. О миниатюрных греческих и коптских рукописях см. статью W. H. Willis в Classical, Mediaeval and Renaissance Studies in Honor of Berthold Louis Ullman, ed. by Charles Henderson, Jr., i (Rome, 1964), p. 270, n. 1. Робертс описывает множество других иллюстрированных кодексов (несколько папирусов, большинство пергаменов), подавляющее большинство которых содержит христианские тексты (C. H. Roberts, *Manuscript, Society and Belief in Early Christian Egypt* [London, 1979], pp. 10–12).

Предварительное сообщение о Кодексе Мани было сделано А. Хенриксом (Henrichs) и Л. Кёненом (Koenen): «Ein griechischer Mani-Codex (P. Colon. Inv. Nr. 4780)», *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik*, v (1970), pp. 97-216; издано с комментарием тех же авторов в *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, xix (1975), pp. 1-85 (стр. 1-72.7 кодекса), остальные страницы в последующих томах. Страницы 1-99.8 кодекса воспроизведены с английским переводом Р. Кэмерона (R. Cameron) и А. Дж. Дьюи (Dewey): The Cologne Mani Codex (Missoula, MT, 1979); критическое изд. с нем. переводом Кёнена и К. Рёмера (C. Römer) (Opladen, 1988). Рассуждения о различии между амулетом и миниатюрным кодексом см. Michael J. Kruger, «P. Oxy. 840: Amulet or Miniature *Codex?*» *Journal of Theological Studies*, n.s., liii (2002), pp. 81–91. См. также E. A. Judge, «The Magical Use of Scripture in the Papyri», *Perspectives on Language and Text: Essays and Poems in Honor of Francis I. Andersen's Sixtieth Birthday*, ed. by Edgar W. Conrad and Edward G. Newing (Winona Lake, IN, 1987), pp. 339–349, и S. R. Pickering, «The Significance of Non-continuous New Testament Textual Materials on Papyri», *Studies in the Early Text of the Gospels and Acts*, ed. by D. G. K. Taylor *(The Papers of the First Birmingham Conference on the Textual Criticism of the New Testament;* Atlanta, 1999), pp. 121–140.

165

Об истории научных исследований ранних версий см. Arthur Vööbus, *Early Versions of the New Testament, Manuscript Studies* (Stockholm, 1954), и более полный отчет о всех версия Нового Завета до 1000 г., см. B. M. Metzger, *The Early Versions of the New Testament; Their Origin, Transmission, and Limitations* (Oxford, 1977). См. также тематическом выпуске *Melanges de Science Religieuse*, lvi, 3 (1999), pp. 27–93, со статьями о различных версиях Евангелия от Марка (латинской, коптской, грузинской, арамейской и арабской).

166

Например, блаженный Августин сетовал на современных ему переводчиков Библии на латинский язык: «не успеет кто-либо завладеть новой греческой рукописью и вообразить, что разбирается в обоих языках (независимо от того, в какой степени), как незамедлительно дерзает переводить ее» (О христианском учении II. xi 16).

167

См. A. F. J. Klijn, «The Value of the Versions for the Textual Criticism of the New Testament», The Bible Translator, trans. by H. H. Oliver, viii (1957), pp. 127–130. См. также Allen Wikgren, «The Use of the Versions in New Testament Textual Criticism», *Journal of Biblical Literature*, lxvii (1948), pp. 135–141.

Следующие книги могут быть необходимы при изучении сирийских переводов: W. H. P. Hatch, *An Album of Dated Syriac Manuscripts* (Boston, 1946), переиздание с новым предисловием Лукаса ван Ромпой (Lucas Van Rompay) (Piscataway, NJ, 2002); Terry C. Falla, *A Key to the Peshitta Gospels*, vol. 1 (Leiden, 1991), vol. 2 (Leiden, 2000); George A. Kiraz, *Comparative Edition of the Syriac Gospels: Aligning the Sinaiticus, Curetonianus, Peshitta, and Harklean Versions*, 4 vols. (Leiden, 1996).

169

«Syriac Versions», *Hastings' Dictionary of the Bible*, iv (1902), p. 645.

См. Arthur Vööbus, *Studies in the History of the Gospel Text in Syriac* (Louvain, 1951).

171

О многочисленных препятствиях, которые мешали выпустить новое, основанное на недавно сделанных коллекциях, критическое издание Деяний и посланий по переводу Пешитты, см. Roderick Grierson, «‘Without Note or Comment’: British Library Or 11350 and the Text of the Peshitta New Testament», *Oriens Christianus*, lxxxii (1998), pp. 88–98.

172

Удобный каталог библейских рукописей, указывающий отдельные публикации, которые содержат фрагменты палестинской сирийской версии см. Fr. Schulthess, Lexicon Syropalaestinum (Berlin, 1903), pp. vii-xvi. Дополнения к каталогу, относящиеся к книге Деяний, см.: Charles Perrot, «Un fragment christo-palestinien découvert à Khirbet Mird (Actes des Apôtres, x, 28–29; 32–41)», *Revue Biblique*, lxx (1963), pp. 506-55, особенно 544. О сирийских рукописях в целом: James T. Clemons, «A Checklist of Syriac Manuscripts in the United States and Canada», *Orientalia Christiana Periodica*, xxxii (1966), pp. 224–251, 478–522.

173

См. J. K. Elliott, «The Translations of the New Testament into Latin: The Old Latin and the Vulgate», *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, II. 26.1 (Berlin, 1992), pp. 198–245; Jacobus H. Petzer, «The Latin Version of the New Testament», *The New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 113–130; Philip Burton, *The Old Latin Gospels: A Study of Their Texts and Language* (Oxford, 2000).

174

См. предисловие бл. Иеронима (Novum opus) к его переводу Четвероевангелия.

175

Перечень древних латинских рукописей Библии, с полным описанием и избранной библиографией для каждого см. Roger Gryson, *Altlateinische Handschriften. Manusaits vieux latins*, 1 (Freiburg, 1999).

176

Об этом сообщает D. Plooij, *Bulletin of the Bezan Club*, xi (1936), p. 11.

177

Описание рукописи и ее содержания см. B. Dudik, *Forschungen in Schweden für Mährens Geschichte* (Brünn, 1852), pp. 207–235.

178

Современный взгляд на вопросы, связанные с переводом Иеронима, см. Catherine Brown Tkacz, *«Labor tam utilis:* The Creation of the Vulgate», *Vigiliae Christianae* 1 (1996), pp. 42–72.

179

Лоу считает, что рукопись была скопирована «возможно, еще при жизни Иеронима»; см. E. A. Lowe, *Codices Latini Antiquiores*, vii (Oxford, 1956), p. 41.

180

Раннюю датировку отстаивали Ваттенбах (Wattenbach), де Росси (de Rossi), Грегори (Gregory) и сам издатель, H. C. Hoskier, *The Golden Latin Gospels in the Library of J. Pierpont Morgan* (New York, 1910); Лоу предложил отнести рукопись к более позднему времени: E. A. Lowe, «The Morgan Golden Gospels: The Date and Origin of the Manuscript», *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene*, ed. by Dorothy Miner (Princeton, 1954), pp. 266–279.

181

О Сикстинском издании Вульгаты см. Paul M. Baumgarten, *Die Vulgata Sixtina von 1590 und ihre Einführungsbulle, Aktenstücke und Untersuckungen* (Münster, 1911).

182

John E. Steinmüller, *A Companion to Scripture Studies*, i (New York, 1941), p. 192.

183

См. Gerd Mink, «Die Koptischen Versionen des Neuen Testaments», *Die alien Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lectionare*, ed. by K. Aland (Berlin, 1972), pp. 160–200; Frederik Wisse, «The Coptic Versions of the New Testament», in *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 131–141.

184

Самой древней саидской рукописью из тех, что использовал Хорнер, считался папирусный кодекс, содержавший отрывки из Второзакония, Книги пророка Ионы и Деяний (B. M. Or. 7594), изданный E. A. W. Budge, Coptic Biblical Texts in the Dialect of Upper Egypt (London, 1912). Лист 108v рукописи содержит фрагмент, написанный на коптском языке, который Кеньон датировал серединой IV века (op. cit., Introduction, p. lxiii). А. Хеббелинк (Hebbelynck), тем не менее, поднял вопрос о единстве и датировке рукописи (Muséon, xxxiv [1921], pp. 71–80), также Иверна (Hyvernat) считал, что есть основания для датировки VI веком (процитировано Lagrange, Critique textuelle, ii [Paris, 1935], p. 324, n. 2). Сэр Герберт Томпсон принимал раннюю датировку Кеньона *(The Coptic Version of the Acts of the Apostles…* [Cambridge, 1932], p. xxi).

185

Другая ранняя рукопись Нового Завета на бохейрском (точнее, полубохейрском) языке — папирус, содержащий фрагмент Послания к Филиппийцам, IV или начала V века, издан Paul E. Kahle в *Muséon*, lxiii (1950), pp. 147–157.

H. Quecke, *Liste der koptischen Handschriflen des Neuen Testaments: I. Die sahidischen Handschriften der Evangelien*, 1. Teil, ed. by F.-J. Schmitz and G. Mink (*Arbeiten zur Neutestamentlichen Textforschung*, viii; Berlin, 1986); 2. Teil, 1. Halbband (*Arbeiten*…, xiii; Berlin, 1989).

187

Das Markusevangelium saïdisch: Text der Handschrift PPalau Rib. Inv-Nr. 182 mit der Varianten der Handschrift M569 (Barcelona, 1972); *Id., Das Lukasevangelium saïdisch: Text der Handschrift PPalau Rib. Inv-Nr. 181 mit den Varianten der Handschrift M569* (Barcelona, 1977); *Id., Das Johannesevangelium saïdisch: Text der Handschrift PPalau Rib. Inu-Nr. 183 mit den Varianten der Handschriften 813 und 814 der Chester Beatty Library und der Handschrift M569* (Barcelona, 1984).

Из трех других, Ватиканский и Синайский кодексы относятся к середине IV века, а Вашингтонский к — V веку. Александрийский и Кодекс Ефрема V века содержат неполный текст Евангелия от Матфея, а некоторые греческие папирусы, которые ранее датировались VI веком, содержат лишь фрагменты.

189

Das Matthäus-Evangelium im Mittelägyptischen Dialekt des Koptischen (Codex Scheide), ed. by Hans-Martin Schenke *(Texte und Untersuchungen*, cxxvii; Berlin, 1981) с факсимильной репродукцией отдельных листов кодекса.

О других заслуживающих внимания чтениях см. Metzger, «An Early Coptic Manuscript of the Gospel According to Matthew» *Studies in New Testament Language and Text*, ed. by J. K. Elliott (Leiden, 1976), pp. 307 f.

191

Предварительный текстологический анализ см. Metzger, Early Versions, pp. 118 f. Издание было опубликовано Хансом-Мартином Шенке в серии *Texte und Untersuchungen*, vol. cxxxvii (Berlin, 1991).

192

Tito Orlandi, *Lettere di san Paolo in copto-ossirinchita* (Milan, 1974).

193

См. Elfriede Stutz, «Das Neue Testament in gotischer Sprache», in *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lectionare*, ed. by Kurt Aland (Berlin, 1972), pp. 375–402; Metzger, *Early Versions*, pp. 375-88; J. N. Birdsall, «Gothic Versions», *Anchor Bible Dictionary,* vi (New York, 1992), pp. 803–805; B. M. Metzger, *The Bible in Translation: Ancient and English Versions* (Grand Rapids, MI, 2001), pp. 38–40; R. Gryson, «La version gothique des évangiles. Essai de reevaluation», *Revue théologique de Louvain* (1990).

194

С сожалению, лист был полностью уничтожен в 1945 году из-за не замеченного вовремя воздействия воды, просачивавшейся из реки Лан в банковское хранилище в Гиссене, где рукопись хранилась во время Второй мировой войны. Ранее в XX веке П. Глауэ (Glaue) и К. Хельм (Helm) опубликовали неудовлетворительного качества фотографию этого листа (*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xi [1910], pp. 1-38).

195

Об исследованиях армянского текста см. Louis Leloir, «La version arménienne du Nouveau Testament», *Die alten Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare*, ed. by K. Aland (Berlin, 1972), pp. 300–313; Joseph M. Alexanian, «The Armenian Version of the New Testament», *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 157–172.

196

Erroll F. Rhodes, *An Annotated List of Armenian New Testament Manuscripts* (Tokyo, 1950).

197

См. Rochus Zuurmond, «The Ethiopic Version of the New Testament», в *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 142–156.

198

О вопросах палеографии см. Siegbert Uhlig, «Probleme, der äthiopischen Paläographie», *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, Supplement v (1983), pp. 135–145; D. M. Davies, «The Dating of Ethiopic *Manuscripts*», *Journal of Near Eastern Studies*, xlvi (1987), pp. 287–307.

199

Эфиопский текст и английский перевод краткого окончания см. Metzger, *New Testament Studies, Philological, Versional, and Patristic* (Leiden, 1980), pp. 127–147; критическое издание Евангелия от Марка см. Rochus Zuurmond, *Novum Testamentum Aethiopice; The Synoptic Gospels*, part I (Stuttgart, 1989).

200

Siegbert Uhlig, «Ein pseudepigraphischer Actaschluss in der äthiopischen Version», *Oriens Christianus*, lxxiii (1989), pp. 129–136.

201

Обзор исследований старославянской версии см. Metzger, *Chapters in the History of New Testament Textual Criticism* (Grand Rapids, MI, 1963), pp. 73–96; Christian Hannick, «Das Neue Testament in altkirchenslavischer Sprache», *Die alien Übersetzungen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare*, ed. by K. Aland (Berlin, 1972), pp. 403-35; и Marcello Garzaniti, *Die altslavische Version der Evangelien: Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung* (Cologne, 2001).

202

Сведения о публикациях Воскресенского см. Metzger, *Chapters in the History*, p. 78, n. 5.

203

V. Oblak, «Die kircheslavische Übersetzung der Apokalypse», *Archiv für slavische Philologie*, xiii (1891), pp. 321-61.

204

Ignazio Guidi, «Le traduzioni degli Evangelii in arabo e etiopico», *Atti della R Academia dei Lincei; Memorie, anno cclxxi, serie quarta, classe di scienze morali, storiche e filolgiche*, iv, part I (Rome, 1888), pp. 5-76. См. также Samis Arbache, «Les versions arabes des Evangiles», *Mélanges de science religieuse*, lvi, no. 3 (1999), pp. 85-93.

205

См. B. M. Metzger, «The Christianization of Nubia and the Old Nubian Version of the New Testament», том *Historical and Literary Studies, Pagan, Jewish, and Christian* (Grand Rapids, MI, 1968), pp. 112-22; Piotr O. Scholz, «Nubisches Christentum im Lichte seinen Wandmalereinen», *Oriens Christianus*, lxxxiv (2000), pp. 178–231.

206

Последнее переиздание: Gerald M. Browne, *Griffith's Old Nubian Lectionary* (Rome, 1982).

207

Полный текст всех известных фрагментов древненубийского перевода см. Gerald M. Browne, *Bibliorum sacrorum versio palaeonubiana* (Louvain, 1994). Тем же исследователем был издан *Old Nubian Dictionary* (Louvain, 1996), в котором он предлагает (насколько это возможно) греческий оригинал (*Vorlage*) и все параллельные коптские переводы, а также близкие параллели из современных родственных нубийских диалектов.

208

Популярное описание согдийских материалов см.: J. Rendel Harris, *Side-Lights on the New Testament Research* (London, 1908), pp. 115-24; Louis H. Gray, «New Testament Fragments from Turkestan», *Expository Times*, xxv (1913-14), pp. 59–61.

209

См. Ian Gilman and Hans-Joachim Klimkeit, *Christians in Asia Before 1500* (Ann Arbor, MI, 1999), pp. 207–221.

N. R. Ker, *Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon* (Oxford, 1957); Minnie Kate Morrell, *A Manual of Old English Biblical Materials* (Knoxville, TN, 1965); M. Grünberg, (Amsterdam, 1967); R. M. Liuzza, ed., *The Old English Version of the Gospels*, vol., 1, *Text and Introduction* (Oxford, 1994), vol. 2, *Notes and Glossary* (Oxford, 2000); Richard Marsden, «'Ask What I Am Called': The Anglo-Saxons and Their Bibles», in *The Bible as Book: The Manuscript Tradition*, ed. by John L. Sharp III and Kimberly Van Kämpen (London, 1998), pp. 145–176.

211

О недавнем обсуждении значимости патристических свидетельств для текста Нового Завета см. в следующих статьях в *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes: Gordon D. Fee, «The Use of the Greek Fathers for New Testament Textual Criticism», pp. 191–207; J. Lionel North, «The Use of the Latin Fathers for New Testament Textual Criticism», pp. 208–223; Sebastian R Brock, «The Use of the Syriac Fathers for New Testament Textual Criticism», pp. 224–236.

212

Рассмотрение подобных очевидных ссылок в трудах Оригена и Иеронима см. B. M. Metzger, *Historical and Literary Studies*, pp. 85-103 (Ориген), и он же, *New Testament Studies*, pp. 199–210 (Иероним).

213

Знание наизусть отрывков Писаний было необходимым условием для рукоположения в диаконы и священники, сообщает коптский остракон, изданный Крамом (Crum). Согласно этому остракону, Самуил, Иаков и Аарон, которые подавали прошение епископу Аврааму о рукоположении их в диаконы, должны были «хорошо знать Евангелие от Иоанна и выучить его наизусть к окончанию Пятидесятницы и цитировать его на память». Известно, что Афу, епископ Оксиринхский, требовал от диаконов при рукоположении знать наизусть 25 псалмов, два послания Павла и отрывок из Евангелия; священнику же, кроме перечисленных текстов, полагалось знать еще и отрывки из Второзакония, Притч и Книги пророка Исайи (W. E. Crum, *Coptic Ostraca from the Collections of the Egypt Exploration Fund* [London, 1902], p. 9, n. 29). По правилу св. Пахомия, желающие стать послушниками в монастыре должны знать 20 псалмов или два послания ап. Павла или какой-либо отрывок из другой части Св. Писания (*Regulae Monasticae S. Pachomii*, ed. by P. B. Albers, p. 41; см. также Richard Reitzenstein, *Historia Monachorum*, pp. 61 f., 162 ff.).

Даже если автор делает явную отсылку к цитируемому тексту, это еще не значит, что текст был у него под рукой. В комментарии на Псалмы, например, Дидим Слепец указывает на то, что у Матфея и Луки были немного разные выражения для описания одного и того же сюжета, встречающегося у обоих евангелистов; к сожалению, Дидим перепутал две ссылки, атрибутировав текст Лк 11:13 Матфею, а текст Мф 5:11 приписав Луке. См. Bart D. Ehrman, *Didymus the Blind and the Text of the Gospels* (Atlanta, 1986) p. 9, n. 16.

215

См. главу «The Practice of Textual Criticism Among the Church Fathers», Metzger, *New Testament Studies*, pp. 189–198.

216

Рассмотрение столь очевидных ссылок в трудах Оригена и Иеронима см. Metzger, *Historical and Literary Studies*, pp. 85-103 (Ориген), и *New Testament Studies*, pp. 199–210 (Иероним). Хотя Дж. Е. Зетцель (James E. G. Zetzel) собрал некоторые интересные сведения в своей диссертации «Latin Textual Criticism in Antiquity» (New York, 1981), он, как и многие исследователи — классики, не придает особой важности святоотеческим свидетельствам.

217

Ehrman, *Didymus the Blind;* James A. Brooks, *The New Testament Text of Gregory of Nyssa* (Atlanta, 1991); Bart D. Ehrman, Gordon D. Fee, and Michael W. Holmes, *The Text of the Fourth Gospel in the Writings of Origen* (Atlanta, 1992); Darrell D. Hannah, *The Text of l Corinthians in the Writings of Origen* (Atlanta, 1997); Roderic L. Mullen, *The New Testament Text of Cyril of Jerusalem* (Atlanta, 1997). Последующие тома серии издавали Дж. Броган (Brogan) — Афанасия, Ж.-Ф. Расин (Racine) — Василия Великого, К. Осборн (Osburn) — Епифания.

218

См.

219

См.

220

Сведения о литературном вкладе этих патристических авторов, а также библиографические отсылки к изданиям и монографиям см. Johannes Quasten, *Patrology* (4 vols. Westminster, MD, 1950 ff.) и более современные издания *Dictionary of Early Christian Literature*, Siegmar Döpp and Wilhelm Geerlings, eds., англ. пер. Matthew O’Connell (New York, 2000).

* В этом ряду древнехристианских экзегетов можно назвать также Феофилакта, архиепископа Болгарского (Охридского), хотя он жил уже в XI — нач. XII в. Его компилятивный комментарий на Евангелие и Апостол (Деяния и послания), составленный на основе сочинений Оригена, Златоуста и Кирилла Александрийского, интересен в текстологическом отношении тем, что содержит древние чтения, отличающиеся от тех, которые им цитируются непосредственно, отражая византийский текст, распространенный в его время в Константинополе.

222

Тот способ, которым Виктор Капуанский обозначает в Фульдском кодексе (см.) это сочинение Татиана — diapente не является *lapsus calami*, как считают многие, оно взято из музыкальной терминологии и обозначает четыре интервала; см. Franco Bolgiani, Vittore di Capua e il «Diatessaron» (*Memorie dell' Accademia delle Scienze di Torino*, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, series 4a, n. 2, 1962).

223

Феодорит, Басни еретиков, I, 20.

224

Этот фрагмент издан К. Крелингом (Kraeling) в *Studies and Documents*, vol. iii (London, 1935). Текст был переиздан, с минимальными исправлениями, Уэллсом в книге C. B. Welles, R. O. Funk, and J. F. Gilliam, *The Parchments and Papyri: The Excavations at Dura-Europos. Final Report*, v. 1, ed. by A. Perkins (New Haven, 1959), pp. 73–74. В мюнстерском каталоге этому фрагменту присвоен номер 0212.

225

Описание и предварительное обсуждение рукописи см. Dom Louis Leloir, «L'Originale syriaque du commentaire de S. Éphrem sur le Diatessaron», Biblica, xl (1959), pp. 959–970 (*Studia Bíblica et Orientalia*, ii, pp. 391–402). Т. Барда издал краткий обзор комментариев Ефрема, которые были включены в несторианскую рукопись, привезенную в Рим в 1869 г. (Tjitze Baarda, «A Syriac Fragment of Mar Ephraem's Commentary on the Diatessaron», *New Testament Studies*, viii [1962], pp. 287–300).

226

Saint Éphrem, *Commentaire de l'Évangile concordant, texte syriaque* (Manuscrit Chester Beatty 709) (Dublin, 1963). См. также L. Leloir, «Divergences entre l’original syriaque et la version arménienne du commentaire d’Éphrem sur la Diatessaron», in *Mélanges*, *Eugène Tisserant*, ii (Vatican City, 1964), pp. 303–331.

227

Обсуждение художественного оформления персидского Диатессарона, см. Carl Nordenfalk, *Art Bulletin*, 1 (1968), pp. 119–140; Meyer Schapiro and Seminar, *Art Bulletin*, lv (1973), pp. 494–531; также Nordenfalk, op. cit., pp. 532–546.

Помимо незаменимого издания У. Петерсена (William L. Petersen) *Tatian's Diatessaron: Its Creation, Dissemination, Significance, and History in Scholarship* (New York, 1994), см. T. Baarda, «Matthew 18.14c. An 'Extra Canonical' Addition in the Arabic Diatessaron?» *Muséon*, cvii (1994), pp. 135–149; P. Joose, «An Introduction to the Arabic Diatessaron», *Oriens Christianus*, lxxxiii (1999), pp. 72-129. Не так давно Д. Паркер (Parker), Д. Тейлор (Taylor) и М. Гудакр (Goodacre) оспорили общепринятое мнение о том, что фрагмент 0212 является частью татианова Диатессарона (см. их «The Dura-Europos Gospel Harmony», в *Studies in the Early Text of the Gospels and Acts*, ed. by D. G. K. Taylor [Atlanta, 1999], pp. 192–228).

229

Греческий текст гимнов Захарии и Елисаветы (из главы 1 Евангелия от Луки) был опубликован в 1481 г. в Милане как Приложение к греческой Псалтыри. В 1504 г. в Венеции появились первые шесть глав Евангелия от Иоанна на греческом языке (взятые из евангельских лекционариев и сохранившие рубрики), которые сопровождали латинский перевод гимнов Григория Назианзина. Ин 1:1-14 были перепечатаны по-гречески в 1514 г. в Тюбингене.

230

Первой книгой с непрерывным греческим текстом была грамматика греческого языка Константина Ласкариса под названием «Erotemata», опубликованная в Милане в 1476 году; см. Richard P. Breaden, «The First Book Printed In Greek», *Bulletin of the New York Public Library*, li (1947), pp. 586–592. До 1476 года появились некоторые издания латинских классиков и отцов церкви, содержавшие отдельные слова и фразы по-гречески. Право считаться греческими первопечатниками оспаривают Иоанн Фуст (Fust) и Петер Шеффер (Schoeffer), издавшие *De officiis* и *Paradoxa* Цицерона (опубликованы в Майнце в 1465 году) и Конрад Швайнхайм (Sweynheym) и Арнольд Паннартц (Pannartz), выпустившие *Opera* Лактанция (Субьяко в Италии, 30 октября 1465 года). См. Victor Scholderer, *Greek Printing Types, 1465–1927*(London, 1927), p. 1.

231

Список многих из лигатур, использованных в инкунабулах, см. *Style Manual* of the United States Government Rinting Office (Washington, D. C. 1945), pp. 316–318, или Georg F. von Ostermann, *Manual of Foreign Languages* (New York, 1952), pp. 105–108.

232

См. Julián Martín Abad, «The Printing Press at Alcalá de Henares, The Complutensian Polyglot Bible», in *The Bible as Book, The First Printed Editions*, ed. by Kimberly Van Kampen and Paul Saenger (London, 1999), pp. 101–118.

233

См. Jerry H. Bentley, *Humanists and Holy Writ: New Testament Scholarship in the Renaissanse* (Princeton, 1983), pp. 70-111; B. M. Metzger, «History of Editing the Greek New Testament», *Proceedings of the American Philosophical Society,* cxxxi (1987), pp. 148–158; M. V. Spotorno, «The Textual Significance of the Spanish Polyglot Bibles», *Sepharad*, lxii (2002), pp. 375–392.

В настоящее время из 600 напечатанных комплектов известно местонахождение 97; см. James P. R. Lyell, *Cardinal Ximenes* (London, 1917); Mariano Revilla Rico, *La Políglota de Alcalá, studio histórico-crítico* (Madrid, 1917).

235

Одним из менее известных сотрудников этого проекта, сыгравшим, однако, главную роль в подготовке греческого текста Септуагинты и Нового Завета для «Полиглотты», был Димитрий Дука, грек с острова Крит. Хименес привез его в Алькалу для преподавания в Академии и для помощи в издании греческих книг; о Дуке подробнее см. Deno J. Geanakoplos, *Greek Scholars in Venice: Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe* (Cambridge, MA, 1962), pp. 238 ff.

Согласно Шолдереру, неизвестный нам создатель греческого печатного шрифта, использованного в Комплютенском издании Нового Завета, заимствовал некоторые черты у впервые примененного в 1471 г. шрифта Николя Женсона (Jenson).

«И в самом деле, он [греческий шрифт Комплютенского Нового Завета] представляет собой пример окончательного и наиболее красивого развития шрифта, созданного Женсоном, и по справедливости удерживает всеми признанное положение „короля греческих шрифтов“, хотя полное совершенство и не было достигнуто вплоть до нынешнего столетия [XX — *Д.Б.*], когда Роберт Проктор завершил создание расширенной версии этого шрифта, добавив к обновленному набору строчных букв полный комплект прописных литер того же стиля. Греческий шрифт Комплютенской Полиглотты остается единственным оригинальным вкладом Испании в греческую типографику»(Scholderer. Op. cit. p. 10).

237

* Апекс — знак, представлявший собой горизонтальную черту и употреблявшийся римлянами для указания долготы гласного.

238

См. Franz Delitzsch, *Studien zur Entstehungsgeschichte der Polyglottenbibel des Cardinal Ximenes* (Programm, Leipzig, 1871; также издавалась [на немецком языке] в Лондоне под заголовком *Studies on the Complutenian Polyglott* [1872]); Samuel Berger, *La Bible au seizième siècle* (Paris, 1879), pp. 51–58; Delitzsch, *Fortgesetzte Studien zur Entstehungsgeschichte der Computensischen Polyglottenbibel* (Programm, Leipzig, 1886); M. Goguel, *«Le texte les editions du Noveau Testament grec», Revue de lʾhistoire des religions*, lxxxii (1920), pp. 14–18.

239

Некоторые усомнились в правильности этого утверждения, поскольку Лев был избран Папой менее, чем за год до окончания работы над томом, содержащим Новый Завет, и, следовательно, едва ли мог вовремя предоставить данные рукописи. (См. Marvin R. Vincent, *A History of the Textual Criticism of the New Testament* [New York, 1899], p. 50). Следует, однако, заметить, что Хименес не говорит открыто о том, что рукописи были предоставлены во время понтификата Льва; также возможно, как уже давным-давно предположил Гуг, что они были получены при предыдущем Папе, Юлии II, благодаря вмешательству кардинала де Медичи, имевшего на папу огромное влияние и ставшего впоследствии его преемником (J. L. Hug, *Einleitungin die Schriften des Neuen Testaments* [Tübingen, 1826], § 55).

См. J. H. Bentley, *Humanists and Holy Writ*, pp. 112–193.

241

Цит. по: Bentley, op. cit., p. 135.

Значительная часть рукописей, использованных Эразмом для подготовки своего издания Нового Завета, происходило из книжной коллекции, которую завещал в 1443 году доминиканскому монастырю в Базеле Иоанн Стойкович из Рагузы, один из кардиналов, рукоположенных антипапой Феликсом V; см. Aloysius Krchňák, *De vita et operibus Ioannis de Ragusia* (*Lateranum*, n.s., xxvi; Rome, 1960), pp. 2–3; R. W. Hunt, «Greek Manuscripts in the Bodleian Library from the Collection of John Stojković of Ragusa» in *Studia Patristica*, vol. vii, part 1, ed. by F. L. Cross *(Texte und Untersuchungen*, xcii; Berlin, 1966), pp. 75–82. Обсуждение нескольких греческих рукописей, использованных Эразмом при первом издании Нового Завета и ныне хранящихся в университетской библиотеке Базеля) см.: Bo Riecke. «Erasmus und die neutestamentliche Textgeschichte», *Theologische Zeitschrift*, xxii (1966), pp. 254–265, из наиболее новых работ см.: P.-Y. Brandt, «Manuscripts grecs utilisés par Erasme pour son édition du *Novum Instrumentum* de 1516», *Theologische Zeitschrift*, liv (1998), pp. 120–124.

243

F. H. A. Scrivener, *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament*, 4th ed., ii (London), p. 185.

244

Некоторые исследователи относят рукопись Евангелий к XV веку (Скривенер допускает подобную датировку), Кеньон и фон Добшютц, Грегори, Эбехард Нестле, фон Зоден и Кларк — к XII в.

245

Эти исправления описаны в статье Kenneth W. Clark, «The Erasmian Notes in Codex 2», in *Studia Euangelica*, ed. by K. Aland, F. L. Cross et al. (*Texte und Untersuchungen*, lxxiii; Berlin, 1959), pp. 749–756. См. также C. C. Tarelli, «Erasmus's Manuscripts of the Gospels». *Journal of Theological Studies*, xliv (1943), pp. 155–162.

Например, ὀρθρινός (22.16); ἐλθέ (дважды), ἐλθέτω (22.17); συμμαρτυροῦμαι γάρ… ἐπιτιθῆ πρὸς ταῦτα (22.18); ἀφαιρῆ βίβλου…ἀφαιρήσει (вместо будущего времени от ἀφελεῖ!), βίβλου (второе употребление) (22.19); ὑμῶν (22.21).

247

Довольно часто обсуждается вопрос о том, в какой мере перевод Лютера опирается на греческий текст. Х. Диббельт *(Archiv für Reformationsgeschichte*, xxxviii [1941], pp. 23–28) утверждает, что перевод отражает только случайные обращения к греческому тексту; Х. Борнкамм *(Theologische Literaturzeitung*, Ixxii [1947], pp. 23–28) придерживается мнения, что Лютер переводил с греческого и латинского текстов в издании Эразма, а также пользовался Вульгатой (которую знал на память).

248

J. A. Froude, *Life and Letters of Erasmus* (New York, 1896), p.127. См. также August Bludau, *Die beiden ersten Erasmus-Ausgaben des Neuen Testaments und ihre Gegner* (Freiburg, 1902).

249

Fraude, op. cit., p. 138.

250

Слово *comma* в данном случае означает часть сложного предложения.

251

Следует, впрочем, отметить, что де Йонг (Henk Jan de Jonge), знаток биографии Эразма, не нашел прямых доказательств, которые подтвердили бы часто повторяемое утверждение о том, что Эразм дал такое обещание. См. H. J. de Jonge, «Erasmus und the *Comma Johanneum*», *Euphemerides Theologicae Lovanienses*, lvi (1980), pp. 381–389.

252

См. J. Rendel Harris, *The origin of the Leicester Codex of the New Testament* (London, 1887), pp. 40–53; C. H. Turner, *The Early Printed Editions of the Greek Testament* (Oxford, 1924), pp. 23–24.

253

В настоящее время этот кодекс (Greg. 61), который находится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, практически сам открывается на развороте, содержащем 1 Ин 5, из-за постоянного обращения к этому отрывку.

254

В списке отсутствует Codex Ravianus (Tisch, ω 110) хранящийся в Берлинской государственной библиотеке, рукопись XVI века, скопированная с печатного греческого текста Комплютенской Библии. Продолжение дискуссии о сомнительном происхождении *Comma* см. R. E. Brown, *Epistles of John* (Garden City, NJ, 1982), pp. 775–787; B. M. Metzger, *A Textual Commentary on the Greek New Testament*, 2nd ed. (New York, 1994), pp. 647–649.

255

Конгрегация доктрины веры впоследствии сообщила (2 июня 1927), что этот декрет не имел целью отвратить католических ученых от тщательного изучения проблемы и от принятия отрицательной позиции в отношении подлинности данного пассажа (что означало бы готовность предстать перед судом церкви); см. H. Denziger and K. Rahner, *Enchiridion symbolorum, ed.* 28 (Freiburg, 1952), n. 2198; idem, *Enchiridion biblicum*, ed. 3 (Rome, 1956), n. 136.

256

Полное изложение проблемы известным католическим текстологом см. Teófilo Ayuso Marazuela, «*Nuevo estudio sobre el ‘Comma loanneum*», *Biblica*, xxviii (1947), pp. 83-112; xxix (1948), pp. 52–76.

257

Более подробно о текстуальных связях этого редчайшего издания см. W. H. P. Hatch, «An Early Edition of the New Testament in Greek», *Harvard Theological Review*, xxxvi (1941), pp. 69–78. Об уникальности этого издания можно судить по заявлению Рейсса (Reusse), который после тщетных попыток найти хоть один экземпляр, убедился, что ни одна немецкая библиотека им не располагает. Хэтч убежден, что на сегодняшний день известно о существовании семи полных комплектов и одного экземпляра второго тома.

258

Эти вспомогательные материалы были взяты из минускульных рукописей Нового Завета. См.

259

См. Elizabeth Armstrong, *Robert Estienne, Royal Printer: An Historical Study of the Elder Stephanus* (Cambridge, 1954), p. 211 ff.

260

См., например, A. T. Robertson, *An Introduction to the Textual Criticism of the New Testament*, 2nd ed. (New York, 1928), p. 100.

261

Более подробная информация о различной нумерации евангельских стихов см. статью Уильяма Райта (William Wright) «Verse» в первом издании энциклопедии Джона Китто (John Kitto) (в последующих статья была сокращена): *Cyclopædia of Biblical Literature,* ii (London, 1845; New York, 1846), pp. 905–914, и его же статьи в *The Christian Remembrancer,* n. s., iii (January-June 1842), pp. 455–469, 672–690. Список различий в делении на главы в более чем 50 греческих изданий НЗ см. введение Эзры Эбботта (Ezra Abbott) к *Prolegomena* Каспара Рене Грегори, напечатанное в 3 томе *Novum Testamentum Graece* Тишендорфа (8th ed. part 1, Leipzig 1884), pp. 176–182, перепечатанное по-английски в опубликованном после смерти Эбботта томе под названием *The Authorship of the Fourth Gospel and the Other Critical Essays* (Boston, 1888), pp. 464–477.

262

Разночтения в Лк 17:35 в издании Криспена вставлены непосредственно в текст.

263

Перевод с некоторыми изменениями и разночтениями был включен в Женевскую Библию 1560 г.; анализ разночтений см. B. M. Metzger, «The Influence of Codex Bezae upon the Geneva Bible of 1560», *New Testament Studies*, viii (1961), pp. 72–77.

264

Типография Эльзевира (правильнее Эльзевьера), созданная Луи Эльзевьером (Louse Elzevier, 1540–1617), в период с 1595 по 1681 г. выпустила немало прекрасных изданий античных авторов. История печатного дела семьи Эльзевьеров см. D. W. Davies, *The World of Elsevirs, 1580–1712* (The Hague, 1954); P. R. Sellin, *Daniel Heinsius and Stuart England* (London, 1968).

265

Textum ergo habes, nunc ab omnibus receptum: in quo nihil immutatum aut corruptum damus. Предисловие ко второму изданию было написано Даниэлем Гейнсиусом (Daniel Heinsius, 1580–1655), издателем был Иеремиас Гёльцлин (Jeremias Hoelzlin, 1583–1641); они оба были профессорами в Лейдене. Более подробную информацию см. в статье H. J. de Jonge *Miscellanea Neotestamenticae* ed. by Tj. Baarda, A. F. J. Kljin, W. C. van Unnik, i (Leiden), pp. 105–128.

266

См. P. N. Miller, «The ‘Antiquarianization’ of Biblical Scholarship and the London Polyglot Bible (1653–1657)», *Journal of the History of Ideas*, lxii (2001), pp. 463–482.

267

Лондонская Полиглотта подверглась критике со стороны Джона Оуэна (John Owen), пуританина и главы Оксфордского Крайст-Чёрч-Колледжа, в книге *Considerations on the Prolegomena and Appendix to the late Polyglotta* (1659), против которой незамедлительно и резко выступил сам Уолтон в *Considerator Considered* (1659). Репутация Уолтона как ученого и клирика утвердилась во время Реставрации, когда в 1660 году он стал епископом Честерским. В 1667 году Лондонская Полиглотта оказалась включенной Index Librorum Prohibitorum.

268

Фелл стал персонажем известного четверостишия Томаса Брауна (Brown) (переложение Марциала, Эпиграммы 1. 32), начинающегося словами «Я не люблю Вас, доктор Фелл» («Il do not love thee, Dr Fell…»).

269

Или Mills, как предлагает *The Oxford Dictionary of the Christian Church.*

270

См. Adam *Fox, John Mill and Richard Bentley, a Study of the Textual Criticism of the New Testament, 1675–1729* (Oxford, 1954).

271

Daniel Whitby, *Examen variantium lectionum J. Millii* (London 1709). Английский деист Энтони Коллинз (Anthony Collins, 1676–1729) и в самом деле указывал на столь значительное число разночтений как на довод против авторитета Св. Писания («A Discourse of Freethinking». London, 1713). До чего могли довести такие размышления, говорит нам сатирическое эссе Дж. Свифта «An Argument against the Abolition of Christianity», где описывается некий развратник, «который слышал о тексте, принесенном для доказательства существования Св. Троицы, о которой в древней рукописи писалось иначе; он тотчас сообразил и сделал вывод „Ну, если все так, как ты говоришь, я спокойно могу и дальше пить, блудить и перечить попам"» (Jonathan Swift. *Works*, iii [Edinburgh, 1814], pp. 199).

Содержание предпринятого Уэллсом издания можно представить из подробного описания на титульных листах, как то: «Помощь к более легкому и ясному пониманию Св. Писание, т. е. два священных сочинения святого Луки, а именно его Евангелие и Деяния Апостолов, изъясненные по нижеследующей методе:

I. Оригинал или же Греческий текст, исправленный по наилучшим и древнейшим чтениями.

II. Перевод на обычный английский язык, переданный в большем согласии с оригиналом.

III. Парафраза, в коей не только трудные выражения и места, но также каждое сочинение разделено на подобающие разделы и абзацы, и вдобавок рассмотрены добавления, коими св. Лука в своем Евангелии дополнил два Евангелия св. Матфея и св. Марка, и в конце каждого сочинения присоединяется синопсис содержания такового.

IV. Замечания, относящиеся по тому, как их требует необходимость к тем или иным частностям.

Oxford, 1719»

273

Воспроизведение брошюры см. Caspar René Gregory, *Prolegomena* (III том издания Тишендорфа *Novum Testamentum Graece*, ed. critica octava maior; Leipzig, 1884–1894), pp. 231–240.

274

Предложения Бентли были вызваны острой полемикой, которая велась между д-ром Коньерсом Миддлтоном (Middleton); подробнее об этом см. James H. Monk, *The Life of Richard Bentley, D.D.*, 2nd ed., ii (London, 1833), pp. 130 ff.

275

R. Bentley, *Bentleii Critica Sacra*, ed. by A. A. Ellis (Cambridge, 1862), p. xv.

276

См. Fox, op. cit. pp. 105–126.

277

Список некоторых из них см. Eduard Reuss, *Bibliotheca Novi Testamenti graeci…* (Brunsvigae, 1872), pp. 175 f.

В I части, озаглавленной «Ложные переложения и прочие подлые приемы, потакающие арианству» (с. 134–144), Твеллз приводит 15 примеров того, что он считает (в некоторых случаях вполне справедливо) тенденциозно искаженным переводом.

279

См. H. McLachlan, «Almost Forgotten Pioneer in New New Testament Criticism», *Hibbert Journal*, xxxvii (1938–1939), pp. 617–625.

Классическая биография — Gottfried Mälzer, *Johann Albrecht Bengel, Leben und Werk* (Stuttgart, 1970); более современный краткий очерк — Loyhar Bertsch, *Johann Albrecht Bengel: Seine Lebensgeschichte* (Holzgerlingen, 2002).

281

Эссе, озаглавленное «Prodromus Novi Testamenti recte cauteque ordinandi», было включено в качестве приложения к предпринятому Бенгелем изданию *Chrysostomi libri VI de sacerdotio* (Denkendorf, 1725).

282

Сводку его текстологических принципов можно найти в предисловии к известному новозаветному комментарию, вышедшему под заглавием *Gnomon Novi Testamenti* (английский перевод C. T. Lewis, R. Vincent, I [Philadelphia, 1860]), § viii.

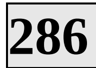
283

О том, сколь широка была тематика лекций Веттштейна, прочитанных под общим названием философии см. в его биографии: C. L. Hulbert-Powell, *John James Wettstein, 1693–1754* (London, 1938), pp. 196 f.

Vol. ii, pp. 851–874, воспроизведено в несколько сокращенном виде в его анонимно опубликованном трактате *Prolegomena ad Novi Testamenti graeci editionem accuratissimam…* (Amsterdam, 1730), pp. 165–201.

285

В приложении к изданию греческого Нового Завета Веттштейн опубликовал *editio princeps* сирийского текста двух псевдо-Климентовых посланий, *De virginitate*, с параллельным латинским переводом параллельными столбцами.

J. S. Semler, *Wetstenii libelli ad crisin atque interpretationem Novi Testamentii* (Halle, 1764).

287

Землер был первым, кто применил термин «рецензия» к группам текстов-свидетелей Нового Завета (*Hermeneutische Vorbereitung*, iii [1] [Halle, 1765]). Рецензией в собственном смысле слова называют результат намеренного вмешательства редактора/издателя. Иногда, в более широком значении, его употребляют как синоним к понятию (текстуальной) семьи.

Idem. Apparatus ad liberalem Novi Testamenti Interpretationem (Halle, 1767).

289

S. Austin Allibone, *A Critical Dictionary of English Literature*, i (Philadelphia, 1871), p. 229.

Список избранных разночтений и более подробное описание издания Бойера см. B. M. Metzger, *Chapters in the History of New Tesament Textual Criticism* (Grand Rapids, MI. 1963), pp. 155–160.

291

Второе издание *Conjectures*, значительно расширенное, было отдельно издано в Лондоне в 1772 г. под заголовком *Critical Conjectures and Observations on the New Testament, Collected from Various Authors, as Well in Regard to Words as Pointing With the Reasons on Which Both are Founded*. Этот том был переведен на немецкий язык Й. Х. Ф. Шульцем (2 vols., Leipzig, 1774–1775). Два других, еще более расширенных, издания впоследствии напечатаны в Лондоне в 1782 и 1812 годах.

В предисловии автор пишет: «Исключая типографские ошибки, исправить которые читателю позволит даже скромное знание языка, я льщу себя надеждой, что сочинения боговдохновенных писателей, здесь представленные, по справедливости порекомендуют себя всякому ученому, могущему быть судией священного критицизма, как наиболее близкие к изначальным рукописаниям евангелистов и апостолов изо всех до сих пор где-либо изданных. Стремясь наилучшим образом осуществить эту нелегкую задачу, я внимательно изучил изданный Веттштейном Греческий Новый Завет, вышедший в Амстердаме в двух томах in folio, скрупулезно взвесил достоинства и недостатки различных чтений, представленных здесь в огромном количестве из рукописей разной ценности, и принял только те, подлинность коих, по моему мнению, представилась наилучшим образом доказанной, под чем я разумею то, что принял лишь слова, ни в чем не отступающие (как я истинно полагаю) от написанного боговдохновенными авторами» (pp. viii-ix).

293

Первой Библией, напечатанной в Америке, был перевод, сделанный Джоном Элиотом на алгонкинский индейский язык в 1661–1663 годах в Кембридже, штат Массачусетс. Первым в Америке переводом Св. Писания на европейский язык оказался немецкий перевод Лютера, изданный в 1743 г. Кристофом Зауэром (Christoph Sauer) в Джермантауне, штат Пенсильвания. А в 1782 году в филадельфийской типографии Роберта Эткена появилась первая Библия на английском языке.

294

Калеб Александер (1755–1828), уроженец Нортфилда, штат Массачусетс, в 1777 г. окончил Йельский колледж. В период своего пасторского служения в Мендоне, деревне, неподалеку от Вустера, Александер написал две латинских и греческую грамматику; последняя была опубликована Томасом под названием *Grammatical System of the Grecian Language* (Worcester, MA 1796). Несомненно, в этот период Томас прибегал к помощи Александера при подготовке греческого Нового Завета.

295

Isaac H. Hall, *A Critical Bibliography of the Greek New Testament as Published in America* (Philadelphia, 1883), p. 11.

296

Подробнее об издателе и тексте первого американского издания Греческого Нового Завета см. B. M. Metzger «Three Learned Printers and their Unsung Contributions to Biblical Scholarship», *Journal of Religion*, xxxii (1952), pp. 254–262.

297

По этой и другим причинам его резко критиковал архиепископ Р. Лоренс, см. Laurence R. *Remarks on the Systematical Classification of Manuscripts adopted by Griesbach in his Edition of the New Testament* (Oxford, 1814; перепечатка: *Biblical Repertory*, ed. by Charles Hodge, ii [1826], pp. 33–95).

298

Во время пребывания в России Маттеи удалось похитить весьма большое количество рукописей, как античных авторов, так и отцов церкви. Некоторые из них он хранил у себя в библиотеке, другие продал или подарил разным библиотекам и друзьям в Германии и Голландии. О биографии Маттеи и об изобличающих его обстоятельствах этого возмутительного хищения см. Oscar van Gebhardt, *Centralblatt für Bibliothekswesen*, XV(1898), pp. 345–357, 393–420, 441–482, 537–566.

299

Andreas Birch, *Kritisk Beskrivelse over græske Haandskrifter af det Nye Testamente* (Copenhagen, 1785).

300

J. L. Hug, *Einleitung in die Schriften des Neuen Testaments* (Stuttgart, 1808), §§ 22 ff.

301

«Rechenschaft über seine Ausgabe des Neuen Testaments», *Theologische Studien und Kritiken*, iii (1830), pp. 817–845.

302

F. H. A. Scrivener, *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament*, 4th ed., ii (London, 1894), p. 233.

303

B. F. Westcott, F. J. A. Hort, *The New Testament in the Original Greek* [ii], *Introduction* [and] *Appendix* (Cambridge, 1881), p. 13. Более новая оценка Лахманна и его метода Sebastiano Timpanaro, *La genesi del metodo del Lachmann* (Florence, 1963).

304

Биографическую статью Грегори о Тишендорфе, содержащую список его публикаций, см. *Bibliotheca Sacra*, xxxiii (1876), pp. 153–193; также см. Matthew Black, Robert Davidson, *Constantin von Tischendorf and the Greek New Testament* (Glasgow, 1981).

305

«Prolegomena» Грегори с дополнениями и исправлениями была позднее опубликована в Германии в трех частях под названием *Textkritik des Neuen Testamentes*, (Leipzig, 1900–1909).

306

Henry Alford, *The Greek Testament, with a critically revised Text…*, new ed, i (New York), p. 76.

307

Более подробно о Хорте см. E. G. Rupp, *Hort and the Cambridge Tradition* (Cambridge, 1970); Graham A. Patrick, *F. J. A. Hort, eminent Victorian* (Sheffield, 1988); Graham Neville, «Science and Tradition: F. J. A. Hort and His Critics», *Journal of Theological Studies*,n.s., 1 (1999), pp. 560–582.

308

В 1988 году издательство Hendrickson Publishers (Peabody, MA) организовало репринт второго тома, *«Introduction»* и *«Appendix»*, но, к сожалению, не выпустило копию второго издания [1896] содержавшего «Notes on Select Readings» Бёркитта.

309

Westcott and Hort, op. cit., pp. 19–20.

310

Ibid, p. 31.

311

Ibid, p. 40.

312

Ibid, p. 60.

313

Ibid, p. 134.

314

Ibid, pp. 122–124.

315

Ibid, p. 225.

316

Западные не-интерполяции, которые Весткотт и Хорт напечатали в двойных квадратных скобках, следующие: Мф 27:49; Лк 22:19–20; 24:3, 6, 12, 36, 40, 51 и 52. Около 20 похожих мест в Евангелиях образуют средний слой, который, по мнению Весткотта и Хорта, может также включать западные не-интерполяции; ibid, p. 176.

317

Ibid, pp. 93-119.

318

Oxford Dictionary of National Biography, ed. by H. C. G. Matthew, B. Harrison, 8 (Oxford, 2004), p. 805.

319

Бёргон нашел союзника в лице Томаса Р. Бёркса (Birks), почетного каноника собора в Или, написавшего *Essay on the Right Estimation of Manuscript Evidence in the Text of the New Testament* (London, 1878). Бёркс, который пытался определить ценность отдельных рукописей математическим способом, пришел к выводу, что позднейшие рукописи представляют большую ценность, чем более ранние! Анахронические взгляды Бёргона поддержал и Эдвард Ф. Хиллз (Hills) в небольшой брошюре *The King James Version Defended! A Christian View of the New Testament Manuscrupts* (Des Moines, 1956). В этой работе автор превосходит Бёргона в стремлении защитить достоинства Textus Receptus, отстаивая даже подлинность *Comma Johanneum* 1 Ин 7–8. См. также введение Хиллза «Dean Burgon in the Light of Criticism» к репринтному изданию (1959 г.) книги Бёргона *The Last Twelve Verses of the Gospels according to St. Mark Vindicated…* (Oxford, 1871).

The Revision Revised (London, 1883), p. 16 (курсив автора). По предложению пребендария Эдварда Миллера (Miller), который был душеприказчиком Бёргона и ведал его литературным наследием, 6 мая 1897 г. в оксфордском Нью-Колледже состоялись дебаты. Позицию Бёргона отстаивали Миллер, Дж. Г. Гуильям (Gwilliam) и А. Бонус (Bonus); против нее выступали У. Сэнди (Sanday), А. К. Хэдлэм (Headlam) и У. К. Аллен (Allen), защищавшие взгляды Весткотта и Хорта на текстологию Нового Завета. Одним из главных предметов спора стала датировка новозаветной части в сирийской Пешитте. Миллер утверждал, что данный перевод, который является примером сирийского типа текста, восходит ко II в., и, следовательно, сирийский тип не имеет отношения к Лукиану и его современникам, жившим в начале IV в. Сэнди понимал, что вопрос о датировке Пешитты является для Миллера последней соломинкой, однако убедительно доказать ее позднее происхождение не смог. *(The Oxford Debate on the Textual Criticism of the New Testament* [London, 1897], p. 28). Через несколько лет Ф. К. Бёркитт (F. C. Burkitt) предъявил эти доказательства в своей монографии *St. Ephraim's (Quotations from the Gospel* (Cambridge, 1901), показав, что новозаветные цитаты в подлинных трудах Ефрема (ум. в 373 г.) во многом соответствуют старосирийской версии, а не Пешитте, и, следовательно, последняя появилась после смерти Ефрема.

321

Scrivener. Op. cit., p. 287 f.

322

George Salmon, *Some Thoughts on the Textual Criticism Of the New Testament* (London, 1887), p. 129 ff.

323

См.

324

C. R. Gregory, «Bernhard Weiss and the New Testament», *American Journal of Theology*, i (1896), pp. 16–37. Kirsopp Lake, «Doctor Weiss's Text of the Gospels: the Thoughts of a Textual Critic on the Text of an Exegete», ibid. vii (1903), pp. 249–258.

325

На основе анализа 11 глав, взятых вразбивку из разных мест Нового Завета, Джордж Гарольд Гринли (Greenlee) обнаружил, что текст Нестле отличается от Textus Receptus в 233 местах, текст Мерка — в 160, текст Бовера — в 111, текст Фогеля — в 67, а текст Сутера — в 47. В процентном отношении это означает, что по сравнению с Сутером текст Нестле отличается от Textus Receptus в 496 %! См. работу Курта Аланда (Aland), который приводит статистику Гринли в статье «The Position of New Testament Textual Criticism», *Studia Evangelica*, ed. by Aland, F. L Cross et al. *(Texte und Untersuchungen*, lxxiii, Berlin, 1959), p. 719. Более подробная статистика, относящаяся к сравнению отдельных современных изданий греческого Нового Завета см. Kurt Aland, *Studien zur Überlieferung des Neuen Testaments und seines Textes* (Berlin, 1976), pp. 59–80.

Фон Зоден также опубликовал малое издание (Handausgabe) под названием *Griechisches Neues Testament, Text mit Apparat* (Göttingen, 1913).

327

Фон Зоден разделил все известные греческие рукописи на 3 класса: 1) δ-рукописи, содержащие весь Новый Завет (διαθήκη) с Книгой Откровения или без нее; 2) ε-рукописи, содержащие Евангелия (εὐαγγέλιον); 3) α-рукописи, состоящие из Деяний, посланий, с Книгой Откровения или без нее (ἀπόστολος). Внутри каждого класса каждая рукопись пронумерована в соответствии с датой написания и содержанием. δ- и α-рукописи вплоть до конца IX в. идут под номерами 1—49; рукописи X в. — 50–90; для последующих веков используются трехзначные цифры, а число в разряде сотен обозначает век (так, 146 — рукопись XI в., 446 — рукопись XIV в.). В δ-рукописях наличие Книги Откровения указано цифрами 1—49 в каждой сотне и 50–99 для рукописей без нее. (Так, δ 421 означает рукопись XVI в., содержащую весь Новый Завет, δ 271 — рукопись XII в., в которую входят все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса.) Подобным образом, содержание α-рукописей раскрывается еще более сложной системой нумерации. Поскольку ε-рукописи очень многочисленны, то система модифицируется путем добавления других цифр. Кроме того, что система отличается чрезвычайной запутанностью, она дает больше информации, чем читатель хотел бы знать, ибо какая нужда в том, чтобы видеть какие еще книги содержит рукопись в добавление к той, разночтения из которой содержит аппарат к данному стиху. Более того, такая система позволяет включить в нее лишь ограниченное число новых рукописей и совсем не оставляет места для греческих лекционариев. Кроме того, датировки рукописей могут уточняться, поэтому включать в номенклатуру даты каждой конкретной рукописи по особому методу — значит, закреплять навсегда то, что со временем может оказаться ошибкой.

C. R. Gregory, *Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments* (Leipzig, 1908).

329

Удобный список ключей для перевода номенклатуры фон Зодена в обозначения по системе Грегори, см. Friedrich Krüger, *Schlüssel zu von Sodens Die Schriften des Neuen Testaments* (Gottingen, 1927), и Benedict Kraft, *Die Zeichen für die wichtigeren Handschriften des griechischen Neuen Testaments*. 3te Aufl. (Freiburg i. Br., 1955).

См., например, Lake K. *Review of Theology and Philisophy*, iv (1908), pp. 201–217, 277–295; Hoskier H. C. *Journal of Theological Studies*, xv (1914), pp. 307–326; Hans Lietzmann, *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xv (1914), pp. 323–331; A. Souter in *Expositor*, 8th ser., x (1915), pp. 429–444.

331

Ср. с тем, что выше (см.) было сказано об издании Сутера, которое, в отличие от издания фон Зодена, не претендует на то, чтобы содержать греческий текст, восстановленный путем критического анализа.

332

См. прим. 325.

333

Текст Мерка переиздал Джанфранко Нолли (Nolli) в своем *Novum Testamentum graece et latine* (Rome, 1955). Примечания к изданию Нолли содержат ограниченное число текстологических, синтаксических и лексических вспомогательных комментариев.

334

См., например, рецензию H. G. Opitz в *Gnomon*, xii (1936), pp. 429–436 и «Three Recent Editions of the Greek New Testament», *Journal of Theological Studies*, i (1949), pp. 145 ff.

335

О текстологических находках Бовера см. B. M. Metzger, *Chapters in the History of New Testament Textual Criticism* (Grand Rapids, MI, 1963), pp. 121–141.

336

См. Warren A. Kay, «The Life and Work of Ebehard Nestle» in *The Bible as a Book: The Transmission of the Greek Text*, ed. by Scot McKendrick, Orlaith A. O'Sullivan (London, 2003), pp. 187–199.

337

Тем не менее, начиная с 17-го издания (1941 год), небольшое число текстуальных вариантов, которые, по разделяемому многими учеными мнению, имеют шансы оказаться подлинными, было включено в текст Нестле и вопреки авторитету трех изданий XIX века. Имя Аланда впервые появляется на титульной странице 21-го издания Нестле в 1952 году.

338

См., например, E. C. Colwell, *Classical Philology*, xxxiii, pp. 112–115; A. Souter, *Expository Times*, liii (1941), pp. 149 ff.; G. D. Kilpatrick, *Journal of Theological Studies*, xliii (1942), pp. 30–34; и T. W. Manson, ibid, pp. 83–92.

339

В 1949 г. был начат международный проект, в котором британские и американские текстологи объединились с целью создания полного *apparatus criticus* греческого Нового Завета. Работа началась с подготовки аппарата для Евангелия от Луки. Описание первоначальных целей этого проекта см. M. M. Parvis in *Crozer Quarterly*, xvii (1950), pp. 301–308. О продолжении этого проекта см.

340

Однако в это издание не вошли данные из очень ценных папирусов Бодмера, поскольку большинство из них было опубликовано уже после того, как переводчики NEB завершили свою работу.

341

Оценку издания Таскера см. T. Gaumer, «An Examination of Some Western Textual Variants Adopted in the Greek Text of the New English Bible», *The Bible Translator,* xvi (1965), pp. 184–189; а также у Брюса Мецгера в *Historical and Literary Studies*, *Pagan*, *Jewish*, *and Christian* (Grand Rapids, MI, 1968), p. 160 f.

Членами Комитета стали Курт Аланд из Мюнстера, Мэтью Блэк из Университета Сент-Эндрюс, Аллен Викгрен из Чикаго и Брюс Мецгер из Принстона. В течение первых четырех лет работы Комитет также включал эстонского ученого Артура Выыбуса (Vööbus). Для подготовки второго издания, которое вышло в 1968 г., Комитет был расширен — в него вошел иезуит Карло Мартини из Рима.

343

Американское, Британское и Иностранное, Голландское, Шотландское и Вюртембергское общества. В 1967 г. издание выпущено под покровительством Объединенных библейских обществ.

344

Eduard Reuss, *Bibliotheca Novi Testamenti graeci cuius editiones ab initio typographiae ad nostram aetatem impressas quoquot reperiri potuerant*, (Brunsvigae, 1872). Дополнение к списку Рейсса см. Isaac H. Hall в Philip Schaff, «A Companion to the Greek Testament and the English Version», 3rd ed. (New York, 1889), pp. 519–524.

345

См. Eduard A. Parsons, *The Alexandrian Library, Glory of the Hellenic World Its Rise, Antiquities and Distractions* (New York, 1952); J. Harold Ellens, *The Ancient Library of Alexandria and Early Christian Theological Development (Occasional Papers, Institute for Antiquity and Christianity, 29;* Claremont, 1993).

346

См. Martin L. West, «The Textual Criticism and Editing of Homer», in *Editing Texts*, ed. by Glenn W. Most *(Aporemata, Kritische Studien zur Phililogie-geschichte*, 2; Göttingen, 1998), pp. 94-110: «К 1990 году количество известных нам рукописей составило для „Илиады“ 703 и для „Одиссеи“ 236» (p. 102).

347

Изменения, внесенные Маркионом в текст Нового Завета, продиктованы скорее богословскими причинами, нежели интересом к текстологии.

См. R. Walzer, *Galen on Jews and Christians* (Oxford, 1949), p. 75 ff.

349

Евсевий, *Церковная история*, 5. 28, с. 13–19 (отрывки, вероятно, из «Малого лабиринта» Ипполита Римского).

Обсуждение этого отрывка см. Hermann Schöne «Ein Einbruch der antiken Logik und Textkritik in die altchristliche Theologie», in *Pisciculi: Studien zur Religion und Kultur des Alterums*, Franz Joseph Dölger…dargeboten… (Münster, 1939), pp. 252–265.

351

Краткое изложение этих мнений см. B. M. Metzger, «Explicit References in the Works of Origen to Variant Readings the New Testament Manuscripts», *Biblical and Patristic Studies in Memory of Robert Pierce Casey*, ed. by J. N, Birdsall and R. W. Thomson (Freiburg, 1963), pp. 78–95.

352

Comm. on Matt, xv.14 *(Die griechischen christlichen Schriftsteller,* Orígenes, x. 387. 28-388. 7, ed. Klostermann).

Comm. on Matt xiii. 14 *(G, C. S.*, Orígenes, x. 213. 21 ff., ed. Klostermann.

In Matt. Comm. ser. 121 *(G, C. S.*, Orígenes, xi. 2. 255, 24 ff., ed. Klostermann).

355

Comm. on Joan. vi. 40 (24) (G, *C. S.*, Orígenes, IV. 149. 12 ff, ed. Preuschen).

Comm. on Joan. vi. 41 (24) (*G. C. S.*, Orígenes, IV. 150. 3 ff, ed. Preuschen).

357

Например. см. B. M. Metzger, «Explicit References…»

358

Примеры, взятые из трудов св. Иеронима, иллюстрируют каждую из этих категорий. См. K. K. Hulley, «Principles of Textual Criticism Known to St. Jerome», *Harvard Studies in Classical Philology*, lv (1944), pp. 87-109.

Epist. 119 (Migne, Patrología Latina, xxii. 966 ff.).

Dialog. contra Pelagianos, ii. 15 (Migne, *P. L.* xxiii, 576).

361

De consensu Evangel. iii. 7. 29 (Migne, *P.L.* xxxiv. 1174 f.).

362

De doctrina Christiana, il 15. 22 (Migne, *P.L.* xxxiv. 46), «apud ecclesias doctiores et diligentiores.»

363

См. Arthur Landgraf, «Zur Methode der biblischen Textkritik im 12. Jahrhundert», *Bíblica*, x (1929), pp. 445–474; M.-J. Lagrange, «La critique textuelle avant le concile de Trente», *Revue Thomiste*, xxxix. 2 (1934–1935), pp. 400–409, (Lagrange, *La Critique textuelle; ii*, *La critique rationnele* [Paris, 1935], pp. 294–301).

364

В соответствии с современным отсчетом времени следовало бы сказать: «с одиннадцати до четырех». Более подробно о других разночтениях, приведенных на полях Женевской Библии, см. Mezger, «The Influence of Codex Bezae», p. 151, n. 34.

365

Сжатое изложение двух основных процессов, на которых основывается метод см.: Paul Maas, *Textual Criticism* (Oxford, 1958). Другие полезные описания классического метода в текстологии см.: R. C. Jebb, *A Companion to Greek Studies*, ed. by Leonard Whibley (Cambridge, 1906), pp. 610–623; J. P. Postgate in *A Companion to Latin Studies*, ed. by J. E. Sandys (Cambridge, 1910), pp. 791–805; L. Havet, *Manuel de critique verbale appliquée aux texts latins* (Paris, 1911), E W. Hall, *A Companion to Classical Texts* (Oxford, 1913), pp. 108–198; H. Kantorowicz, *Einführung in die Textkritik* (Leipzig, 1921); L. Bieler, «The Grammarian's Craft», *Folia: Studiain the Pertetuation of the Classics*, x (1956), pp. 3-42.

366

Труд Нанни *De Commentariis antiquitatum* (Rome, 1498) включал тексты Ксенофона, Бероса, Катона, Антонина Пия, Манефона, Филона Александрийского, Гая Семпрония и Мирсила, якобы найденные при раскопках. См. «Nanni» in Pierre Bayle’s *Dictionaire historique et critique* и «Annius» J. S. Ersch, J. G. Gruber, *Allgemeine Encyclopädie*, James Farrer, *Literary Forgeries* (London, 1907), pp. 67–81.

367

Генеалогическое смешение широко распространено в традиции большинства текстов латинской патристической литературы. Серьезный взвешенный анализ см. Maurice Bévenot, *The Tradition of Manuscripts: A Study in the Transmission of St. Cyprian's Treatises* (Oxford, 1961). О специфических проблемах, встающих перед издателями греческих патристических текстов, см. Herbert Musurillo, «Some textual Problems in the Editing of the Greek Fathers», *Texte und Untersuchungen*, lxxviii (1961), pp. 85–96.

M. L. West, *Textual criticism and Editorial Technique Applicable to Greek and Latin Texts* (Stuttgart, 1973). Также см. более современную книгу того же автора *Studies in the Text and transmission of the Iliad* (Munich, 2001).

369

E. J. Kenney, The Classical Text: Aspects of editing in the Age of the Printing Book (Berkeley, 1974).

370

Ibid., p. 98. Август-Людвиг фон Шлёцер (1735–1809) — историк, профессор в Гёттингене, как указывает Кенни, опирался на методы, выработанные исследователями Нового Завета. Более того, в другом месте своей работы Кенни прямо указывает: «в том, что касается apparatus criticus, как и в более фундаментальных вопросах, именно новозаветная текстология оказалась наставником [классической филологии]», (p. 156).

R. Renehan, *Greek Textual Criticism*, *A Reader* (Cambridge, MA, 1969).

372

Помимо предисловия к изданию 1913 года, см. более полное изложение точки зрения Бедье в его «La Tradition manuscrite du *Lai de l'ombre:* réflexions sur l’art d’éditer les anciens textes», *Romania*, liv (1928), pp. 161-96, 321–356.

373

Léon Vaganay, *Initiation à la critique textuelle néotestamentaire* (Paris, 1934), p. 60.

E. C. Colwell, «Genealogical Method: its Achievements and its Limitations», перепечатано в кн. Ernest C. Colwell, *Studies in Metodology in Textual Criticism of the New Testament (New Testament Tools and Studies*, IX; Grand Rapids, MI, 1969) pp. 63–83. См. там же, его же «Method of Grouping of New Testament Manuscripts», pp. 1-25. Для более взвешенной оценки классических подходов к текстуальной критике см. статью того же автора в том же сборнике — «Hort Redivivus, A Plea and a Program», pp. 148–171.

375

Maas, *Textual Criticism* (Oxford, 1958), p. 48.

376

Убедительное изложение данной точки зрения в приложении к текстуальной традиции Евангелий см. David C. Parker, *The Living Text of The Gospels* (Cambridge, 1997).

377

Обсуждение того, какое значение имеют подобные исправления, отмечающие последовательные этапы в истории передачи текста, см. Jean Irigoin, «Stemmas bifides et états des manuscrits», *Revue de philologie*, lxxx (1954), pp. 211–217.

378

См.

379

Хотя смешение, присутствующее в новозаветных рукописях, делает до известной степени невозможным создание точной генеалогической стеммы, само это смешение в какой-то мере компенсирует этот недостаток. Как отмечает Цунц (Zuntz) (*Classica et Mediaevalia*, iii [1940], p. 24), чем шире «перекрестное опыление» рукописей, тем меньше вероятность, что любое древнее чтение, подлинное или нет, могло полностью исчезнуть.

Albert C. Clark, *Recent Developments in Textual Critisism.* (Oxford, 1914).

381

Idem. *Journal of Theological Studies*, xvi (1915), p. 233.

Idem. *The Primitive Text of the Gospels and Acts*, [Oxford], 1914.

383

F. C. Kenyon, *The Text of the Greek Bible* (London, 1937), p. 231; idem, «The Western Text in the Gospels and the Acts», *Proceedings of the British Academy*, xxiv (1938), pp. 287–315.

Albert C. Clark, *The Acts of the Apostles* (Oxford, 1933).

385

Обзор основных научных позиций в текстологии *Илиады* и *Махабхараты* можно найти в книге B. M. Metzger, *Chapters in the History of new Testament Textual Criticism* (Grand Rapids, MI, 1963), pp. 142–154. Представленные выше выводы не умаляют того обстоятельства, что прежде чем книга стала священной, небрежное копирование текста чаще приводило к пропускам, нежели дополнениям.

James R. Royse, «Scribal Habits in Early Greek New Testament Papyri», (Diss., Berkeley, CA: Graduate Theological Union, 1981); см. также его же «Scribal Tendencies in the Transmission of the Text of the New Testament» in *The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the Status Quaestionis*, ed. by Bart D. Ehrman, Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 239–252.

B. H. Streeter, *The Four Gospels, A Study of Origins* (London, 1924), p. 106.

388

B. H. Streeter, *The Four Gospels, A Study of Origins* (London, 1924), p. 78.

389

Ibid., p. 148.

390

Краткое изложение вопроса и критику см.: Daniel B. Wallace, «The Majority Text Theory: History, Methods, and Critique» в сб. *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 297–320.

391

Помимо публикаций Хилла (см. прим. 319), данную точку зрения представил Дэвид Отис Фуллер (David Otis Fuller) в книге *True or False?* (Grand Rapids, MI, 1973) и авторы статей в *Journal of the Evangelical Theological Society,* xxi (1978). Последовательное опровержение этой позиции см.: D. A. Carson, *The King James Version Debate: A Plea for Realism* (Grand Rapids, MI, 1979). Наиболее свежую апологетику текста большинства и Библии короля Иакова мы встречаем в вызывающих комментариях, отпущенных по этому поводу Гордоном Кларком (Gordon H. Clark. Logical Criticisms of Textual Criticism [Jefferson, MD, 1986]) и в материалах симпозиума (на который оппоненты допущены не были): *The Majority Text Essays and Reviews in the Continuing Debate,* ed. by Theodore R Letis (Fort Wayne, IN, 1987). Теодор Летис, имеет присужденную Эдинбургским университетом степень по церковной истории; большую часть диссертации он включил в свою в книгу *The Ecclesiastical Text: Text Criticism, Biblical Authority, and the Popular Mind,* пережившей уже второе издание (Philadelphia, 2000).

Напр., Jacob van Bruggen, *The Ancient Text of the New Testament* (Winnipeg, 1976); Wilbur N. Pickering, *The Identity of the New Testament Text* (Nashville, 1977; 3rd ed., Eugene, OR, 2003); Zane C. Hodges, Arthur L. Fastard, *The Greek New Testament According to the Majority Text* (Nashville, 1982; rev. ed. 1985).

393

Предисловие ко второму изданию. Здесь необходимо упомянуть, что как и другие приверженцы текста большинства, Пирпонт и Робинсон открыто декларируют свою богословскую презумпцию, которая гласит, что Бог, без сомнения, сохранил текст для церкви относительно в первозданном виде, и поэтому большая часть свидетелей скорее всего содержит оригинальный текст.

394

Авторы выступают против того, чтобы использовать эклектичный метод при восстановлении оригинального текста, мотивируя это тем, что полученный таким образом текст (например, в издании Объединенных библейских обществ [UBS]) не присутствует ни в одной рукописи Нового Завета, но вместо этого являет собой современную реконструкцию, грубо слепленную исследователями (предисловие ко 2-му изданию). Как бы впечатляюще ни звучала эта критика, необходимо помнить, что все те же самые обвинения могут быть выдвинуты и против их собственного текста, эклектично составленного из разночтений, встречающихся в различных византийских рукописях и отобранных по критериям, весьма сходным с теми, что применяются издателями UBS. Как открыто признают сами публикаторы, «в каждом конкретном случае [при отборе текста для включения в наше издание] мы рассматриваем устойчивые факторы, связанные с передачей и перепиской текста, внешние и внутренние, в качестве слагаемых, имеющих все».

395

Hodges, Farstad, op. cit., pp. xi-xii.

396

Примеры разночтений, изначально бывших в меньшинстве, а ныне оказавшихся преобладающими, и наоборот, см. G. Zuntz, *The Text of the Epistles, a Disquisition upon the* Corpus Paulinum (London, 1953), p. 84.

397

Дэниэл Уоллес (Wallace) отстаивает необходимость употреблять это издание вместо Textus Receptus как основу для колляций в своей статье «The Majority Text: A New Collating Base?» *New Testament Studies*, xxxv (1989), pp. 609–618.

О критике текста большинства, изданного Ходжесом и Фарстадом см. далее: Michael W. Holmes, «The Majority Text Debate; Recent Developments», *The Biblical Translator,* xxxvi (1985), pp. 136–140; Kurt Aland, «The Text of the Church?» *Trinity Journal*, viii (1987), pp. 131–144; Daniel B. Wallace, «Some Second Thoughts on the Majority Text», *Bibliotheca Sacra*, cxlvi (1989), pp. 270–290.

399

H. A. Sturz, *The Byzantine Text-Type and New Testament Criticism* (Nashville, 1984). Полезной особенностью этого издания является обширная библиография, охватывающая свыше 800 книг и статей я в основном на английском языке с предметным индексом и указателем библейских отрывков.

400

Современное описание метода, созданное одним из его принципиальных сторонников см. J. Keith Elliott, «Throughgoing Eclectism in New Testament Text Criticism», *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 321–335.

401

М.-Ж. Лагранж (Lagrange) использует этот термин в качестве названия для своей книги *La critique textuelle;* ii, *La critique rationelle* (Paris, 1935), хотя на практике и он зачастую обращает большее внимание на внешние данные, чем на внутреннее родство источников.

Например, G. D. Kilpatrick, *Journal of Theological Stidies*, xliv (1943), p. 36 («точный эклектизм»), и там же xlv (1944), p. 65 («беспристрастный эклектизм»). Пример применения такого эклектизма см. Kilpatrik, «An Eclectic Study of the Text of Acts», *Principles and Practice of new Testament Textual Criticism: Collected Essays of G. D. Kilpatrik*, ed. by J. K. Elliott (Leuven, 1990), pp. 358–369.

403

См. комментарий Альфонса Дэна о том с каким «олимпийским безразличием» Мазон относится к тому, что считает «бесполезной эрудицией» (A. Dain, Les Manuscrits [Paris, 1949], p. 161; исправ. изд. 1964, p. 175).

C. H. Turner, «A Textual Commentary on Mark 1», *Journal of Theological Studies*, xxviii (1926–1927), pp. 145–158; idem, «Marcan Usage: Notes, Critical and Exegetical, on the Second Gospel», *Journal of Theological Studies*, xxv (1923–1924), pp. 377–386; xxvi (1924–1925), pp. 12–20, 145–156, 225–240, 337–346; xxvii (1925–1926), pp. 58–62; xxviii (1926–1927), pp. 9-30, 349–362.

405

См. его же «Western Readings in the Second Half of St. Mark's Gospel», *Journal of Theological Studies*, xxix (1927–1928), pp.1-16; idem, «The Textual Criticism of the New Testament», *A New Commentary on Holy Scripture…*, ed. by Charles Gore *et al*. (London, 1928), pp. 718–729. Первые проблески этой концепции см. в более ранней статьей Тернера «New Testament, Text of», *The Illustrated Bible Dictionary*, ed. by William C. Piercy (New York, 1908), pp.585–596.

G. Zuntz, *The Text of the Epistles: A Disquisition upon the* Corpus Paulinum (London, 1953).

407

Josef Schmid, *Studien zur Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes; Die Aten Stämme* (Munich, 1955), pp. 173–251.

Kilpatrick G. D. «Some Notes on Marcan Usage», *Bible Translator*, vii (1956), pp. 2–9, 51–56, 146; idem, «Some Notes on Johannine Usage», там же, xi (1960), pp. 173–177; и «Διαλέγεσθαι and διαλογίζεσθαι in the New Testament» *Journal of Theological Studies*, n. s., xi (1960), pp. 338–340. Эти и др. статьи Килпатрика изданы в сборнике *The principles and Practice of New Testament Textual Criticism*, ed. by Elliott.

409

См. статью Килпатрика «Atticism and the Text of the Greek New Testament», *Neutestamentliche Aufsätze: Festschrift für Prof Josef Schmid*, Regensburg, 1963, pp. 127–137; сравни также его комментарии в *Göttingische gelehrte Anzeigen*, ccxv (1963), p. 14 ff.

410

Похожие принципы излагал и следовал им Дж. Эллиотт (Elliott); в частности см. его статью о «последовательном эклектизме» в *Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 321–335.

411

См. предисловие к изданной им «Фарсалии» Лукана: *Bellum civile libri decem, ed. A. E. Housman* (Oxonii, 1926), p. vi.

412

См., например, об антиаттицизме в книге: Wilhelm Schmid, *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern* (Stuttgart, 1887–1896); ср. с предостережением Радермахера против чрезмерного доверия статистическим данным при оценке литературного стиля автора в период, когда противоположные влияния пересекались: L. Radermacher, *Koine (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*, Phil. hist. Kl., ccxxiv, 5; Abhandlung, 1947), p. 61 f.

413

Обсуждение парадоксальной ситуации, при которой текстолог может «улучшить» оригинал, предлагает Цунц в своей статье о 1 Кор 6:5: «The Critic Correcting the Author», *Philologus*, xcix (1955), pp. 295–303.

См. James Henry Monk, *The life of Richard Bentley, D. D.*, 2nd ed., ii (London, 1833), pp. 309–323; Richard C. Jebb, *Bentley* (London, 1889), pp. 180–191.

415

Этот пример почти дословно заимствован из: James Gow, *Companion to School Classics*, 2nd ed. (London, 1889), pp.65 f.

416

Некоторые отрывки из Шекспира испорчены настолько, что спасти их не смогут никакие усилия палеографа или тестолога. Кроме счастливого озарения, ничто, пожалуй, не объяснит значения бессмысленного нагроможденных слов о первом издании «Короля Лира» in quatro, акт 3, сц. 4, с. 118 слл.: «swithald footed thrice the old a nellthu night more and her nine fold bid her, O light and her troth plight and arint thee, with arint thee». О текстологических проблемах в произведениях Шекспира см. Madeleine Doran, «An Evaluation of Evidence in Shakespearean Textual Criticism», *English Institute Annual 1941* (New York), 1942, pp. 95-114; Wilson E P. «Shakespeare and the 'New Bibliography'», *The Bibliographical Society*, *1892–1893*, *Studies in Retrospect* (London, 1945), pp. 133–134.

417

Точные библиогорафические описания этих работ см. у Эберхарда Нестле: Nestle, *Urtext und Übersetzungen der Bibel* (Leipzig, 1897), pp. 55–56 (репринт статьи «Bibeltext und Bibelübersetzungen», *Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*, 3te Aufl.) В XX в. голландский филолог Хартман утверждал, что при передаче классических текстов большая часть ошибок допускалась, благодаря отнюдь не механическим причинам, и, следовательно, ошибки необъяснимы в принципе; поэтому издатель имеет право пренебречь данными рукописи, если, по его мнению, этого требует содержание. См. статью 1.1. Hartman, «Ars critica, quid sibi habeat propositum et qua utatur ratione», *Mnemosyne*, n. s., xlviii (1920), pp. 227–238. Опровержение доводов Хартмана см. A. Damsté, «De arte critica», *Mnemosyne*, n. s., xlviii (1920), pp. 424–433. Некоторое обсуждение вопроса о разумном ограничении конъектурной правки см. в приложении ко второму изданию книги Паскуали (Pasquali) *Storia della tradizione e critica del testo* под названием «Congettura e probabilità diplomatica», pp. 481–486; Paul van den Ven, «Erreurs de méthode dans la correction conjecturale des textes byzantins», *Byzantion*, xxiv (1954), pp. 19–45, а также замечания в статье Людвига Билера: Ludwig Bieler, «The Grammarian's Craft», *Folia: Studies in the Christian Perpetuation of the Classics*, x (1956), pp. 3-42, в особенности p. 26 ff.

418

Вот места, в которых Весткотт и Хорт подозревали наличие «изначальной ошибки»: Мф 21:28 ff.; 28:7; Мк 4:28; Лк 11:35; Ин 4:1; 6:4; 8:9; Деян 4:25; 7:46; 12:25; 13:32, 43; 16:12; 19:40; 20:28; 25:13; Рим 1:32; 4:12; 5:6; 7:2; 13:3; 15:32; 1 Кор 12:2; 2 Кор 3:3, 17; 7:8; 12:7; Гал 5:1; Кол 2:2, 18, 23; 2 Фес 1:10; 1 Тим 4:3; 6:7; 2 Тим 1:13; Фил, ст. 9; Евр 4:2; 10:1; 11:4, 37; 12:11; 13:21; 1 Петр 1:7; 3:21; 2 Петр 3:10, 12; 1 Ин 5:10; Иуда, ст. 1, 5, 22 f.; Откр 1:20; 2:12, 13; 3:1, 7, 14; 9:10; 11:3; 13:10, 15, 16; 18:12; 19:13.

419

Paul W. Schmiedel, *Festgabe Adolf Kaegi von Schülern und Freunden dargebracht zum 30. September 1919* (Frauenfeld, 1919), p. 179.

420

Сведения о 27 издании Нестле-Аланда были предоставлены Яном Крансом (Krans), недавно защитившим в Амстердаме диссертацию о конъектурных исправлениях в тексте Нового Завета.

421

Из всех исправлений, предложенных для новозаветного текста, самое широкое одобрение получило предположение о том, что имя «Енох» выпало из текста 1 Петр 3:19, «… которым он (Христос или Енох?) и находящимся в темнице духам, сошед, проповедал». С 1772 года, когда Бойер включил это исправление во второе издание *Critical Conjectures*, и по сегодняшний день многие ученые, в том числе Джеймс Моффатт (Moffatt) и Эдгар Гудспид (Goodspeed), которые ввели его в свои переводы Нового Завета, одобряют этот шаг. (Об истории этой конъектуры и об ученых, принявших его, см. B. M. Metzger, *Journal of Religion*, xxxii (1952), p. 256 f.) Что можно сказать об этом исправлении? Нужно признать, что точное значение 1 Петр 3:19 в общепринятом тексте трудно установить. Предлагались различные интерпретации этого места. С точки зрения палеографии, предлагаемое исправление выглядит очень удачным (ἐν ᾧ καί и Ἐνωχ в унциальной рукописи удивительно похожи: ΕΝΩΚΑΙ и ΕΝΩΧ). Тем не менее, поскольку введение еще одного подлежащего в стихе 19 нарушает стройность контекста и целостность аргументации, оно не может быть принято — так как исправление, которое влечет за собой новые трудности, должно быть по определению отвергнуто.

422

John Strugnell, «A Plea for Conjectural Emendation in the New Testament», *Catholic Biblical Quarterly*, xxxv (1974), pp. 543–558, книга получила резкое опровержение со стороны Килпатрика: «Conjectural Emendation in the New Testament», *New Testament Textual Criticism, Its Significance for Exegesis*, ed. by E. J. Epp and G. D. Fee (Oxford, 1981), pp. 349–360. См. также трезвый анализ Дэвида Алана Блэка (Black) «Conjectural Emendations in the Gospel of Mathew», *New Testamentum*, xxxi (1989), pp. 1-15.

423

См. Erroll F. Rhodes, «Conjectural Emendations in Modern Translations», *New Testament Textual Criticism,* ed. by Epp and Fee, pp. 361–380. См. также P. W. Comfort, *Early Manuscripts and Modem Translations of the New Testament* (Wheaton, IL, 1990).

424

См. B. D. Ehrman, «Methodological Developments in the Analysis and Classification of New Testament Documentary Evidence», *Novum Testamentum*, xxix (1987), pp. 22–45.

425

Edward Ardron Hutton, *An Atlas of Textual Criticism, Being an Attempt to Show the Mutual Relationship of the Authorities for the Text of the New Testament up to About 1000 A. D.* (Cambridge, 1911).

426

E. C. Colwell, «Method in Locating a Newly-Discovered Manuscript within the Manuscript Tradition of the Greek New Testament», *Studia Euangelica…*, ed. by Kurt Aland et al. *(Texte und Untersuchungen*, lxxiii; Berlin, 1959), p. 759, перепечатано в его *Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament* (Grand Rapids, MI, 1969), pp. 26–34.

427

См. пересмотренные и обновленные варианты работ Колуэлла в его *Studies in Methodology in Textual Criticism*, особенно «Method in Locating a Newly-Discovered Manuscript», pp. 26–44, и «Method in Establishing Quantitative Relationship Between Text-Types of New Testament Manuscripts» (в соавт. с Эрнестом Тьюном (Tune), pp. 56–62.

Метод также был использован для того, чтобы продемонстрировать связи Синайского кодекса с Западным текстом в первых главах Ин (Gordon Fee, «Codex Sinaiticus in the Gospel of John: A Contribution to Methodology in Establishing Textual Relationships», *New Testament Studies* xv [1968–1969], pp.23–44); проследить возникновение и развитие александрийского типа текста (idem, «Origen's Text of the New Testament and the Text of Egypt», *New Testament Studies* 28 [1982], pp. 284–264; idem «p^{75}, p^{66}, and Origen: The Myth of Textual Recension in Alexandria», *New Dimensions in New Testament Studies*, ed. by Richard N. Longenecker and Merrill C. Tenney [Grand Rapids, MI, 1974]; Bart D. Ehrman, *Didymus the Blind, and the Text of the Gospels* [Athlanta, 1986]); опровергнуть предположения о «докесарийском типе текста Евангелий» (Larry Hurtado, *Text-Critical Methodology and the pre-Caesarian Text: Codex W in the Gospel of Mark* [Grand Rapids, MI, 1981]); определить текстуальные связи для сохранившихся свидетелей текста посланий Иоанна (W. L. Richards, *The Classification of the Greek Witnesses of the Johannine Epistles* [Missoula, MT, 1977]); и установить текстуальные связи для ряда патристических источников, см. p. 239, п. 71.

429

См. далее Klaus Wachtel, «Colwell Revisited: Grouping New Testament Manuscripts», в New Testament in Early Christianity: Proceedings of the Lille *Colloquium, July 2000*, ed. by Christian-B. Amphoux and J. Keith Elliott (Lausanne, 2003), pp. 31–43.

Другой важный метод классификации рукописей был разработан Гердом Минком (Gerd Mink) и назван «локальным генеалогическим методом». Метод устанавливает генеалогические связи между чтениями той или иной рукописи, определяя, какая форма текста является первоисточником ее вариаций (если таковые имеются). Когда эта работа проделана для всех вариантных чтений книги, результаты заносятся в таблицу, по которой можно определить, какие тексты (обнаруженные в одних рукописях) вероятно оказываются производными от других (находящихся в других рукописях), и, таким образом, основываясь на данных текстов, можно составить генеалогическое древо рукописей. См. G. Mink, «Eine Umfassende Genealogie der neurestamentlichen Überlieferung», *New Testament Studies*, xxxix (1993), pp. 481–499. Практическое применение метода см. Matthew Spencer, Klaus Wachtel, Christopher J. Howe, «The Greek Vorlage of the Syra Harclensis: A Comparative Study on Method in Exploring Textual Genealogy», *TC: A Journal of Biblical Textual Criticism* [http://purl.org/TC] vii (2002), pars. 13–24.

431

Принципы, на которых основан Клермонтский метод профиля, и результаты его применения были впервые изложены в статье: Eldon Jay Epp, «The Claremont Profile-Method for Grouping New Testament Minuscle Manuscripts», в *Studies in the History*, ed. by Boyd L. Daniels and M. Jack Suggs (*Studies and Documents* 29; Salt Lake City, UT, 1967), pp. 27–37; исчерпывающий отчет об истории метода и используемых процедурах, а также обсуждение применения по отношению к рукописям Лк можно найти в: Frederick Wisse, *The Profile Method for the Classification and Evaluation of Manuscript Evidence as Applied to the Continuous Text of the Gospel of Luke* (*Studies and Documents* 44; Grand Rapids, MI, 1982); о дальнейшем применении этого метода см. David C. Parker, «A Comparison Between the *Text und Textwert* and the Claremont Profile Method Analyses of Manuscripts in the Gospel of Luke», *New Testament Studies*, li (2000), pp.108–138.

432

Список рукописей, отнесенных к соответствующим категориям см. Kurt Aland and Barbara Aland, *The Text of the New Testament: An Introduction to the Critical Editions and to the Theory and Practice of Modem Textual Criticism*, trans. by Erroll F. Rhodes (Grand Rapids, MI, 1987), pp. 83-160.

433

Пример применения метода классификации Аланда в сочетании с квантитативным методом, когда рукопись сначала отбиралась по «проверочным отрывкам» затем производилась оценка полных колляций по отношению к ряду свидетелей, см. Wachtel and Howe, op. cit., pars. 4-12.

434

См. Bart D. Ehrman, «The Use of Group Profiles for the Classification of New Testament Documentary Evidence», *Journal of Biblical Literature*, cvi (1987), pp. 465–486; idem, *Didymus the Blind*, pp. 223–253.

435

См. Ehrman, *Didymus the Blind;* Darrel D. Hannah, *The Text of 1 Corinthians in the Writings of Origen* (Atlanta, 1997). Roderic L. Mullen, *The New Testament Text of Cyril of Jerusalem* (Atlanta, 1997). Последующие тома в серии посвящены Афанасию [Великому] (John Brogan), Василию Великому (Jean-François Rasine), Епифанию (Carroll Osburn).

436

См. напр., прототип *edition critica maior* мюнстерского Института текстологических исследований Нового Завета (http://nestlealand.uni-muenster.de).

437

См. вступительное слово Бонифация Фишера «Computer und der Text des Neuen Testamentes», *Studia Euangelica*, vi (Berlin, 1973), p. 109: «Сегодня, говоря о применении компьютера, исследователь Нового Завета может больше не опасаться того, что его не будут воспринимать всерьез».

438

Работа Эллисона, «The Use of Electronic Computers in the Study of the Greek NT Text», (Diss., Boston, 1957), завершенная в 1957 г., была начата уже в 1950-м. Исследования в данной области от Эллисона до 1995 года см. Robert A. Kraft, «The Use of Computers in New Testament Textual Criticism», in *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 268–282.

439

См., например, Wilhelm Ott, «Transcription and the Correction of Text on Paper Tape: Experiences in Preparing the Latin Bible Text for the Computer», *LASLA Revue*, ii (1970), pp.51–56; idem, «Computer Applications in Textual Criticism», in *The Computer and Literary Studies*, ed. by J. Aitken, et al. (Edinburgh, 1973), pp. 199–223; Bonifatius Fischer, «The Use of Computers in NT Studies, with Special Reference to Textual Criticism», *Journal of Theological Studies*, n. s., xxi (1970), pp. 297–308; idem, «Computer und der Text», *Studia Euangelica*. См. также Vinton A. Dearing, «Determining Variations (in the Greek NT Text) by Computer», *Society of Biblical Literature Seminar Papers*, ii (1974), pp. 14–35; idem, *Principles and Practise of Textual Analysis* (Berkeley, 1974).

440

Kraft, op. cit.

441

См. David C. Parker, «The Text of the New Testament and Computers: The International Greek New Testament Project», *Literary and Linguistic Computing*, xv (2000), pp. 27–41; Klaus Wachtel, «Editing the Greek New Testament on the Threshold of the Twenty-first Century», *Literary and Linguistic Computing*, xv (2000), pp. 43–50.

442

Для доступа к ресурсам в Интернет см. обновленные ссылки на странице NT Gateway, созданной и поддерживаемой Марком Гудакром (Goodacre) в Университете Бирмингема (www.ntgateway.com/resource/textcrit.htm).

443

См.

444

Более современные методы использования компьютеров с применением сложных статистических моделей для классификации рукописей см.: J. C. Thorpe, «Multivariate Statistical Analysis for Manuscript Classification», *T-C: A Journal of Biblical Textual Criticism* (http://purl.org.tc) vii (2002); Spencer, Wachtel and Howe, op. cit., pars. 25–38.

445

D. C. Parker, «Through a Screen Darkly: Digital Texts and the New Testament», *Journal for the Study of the New Testament*, xxv (2003), p. 409.

Изданы в серии *Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung* (Berlin, 1987–1999).

447

Также изданы в серии *Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung* (Berlin, 1986–1994).

448

См. прим. 339.

449

The New Testament in Greek IV: The Gospel According to St. John, vol. i, *The Papyri,* ed. by W. J. Elliott and D. C. Parker (*New testament Tools and Studies,* xx; Leiden, 1995).

The New Testament in Greek IV, volume ii, *The Majuscules* (Leiden, 2007).

451

Это издание не содержит транскрипции самых длинных рукописей — p^{66} и p^{75}, так как оно уже доступно в публикации коллекции Бодмера; см. Также и том с маюскулами представляет транскрипцию только 36 фрагментов источников, хотя разночтения 28 полных маюскульных рукописей включены в критический аппарат.

Для всех папирусов, вновь за исключением p^{66} и p^{75}, даются полные фотовоспроизведения; из других включены отдельные характерные листы; в томе с маюскулами даны полные фотокопии рукописей, сохранившихся фрагментарно и образцы страниц для полных рукописей.

См.

Обсуждение этого вопроса исследователем, стоящим на другой, значительно более старой, точке зрения, см.: John W. Burgon, *The Causes of the Corruption of the Traditional Text of the Holy Gospels*, ed. by Edward Miller (London, 1896). Интересный анализ того, как возникали ошибки на каждом из нескольких этапов процесса переписывания см. Eugene Vinaver, «Principles of Textual Emendation», *Studies in French Language and Medieval Literature presented to Prof Mildred K. Pope* (Manchester, 1939), pp. 351–369; См. так же J. Andrieu, «Pour l'explication psychologique des fautes de copiste» *Revue des études latines*, xxviii (1950), pp. 279–292. Другие исследования о особенностях практики и характерных ошибках переписчиков: Klaus Junack, «Abschreibpraktiken und Schreibergewohnheiten in ihrer Auswirkung auf die Textüberlieferung», in *New Testament Textual Criticism: Its Significance for Exegesis. Essays in Honour of Bruce M. Metzger*, ed. by Eldon J. Epp and Gordon D. Fee (Oxford, 1981), pp. 277–295; James Royse, «Scribal Tendencies in the Translation of the Text of the New Testament», in *The New Testament in Contempopary Research: Essays on the* Status Quaestionis, ed. by Bart D. Ehrman and Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 239–252; R. M. Head and M. Warren, «Re-inking the Pen: Evidence from P. Oxy 657 (P^{13}) Concerning Unintentional Scribal Errors», *New Testament Studies*, xliii (1997), pp. 466–473.

455

Согласно Эдварду Розену (Rosen), очки были изобретены в Италии в первой половине XIV века, см. его статью «The Invention of Eyeglasses», *Journal of History of Medicine and Allied Sciences*, vol. 11 (1956), pp. 13–46 and 183–218.

456

Alfred Wikenhauser, *Einleitungin das Neue Testament* (Freiburg, 1953), pp. 49–50; Англ. пер.: *New Testament Inroduction* (New York, 1958), p. 67; также A. Wikenhauser, Josef Schmid, *Einleitung in das Neue Testament*, sechste, völlig bearbeitete Aufl. (Freiburg im Breisgau, 1973), p. 69.

457

См. F. Nau in *Revue de l'Orient chrétien*, xvi (1911), pp. 428–429.

458

Перечень ошибок переписчика, составленный Генри Сандерсом (Sanders) и Карлом Шмидтом (Schmidt) см.: *The Minor Prophets in the Freer Collection and the Berlin Fragment of Genesis* (New York, 1927), pp. 244–246. Примеры вариантных чтений в Кодексе Безы, которые могли возникнуть еще в предшествующем курсивном тексте, см. списки Пауля Глауэ (Glaue) в *Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft*, xlv (1954), p. 92–94. Возможно, что p^{75} имел курсивного предшественника, в котором имя богатого человека в Лк 16:19 было написано как (ὀνόματι) Νευης, что, возможно является гаплографией (ὀνόματι) Νινευης. Сходство между слогом τι и буквой ν в маюскульном написании отсутствует, но в некоторых формах курсивного письма I века н. э. написание τι было очень прочесть как ν; примеры см. E. M. Thompson, *Handbook of Greek and Latin Palaeography* (New York, 1893), фототаблица после с. 148; L. Gonanza da Fonesca, *Epitome introductionis in palaeographiam graecam (biblicam),* ed altera (Rome, 1944), pp. 85, 94 f.

459

О возможности перемещения взгляда переписчика на другую колонку текста оригинала говорят примеры, приведенные Джеймсом Ренделом Харрисом (Harris) в *American Journal of Philology*, vi (1885), pp. 25–40.

460

Начиная со II в. до н. э. буквы греческого алфавита использовались для обозначения чисел. В дополнение к 24 буквам алфавита применялись и вышедшие из употребления знаки: дигамма (ϝ) или стигма (ς) для обозначения числа 6, коппа (ϙ или ϛ) для обозначения 90, и сампи (ϡ) для обозначения 900. Первые девять букв алфавита обозначали единицы, вторые девять — десятки, третьи девять букв — сотни; ά = 1, β́ = 2, γ́ = 3, δ́ =4, έ =5, ϝ́ или ς́ = 6, ζ́ =7, ή = 8, θ́ = 9, ί =10 (ιά = 11, ιβ́ =12 и т. д), κ́ = 20, λ́ =30, µ́ = 40, ν́ = 50, ξ́ 60, ό =70, π́ = 80, ϙ́ или ϛ́ = 90, ρ́ = 100, σ́ = 200, τ́ = 300, ύ = 400, φ́ = 500, χ́ = 600, ψ́ = 700, ώ = 800, ϡ́ = 900, ͵α = 1000, ͵β = 2000, ͵γ = 3000, и т. д.

461

* Так же в церковнославянском печатном тексте и в русском Синодальном переводе.

Другие примеры со ссылками на соответствующие рукописи Нового Завета см. Blass, Debrunner, Funk. *A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature* (Chicago, 1961), § 14.

463

Другие примеры влияния лекционариев можно найти в монографии: B. M. Metzger, *The Saturday and Sunday Lessons from Luke in the Greek Gospel Lectionary* (Chicago, 1944), pp. 14–17.

Список из более 600 подобных примеров см. Reuben J. Swanson, «Unique and even Bizarre Readings in Manuscripts of 1 Corinthians», *New Testament Greek Manuscripts… 1 Comthians* (Wheaton, IL, 2003), pp. 459–487. Суонсон также предлагает перечень «Passages Marked with Umlaut [¨] in Vaticanus», pp. 293–304. См. также J. Edgar Miller, «Some Observationson the Text-Critical Function of the Umlauts in Vaticanus, with Special Attention to Corinthians 14:34–35», *Journal for the Study of the New Testament*, xxvi (2003). Миллер делает из своих заключений вывод, что: Переписчик ватиканского кодекса последовательно ставит «умлауты» против строки, содержащей неясное чтение, а не против предшествующей. Это исключает 1 Кор 14:34–35 как вариант, на который указывает умлаут на полях, так как он отмечает строчку, содержащую последние слова 1 Кор 14:33, а не следующую, начинающуюся с 1 Кор 14:34.

465

Описание других рукописей, в которых в генеалогии Иисуса в Евангелии от Луки Иисуса допущены большие или меньшие ошибки, см. Jacob Geerlings, *Family Π in Luke (Studies and Documents*, xxii (Salt Lake City, 1962), pp. 127–137.

По данному вопросу см. Eric L. Titus, «The Motivations of Changes made in the New Testament Text by Justin Martyr and Clement of Alexandria: a Study in the Origin of New Testament Variation» (Diss., University of Chicago, 1942); C. S. C. Williams, *Alterations to the Text of Synoptic Gospels and Acts* (Oxford, 1951); Leon E. Wright, *Alterations of the Words of Jesus as Quoted in the Literature of the Second Century* (Cambridge, MA, 1952); E. W. Saunders, «Studies in Doctrinal Influence on the Byzantine Text of the Gospels», *Journal of Biblical Literature*, lxxi (1952), pp. 85–92; K. W. Clark, «Textual Criticism and Doctrine», *Studia Paulina in honorem Joahnnis de Zwaan* (Haarlem, 1953), pp. 52–65; Eric Fascher, *Textgeschichte als hermeneutisches Problem* (Halle/S., 1953); Manfred Kametzki, «Textgeschichte als Überlieferungsgeschichte» *Zeitschrift für die neutestamentlische Wissenschaft*, xlvii, 1956, pp. 170–180; Eldon Jay Epp, *The Theological Tendency of Codex Bezae Cantabrigiensis in Acts* (Cambridge, 1966); Alexander Globe, «Some Doctrinal Variants in Matthew 1 and Luke 2 and the Authority of the Neutral Text», *Catholic Biblical Quarterly*, xlii (1980), pp. 52–72; Peter M. Head, «Christology and Textual Transmission: Reverential Alterations in the Synoptic Gospels», *Novum Testamentum*, xxxv (1993), pp. 105–129; Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture: The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament* (Oxford, 1993); idem, «The Text as Window: New Testament Manuscripts and the Social History of Early Christianity», в *The Text of the New Testament in Contemporary Research*, ed. by Ehrman and Holmes, pp. 361–379.

467

Иероним выражает недовольство теми переписчиками, которые «пишут не то, что видят, а то, что они думают, и тогда, когда они пытаются исправить ошибки других, они только демонстрируют свои собственные» (scribunt non quod inveniut, sed quod intellegunt; et dum alienos errores emendare nituntur, ostendunt suos), Epist. 71.5, *Ad Lucinum* (J. P. Migne, *Patrología Latina*, 22.671; *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*, 55, pp. 5 f.). Другие патристические указания на некомпетентность некоторых переписчиков, см. выше.

468

Возможно, переписчик XIII в.; см. вкладку в кн.: Bruce M. Metzger, *Manuscripts of the Greek Bible: An Introduction to the Greek Palaeography* (New York, 1981), pp. 74–75.

469

Josef Schmid, *Studien zur Geschichte des griechischen Apokalypse-Textes:*, i, *Der Apokalypse-Kommentar des Andreas von Kaisareia* (Munich, 1955), p. 262, 11. 3-12.

470

Wilhelm Michaelis, «Der Attizismus und das Neue Testament», *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xxii (1923), pp. 91-121, и G. D. Kilpatrick, «Atticism and the Text of the Greek New Testament», перепечатано в *The Principles and Practice of New Testament Textual Criticism: Collected Essays of G. D. Kilpatrick*, ed. by J. K. Elliott (Leuven, 1990), pp. 15–32.

471

Созомен. *Церк. история* i, 11. Евсевий пишет о том, что Татиан решился пересказать некоторые слова ап. Павла, «как бы улучшая его стиль» (ὡς ἐπιδιορθούμενον αὐτῶν τῆς φράσεως σύνταξίν), *Церк. история* 4.39.6.

472

Комментарий на Ин 2:19 (p. 13) См. Bart D. Ehrman, Gordon D. Fee and Michael W. Holmes, *The Text of the Fourth Gospel in the Writings of Origen* (Atlanta, 1992), p. 72. n. 22.

473

* Так же в церковнославянском печатном тексте и в русском Синодальном переводе.

474

См. Ehrman, *Orthodox Corruption of Scripture*.

475

См. August Bludau, *Die Schriftfälschungen der Häretiker; ein Beitrag zur Textkritik der Bibel* (Münster, 1925). Подобные изменения приводили к тому, что автографы книг Нового Завета просуществовали недолго, иначе внимание было бы привлечено непосредственно к ним. Быстрой утрате этих рукописей способствовали и гонения, когда потери, вызванные императорскими эдиктами, нацеленными на уничтожение христианских священных книг, были особенно велики. Нельзя забывать и о недолговечности папируса, который использовался, по крайней мере, для записи коротких новозаветных посланий (см. указание на χάρτης в 2 Ин:12). Нетрудно представить, как выглядела с течением времени рукопись, которую многократно читали, передавали из рук в руки и, возможно, из одной церкви в другую (см. Кол 4.16), повреждали пальцы ревностных, хотя и благочестивых читателей, и разрушали перемены климата. (Об указании Петра Александрийского на оригинальный список Евангелия от Иоанна, сохраненный в Эфесе [Migne, *Patrologia Graeca*, 28. 517], см. Juan Leal, «El autógrafo de IV Evangelio …» *Estudios eclesisticos*, xxxiv [1960], pp. 895–905).

476

Порфирия цитирует Иероним: *Dialogus contra Pelagianos*, 2.17 (Migne, *Patrologia Latina* xxiii, pp. 578 f.).

477

Другие вариации, связанные с социальными конфликтами в раннем христианстве, в том числе подавлением женщин, враждебным отношением к евреям и защитой веры, см. также.

478

Обсуждение данного чтения см. J. Rendel Harris, «The First Tatian Reading in the Greek New Testament», *Expositor,* 8th ser., xxiii (1922), pp. 120–129.

479

Латинский текст «в третий час дня… Он предстал» построен грамматически неверно. Перевод передает общий смысл.

480

См. Bruce M. Metzger, «Names for the Nameless in the New Testament: A Study in the Growth in Christian Tradition», *Kyriakon: Festschrift Johannes Quasten*, ed. by Patrick Granfield and Josepf A. Jungmann (Münster, 1970), pp. 79–99.

481

См. Rendel Harris, «On Certain Obscure Names in the New Testament», *Expositor*, 6th ser., i (1900), pp. 304–308.

482

См. прим. 114.

483

Другие примеры добросовестности переписчиков см.: B. Blumenkranz, «Fidélité du scribe», *Revue du Moyen Âge*, viii (1952), pp. 323–326; H. J. Vogels, «‘Librarii dormitantes’: Aus der Überlieferug des Ambrosiaster-Kommentars zu den Paulinischen Briefen», *Sacris Erudiri: Jaarboek voor Godsdienstwetenschappen*, viii (1956), pp. 5-13.

Возможно, например, что Евангелие от Иоанна имело несколько редакций, одна из ранних вполне могла заканчиваться стихом 20:31, а глава 21 была добавлена в более позднее время. См. вступление к книге: Raymond Brown, *The Gospel According to John* (Garden City, NY, 1966). Более того, исследователи от Бласса (Blass), писавшего в конце XIX столетия, до Буамара (Boismard) и Ламуя (Lamouille), работавших в конце XX века, придерживались мнения о том, что книга Деяний имела две редакции, одна из которых представлена в александрийской традиции, а другая — в более пространной западной (она 8,5 % длиннее). См. M.-E. Boismard, A. Lamouille, *Le texte occidental des Actes des Apotres; reconstruction et rehabilitation:* vol. i, *Introduction et texts*; ii, *Apparat critique* (Paris, 1984).

485

См. William O. Walker, *Interpolations in the Pauline Letters* (London, 2001).

Дальнейшие размышление об этих вопросах в приложении к тексту Евангелий, см.: William Petersen, «The Genesis of the Gospels», in *The New Testament Textual Criticism and Exegesis. Festschrift J. Delobel*, ed. by A. Denaux (Leuven, 2002), pp. 33–65. Более полное изложение проблемы см. David C. Parker, *The living Text of the Gospels* (Cambridge, 1997).

487

См. Eldon Jay Epp, «The Multivalence of the Term ʽOriginal Text' in New Testament Textual Criticism», *Harvard Theologial Review,* xcii (1999), pp. 245–281.

В случае с посланиями Павла перед нами встают еще большие затруднения: если все сохранившиеся рукописи происходят не непосредственно от оригиналов, или автографов Павла, а от коллекции Павловых посланий, созданной ближе к концу I в. (к такому мнению пришли многие исследователи), то в этом случае будет невозможно прорваться к оригиналу сквозь текст, оформившийся около 40 лет спустя. См. в особенности, Günter Zuntz, *The Text of Epistles: A Diquisition upon the* Corpus Paulinum (London, 1953).

489

См. Harry Y. Gamble, *Books and Readers in the Early Church* (New Heaven, 1995), pp. 42–53.

490

Обзор современной историографии см.: Joël Delobel, «Focus on the ‘Western’ Text in Recent Studies», *Ephemerides Theologicae Lovanenses*, lxxii (1997), pp. 401–410.

491

См., например, Bart D. Ehrman, «Heracleon and the ‘Western’ Textual Tradition», в *New Testament Studies*, xl (1994), pp. 465-86. Патристические отсылки к западному тексту показывают, что Аланд ошибался, утверждая, что он возник в течение второй половины III в., когда церковь была свободна от преследований (с 260 по 303 гг.); мнение Аланда было основано на его анализе папирусов и других рукописных свидетельств. См. его «Alter und Entstehung des D-Textes im Neuen Testament: Betrachtungen zu p^{69} und 0171», *Miscelània papimlògica Ramon Roca-Puig*, ed. by Sebastià Janeras (Barcelona, 1987), pp. 37–61, особенно с. 43.

Соборные послания и Книга Откровения, как представляется, не существовали в характерно западной форме текста.

493

Присутствие западного текста в Египте доказывают несколько папирусов (напр., p^{29}, p^{38} и p^{48}). Общее мнение о том, что привычным для Климента Александрийского был именно западный текст (основанное на исследовании P. M. Barnard, *The Biblical Text of Clement of Alexandria* [*Texts and Studies*, v. 5; Cambridge, 1899]) должно быть пересмотрено в свете дальнейших исследований (R. J. Swanson «The Gospel Text of Clement of Alexandria» [Diss., Неопубл. дисс. New Haven, 1956]). Суонсон обнаружил, что в «Строматах» Климент цитирует Матфея и Иоанна вдвое чаще по египетскому (александрийскому) тексту, чем по западному. См. далее Michael Mees, *Die Zitate aus dem Neuen Testament bei Clemens von Alexandrien* (Rome, 1970).

494

См. Rudolf Pfeiffer, *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age* (Oxford, 1968), pp. 87-104, 171–209.

495

Включая трудноопределимый кесарийский текст. См.

496

См.

497

См. Jean-Fransois Racine, *The Text of Matthew in the Writings of Basil of Caesarea* (Athlanta, 2004).

498

См. Klaus Wachei, *Der Byzantinischen Text der katholischen Briefe: eine Untersuchung der Koine des Neuen Testaments* (Berlin, 1995). Более раннее, краткое и характерно настойчивое утверждение, см.: E. C. Colwell, «Method in Establishing the Nature of text-Types of New Testament Manuscripts», в *Studies in Methodology in Textual Criticism the New Testament (New Testament Tools and Studies;* Grand Rapids, MI, 1969), pp. 45–55.

499

Вот почему новооткрытые папирусы будут иногда давать чтения, ранее уже известные по византийским свидетелям: византийский текст воспринял более ранние чтения, и в некоторых местах только благодаря этому они и оказались нам доступны. (См. H. Sturz, *The Byzantine Text-type and the New Testament* [Nashville, 1994] и особенно Zuntz, op. cit., pp. 55). Однако это не означает того, что византийский текст возник одновременно с этими чтениями, поскольку тип текста представляет собой большую подборку чтений и их комбинаций, словами Колуэлла — «полный комплекс чтений, составляющий общую картину» (op. cit., p. 52).

500

Этот раздел в основном представляет собой изложение следующих работ Bart D. Ehrman, «The Text as Window: Manuscripts and the Social History of Early Christianity», *The New Testament in Contemporary Research: Essays on* Status Quaestionis, ed. by Bart D. Ehrman, Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 361–379’ idem, «The Text of the Gospels at the End of the Second Century», *Codex Bezae: Studies from the Lunel Colloquium, June 1994*, ed. by Christian-Bernard Amphoux and David C. Parker (Leiden, 1996), pp. 95-122.

501

B. F. Westcott and F. J. A. Hort, *The New Testament in the Original Greek*, ii (London, 1881; 2nd ed., 1896; repr. Peabody, MA, 1988), p. 3.

502

См., например, Bart D. Ehrman, «Heracleon, Origen and the Text of the Fourth Gospel», *Vigiliae Christianae*, xlvii (1993), pp. 105–118. Обсуждение методологической стороны вопроса см. в его же «The Text of Mark in the Hands of Orthodox», in *Biblical Hermeneutics in Historical Perspective*, ed. by Mark Burrows and Paul Rorem (Philadelphia, 1991), pp. 19–31.

503

См. Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of the Scripture: Effect of the Christological Controversies on the Text of the New Testament* (New York, 1993), pp. 28, 44, n.l 12. Ранее этот феномен отметили в своих работах Фредерик К. Конибир (E. C. Conybeare), Адольф фон Гарнак, Дж. Рендел Харрис, Кирсопп Лейк, Дональд Риддл (Ridelle), Ч. С. К. Уильямс (Williams), Эрик Фашер (Fascher); см. ibid., p. 42, п. 94. Элдону Эппу (Epp) принадлежит работа, открывшая новую страницу в изучении проблемы: E. J. Epp *The Theological Tendency of Codex Bezae Cantabrigensis in Acts* (Cambridge, 1966). См. также книгу Дэвида Паркера (Parker) *The Living Text of the Gospels* (Cambridge, 1997).

504

Walter Bauer. *Rechtgläubigen und Ketzerei im ältesten Christentum. Beträge zur historischen Theologie, 10* (Tübingen, 1934). Английский перевод со 2-го немецкого издания (под редакцией Георга Штрекера [G. Strecker], вышедшее в 1964 г.): *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity,* ed. by Robert Kraft and Gerhard Krodel; Philadelphia, 1971.

505

См. например, Arland J. Hultgren, *The Rise of the Normative Christianity* (Minneapolis, 1994).

506

О том, как была принята книга Бауэра см. подробный очерк Штекера: «Die Aufnahme des Buches», 2te Aufl., pp. 288–306, и его англ. пер., расширенный и исправленный Робертом Крафтом: «The Reception of the Book», Appendix 2, pp. 286–316. Дискуссия была продолжена Дэниэлом Харрингтоном (Harrington) в статье «The Reception of Walter Bauer's *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity* During the Last Decade», *Harvard Theological Review*, lxxiii (1980), pp. 289–298. Дополнительную библиографию см. Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture*, p. 33, n. 16.

507

Westcott and Hort, op. cit., p. 282. Хорт называет Маркиона единственным исключением из этого правила, и даже говорит, что не связанные с Маркионом случаи изменения текста, на вид доктринально мотивированные, на самом деле явились следствием небрежности писца, не имевшего злого умысла.

508

A. Bludau, *Die Schriftfälschungen der Häretiker: ein Beitrag zur Textkritik der Bibel* (Münster, 1925).

509

Оценку данной точки зрения см. Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture*, p. 43, n. 100.

510

См., например, Kirsopp Lake, *The Influence of Textual Criticism on the Exegesis of the New Testament* (Oxford, 1904); Rendel J. Harris, «New Points of View in Textual Criticism», *Expositor*, 8th ser, vii (1914), pp. 316–334; idem, «Was the Diatesseron Anti-Judaic?» *Harvard Theological Review*, xviii (1925), pp. 103–109. Adolf von Harnack, «Zur Textkritik und Christologie der Schriften Johannes», in *Studien zur Geschichte des Neuen Testaments und der alten Kirche*, vol. I, *Zur neutestamentlichen Textkritik* (Berlin, 1931), pp. 115–127; idem, «Zwei alte dogmatische Korrekturen im Hebräerbrief», в *Studien zur Geschichte des Neuen Testaments*, i, pp. 235–252; Donald Wayne Riddle, «Textual Criticism as a Historical Discipline», *Anglican Theological Review*, xviii (1936), pp. 220–233; Walter Bauer, *Das Leben Jesu im Zeitalter der neutestamentlichen Apokryphen* (*Tübingen*, 1907; repr. Darmstadt, 1967).

511

Eldon Jay Epp. *The Theological Tendency of Codex Bezae Cantabrigienses in Acts* (Cambridge, 1966). О предшественниках Эппа см. в его книге с. 12–26.

512

Предположение, которое выдвигалось ранее, см., напр. P. H. Menoud, «The Western Text and the Theology of Acts», *Studiorum Nom Testamenti Societas*, II (1951), pp. 27–28.

513

Этот вывод сам Эпп не формулирует, см. ниже.

514

Alexander Globe, «Some Doctrinal Variants in Matthew 1 and Luke 2 and the Authority of the Neutral Text», *Catholic Biblical Quarterly,* xlii (1980), pp. 52–72; Bart D. Ehrman and Mark A. Plunkett, «The Angel and the Agony: The Textual Problem of Luke 22:43–44», *Catholic Biblical Quarterly*, xlv (1983), pp. 401–416; Mikeal Parsons, «A Christological Tendency in p^{75}», *Journal of Biblical Literature*, cv (1986), pp. 463–479; Peter M. Head, «Christology and Textual Transmission: Reverential Alterations in the Synoptic Gospels», *Novum Testamentum*, xxxv (1993), p. 105–129; Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture.*

515

Интерпретация значимых отрывков иногда затруднена необходимостью предварительно решить ту или иную текстологическую проблему. В одних только Евангелиях можно сослаться на пролог Евангелия от Иоанна (1:18), рассказ о Рождестве у Матфея и Луки (напр., Мф 1:16, 18; Лк 1:35), описание Крещения (напр., Мк 1:10; Лк 3:22; Ин 1:34), различающиеся варианты Страстей (напр., Мк 15:34; Лк 22:43–44; Ин 19:36). Более того, вариации имеют важное значение для целого ряда сюжетов, по-прежнему волнующего умы историков и толкователей Нового Завета, в частности, для решения вопроса о том, могли ли тексты евангелий использоваться в поддержку адопционистской христологии (напр., Мк 1:1; Лк 3:22; Ин 1:34) и антидокетической (напр., западные не-интерполяции), было ли у Луки учение об искуплении (напр., Лк 22:19–20) ли члены Иоанновой общины разделяли гностическую христологию (напр., 1 Ин 4:3) и называл ли кто-либо из новозаветных авторов Христа Богом (см. Евр 1:8). См. Ehrman, *Orthodox Corruption of Scripture*, pp. 276–277.

516

Дальнейшее обсуждение данных вариаций и их неровного распределения среди дошедших свидетелей текста см. Ehrman, *Orthodox Corruption of Scripture*, pp. 54–59.

517

Дальнейшее изложение дискуссии см. Ehrman, *Orthodox Corruption of Scripture*, pp. 62–67.

См. ibid., pp. 78–82.

519

См. Ehrman, *Orthodox Corruption of Scripture*, pp. 187–194.

Обсуждение данного вопроса и библиографию см.: John Gager, *The Origins of Anti-Semitism: Attitudes Toward Judaism in Pagan and Christian Antiquity* (New York, 1983), pp. 11–34; или более кратко, его же «Judaism as Seen by Outsiders», *Early Judaism and Its Modern Interpreters*, ed. by Robert Kraft and George W. E. Nickelsburg (Atlanta, 1986), pp. 99-116. Основополагающие исследования данного сюжета — Jules Isaac, *Jesus and Israel* (New York, 1971; франц. оригинал 1948); Rosemary Ruether, *Faith and Fracticide: The Theological Roots of Anti-Semitism* (New York, 1974). Среди более новых работ — Miriam Taylor, *Anti-Judaism and Early Christian Identity: A Critique of the Scholary Consesus* (Leiden, 1995).

521

Vogels, *Handbuch der Textkritik des Neuen Testments*, 2nd ed. (Bonn, 1955; Ist ed. 1923), p. 178; Harris, «Was the Diatesseron Anti-Judaic?» *Harvard Theological Review*, xviii (1925), pp. 103–109.

522

Дискуссию и библиографию см.: Joseph A. Fitzmyer, *The Gospel According to Luke (X–XXIV)* (Garden City, NY, 1985), pp. 1503–1504.

523

О его предшественниках см. *The Theological Tendecy of Codex Bezae*, pp.21–26; в частности, можно указать на исследование P. H. Menoud, «The Western Text and the Theology of Acts». См. выше, прим. 512.

524

О положительном иудейском влиянии на рукописную новозаветную традицию (оно выражается, например, в стремлении захоранивать тексты, а не уничтожать их) см.: Colin H. Roberts, *Manuscript, Society and Belief in Early Christian Egypt (Schweich Lectures, 1977; London, 1979*).

525

См., например, полемические рассуждения Мэри Дэли: Mary Daly, *Beyond God the Father: Toward the Philosophy of Women's Liberation*, 2nd ed. (Boston, 1985); eadem, *The Church and the Second Sex* (New York, 1968).

Для новозаветного периода наиболее важна работа Элизабет Шюсслер Фьоренца: Elizabeth Schüssler Fiorenza, *In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Christian Origins* (New York, 1983). Пример феминистской реконструкции см.: у Антуанетты Уайр (Antoinette Clark Wire) *The Corinthian Women Prophets: A Reconstruction Through Paul's Polemic* (Minneapolis, 1990). О ситуации II века см. более популярно изложенное и менее укорененное в феминистской теории изложение Элайн Пэджейлс: Elaine Pagels, *The Gnostic Gospels* (New York, 1979).

527

Мэри Дэли возражает тем, кто спором о принадлежности этого отрывка надеется оправдать апостола Павла; принадлежат ли эти слова ему или нет, они использовались и будут впредь использоваться для угнетения женщин (*Beyond God the Father*, p. 5). В то же время вопрос авторства важен для историков, так как если эти строки не принадлежат Павлу, то отношение к женщине, которое они санкционируют, возникло в общинах Павловой традиции на более позднем этапе.

528

Gordon G. Fee, *The First Epistle to the Corintians* (Grand Rapids, MI, 1987), pp. 699–708. Дополнительные свидетельства в поддержку необходимости исключить эти слова из текста см. Philip B. Payne, «Fuldensis, Sigla for Variants in Vaticanus, and 1 Cor. 14:34–35», *New Testament Studies*, xli (1995), pp. 240–262. Пейн утверждает, что (1) ученый переписчик VI в. по имени Виктор, отвечавший за сличение и правку рукописного текста Фульдской Вульгаты, признал стихи 14:34–35 неподлинными и прямо указал на это обстоятельство; (2) Климент Александрийский не знал этих строк; (3) переписчик Ватиканского кодекса пометил сиглой, напоминающей умлаут, на полях текста, что эти стихи отсутствовали в известных ему рукописях. (См. также вывод Дж. Миллера в конце прим. 464).

529

Оно называется более систематическим, поскольку и в более ранний период отношение к женщинам было иным, нежели к мужчинам; так от женщин требовалось покрывать голову во время молитвы или пророчества (1 Кор 11:2-10). Интересно, что аргументы Гордона Фи не были приняты Антуанеттой Уайр, современным феминистским историком, которая пытается реконструировать ситуацию в Коринфе (*The Corinthian Women Prophets*, pp. 229–232). О других тенденциях развития в раннехристианских общинах, см. Jouette M. Bassler, «A Widow's Tale: A Fresh Look at 1 Tim 5:3-16», *Journal of Biblical Literature*, ciii (1984), pp. 23–41.

530

B. Witherington, «The Anti-Feminist Tendencies of the ‘Western’ Text in Acts» *Journal of Biblical Literature,* ciii (1984), p. 82–84.

531

Это обозначение является вводящим в заблуждение анахронизмом, так как эти изменения не были направлены против феминисток представительниц современного интеллектуального течения.

W. Kannaday, *Apologetic Discourse and the Scribal Tradition* (Atlanta, 2004).

533

Исследование данного вопроса в перспективе раннехристианской апологетики см. Eugene Gallagher, *Divine Man or Magician: Celsus and Origen on Jesus* (Chico, CA, 1982).

534

См. Callagher, *Divine Man or Magician*.

535

Об этом можно заключить из ссылки Оригена на трактат Цельса, в контексте всей его полемики (о которой см. Gallagher, *Divine Man or Magician*); *Против Цельса*, vi, 36.

536

Более полное обсуждение вопроса см. Bart D. Ehrman, «A Leper in the Hand of Angry Jesus», *New Testament Greek and Exegesis: Essays in Honor of Gerald Hawthorne,* ed. by A. M. Donaldson and T. B. Sailors (Grand Rapids, MI, 2003), pp. 77–98.

537

Проницательное обсуждение вопроса и убедительный аргумент в пользу более сложного чтения, см. Joel Marcus, *Mark: A New Translation with Interpretation and Commentary* (New York, 2000).

538

В качестве одного примера среди множества подобных, можно привести опущенную фразу («Не обманывай») из списка заповедей в Мк 10:19.

539

Мк 6:34; 8:2.

540

См. Marcus, op. cit.

541

С точки зрения переписчика не имело смысла менять 5:41 в свете следующего за ним 5:43.

О происхождении раннехристианской аскетизма см. книгу Elizabeth Clark, *Reading Renunciation: Asceticism and Scripture in Early Christianity* (Princeton, 1999), в частности, литературу, приведенную в 1 главе.

543

См. Епифаний, *Панарион*, xxx, 13, 4–5.

544

Ценные замечания см. David A. Aune, «Magic in Early Christianity», *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, 2.23.2, pp.1506–1516.

545

Наиболее содержательный обзор с обширной библиографией дан в статье Она (Aune) (см. прим. 544). О роли магии в жизни и деятельности Иисуса см. в частности, провокационные исследования Мортона Смита (Smith): *Jesus the Magician* (San Francisco, 1978), и более подробное *Clement of Alexandria and a Secret Gospel of Mark* (Cambridge, MA, 1973). Интересное обсуждение того, как в Новом Завете изображается магия, см.: Susan R. Garret, *The Demise of the Devil: Magic and the Demonic in Luke's Wrightings* (Minneapolis, 1989). Наиболее свежие исследования обязаны своим появлением тому, что были опубликованы магические тексты грекоримского времени, см.: Hans Dieter Betz, ed., *The Greek Magical Papyri in Translation* (Chicago, 1968)).

546

Например, у Иоанна Златоуста, *Гомилии, 19.4;* см. R. Kaczynski, *Das Wort Gottes in Liturgie und Alltag der Gemeinden des Johannes Chrysostomus* (Freiburg-im-Breisgau, 1974).

547

Доказательства и примеры см. E. A. Judge and Wilbur Pickering, «The Magical Use of Scripture in the Papyri», in *The Perspectives on Language and Text*, ed. by Edgar W. Conrad and Edward G. Newing (Winona Lake, IN, 1987); Roberts, *Manuscript*, *Society*, *and Belief*, pp. 82–83. В оригинальном издании греческих магических папирусов Карл Прейзенданц из 107 имеющихся текстов 38 счел как христианские (Preisendanz, *Papyri Graecae Magicae*, 2nd ed. by A. Henrichs [Stuttgart, 1973]); согласно Джаджу (Jugde, op. cit., p. 341), 15 из 38 «сознательно используют материал, заимствованный из Писания».

548

См., в частности, упомянутую работу Джаджа и Пикеринга (прим. 64) и использованную ими библиографию.

549

Краткое описание: T. C. Skeat, «An Early Mediaeval ‘Book of Fate’: The Sortes XII Patriarcharum. With a note on ‘Books of Fate’ in General», *Mediaeval and Renaissance Studies*, iii (1954), pp. 41–54. О *Sortes Astrampsychi* см.: G. M. Browne, «The Composition of the *Sortes Astrampsychi*», *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, xvii (1970), pp. 95-100; основную библиографию см. idem, «The Sortes Astrampsychi and the Egyptian Oracle», *Texte und Textkritik: Eine Aufsatzsammlung*, ed. by Jürgen Dummer (Berlin, 1987), p. 71.

550

Более широкие вопросы, касающиеся пророчеств в раннем христианстве в связи с дивинациями и оракулами греко-римского мира см., в частности: David E. Aune, *Prophecy in Early Christianity and the Ancient Mediterranean World* (Grand Rapids, MI, 1983).

551

К сожалению, этот лист пергамена сейчас утрачен, но фон Зоден описал его как содержащий *hermeneia*, написанную красными чернилами *(Die Schriften des Neuen Testaments*, i [Berlin, 1902], p. xi).

Помимо этих 8 рукописей, девятая (p[60]), возможно, тоже содержала ἑρμηνεῖα, которую не сохранила по причине фрагментированного состояния. Описание 12 фрагментов рукописи Евангелия от Иоанна VI века на саидском диалекте коптского языка, снабженной ἑρμηνεῖα на греческом см.: W. E. Crum, *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, xxvi (1904), pp. 174–176.

553

Список 69 апофтегм см.: Frederick H. [A.] Scrivener, *Bezae Codex Cantabrigiensis* (Cambridge, 1864; repr. Pittsburgh, 1978), pp. 451–452; репродукции листов Евангелия от Марка в этом кодексе см. H. J. Vogels, *Codicum Novi Testamenti specimina* (Bonn, 1929), переиздано H. Zimmerman, *Neutestamentliche Methodenlehre* (Stuttgart, 1968).

554

Византийская «книга судеб» (Ῥικτολόγιον) сохранилась в двух экземплярах, представляющих собой перечень из 38 коротких отрывков из четырех Евангелий, начинающийся с Ин 1.1, каждый из которых сопровождается «жребием», предваренным словом ἑρμηνεῖα. (См. E Drexl, «Ein griechischen Losbuch», *Byzantinische Zeitschrift*, xli [1941], pp. 311–318).

555

См. B. M. Metzger, «Greek Manuscripts of John's Gospel with 'Hermeneiai'» in *Text and Testimony, Essays on New Testament and Apocryphal Literature in Honour of A. F. J. Klijn*, ed. by Tj. Baarda et al. (Kampen, 1988), pp. 162–169. Сверх того, сведения из армянских и греческих рукописей была предоставлена B. Outtier, «Les Prosermeniai du Codex Bezae», in *Codex Bezae; Studies from Lunel Colloquium June 1994*, ed. D. C. Parker and C.-B. Amphoux (Leiden, 1996), pp. 74–78.

556

Приведенный пример упрощен. На самом деле существуют как минимум три варианта текста, возникшие благодаря разным издателям и печатникам. Кроме чтения «отчаянно туго» («desperately hard»), другие экземпляры читают «чрезвычайно туго» («extremely hard») и «очень туго» («very hard»). Для установления аутентичности текста следует обратиться к сделанной Джеймсом Уэри колляции первых 11 изданий романа (John Bunyan. The Pilgrim's Progress from tlus World to the World to Come ed. by James Wharey [Oxford, 1928]), все они дают чтение «чертовски туго» («damnable hard»).

557

О том, какие тенденции можно проследить в работе переписчиков см.: James R. Royse, «Scribal Habits in the Transmission of New Testament», in *The Critical Study of Sacred Texts*, ed. by W. D. O'Flanerty *(Berkeley Religious Studies Series;* Berkeley, 1979), pp. 139–161; idem, «Scribal Tendencies in the Transmission of the New Testament», *The Text of the New Testament in Contemporary Research: Essays on the* Status Quaestionis, ed. by Bart D. Ehrman and Michael W. Holmes (Grand Rapids, MI, 1995), pp. 239–252; Peter N. Head, «Observations on Early Papyri of Synoptic Gospels, especially on the 'Scribal Habits'», *Bíblica*, lxxi (1990), pp. 240–247.

558

B. F. Westcott and F. J. A. Hort, *The New Testament in the Original Greek*, ii (London, 1881; 2nd ed. 1896), p. 27.

559

Обзор некоторых сюжетов см.: Jacobus Petzer, «Author's Style and the Textual Criticism of the New Testament», *Neotestamentica*, xxiv (1990), pp. 185–197.

560

Adalbert Merx, *Die vier kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte*, Zweiter Teil, *Erläuterungen* (Berlin, 1902, 1905, 1911).

561

Adolf von Harnack, *Zur Revision der Prinzipien der neutestamentlichen Textkritik: die Bedeutung der Vulgata für den Text der katolischen Briefe und der Anteil des Hieronimus an dem Übersetzungswerk (Beiträge zur Einleitung in das Neue Testament*, 7. Teil, Leipzig, 1916); idem, «Studien zur Vulgata des Hebräerbriefs», *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie*, 1920, pp. 179–201 (*Studien zur Geschichte des Neue Testament und der Alten Kirche*, i, ed. by Hans Lietzmann [Berlin, 1931], pp. 191–234).

562

См., например: Michael Hetzenauer *De recognitione principiorum criticae textus Novi Testamenti secundum Adolfum de Harnack* (Ratisbonae, 1921; repr. from *Lateranum*, 1920, no. 2); J. Belser, «Zur Textkritik der Schriften des Johannes», *Theologische Quartalschrift*, xcviii (1916), pp. 145–184.

563

Хаусмен (Housman) высмеивал таких текстологов: «У нас не должно быть одного излюбленного метода. Текстолог с одним методом подобен врачу с одним лекарством. Не зная о нас, переписчики беспокоились о наших вкусах не более, чем болезни заботятся о вкусах докторов. Они допускали ошибки не однотипные, а разные, поэтому и средства к их исправлению тоже должны быть разными» (Housman A. E. ed, *M. Manilii Astronomicon, liber primus* [Cambridge, 1903], pp. liii f.).

564

Теоретически в койне могли сохраниться ранние чтения, исчезнувшие во всех остальных типах текста, но такие случаи крайне редки (один пример приведен на стр. 367–368). См. Harry Sturz, *The Byzantine Text Type and New Testament Textual Criticism*, 2nd ed. (Nashville, 1984). Обзор предыдущих оценок, предложенных для подобных чтений см. в главе о лукиановой рецензии B. M. Metzger, *Chapters in the History of the New Testament Textual Criticism* (Grand Rapids, MI, 1963), pp.1-41.

565

О так называемом споре вокруг «текста большинства» см. О возникновении византийской традиции см. Klaus Wachtel, *Der byzantinische Text der katholischen Briefe: eine Untersuchung zur Entstehung der Koine des Neues Testaments* (Berlin, 1995).

566

См. E. C. Colwell, «Method in Establishing the Nature of New Testament Manuscripts», in *Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament* (Grand Rapids, MI, 1969), pp. 44–55, в особенности p. 55 f.

567

Византийский тип текста Книги Откровения менее однороден, чем тексты других книг Нового Завета, так как Греческая православная церковь никогда не включала чтения из Апокалипсиса в свою лекционарную систему, оказавшую в Византии стабилизирующее влияние на текст других новозаветных книг.

568

Более полные описания каждого из этих трех типов текста, предшествовавших койне, равно как и списки свидетелей текста, поддерживающих каждый тип в разных разделах Нового Завета (Евангелия, Деяния, Павловы послания, Соборные послания и Откровение), см.: M.-J. Lagrange, *Critique textuelle*, ii, *La Critique rationnelle* (Paris, 1935). Несколько иные списки можно найти в предисловии к изданию Августа Мерка (Merk) *Novum Testamentum graece et latine*, 8th ed. (Roma, 1957).

569

См., например, James Hardy Ropes, *The Text of Acts (The Beginnings of Christianity*, part i, vol. iii; London, 1926), pp. viii ff., и W. H. P. Hatch, *The «Western» Text of the Gospels* (Evanston, 1937). Роупс считает, что подготовка западного типа текста была составной частью для формирования первичного новозаветного канона.

Б. Аланд («Entstehung, Charakter und Herkunft des sog. Westlichen Textes untersucht an die Apostelgeshichte», *Ephemerides theologicae Lovanienses*, lxii [1985], pp. 51–65) предполагает, что данная форма (или формы) текста пережили в своем развитии три стадии. Во II веке переписчики внесли интерполяции, пропуски или изменения в текст Деяний, которые далее стали развиваться в направлении западного типа. Во первой половине III (?) века редактор исправил рукопись, содержащую форму текста, сформировавшегося на первой стадии, в результате чего получился текст с «типично западными» чертами. На третьей стадии редакторский экземпляр был скопирован разными людьми в более или менее свободной манере.

571

Мнение Курта Аланда («Alter und Entstehung des D-Textes im Neuen Testament; Betrachtung zu P69 und 0171», *Miscellànea papirològica Ramon Roca-Puig*, ed. by Sebastià Janeras [Barcelona, 1987], pp. 37–61), полагавшего, что эта форма текста возникла только во второй половине III века, противоречит свидетельствам отцов и других текстуальных типов. См., например, Bart D. Ehrman, «Heracleon and the 'Western' Textual Tradition», *New Testament Studies*, xl (1994), pp. 161–179.

C. M. Martini, «La Tradition textuelle des Acts des Apôtres et les tendences de l’église ancienne», *Les Actes des Apôtres; Traditions, rédaction, théologie*, ed. by J. Kremer (Lueven, 1979), p. 34. О различии между оригинальными и вторичными западными чтениями см.: G. Zuntz, «On the Western Text of the Acts of the Apostles», *Opuscula selecta* (Manchester, 1972), pp. 189–215; J. Neville Birdsall, «The Western Text in the Second Century», *Gospel Traditions in the Second Century*, ed. by William L. Petersen (Notre Dame, 1989), pp. 3-17.

573

См. Philip Burton, *The Old Latin Gospels: A Study of Their Texts and Language* (Oxford, 2000).

574

По-видимому, Соборные послания и Книга Откровения не имеют типично западной формы текста.

575

См., особенно прим. 464.

576

Lagrange, op. cit., pp. 163 ff.

577

См. Alexander Globe, «Serapion of Thmuis as a Withness to the Gospel Text Used by Origen of Caesarea», *Novum Testamentum*, xxvi (1984), pp. 126 f. По мнению Глоуба, цитаты у Серапиона свидетельствуют о том, что в IV в. в египетском захолустье употреблялась форма текста, поразительно похожая на ту, что была использована Оригеном на 100 лет раньше в Кесарии. И действительно, в тех случаях, когда мы можем сравнить двух авторов, текст Серапиона оказывается даже ближе к тексту Оригена, чем текст Евсевия, писавшего в Кесарии в IV в.

578

Larry W. Hurtado, *Text-Critical Methodology and the pre-Caesarian Text: Codex Win the Gospel of Mark* (Grand Rapids, MI, 1981), p. 88.

579

Об истории изучения кесарийского типа евангелий см. Metzger, op. cit., pp. 42–72.

580

Christian-B. Amphoux, «Le texte évangélique de Césarée et le type de texte ‘Césaréen’ des Evangiles», *Filóloga Neotestamentaria*, xii (1999), pp. 3-16. Амфу заключает, что «так называемый „кесарийский“ тип текста отнюдь не совпадает с текстом, которым пользовались в Кесарии — таков результат назначения текстуальным типам Нового Завета географических обозначений» (Более подробное содержание см. *New Testament Abstracts*, clv [2001], pp. 232–233).

581

Hurtado, op. cit., pp. 88 f.

582

См. G. Zuntz, *The Text of the Epistles, a Disquisition upon the* Corpus Paulinum (London, 1953), pp. 272–276.

583

См. C. L. Porter, «Papyrus Bodmer XV (p^{75}) and the Text Codex Vaticanus», *Journal of Biblical Literature*, lxxxi (1962), pp. 363–376; Kurt Aland, «Neue neuetestamentlische Papyri», *New Testament Studies*, xi (1964–1965), pp. 5-21; *New Testament Studies*, xii (1965–1966), pp. 195–210 (перепечатано с добавлениями в *Studien zur Überlieferung des Neuen Testaments und seines Texts* [Berlin, 1967], pp. 155–172); Carlo M. Martini, *Il problema della recensionalità del codica B alla luce del papiro Bodmer XIV* (Rome, 1966); Gordon D. Fee, «p^{75}, p^{76} and Origen: The Myth of Early Textual Recension in Alexandria», in *New Dimensions in New Testament Studies*, ed. by Richard Longenecker and Merril Tenney (Grand Rapids, MI, 1974), pp. 19–45.

584

Определение «первичных» и «вторичных» александрийских свидетелей и их внутренних взаимосвязей см.: Bart D. Ehrman, *Didymus the Blind and the Text of the Gospels* (Atlanta, 1986), особенно pp. 262–267.

585

Сказанное относится и к Ин 1:1–8:38 Синайского кодекса, где текст относится к западному типу.

586

См. A. E. Housman, «The Application of Thought to Textual Criticism» *Proceedings of the Classical Association, August, 1921*, xvii (London, 1922), pp. 68–69. (Данная статья более доступна в переиздании избранных критических работ Хаусмена: A. E. Houseman, *Selected Prose*, ed. by John Carter (Cambridge, 1961), pp. 131–150.)

587

См. также Elizabeth G. Edwards, «On Using the Textual Apparatus of the UBS Greek New Testament», *The Bible Translator,* xxviii (Jan. 1977), pp. 121–142.

588

Значимым исследованием в этой области продолжает оставаться книга: Ulrich Becker. *Jesus und die Ehebrecherin* (Berlin, 1963).

589

Дидим Слепец (IV век) однако, ссылается на эту или подобную историю, прочитанную «в одном из евангелий». Подробное исследование со ссылками на другие ранние патристические источники, см. Bart D. Ehrman, «Jesus and the Adultress», *New Testament Studies*, xxxiv (1988), 24–44.

590

О гипотетической реконструкции различных форм данной истории в разных частях церкви, см. ibid., pp. 34–38.

591

См. David C. Voss, «The Sins of Each of Them», *Anglican Theological Review*, xv (1933), pp. 321–323.

592

О происхождении данной перикопы и причинах столь позднего ее включения в канонический текст см. Harald Riesenfeld, «The Pericope de adultera in the Early Christian Tradition», *The Gospel Tradition* (Philadelphia, 1970), pp. 95-110.

593

Этот текст лежал в основе Библии короля Иакова, Пересмотренного перевода (Revised Version, 1881) и Американской стандартной Библии (American Standard Version) (1901), переводчики всех трех употребляют курсив, чтобы обозначить для читателей слова, добавленные по смыслу: «… не был еще *дан*». Однако ни Пересмотренный Стандартный перевод (Revised Standard Version), ни Новая английская Библия (New English Bible) в этом случае курсивом не пользуются, поэтому использование глагольной формы «дан» в этих двух переводах можно считать результатом либо вольного перевода, либо выбора вторичного чтения в качестве базового текста.

594

Среди более новых исследований см. Paul L. Danove, *The End of Mark's Story: A Methodological Study* (Leiden, 1993), pp. 120–125; David C. Parker, *The Living Text of the Gospels* (Cambridge, 1998), pp. 124–147.

595

Подробнее о коптских версиях см. P. E. Kahle, *Journal of Theological Studies*, n.s., ii (1951), pp. 49–57.

Уильям Фармер попытался объяснить отсутствие последних 12 стихов у Мк в некоторых ранних рукописях, предположив, что они были выброшены в течении II в. александрийскими писцами, которые находили неудобным упоминание о взятии змей и питье яда в стихе 18, а потому решили применить практику, бывшую в ходу у александрийских ученых — толкователей Гомера, и один за другим выбросили все 12 стихов (William R. Farmer, *The Last Twelve Verses of Mark* [*Society for New Testament Studies: Monograph Series*, xxv; Cambridge, 1974]). Но это объяснение неудовлетворительно: (1) Фармер неверно понял работу александрийских филологов, которые обычно не выбрасывали стихи из гомеровского эпоса, но лишь атетировали строку или строки, считавшиеся не аутентичными; (2) нет убедительного объяснения, почему александрийские христиане не ограничились двумя неудобными фразами в стихе 18, а исключили все 12 стихов и (3) полностью неправдоподобно предположение, что сокращенный таким образом александрийский текст мог привести к появлению одинаково короткого варианта в столь разных и географически отдаленных версиях, как древнейшая латинская, сирийская, саидская, армянская и грузинская. Даже в самом страшном сне не может присниться, что кто-то берется утверждать, будто все они отражают одно и тоже гипотетически переделанное в Александрии сокращение текста.

597

Так считает Й. Шеферс (Joseph Schäfers): *Biblische Zeitschrift*, xiii (1915), pp. 24–25.

598

См. например, J. M. Creed, *Journal of Theological Studies*, xxxi (1932), pp. 175–180; Ernst Lohmeyer, *Das Evangelium des Markus* (Göttingen, 1937), pp. 356–360; N. B. Stonehouse, *The Witness of Matthew and Mark to Christ* (Philadelphia, 1944), pp. 86-118; A. M. Farrer, *The Glass of Vision* (London, 1948), pp. 136–146; H. R. Lightfoot, *The Gospel Message of St. Mark* (Oxford, 1950), pp. 80–97, 106–116. Современное мнение о попытках осознать буквальное литературное значение короткого окончания см. J. F. Williams, «Literary Approaches to the End of Mark's Gospel», *Journal of the Evangelical Theological Society*, xlii (1999), pp. 21–35.

599

Наиболее свежая работа, в которой доказывается, что краткое окончание Евангелия от Марка (а также и его начало!) было утеряно: N. Clayton Croy, *The Mutilation of Mark's Gospel* (Nashville. 2003).

600

Практически все ученые, критически исследовавшие и комментировавшие текст Евангелия от Марка, единодушно отвергают для этих стихов авторство Марка. Обычно выдвигаемые аргументы хорошо суммированы в монографии: Clarence R. Williams, *The Appendices to the Gospel according to Mark: A Study in Textual Transmission* (*Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*, vol. xvii; New Haven, 1915). В XIX столетии сделаны две серьезные попытки защитить подлинность пространного чтения: J. W. Burgon, *The Last Twelve Verses of the Gospel According to St. Mark Vindicated* (London, 1871; repr. 1959), и J. P. P. Martin, *Introduction à la critique textuelle du Nouveau Testament: Partie Pratique*, vol. ii (Paris, 1884). Недавно попытка реабилитировать эту точку зрения была сделана M. van der Valk, «Observation on Mark 16, 9-20 in Relation to St. Mark's Gospel», *Humanitas*, n.s., vi-vii (1958), pp. 52–95. Эта работа — пример того, как не следует заниматься текстологией. Отказываясь почти ото всякого обсуждения внешних рукописных свидетельств, ван дер Валк предается более или менее неуместным рассуждениям, цель которых заранее сформулирована и предопределена. См. также прим. 596.

601

См. Claus-Hunno Hunzinger, «Neues Licht auf Lc. 2.14», *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xliv (1952–1953), pp. 85–90; idem, «Ein weiterer Beleg zu Lc. 2.14 ἄνθρωποι εὐδοκίας», *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, xlix (1958), pp. 129–131; Cp. Ernest Vogt, «‘Peace among Men of God’s Good Pleasure’ Lk. 2.14», in *The Scrolls and the New Testament*, ed. by K. Stendahl (New York, 1957), pp. 114–117.

602

F Zimmer, *Der Text der Thessalonicherbriefe* (Quedlinburg, 1893), Помимо этой монографии, Фридрих Циммер отстаивал свою точку зрения в посвященном Бернхарду Вайссу юбилейном сборнике *Theologische Studien* (Göttingen, 1897), pp. 248–273, в особенности 264–269.

603

Обратная ошибка — написание ἤπιος вместо νήπιος также эпизодически встречается в отдельных рукописях, а именно, в A Еф 4:14 и в Евр 5:33.

604

О том, к каким последствиям для понимания Павла приводит принятие этой метафоры, см. Abraham Malherbe, «‘Gentle as a Nurse’: The Cynic Background to 1 Thess ii», *Novum Testamentum*, xii (1970), pp. 203–217. Аргументы в защиту другого чтения см. Beverly Gaventa, «Apostles as Babes and Nurses in 1 Thessalonians 2:7», in *Faith and History: Essays in Honor of Paul W. Meyer*, ed. by John T. Carroll, Charles H. Cosgrove, and Elizabeth Johnson (Atlanta, 1990), pp. 193–207; Jeffrey Weima, «‘But We Became Infants Among You’: The Case of NHPIOI in 1 Thess 2.7», *New Testament Studies*, xlvi (2000), pp. 547–564.

605

Julius Wellhausen, *Einleitung in die drei ersten Euangelien*, 2te Aufl. (Berlin, 1911), p. 9.

606

Heinz Schürmann, *Der Paschamahlbericht Lk. 22, (7-14) 15–18* (Münster, 1953), p. 35, Anm. 154.

607

Joachim Jeremias, *Die Abendsmahlworte Jesu*, 3te Aufl. (Göttingen, 1960), pp. 174 f.; англ, пер.: *The Eucharistic Words of Jesus* (London, 1966), p. 183.

608

Matthew Black, *An Aramaic Approach to the Gospel and Acts*, 2nd ed. (Oxford, 1954), pp. 214 f.; 3rd ed. (1967), pp. 279 f.

609

См., например, Ezra Abbott, «On the Reading ‘Church of God’, Acts xx. 28», *Bibliotheca Sacra*, xxxiii (1876), pp. 313–352 (переиздано в книге *The Authorship of the Fourth Gospel and Other Critical Essays* [Boston, 1988], pp. 294–331); Charles E De Vine, «The ‘Blood of God’ in Acts 20:28», *Catholic Biblical Quarterly*, ix (1947), pp. 381–408; также критические комментарии к отрывку и обсуждение вопроса Хортом: *The New Testament in the Original Greek*, ii *Appendix*, pp. 98-100.

610

См. Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture: The Effect of Christological Controversies on the Text of the New Testament* (New York, 1993), pp. 87–88.

611

James Hope Moulton, *A Grammar of New Testament Greek, i*, *Prolegomena*, 3rd ed. (Edinbourgh, 1908), p. 90.

612

Чтение θεοῦ поддерживают Весткотт и Хорт, Вайсс, Фогельс, Мерк, Бовер, фон Гарнак *(Beiträge*, iv, p. 330), Джексон и Лейк *(Beginnings of Christianity*), Мак-Грегор (*Interpreter's Bible*), Брюс *(Acts)*, Уильямс (Harper’s [=Black’s] *New Testament Commentaries)*, Де Вине и Эрман.

613

Осторожность, с которой выражается предположение, заключается в разногласии между теми, кто, как Беар (F. W. Beare) в *Interpreter's Bible*, считают, что выражение τοῦ θεοῦ Χριστοῦ слишком сложно для автора, и что какая-то примитивная ошибка должна была появиться в самом раннем из дошедших до нас текстов.

614

Другое рассуждение об этом фрагменте см. в замечаниях Генриха Гривена (Greeven) в *New Testament Studies*, vi (1960), pp. 295 f., где он иным путем приходит к такому же выводу.

615

Cм. Joseph Molitor, *Der Paulustext des hi. Ephrärn aus seinem armenisch erhaltenen Paulinenkommentar* (Rome, 1938), p. 112.

* Так же в церковнославянском печатном тексте и в русском Синодальном переводе.

617

B. Weiss, *Textkritik der paulinischen Briefe* (*Texte und Untersuchungen*, xiv (3); Leipzig, 1896), pp. 13 f. Примечательно, что Весткотт и Хорт не считают нужным в этом случае следовать знаменитой рукописи.

618

Это саидская рукопись Британского музея Or 7594, датируемая IV в., см. прим. 184.

619

Addenda к 8 изданию Тишендорфа (как сообщает Грегори в *Prolegomena*, p. 1281) свидетельствует, что переписчик B начал писать предлог ἀπό, но затем изменил его на εἰς.

620

Хорт (Westcott and Hort, *The New Testament in the Original Greek*, p. 94) предполагал, что во фрагменте изменен порядок слов, так отделяя εἰς Ἰερουσαλήμ от ὑπέστρεψαν и переставляя слова в следующем порядке: ὑπέστρεψαν πληρώσαντες τὴν εἰς Ἰερουσαλήμ διακονίαν получаем «они вернулись, исполнив служение в Иерусалиме». Ж. Дюпон посвятил этому стиху весьма подробное исследование, выводом которого стало предположение, что предлог εἰς можно сохранить, устранив при этом всю смысловую неясность, если после основного глагола будет поставлена запятая (ὑπέστρεψαν, εἰς Ἰερουσαλὴμ πληρώσαντες τὴν διακονίαν); см.: J. Dupont, «La Mission de Paul ᾶ Jérusalem' (Actes xii. 25)», *Novum Testamemum*, i (1956), pp. 275–303.

621

Ф. Кеньон ошибочно сообщает о свидетельстве p^{45} как поддерживающем число 72 (ο̅ϐ̅). Брюс Мецгер проверил этот фрагмент в p^{45} при естественном и искусственном освещении и убедился лично, что греческая буква, следующая за омикроном, не что иное, как знак дипле (διπλῆ)или заполнитель промежутка (>), который переписчик использовал иногда для того, чтобы завершить короткую строку вровень с правым полем колонки. Впрочем, изучив изданный Кеньоном альбом изображений p^{45} всякий может увидеть сходство между спорным знаком и дипле, стоящей на том же листе ближе к началу колонки. Более полное обсуждение сюжета (в том числе и предложенного Робертсом чтения 76 — ο̅ζ̅), см.: B. M. Metzger, «Seventy or Seventy-two Disciples?», *New Testament Studies*, v (1959), pp. 299–306, на основе которого свидетельство p^{45} в издании Греческого Нового Завета Нестле 1960 г. было скорректировано. Другие публикаторы Греческого Нового Завета продолжают повторять ошибку кеньоновского издания p^{45}.

622

О многих других примерах из еврейских источников, содержащих числа 70 и 72, см. B. M. Metzger, «Seventy or Seventy-two Disciples?»

623

См. J. Jeremias в Kittel, *Theological Dictionary of the New Testament*, iv, pp. 867–873.